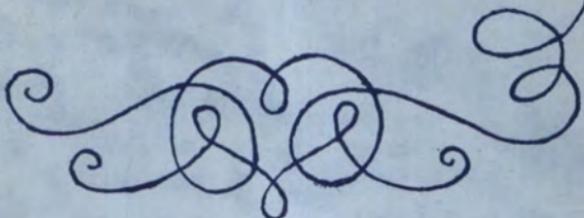

ИТАМАНЬЕ

ОПЕЧЕСТВО

* YMCA-PRESS *
PARIS

Т. ТАМАНИНЪ

ОТЕЧЕСТВО

ПАРИЖЪ

**Copyright, 1933, by YMCA PRESS,
Printed in France.**

« *Qu'on s'attaque à son corps,
à son honneur, à ses biens,
à la bonne heure !
Jésus en tirera sa gloire.
Mais à son âme, non pas...
Il saura la défendre contre
le monde entier et même
contre tout l'enfer réuni. »*

*Ste-Thérèse d'Avila
(Le Château Intérieur)*

ГЛАВА I.

Послѣдніе дни, какъ стемнѣеть, я зажигаю маленькую керосиновую лампу, сажусь на диванъ и играю на скрипкѣ. Это нелѣпо, потому что скрипка не доставляетъ мнѣ ни малѣйшаго удовольствія. Я едва слышу, что играю — обыкновенно какой то старый кислый вальсъ. Играю плохо, постоянно беру фальшивыя ноты, и мнѣ это тоже все равно. Лишь бы звуками всколыхнуть тишину...

Старуха сидить на кухнѣ впотьмахъ. Я ей керосина не даю ни капли: у меня у самого мало, а ей гдѣ же его купить... Она дремлетъ въ темнотѣ. Я слышу, какъ она тяжело сопитъ. Потомъ она начнетъ пить воду изъ подъ крана, навѣрно прольетъ ковшъ, будетъ ворчать, шлепать туфлями и отдуваться, натыкаясь на табуретки...

Старуху мнѣ не жалко. Сколько разъ я провѣрялъ себя: жалко? Нѣтъ. Правда, я говорю ей: «Вы бы въ лѣчебницу сходили, насчетъ одышки бы вашей спросили». Я иногда ей даже дарю какую нибудь ничтожную вещицу. Подарилъ недавно швейцарскій колокольчикъ съ Шильономъ, стѣнной градусникъ и складную удочку — говорю: «продайте». Но это лишь видимость одна. Мнѣ ее не жаль. Я знаю, она скоро умретъ. Кажется, я даже думаю: когда же? Мнѣ вообще больше никого не жаль.

Сегодня я видѣлъ, какъ ломовой бить издыхавшую лошадь. Почему то (съ Достоевскаго у насть это повелось) подобное происшествіе якобы самое душу разди-

рающее зрелище. Изыхающие лошади и туберкулезные мальчики... Это преувеличение. Я очень хорошо все примирилъ: при каждомъ ударѣ поджимались заднія ноги, переднія вытягивались, а хвостъ ползъ изъ стороны въ сторону. Я даже пенснѣ надѣлъ и до конца бы простоялъ, да вспомнилъ, что придетъ Гнѣздинъ, онъ же «Юматовъ».

Гнѣздинъ приходитъ, садится ногу на ногу и начинаетъ рассказывать о своемъ геройствѣ. Прошлый разъ онъ ночевалъ въ притонѣ на Выборгской сторонѣ, а въ коридорѣ встрѣтился съ тѣмъ человѣкомъ, который его преслѣдуетъ по пятамъ. Онъ приставилъ врагу револьверъ ко лбу — и ускользнулъ... «Четырнадцатый побѣгъ и двадцать седьмое присутствіе духа». Онъ сосчиталъ!

Гнѣздинъ глупъ, самоувѣренъ и противно хвастливъ. Онъ, навѣрное, биль денщиковъ, не платилъ портному и щекоталь горничныхъ. Я радъ, когда онъ уходитъ. Вообще не знаю, зачѣмъ я передаю пакеты, зачѣмъ принимаю Гнѣздину. Раньше я интересовался, разспрашивалъ его, а теперь лишь жду, когда онъ вынетъ портсигаръ и угоститъ хорошей финской сигарой. Гнѣздинъ мнѣ надоѣлъ и пакеты тоже. Содержанья ихъ я не знаю. Гнѣздинъ увѣряетъ, что тоже не знаетъ. «Меня это не касается. Я исполняю повелѣніе начальства» — и онъ щелкаетъ несуществующими шпорами.

Сегодня онъ сказалъ мнѣ: «Вы двадцать пятое звено изъ шестидесяти четырехъ. Помните одно: если двадцать четвертое — я, или двадцать шестое — та, на Надеждинской, попадемся, вы должны «выходить».

Цѣль изъ шестидесяти четырехъ... какъ это глупо! Можетъ быть, и не глупо, но мнѣ ни звеньевъ, ни цѣпей сейчасъ не нужно.

Я цѣлый день лежу и курю махорку. У меня глаза уже болятъ отъ дыма. Потомъ я иду къ Софѣ. Послѣ нашего развода я съ ней не видался, но потомъ, когда

началось дѣло съ «цѣпью», стала бывать. Она замужемъ и очень близка сейчасть къ властямъ. Софья болтлива и по-бабы добра: покупаетъ мои вещи, платить наличными и не торгуется. Я хожу къ ней только изъ-за вѣщей. Въ «цѣпи» говорю, что Софья мнѣ ничего не сообщаетъ. Это вѣрно, потому что я ее теперь ни о чемъ и не спрашиваю. Но я никогда, ни разу, у нея не пиль, не ъль — это тоже вѣрно.

Если не къ Софье, я хожу на Воскресенскую набережную. Тамъ воздуху много, и людей не видно. Я очень радъ, когда людей нѣть. Люди говорятъ и двигаются всегда съ цѣлью: въ домъ, на службу, въ лавку, изъ лавки на трамвай... а эта способность сознавать цѣли и погубить человѣчество.

На набережной я сажусь на заваленку заколоченного дома, неподалеку отъ городской водокачки. Кругомъ ни души. Трава желтая. Булыжники пыльные. Барки по поясъ затонули, пристани тоже. Нева плыветъ широченная. Въ небѣ пусто... Я сижу и тросточкой постукиваю по камнямъ. Тросточку я въ шестнадцатомъ году въ Москвѣ купилъ. Набалдашникъ — голая нимфа. Когда на трость опираешься, — вся нимфа въ рукѣ. Вотъ мы съ нимфой и сидимъ до сумерекъ... потомъ — домой.

Я сплю плохо, просыпаюсь часто, курю. Софья вчера сказала: «У тебя видъ странный какой-то... Здоровъ?» — «Здоровъ, Соничка», Такъ и сказаль: «Соничка», — нарочно сказаль, потому что она мнѣ совсѣмъ чужая стала. Софья покраснѣла и притворно засмѣялась: «Глупости какія...»

Да, я здоровъ, то-есть, конечно, какъ всѣ — не совсѣмъ. Я ъмъ, голоднымъ не бываю. Когда исторію революціи писать будуть, непремѣнно выйдетъ такъ, что всѣ были несчастны и умирали съ голоду, всѣ, до послѣдняго. Это невѣрно. Я не умиралъ и больнымъ тогда не былъ, но я хотѣлъ быть очень-очень больнымъ. Сколько разъ

я думалъ: хорошо бы — жарь. Въ жару образы въются, путаница и чушь, а дѣйствительности нѣть. Я умереть не хочу, но чтобы — помутненное сознаніе... Умирать я не желаю, это несомнѣнно, но когда я думаю, что же я буду дѣлать, если вдругъ все по-старому будетъ — право, не знаю. Надо будетъ должностъ искать, опять всѣ старыя рукописи вытащить. Я работенку на дипломное сочиненіе написалъ: «О налогахъ по кодексу Юстиніана», страницъ семьдесятъ печатныхъ бы вышло. Только вчера я ее сжегъ, и не то что изъ нужды печку растопить (я печку старыми газетами растапливаю), а просто сѣль вчера передъ плитой — и конецъ! Да, службу надо было бы достать, ну, въ гости ходиль бы, въ театры, на дачу бы ъездилъ, женился... Я бы могъ въ учителя пристроиться или въ чиновники какого-нибудь министерства, а можетъ быть, и въ помощники присяжнаго повѣреннаго. Для всякаго общественнаго дѣла нужно честолюбіе. Когда я о «налогахъ» писалъ, я, правда, мечталъ о профессурѣ: какъ студенты ко мнѣ въ аудиторію набыются и, вытянувъ шеи, слушать будуть, слова не проронять. Ну, а теперь никому знаній своихъ отдавать я не желаю. Пусть каждый самъ надъ книгами голову ломаетъ.

А все-таки умирать я не хочу...

Сознаю ясно — въ послѣдней точкѣ дѣло, той послѣдней точкѣ, когда глаза подъ лобъ закатываются. Мысль объ этой секундѣ мнѣ невыносима...

Вчера на дворѣ встрѣтилъ Фонарева. Онъ съ мѣсяцъ, какъ въ домъ переѣхалъ. Разбитной, чубъ изъ-подъ военной фуражки, зубы бѣлые — весь такъ и играетъ отъ власти. Я къ нему на квартиру какъ-то разъ по телефону звонить ходиль, тутъ-то онъ и узналь, что Соня мнѣ свой человѣкъ. Съ тѣхъ поръ любезности всякия и пошли. Вчера — приглашеніе: на пирогъ именинныи, въ воскресенье. Я отвѣтилъ: «благодарю васъ, ничего не имѣю противъ», а вечеромъ старуха мнѣ сказала, и ее

звали — посуду мыть. «Дарья ихъ приходила, говоритъ: подсоби, бабушка... Я ей и говорю: развѣ тебя, Дашенька, пожалѣю, а то я вѣдь всю свою жизнь только послѣ господѣ убирала, и хлѣбъ-соль твоихъ хлюстовъ мнѣ и вѣ горло не пойдетъ...»

Старуха къ Пасхѣ, какъ кирпичъ на голову, мнѣ свалилась. Вѣ комитетѣ заявили: «берите ее, вѣсъ никакая протекція не спасетъ, иначе почтальонъ съ семьей изъ тридцать первого вѣдѣтъ, а у него жена къ Петрову дню родить, вѣмъ же возня». Такъ она и вѣхала.

Живемъ мы съ ней пятый мѣсяцъ, и она все свое... Какъ она у господѣ своихъ служила, какъ ее, полумертвую отъ страха, на возу, подъ сѣномъ, сердобольный кузнецъ на станцію привезъ, какъ вся княжеская семья безслѣдно исчезла... Разъ двадцать мнѣ это рассказывала.

Я тоже раньше, какъ старуха, за прошлое хватался и къ сердцу все принималъ. Случалось, ночей не спалъ, мучился, бѣгалъ къ свѣдущимъ людямъ, спрашивалъ — какъ быть? Спасать Россію все хотѣль.

Вотъ невидаль — государство! Ихъ вѣ исторіи были сотни, и всѣ вѣ свой часъ проваливались. Не все ли равнѣ — человѣку ли конецъ, народу ли? Конечно, я никому этого не говорю. Внѣшне я — какъ всѣ; даже словъ иногда не подберу, до того обо всемъ рѣзко отзываюсь. Но только это ложь. Мнѣ всѣ люди одинаково, математически-тождественно, безразличны стали. Я даже на обликъ человѣческій безъ скуки смотрѣть не могу. Настоящаго, злущаго отвращенія у меня нѣтъ, а лишь скука, но какая-то особенная.

Раньше я другой былъ. Все меня вѣ жизни, точно огнемъ, обжигало. Я чуть не застрѣлился, когда Софья мнѣ про своего инженера сказала, и не потому, что я Софью такъ ужъ любилъ, а потому что очень я вѣ нее вѣрилъ. А она все это затѣяла, когда я вѣ самомъ пеклъ, на Стыри, съ отрядомъ сидѣлъ. Тогда меня моро-

зомъ и хватило. Потомъ эти событія барабанныя меня закрутили-закрутили, я въ «цѣпь» ввязался, полный шкапъ ружей хранилъ, шифромъ съ Гельсингфорсомъ переписывался и всячески себя взвинчивалъ. Начитаюсь Толстого, Тургенева, французовъ, стиховъ всякихъ — и опять по «цѣпнымъ» дѣламъ. Потомъ книги бросилъ.

Выдумывать про красоту и добро не велика хитрость, а вотъ, если бы кто изобразилъ людей, что сейчасъ въ трамваяхъ тискаются, я бы согласился, что онъ человѣка знаетъ.

Ничего писатели не знаютъ. До человѣка разъ въ 300 лѣтъ, пожалуй, докопаться можно. Подержали бы вы Карлейля среди нась годикъ, онъ бы понялъ, что за штука человѣкъ. Я-то ужъ это знаю. Теперь я этимъ добродѣтельнымъ писателямъ, европейскимъ умникамъ, особенно нашимъ русскимъ лгунишкамъ, хотѣль бы въ лицо плюнуть. Я знаю, что на днѣ-то человѣка лежитъ....

Всѣ люди въ голомъ видѣ одинаковы, потому что изволять жить хотѣть. Все въ пыль и прахъ разнесутъ, а въ гробъ лѣзть не соглашаются. И Карлейль не согласится, повѣрьте, только никогда не признается, а пригрозите ему ноганомъ — побѣжитъ зайцемъ, да и Карлейля въ ту минуту не будетъ, а будетъ просто длинноногій сухопарый англичанинъ, который умирать не желаетъ.

Вотъ, когда люди и стали мнѣ математически-тождественны, и когда я жалѣть ихъ пересталъ. Кромѣ инстинкта жизни ничего, въ сущности, неразложимаго нѣтъ. Гнѣздинъ — Фонаревъ — старуха — Софья... — суть въ нихъ одна, и что въ «цѣпи», что съ Фонаревымъ — безразлично, если до глубины докопаться.

Вотъ и Софья тоже. Пришла ко мнѣ сегодня сама впервые. «Я къ тебѣ зашла насчетъ шубы... Завтра же мнѣ ее доставь, если продавать рѣшилъ». Говорить и охорашивается, перчатки, ужъ и безъ того натянутыя, еще натягиваетъ, потомъ къ зеркалу подошла — не

то развязать вуаль, не то завязать, — потом пить попросила.

Мнѣ сразу ясно, это потому, что я ее «Соничкой» назвалъ: она ко мнѣ, какъ гусь на просо, нынче и пришла.

Я женшинъ теперь насквозь вижу. За этотъ годъ я ихъ не одну приманилъ — и вѣсъ, какъ одна, даже съ перчатками одинаково у нихъ выходить, и пить почему-то просяять. Только съ Софьей мнѣ вдругъ непріятно стало изъ-за прошлаго, да и противна она мнѣ теперь...

Я бы такъ прямо объ этомъ и сказалъ, но я о шубѣ вспомнилъ и руку ей ни къ селу ни къ городу поцѣловалъ. Софья вспыхнула и, какъ тогда, притворно за-смѣялась. «Теперь это неумѣсто, Алексѣй Павловичъ...» — «Ужъ очень я радъ, что ты пришла».

Такъ мы съ полчаса просидѣли. Я и вида не показалъ, что про нее думаю. Онѣ, вѣдь, всѣ, когда сами-то приходятъ, обидчивы очень, если безъ надежды-то ихъ отпустить. Я, кажется, и лишняго ей наговорилъ — она и такъ съ шубой постаралась бы — только я подумалъ: надежнѣе, если наговорить.

Вообще, мнѣ теперь съ женшинами легко. Но я для удовольствія выбираю маленькихъ и рыжихъ и не люблю, когда онѣ пахнутъ духами, а чтобы — теплой чистотой... Вотъ мадамъ Фонарева — рыженькая. Я ее на дворѣ давно примѣтилъ. Когда Фонаревъ меня приглашалъ, я о женѣ его подумалъ, что у меня съ ней что-нибудь «выйдетъ»...

Ахъ, эта тонкая ниточка, что изъ всѣхъ спалень вьется и весь міръ паутинкой оплетаетъ! Давайте говорить на чистоту. Долгъ, женская честь, «не прелюбы», клятвы, обязанности семейныя — трескотня одна. Женщины не лучше мужчинъ. Мартышки — всѣ ваши супруги вѣрныя, вдовы неутѣшныя, дѣвы непорочныя.... Да никогда правды онѣ вамъ не скажутъ. Можетъ быть, и

себѣ-то эти Лукреціи только разъ въ жизни правду сказать не побоятся. Бьюсь объ закладъ: если Карлейль, при непріятной встрѣчѣ темной ночью, стрѣлой пустится, любая Лукреція, при пріятной встрѣчѣ, въ мартышку превращается. Готову что вездѣ одинъ законъ, и дѣло лишь въ оказіи.

Софья ушла довольная. Спускаясь по лѣстницѣ, все головой кивала. Когда уже до первого этажа спустилась, я ей въ клѣтку крикнула: «Про шубу-то не забудь».

Потомъ я долго сидѣлъ и думалъ, до вечера бы просидѣлъ, да старуха изъ лѣчебницы вернулась.

Она смѣшная. Какъ на народъ итти, до сихъ поръ рваную наколку нацѣпляетъ и тальму, гдѣ бисеру-то осталось полторы звѣздочки, щеткой чистлюжить.

— Докторъ мнѣ сказалъ, что водяная у меня началась, — просто и дѣловито объявила она и впервые сама, безъ приглашенья, въ кресло у стола сѣла, рукой желтой, опухшой, край его поглаживаетъ.

«Значить — къ Рождеству...» рѣшилъ я.

— Такъ что жить мнѣ теперь, Алексѣй Павлычъ, уже недолго...

Тутъ я ей какую-то чушь сказалъ, ужъ я не помню, кажется, что она меня переживетъ. А она все не уходить, по краю рукой водить и о чѣмъ-то думаетъ.

— Я нынче сонъ, Алексѣй Павлычъ, видѣла прелестный... — вдругъ слабымъ голосомъ заговорила она. — Будто мы съ княгиней-покойницей на тройкѣ полями ёдемъ. Тепло... солнышко... лѣто красное! Рожь спѣляя-то спѣляя, высокая-то высокая — колосья по вѣтру стелятся, намъ кланяются, почтительно такъ спинки гнутъ. На межахъ пчелы вьются, въ поднебесы птицы игры играютъ... Княгинюшка сидѣть, ну какъ живая! Сѣрый пыльничекъ, синій зонтикъ и шляпа съ бордовыми лентами. «Мы, говорить, Полина Карповна, сейчасъ князя увидимъ». А мнѣ это точно и невдомекъ, все я ишу что-то, потерю

какую, по сторонамъ гляжу, руками вокругъ себя шарю... И вдругъ... глазамъ не върю! Господи! Сундучокъ-то мой со всѣмъ моимъ добромъ, что мужики силой-угрозой тогда утащили, у кучера въ ногахъ — цѣлехонекъ! Не успѣла я отъ радости опомниться, ужъ и монастырь видать, смотрю — и диву даюсь... Генераль, красавецъ-то нашъ, на холмѣ стоять, орденами, звѣздами сверкаетъ, бѣлыми перчаточками встрѣчу машетъ!... А княгиня мнѣ тутъ и говорить тихо-тихо такъ: «прѣѣхали, Полина Карповна. Слышишь, въ колоколь ударили? Тебя встрѣчаютъ». Тутъ я и пробудилась... И вѣрно: колоколь, да только у нась, у Спаса Преображенья, къ утрени...

Старуха сидѣть, въ креслѣ развалилась, будто ей теперь все нипочемъ. Лицо у нея темное, вѣщее, и говорить она, словно бредить. Мнѣ почему-то непрѣятно съ ней стало, и я началъ разсказывать про шубу. Она и не слушаетъ, — всхлипнула и поплелась на кухню.

Ей хоть міръ въ щепки, она о семье, о прошломъ. У ней, по-моему, никакого анализа нѣтъ. Кто ее пригрѣлъ, подъ крыло взялъ — и ладно, тому она до моргили и вѣрна. Вотъ отъ этой глупой вѣрности и погибнетъ. Я, вѣдь, знаю, что тамъ за пазухой, въ тряпкѣ, второй годъ она прячетъ... Проговорилась мнѣ, а ей это ворянки стоять, она еще годика два бы протянула.

На утро (самъ не знаю, какъ это вышло) я старухѣ кое-чего изъ шкапа отсыпалъ. Говорю ей: «не хотите ли? Лишнее у меня кое-что есть». Она даже не поблагодарила, а руками всплеснула и за кулекъ ухватилась.

Я сейчасъ же изъ дому ушелъ — шубу понесъ, отдалъ ее кухаркѣ, а про Софью не спросилъ даже, дома ли. Выйдя отъ Софьи, свернулъ на Гороховую и всю ее прошагалъ до Александровскаго сада.

Я теперь по улицѣ когда иду, гляжу себѣ подъ ноги, не люблю смотрѣть на прохожихъ; если кто на дорогѣ стоитъ, обхожу стороной, чтобы не толкнуть, не прикос-

нуться. Я такъ мальчикомъ ящерицъ въ лѣсу боялся: идешь бывало, подъ ноги смотришь, кочки, дырки подозрительная обходишь.

Въ Александровскомъ саду я на лавочку сѣль и тоже ни на кого не смотрѣль. Пыльно въ Александровскомъ саду. Трамваи сипятъ, людскія ноги кругомъ шаркаютъ, трава истоптанная, коричневая, листья сѣдые отъ пыли и лавка шаткая. А солнце такъ и поливаетъ, такъ и поливаетъ...

Я на лавкѣ, думаю, часа два просидѣль. Теперь всегда такъ: сяду отдохнуть — о времени забуду, начну чай пить — часа полтора просижу. У меня старуха изъ головы не выходитъ. Если она умереть такъ просто согласилась, это отъ старости, — естественное отмирание по Мечникову. Только почему ладонку не распореть? Хоть бы вчера, когда изъ лѣчебницы вернулась! Нѣтъ, не распореть...

Не то отъ думъ, не то отъ жары, отъ шума и стука, мнѣ стало какъ-то нехорошо: томно, беспокойно. Я къ Николаевскому мосту иди собрался, разсѣяться на Невѣ хотѣль, но вдругъ круто повернуль и назадъ къ Невскому зашагалъ. Ахъ эта скука мертвая, мертвящая! Какъ часто она теперь ко мнѣ подступаетъ...

Дорогой я старался думать о постороннемъ, себя уговаривалъ, что мнѣ материально совсѣмъ не плохо, куда лучше, чѣмъ другимъ, да и вся эта русская чепуха скоро кончится. Только не помогло.

Я свернуль на Фонтанку, на тумбѣ у периль посидѣль, покуриль, потомъ на мосту, у цирка, постояль; на воду смотрѣль, какъ солнце ее, грязную, сальную, золотить. Но мнѣ не стоялось, и я дальше заторопился. А скука моя нарастала и нарастала, превращаясь въ неизвѣданное мученіе удушливой пустотой. Отъ страха, что что мнѣ изъ этого состоянія не выйти, не сумѣть его объяснить, я пришелъ въ ужасное возбужденіе, почти

бѣжалъ по улицѣ, сорвавъ съ головы кепку, въ изнеможеніи отирая лобъ платкомъ... Мне было не грустно, не тяжело: эти горести не хитро въ двухъ словахъ и ребенку объяснить. Нѣтъ! Я себя въ странной темнотѣ, въ зіянніи вдругъ ощутилъ, словно нити, связывавшія меня съ міромъ, сразу лопнули, и я въ какой-то неизвѣстной реальности очутился. Въ этомъ новомъ мірѣ — мое «я», только одно мое «я». Я — я — я... И это «я» трепещетъ отъ ужаса, знаетъ, что ни при какихъ условіяхъ умереть оно сейчасъ не согласится, будетъ кричать, лгать, убить, удавить, пойдетъ на все, но огня упомѣтного біологического существованія загасить въ себѣ не въ силахъ...

Я добѣжалъ до Невы, задыхаясь прислонился къ парапету. Что со мною? Что со мною?.. Хоть бы ничего сейчасъ не ощущать, не помнить, не знать! Но именно тутъ-то я и ощущилъ и понялъ съ тонкой мукой яснаго сознанія, что изъ человѣческаго круга выскользываю и въ иную, уже не человѣческую, категорію вступаю; то-есть, я хочу, соглашусь жить цѣнной всего, даже отреченія отъ своего человѣческаго званія... Пусть тамъ ученые врутъ, что раздѣленіе существъ опредѣлено разъ и навсегда. Я-то знаю, что все подвижно. Съ пламенемъ жизни вы ничего подѣлать не можете, изъ него вамъ не выскочить. И не вы это решаете — что-то за васъ въ вашемъ тѣлѣ. Люди преглуло всѣхъ на одну гряду сажаютъ, всѣхъ одинаковыми считаютъ. Человѣкъ.... человѣчество... Пора бы условиться, кого какъ называть; страхъ смерти и опредѣлить категорію. Кто соглашается умирать, тотъ пусть человѣкомъ и называется, а кто на все безстрашно пойдетъ, лишь бы жить, тому придумайте другое наименованіе. Это и не животное (неточность допускать нельзя, зоологическую классификацію портить не годится: признаки вицѣшніе не совпадутъ), но это и не человѣкъ. Я знаю, что я не одинъ. А если и чувствую себя одино-

кимъ, то просто потому, что ни съ кѣмъ по поводу этого не разговорился. Насъ сотни миллионовъ, и мы, собственно говоря, всю всемирную исторію и дѣлаемъ. Мы весь земной шаръ населяемъ. Мы не боимся жить, желать, и только трусы изъ насъ хватаются за званіе человѣка.

Когда я до этого вывода дошелъ, я сразу повеселѣлъ. Минѣ очень мое открытие понравилось, я даже проходившой бабѣ, въ пыльныхъ калошахъ на босу ногу, улыбнулся. Можетъ быть, она «наша»? Навѣрно, «наша»!

Тутъ я внезапно о Фонаревѣ вспомнилъ, а также о его супругѣ, — рѣшилъ, пойду, пойду непремѣнно, съ удовольствіемъ пойду.

Но что же со мною приключилось? Почему я сразу такъ испугался?

Въ тотъ же день, къ вечеру, я вспомнилъ, что мнѣ сегодня надо отнести пакетъ на Надеждинскую. Онъ у меня и такъ уже два дня провалялся. Пакетъ я понесъ съ тѣмъ расчетомъ, что — въ послѣдній разъ. Ходить туда я раньше не боялся, а послѣднее время всегда со страхомъ шелъ, и все непріятнѣе мнѣ было это хожденіе.

Какъ всегда, мнѣ та, блѣдная дѣвица со строгими глазами, на условный звонокъ дверь открыла. Я съ ней за всѣ свиданья, думаю, и десяти словъ не сказалъ. Откроетъ она обычно дверь, протянетъ небрежно руку, возьметъ пакетъ и кивнетъ головой молча, точно какому-нибудь телеграфисту. Иногда два слова скажетъ — и щелкнетъ дверью передъ самимъ носомъ. Я не разъ думалъ, что такъ встрѣчать отвѣтственное лицо нехорошо, даже бессовѣтно. Нынче она мнѣ отворила и шотомъ повелительно сказала:

— Внизу обыскъ, войдите, переждите.

Я очень испугался, въ кухню такъ и бросился. Она пристально посмотрѣла на меня и пояснила:

— Тамъ пустяки — изъ-за керосина.

Указала мнѣ рукой на табуретку и пошла съ пакетомъ въ комнаты.

Я одинъ въ кухнѣ остался, сѣлъ, закурилъ, но страхъ не проходилъ... Никогда еще я такъ не трусила — только и мыслей было: скорѣй-скорѣй вонъ, и никогда больше сюда не приходить. Она сказала: «керосинъ», а почему я подробнѣе не разспросила? Можетъ быть, теперь то и время прошмыгнуть? И почему гордая дѣвица меня одного оставила?

Я по кухнѣ прошелся, ожидалъ — она на мои шаги выйдетъ, но она и не подумала. Я такъ съ полчаса прописидѣлъ. Кругомъ — тишина, лишь изъ крана вода капаетъ... Я курилъ и въ сѣроѣ окошко на крыши, на трубы глядѣлъ, пока до черноты не стемнѣло. Лишь тутъ дѣвица со свѣчей изъ комнаты вышла и поставила подсвѣчникъ на плиту.

— Я пойду, я не хочу больше ждать... Можетъ быть, лучше уйти? — съ тревогой, нехорошо такъ, спросила я.

— Нѣтъ, подождите. «Они» сейчасъ уйдутъ. Изъ тѣхъ комнатъ видно.

И она опять прямо, непріятно прямо, посмотрѣла на меня.

Лицо у нея строгое, очень блѣдное и непонятное какое-то: не то она васъ насквозь видитъ, не то и видѣть васъ вовсе не желаетъ.

Я бы такъ и рѣшила: чортъ ее знаетъ, что она про себя думаетъ! — да она вдругъ тихо, но твердо сказала:

— Не бойтесь, они тамъ не въ первый разъ — обыщутъ и уйдутъ.

Мнѣ непріятно было, что она мой страхъ замѣтила. Я о «керосинѣ» и не заикнулся, но мнѣ хотѣлось ее увѣрить, что я ничего не боюсь, иначе работать въ отвѣтственномъ и рискованномъ дѣлѣ не могъ бы, но сказать этого не успѣлъ.

— Я сегодня въ послѣдній разъ передачу принимаю,

— сказала она, — вы будете теперь имѣть дѣло съ другимъ лицомъ и на другой квартирѣ. Васъ своевременно оповѣстять.

— Изъ «цѣпи» выходите? — обрадовался я. — Я тоже въ послѣдній разъ — надоѣло! Рискуешь головой, а тамъ, въ Гельсингфорсѣ, безтолочь одна...

Она ничего не отвѣтила, сѣла на табуретку, въ темнотѣ ее рукой нащупавъ.

— Вы, навѣрно, тоже поэтому уходите? — настойчиво спросилъ я.

Я едва различалъ ее въ темнотѣ. Вся она въ черномъ, и косынка черная на голову накинута, только лицо бѣлѣетъ и руки.

— Нѣтъ, не изъ-за безтолочи въ Гельсингфорсѣ.

— Такъ почему? Почему? Или вся эта ерунда вамъ надоѣла?

Вѣроятно, я за день ужъ слишкомъ много со своими думами возился, оттого онѣ не къ мѣсту и подсунулись, а можетъ быть, я въ тѣ дни просто мѣру всему потерялъ, но только, ни съ того, ни съ сего, не дождавшись даже ея отвѣта, рѣшилъ: разъ она уходитъ, значитъ она моя единомышленница, — и этимъ открытиемъ ободренный, я заговорилъ-заговорилъ, прямо съ цѣпи сорвался.

— По-моему, прежде всего не погибнуть въ этой заворухѣ. Я къ этому заключенію пришелъ. И, знаете, всѣ такъ думаютъ, только не признаются. А мысль наша съ вами правильная: пора уходить. Мы боролись, пока защищались. Если бы передъ боемъ солдаты знали, что навѣрняка каждому пуля въ лобъ, непремѣнно каждому, никто бы не двинулся; а если идутъ въ бой, значитъ, вѣра есть, вѣроятіе, расчетъ, что не я, а врагъ, либо совсѣмъ убить будетъ... А если и вѣроятіе спасенія исчезаетъ, — когда навѣрняка пуля въ лобъ, понимаете? «навѣрняка», математически-точно! — тогда уже не вы, а за васъ что-то рѣшитъ, что вамъ тогда дѣлать, и сдѣла-

ете вы все, чтобы спастись, смѣю васъ увѣрить. Съ Гель-сингфорсомъ сейчасъ «навѣрняка» пуля въ лобъ — никакихъ шансовъ! Никакихъ вѣроятій! Надо карты изъ игры брать во-время...

Я не кончилъ. Она вскочила и руками беспомощно всплеснула, ну, точь въ точь какъ моя старуха, когда я ей кулекъ отдавалъ.

— Что вы говорите! Что вы говорите! Развѣ въ этомъ дѣло! — совсѣмъ неожиданно для меня, горестно и пылко воскликнула она.

— Зачѣмъ же вы отъ передачъ отказываетесь, если съ жизнью разставаться — одно удовольствіе? — язвительно спросилъ я.

— Это не то, не поэтому... — быстро проговорила она. — Съ жизнью всѣмъ разставаться трудно...

— Такъ почему же уходите? — злобно повторялъ я.

Она стояла передъ мною, ухватившись руками за концы косынки.

— Я не ухожу, — тихо и съ тѣмъ же волненіемъ сказала она, — я должна скрыться изъ Петербурга сегодня же, до ночи. Мнѣ дали знать: я въ спискахъ по дѣлу Мюлена.

Я весь съежился.

«Значитъ, сюда въ любой моментъ постучаться могутъ, а пакетъ-то, вѣдь, я принесъ...»

У меня духъ захватило, и застучало сердце.

— Я пойду, я пойду, мнѣ пора... мнѣ невозможно, я не могу... — беспомощно лепеталъ я и заметался по всей кухнѣ, отыскивая кепку.

Она подняла свѣчу, помогая мнѣ ее найти. Кепка нашлась подъ табуреткой. Я схватилъ папиросы, спички и оглянулся на дѣвушку. Прищуривъ темные, блестѣвшіе на свѣту глаза, вся въ желтомъ сіяніи свѣчи, она стояла посреди кухни подъ бѣлымъ кружкомъ электрическаго колпачка и молча глядѣла мнѣ прямо въ лицо. (Такъ мнѣ

она потомъ вспоминалась). И вотъ въ этотъ мигъ я подумалъ... Я никому никогда бы не признался, что такая мысль скользнула у меня въ сознаніи. Никогда! Но она скользнула, прозѣилась, промелькнула. Если правду сказать, — да, она была... Она обѣщала, что никогда не будетъ больше минуты, какъ сейчасъ, что будетъ покой, будетъ хорошо, надежно, еще надежнѣе, чѣмъ съ Софьей, стоитъ только нынче вечеромъ разговориться кой-о-чѣмъ у Фонаревыхъ...

Пламя свѣчи расплылось въ маленькое солнце, въ груди колотилось сердце, я задыхался...

Я уже и ключъ повернулъ и ручку двери надавилъ, когда лѣвушка, быстро поставивъ свѣчу на плиту, бросилась ко мнѣ и удержала за рукавъ.

— Что съ вами? У васъ такое ужасное лицо... такое ужасное лицо....

Она опустила глаза. Я близко и ясно, до рѣсницъ, видѣлъ ея блѣдное лицо, сжатыя губы и, несмотря на опущенные вѣки, ея взглядъ, горестный и строгій.

— Что?.. — глухо повторилъ я.

Секунду мы молчали. Она подняла на меня глаза.

— Смотрите, не предайте насъ...

Мнѣ слѣдовало раскричаться: «вы оскорбляете! вы не имѣете права!..» (что-нибудь въ этомъ родѣ), или — вернуться для объясненій, но я былъ въ такомъ сумасшедшемъ возбужденіи, въ такомъ испугѣ, что безсмысленно взглянулъ на нее, даже не на нее, а поверхъ ея головы, въ темень кухни и, съ размаху толкнувъ ногою дверь, выбѣжалъ на лѣстницу. Цѣпляясь за перила, свѣшиваясь въ пролѣтъ, замирая на площадкахъ, спускался. Этажъ... этажъ... этажъ... дворъ... ворота... улица. Только въ концѣ ея, уже за угломъ, на Литейномъ, опомнился.

Трусомъ я никогда не былъ. Я два года воевалъ, я Георгія имѣлъ и, первое время, когда въ «цѣпь» вошелъ,

тоже всѣхъ отвагой удивлялъ. Страхъ подкрался неизвѣстно откуда и сегодня обвилъ меня всего, удушая въ темныхъ, скользкихъ своихъ кольцахъ...

Когда я на Литейномъ себя въ безопасности почувствовалъ, — сразу повеселѣлъ, сейчасъ же папирошъ у дѣвченки купилъ и переплатилъ ей чего-то лишняго. Непріятность на Надеждинской — не бѣда. Какъ только Гнѣздинъ пріѣдетъ, я прямо ему скажу, что меня оскорбили. Впрочемъ, тутъ же подумалъ: «Съ Гнѣздиномъ тоже лучше не встрѣчаться. Можно къ Шкареву пойти и велѣть ему передать кому надо, чтобы ко мнѣ никто сейчасъ не совался, можно предлоги хорошіе выдумать». Но какъ она посмѣла! И какъ глупо я ей все выболталъ! Я ужасно болтливымъ сталъ. Иногда къ знакомымъ зайду и все говорю-говорю, раза по два, случалось, обѣ одномъ и томъ же говорю. Меня ужъ останавливать стали: «Вы, Алексѣй Павловичъ, это прошлый разъ разсказывали». Болтливость меня и подвела. Хорошо, что третьяго человѣка, свидѣтеля, не было. Она одна все видѣла. Но кто же дамъ повѣритъ? Никто не повѣритъ.. На этомъ я успокоился.

Вернувшись домой, я сейчасъ же собрался къ Фонаревымъ. О томъ, что въ кухнѣ темной у меня мелькнуло, я позабылъ. Тамъ это, должно быть, явилось у меня отъ волненія нервнаго. Можно и такъ хорошо устроиться, если съ Софьей, съ Фонаревыми, да еще съ какими-нибудь Софьиными пріятелями сойтись...

ГЛАВА II.

Въ тотъ вечеръ мы пошли на именины къ Фонареву: старуха и я. Она — мыть посуду, а я — на пирогъ именинный. Я прифрантился, вычистилъ сапоги, вымылся, взялъ чистый носовой платокъ, прихватилъ и скрипку. Скрипкой я думалъ сразу ихъ къ себѣ расположить, у нихъ часто на піанино бренчать и пѣсни поютъ: когда форточка открыта, все слышно. На скрипку я очень надѣялся. Музыка людей связываетъ и располагаетъ въ пользу музыканта.

Когда я позвонилъ, у Фонаревыхъ уже давно пирорвали. Какъ только порогъ переступилъ, понялъ сразу — въ невѣдомомъ мірѣ очутился.

Соленый горячій чадъ мнѣ въ лицо ударили. Въ кухнѣ — грязища, пріятная, теплая, благовонная. Всюду что-то просыпано, пролито, брошено, куда попало; на подоконникѣ груды немытыхъ тарелокъ, на столѣ батарея липкихъ стакановъ. Посреди кухни сѣрый котъ картофелину катаетъ. Дарья, вся красная, разнастенная, — мука въ волосахъ, мокрый на животѣ передникъ, — мнѣ дверь отворила. Въ углу надъ лоханью — моя старуха. Я ее сразу примѣтилъ. Стоитъ блѣдная, опухшая, синеватыя вѣки опустила, наколка набоку, а юбка замызгнная высоко подколота, точно не вѣсть въ какую невиданную грязь попала.

Я все примѣтилъ. Я теперь вообще все примѣчать

сталъ, а полосой ничего не помню и разсказать не могу, что видѣлъ. Но тогда я замѣтилъ, что старуха въ тотъ вечеръ очень больной мнѣ показалась, да я подумалъ: это по сравненію съ красной Дарьей.

Дарья меня въ комнаты повела. На весь коридоръ таркнула:

— Кузьма Иванычъ, гости пришли!

Ни Фонаревъ, ни жена его не отозвались. По громкимъ голосамъ, смѣху и звону посуды судя, не до того было.

Дарья махнула мокрымъ полотенцемъ въ конецъ коридора.

— Тамъ они всѣ набившились.

Я подошелъ тихонько къ порогу и заглянулъ въ комнату. Мнѣ бы слѣдовало смѣло войти и разыскать хозяевъ, но я, какъ къ косяку со скрипкой прислонился, такъ и не двинулся. Я сразу почувствовалъ, что все здѣсь душѣ моей близко, и такъ, конечно, должно было случиться, что я къ нимъ пришелъ. Не то, чтобы мнѣ ужъ очень понравились эти шелковые разнокалиберные пуфики, буфетъ дешевый и письменный столъ у окна, рѣзьбы чудесной, и драпировки на окнахъ и дверяхъ всѣ разныя, и эти картины, чортъ знаетъ какъ подъ потолкомъ навѣшаныя, и тутъ же открытки-портреты вождей на кнопкахъ, и вся эта гогочущая застолица, среди которой я одного Фонарева и зналъ, — нѣть! А вотъ — то, что всѣ вещи, набитыя, какъ попало, покойно, не жалобно на меня глядѣли, точно радуясь, что никуда ихъ больше не понесутъ, не потащутъ, что онъ крѣпко стоять и висять, съ мѣста никуда больше двигаться не желають. И люди тоже ничего-то-ничего не боялись, сидѣли въ развалку, удобно, кому какъ вздумалось, и смѣялись, шумѣли въ свое удовольствіе. Мнѣ вдругъ смутно вспомнилась кухня съ плитой холодной, женскій силуэтъ въ желтомъ сіяніи свѣчи, и мой страхъ, — вся, словомъ, непріятность на Надеж-

динской... и тутъ мнѣ до того эту исторію позабыть захотѣлось, что я смѣло черезъ порогъ шагнулъ и сказалъ громко, на всю комнату:

— Добрый вечеръ, Кузьма Ивановичъ! — А когда притихли голоса, и всѣ обернулись, прибавилъ: — я скрипку съ собой принесъ, вы, я знаю, музыку любите.

Я говорилъ привѣтливо, свободно, очень развязно даже.

Фонаревъ навстрѣчу мнѣ не вскочилъ, гостямъ не представилъ. Онъ, какъ сидѣлъ, развалившись на стулѣ, — чубъ на правый глазъ, тяжелыя ноги по сторонамъ раскинуты, — такъ сидѣть и остался; но тоже удивительно привѣтливо, слегка заикаясь, по-хмѣльному, протянулъ: «эээ... сосѣдъ», и стиснулъ мою руку большой и горячей ручищѣ.

— Шурка! Приборъ гостю!

Изъ кольца людей выскочило что-то круглое, васильковое, атласное и подкатилось ко мнѣ — мадамъ Фонарева! Я ее сразу узналъ: рыженькая, растрепка славная, лицо круглое, голубыя пуговки-глазки и сережки, бирюзовая булька, въ ушахъ. Она мнѣ гостепріимно нашла мѣстечко за столомъ, потѣснила сосѣдей, смахнула крошки со скатерти бисерной бахромой кушака, приборъ поставила.

— Какой любезный молодой человѣкъ! На скрипкѣ намъ поиграетъ. Прелестъ какая!

Только тутъ я замѣтилъ, что на столѣ такъ же беспорядочно, разнокалиберно и тѣсно, какъ на кухнѣ и въ комнатѣ. Грязныя и чистыя тарелки, вилки, чашки — вперемежку; на одномъ концѣ стола еще селедкой закусывали, и супъ дымился, на другомъ — уже сладкій пирогъ ъли и орѣхи щелкали, а на скатерти крошки, пробки, табакъ просыпанный, кожура яблочная, скорлупа орѣховая... И гости тоже въ разнобой, Богъ вѣдаетъ, кто и откуда за фонаревскій столъ попалъ

Тутъ я и стриженую барышню-еврейку — изъ машинистокъ, видно, — примѣтилъ, и прыщаваго, облѣзлаго латыша, котораго Густавомъ Карловичемъ называли, и рыжаго огромнаго солдата, похожаго на околоточнаго, и его беременную гладкую, красивую бабу-молодуху въ розовой атласной распашонкѣ, и худую, высокую, какъ жердь, до ушей накрашенную женщину въ грязномъ бальномъ платьѣ, и маленькаго еврея, съ оттопыренными, неладно къ головѣ придѣланными ушами, и стройнаго юношу въ защиткѣ, съ гривой бѣлокурыхъ пыльныхъ кудрей, и еще, на концѣ стола, кучку разбитныхъ крикуновъ-желѣзнодорожниковъ... Всѣ были разные, и всѣ на одно лицо, на то лицо, которое люди, какъ паспортъ, сейчасъ носятъ: у всѣхъ одно и то же выраженіе. Я знаю, когда это выраженіе лица людямъ дается. Я-то ужъ теперь знаю....

Но въ ту минуту, когда я ихъ глазами обвелъ, я даже имъ улыбнулся, мнѣ пріятно было, что они такъ привольно за столомъ устроились, развалились, пируютъ, и ни за что голову въ петлю совать не желають. «Почему же я передъ черной дѣвицей своей законной человѣческой сущности постыдился?» И опять мнѣ вспомнилась непріятность на Надеждинской... Тутъ мадамъ Фонарева поставила передо мной полную тарелку жаркого и ко мнѣ подсѣла.

— Ваше окошечко противъ нашей спальней. Знаете ли, все видать! Если бы не шторка ваша, я бы видѣла, какъ вы спать ложитесь, ей-Богу! — и она засмѣялась, такъ тряхнувъ головой, что запрыгали въ ушахъ голубыя бульки. — Чего же вы къ намъ-то прежде не жаловали? Небось, одному скучно? Ой, какъ одному мушинѣ скучно! Скушать мушинѣ не полагается, совсѣмъ даже ни къ чему...

Тутъ я нашелся и сказалъ то же самое про женщинъ, прибавивъ что-то вродѣ комплимента, — и, слово за сло-

во, слово за слово, стали мы сыпать горохъ въ мѣшокъ. Я даже повеселѣлъ, да и вина мнѣ хозяинъ налилъ. Я бы съ Фонаревой съ удовольствіемъ еще поговорилъ, но ее въ кухню позвали.

Въ тотъ вечеръ я очень много съѣлъ и пилъ вволю, и разговоръ у меня удивительно клеился. Когда къ нимъ по лѣстницѣ спускался, думалъ: не сумѣть мнѣ, вѣроятно, тонъ взять; а потомъ сразу на меня нашло, точно я на зубокъ роль заучилъ, и всѣ реплики ловко и во время подавалъ.

Фонаревъ меня черезъ столъ окликнулъ:

— А гдѣ сейчасъ Х.? — и онъ назвалъ фамилію Софынаго инженера.

Я небрежно, но все же точно рассказалъ, куда онъ и зачѣмъ уѣхалъ и когда вернется, нарочно подробности присочинилъ. (Гости на меня почтительно взглянули). Мнѣ было непріятно, конечно, что Фонаревы, видимо, про мою бѣду съ Софьей знали (навѣрно, Дарьѣ старуха рассказала), но я хитрый за послѣднее время сталъ и свою семейную непріятность себѣ же на пользу повернуть сумѣлъ. Нашелся я и когда о похоронахъ, что были на-дняхъ, заговорили. Я тутъ же вставилъ, что съ балкона всю процессію видѣлъ, и воскликнулъ — это я хорошо помню — именно не сказалъ, а воскликнулъ:

— Героическая была личность! Прямо героическая личность!

Это, разумѣется, я сказалъ тоже дипломатіи ради, потому что давно мнѣ всѣ геройства въ зукахъ навязли.

Нельзя сказать, чтобы за столомъ у Фонаревыхъ очень весело было, чтобы каламбуры сыпались, чтобы радость жизни въ нихъ фонтаномъ била, — этого не было, конечно, но шуму, визгу, крику было много, и чокались и пили за здоровье вождей, республикъ разныхъ и за свое, и за женъ по-очереди, и надѣ дамами подшучивали. Особенно доставалось молодухѣ (Таничкой ее звали).

Здѣсь ужъ всего было наговорено, но Таничка лишь восхищенно и глупо озиралась, по-деревенски фыркала, не престанно утирая дѣтски-слюнявый ротъ носовымъ паточкомъ.

Конечно, никому и въ голову не приходило кускомъ давиться, потому что городѣ голодъ. Этого въ нихъ не было, да, признаться, и во мнѣ не было... Всѣ пиры въ мірѣ, что до битвы на Калкѣ, что послѣ, всегда на чыхъ-нибудь костяхъ пировались, и ничего въ этомъ нѣтъ особенного. Татары только въ реализмъ вдались, а по существу, если вдуматься, все едино, и бояться «костей» нечего.

Мы всѣ размякли, лица отъ жары зацвѣли макомъ, глаза стали подмигивать по-пьяному. Хозяева грамофонъ завели, и загремѣлъ шальной, барабанный маршъ. И тутъ всѣмъ захотѣлось «изъ себя выйти», ну, какъ бываетъ, когда упоеніемъ, похотью тѣло нальется.

Стриженая барышня рванула съ носа пенснѣ и захлопала въ ладоши.

— Русскую! Русскую! Давайте плясать русскую!

Она подбѣжала къ кудрявому юношѣ, игриво заглянула ему въ глаза и спутала кудри.

— Андрюша, идемъ плясать русскую!

Андрюша взглянулъ на нее черезъ плечо.

— Отстань!

— Вы его, Дора Наумовна, не трогайте, — сказалъ рыжій солдатъ, похожій на околоточнаго, — онъ намъ диспутъ держить.

Андрюшка, дѣйствительно, навалясь грудью на столь, съ воодушевленіемъ выкрикивалъ:

— Ты пойми, Соломонъ, ты пойми, — заплетающимся языкомъ гудѣлъ онъ, — если такъ-то все выйдетъ, такъ вѣдь это что будетъ! Что только будетъ! Мы всѣ эти шелудивые народишки, всѣхъ этихъ грузинъ, армянекъ, персюковъ тамъ разныхъ, всю эту чортову мелюз-

гу въ свой хороводъ возьмемъ, мы англичанъ, баръ спѣ-
сивыхъ, въ поясъ кланяться заставимъ. Мы всю Европу
взорвемъ... мы всѣхъ, всѣхъ, какъ рѣдьку изъ гряды, по-
выдергаемъ! Мы эдакого, эдакого наворотимъ, — земля
крякнетъ. Поняль? Нѣтъ, ты поняль? Ты поняль? Зем-
ля крякнетъ!

Андрюшка гремѣлъ, заглушая грамофонъ, и съ пья-
нымъ восторгомъ налѣзъ на Соломона Наумыча. Кудри
на лбу слиплись, на маковкѣ торчали смѣшными вих-
рами, выпуклые сѣрые глаза безсмысленно уставились въ
густой клинышекъ бородки Соломона Наумыча.

— Какъ это «крякнетъ» у васъ выразительно! Имен-
но — «крякнетъ»! — неожиданно для самого себя на весь
столъ отчеканилъ я.

— Крякнетъ! Крякнетъ! Кряк-кряк-кряк... — по ути-
ному закрякала Фонарева и закружилась волчкомъ по-
среди комнаты, развѣвая юбки.

Захохотали всѣ, и пронзительнѣе всѣхъ глупая Тан-
ничка. Одна накрашенная до висковъ женщина не улыб-
нулась, зябко натянула на сѣрыя плечи драповое пальто
и сказала вполголоса, точно сама съ собой разсудила:

— Ужъ не домой ли...

Ее била лихорадка, по лицу было видно: глаза по-
краснѣли, носъ бѣлый, губы запеклись. Рядомъ съ кра-
савицей Таничкой, нарядной мадамъ Фонаревой, разбит-
ной стриженої барышней — совсѣмъ кляча: длинная,
плечи въ ямахъ, шея въ жилахъ и платье мятое, грязное
(съ осипавшимися блестками на лифѣ) — ну, совсѣмъ
кляча въ попонкѣ ветхой...

Никто ее удерживать не сталъ, да и провожать не
вызвался, точно и не замѣтили, что домой собралась. Фо-
нарева уже въ дверяхъ ее нагнала и негромко распоря-
дилась:

— Завтра утромъ заходи, Даша тебѣ чего-нибудь
тамъ завяжетъ, — и тутъ же къ столу вернулась.

— А подруга-то ваша... ой-ой, — сказалъ я.

— Кровью плюетъ, — просто отвѣтила она.

Тѣ же круглые голубые пуговки-глазки пусто и свѣтло смотрѣли на меня.

— Ужъ очень фуфырилась... — наставительно прибавила она, силясь сдвинуть несдвигаящіяся брови, — важничала, въ полковницы норовила изъ хористокъ выскочить, а теперь рада бы... — она запнулась, — да поди-ка, найди ей сейчасъ полковника! И солдатъ-то не возьметъ!

«Рада бы... рада бы... Хе-хе!» Я нѣсколько разъ это словечко повторилъ. «Рада бы... Ну, конечно, ей бы хоть облѣзлый Густавъ Яковлевичъ, хоть Соломонъ Наумычъ, похожій на пуделя! Рада бы, хе-хе...» Если смерть математически точна, человѣкъ сдѣлаетъ все, чтобы въ гробъ не ложиться...

Я совсѣмъ было въ свои мысли ушелъ, да тутъ Дора Наумовна подбѣжала опять къ Андрюшкѣ и съ притворно-молодецкимъ, фальшиво-русскимъ задоромъ крикнула:

— Будетъ тебѣ, Андрюшка! Айда плясать, да пойдемъ, пойдемъ же! — и вцѣпилась ему въ рукавъ.

Андрюшка грубо хлопнулъ ее по рукѣ.

— Отстань!

Дора Наумовна вспыхнула, одернула голубую кофточку и притворно весело засмѣялась:

— Ахъ, такъ? Ну, ладно! Соломонъ моимъ кавалеромъ будетъ. Соломонъ! Вспомнимъ ссылку!

— Русскую! Русскую! Дора Наумовна! Соломонъ Наумычъ! Русскую! — заревѣли всѣ, утомленные споромъ, Ѣдой, неподвижнымъ сидѣніемъ, — и бросились отставлять мебель.

Я тоже крикнулъ: «Дора Наумовна! Соломонъ Наумычъ! Русскую!» — и схватилъ первую попавшуюся табуретку.

Соломонъ Наумычъ отнѣкивался, моталъ головой и

махалъ жирными квадратными ладошками. Но гости не унимались, обступили его, упрашивали и, наконецъ, Фонаревъ и Густавъ Карловичъ со смѣхомъ поволокли его на середину комнаты. Соломонъ Наумычъ упирался короткими ногами въ полъ, отбивался и, не то смѣясь, не то сердясь, взвизгивалъ:

— Не буду! Не буду! Не буду!

Фонаревъ хлопнулъ въ ладоши:

— Ну, видать, ужъ придется мнѣ барышню выручить.

Тутъ «русскую» въ грамофонъ завели, Дора Наумовна платочкомъ взмахнула, Фонаревъ бросиль на полъ папироску — и пошло!

Я, какъ у печки сѣль,—такъ и застылъ... Отъ вина ли, ужина ли, отъ свѣта ли щедраго пузатыхъ лампъ, музыки и всѣхъ этихъ говорливыхъ, увертливыхъ, живучихъ людей, женщинъ, игривыхъ какъ котята, — я пріятно одурѣль, сладкая истома оплыла меня. Вотъ бы такъ сидѣть вѣки-вѣчные на мягкомъ стулѣ, на свѣту яркомъ, въ покоѣ полномъ, въ упоительной, сытой безопасности! Вотъ бы! Я во всѣ глаза на танцоровъ смотрѣль, обмякъ, успокоился...

Дора Наумовна, неладно подбоченившись, не танцевала, а просто металась изъ стороны въ сторону, развязно помахивая платочкомъ, и все притопывала, все притопывала, словно копытцами, бѣлыми парусиновыми туфлями. Около нея, взмахивая чубомъ, неуклюже плясалъ Фонаревъ, то сѣменилъ ногами, то вдругъ пускался въ присядку, тяжко подкидывая грузные, большія ноги.

Всѣ хлопали, кричали «бисъ», хотя танцоры и не собирались кончать танца.

— Дора Наумовна! Ай да Дора Наумовна! — восклицалъ восторженно латышъ.

— Слѣва барышню обходи! Слѣва! Слѣва! Натекай-те на него, Дора Наумовна, натекайте! Шибче! Шибче!..

Крикъ стоялъ на всю квартиру.

Вдругъ Андрюшка сорвался съ мѣста и, расталкивая мебель и гостей, ловко перескочивъ черезъ скатанный край ковра, вѣжаль въ кругъ.

— Экъ васъ носить! Какая же это русская! — задорно воскликнулъ онъ и, въ два прыжка догнавъ Дору Наумовну, выхватилъ платокъ изъ неуклюже вздѣтой толстой ручки.

Стриженая дѣвица остановилась, остановился и Фонаревъ.

— Ты бы меныше ломался, а не критику наводиль, — поблѣднѣвъ, ледянымъ тономъ сказала она.

— Такъ! Такъ, Дора Наумовна! За что онъ васъ все обижаетъ!

— Дора въ ссылкѣ была первая балерина, — застутился за нее Соломонъ Наумычъ.

Андрюшка улыбнулся уголкомъ рта и съ грубымъ добродушіемъ похлопалъ Дору Наумовну по плечу.

— Ты, Дора, мастерица на споры-разговоры и на все прочее... — и онъ прищурилъ глаза, — здѣсь не по специальности, понимаешь, не по специальности.

Андрюшка взмахнулъ руками, одернулъ защитку и пустился по кругу.

Чудеснѣе танцора я не видывалъ: все мнѣ въ немъ чудеснымъ показалось. Теперь, думается, можетъ это и не такъ ужъ превосходно было.

Онъ то кружилъ птицей, то пробирался, крадучись, легко и ловко ступая по паркету, то вдругъ, мѣняя темпъ, пускался вихремъ, взлеталъ, какъ гуттаперчевый, лихо встряхивалъ пыльными кудрями и, протопывая каблуками, разудало вертѣлся на поворотахъ.

Всѣ хлопали и кричали неистово: «бисъ! бисъ!». Но Андрюшка вдругъ, какъ запаленный конь, остановился на всемъ скаку и залихватски крикнулъ:

— Вотъ вамъ русская! Эхъ, дамочки нѣту!

— А Дорочка, чѣмъ вамъ не парочка? — примирительно сказала Фонарева.

Андрюша отиралъ лобъ платкомъ.

— Ухомъ ладовъ не ловить, — простодушно объяснилъ онъ.

Дора Наумовна опять поблѣднѣла — обидѣлась, даже ротъ раскрыла, хотѣла что-то сказать, но Фонарева схватила охапку нотъ и повлекла Дору къ піанино.

— Я вамъ сейчасъ, что-нибудь спою. Дорочка, садись, сыграй мнѣ аккомпаниментъ.

Спѣла она: «Я жажду забвенья въ объятьяхъ твоихъ», и «Тройку», и «Ай да городокъ! Не закроюсь на замокъ!», и еще, и еще такое же — все про свѣжую, какъ наливное яблочко, вкусную страсть, про ниточку лукавую, что вѣтается и завивается въ жизни петлями, опутывая и перепутывая всѣхъ. И пѣла она — какъ и полагается при такихъ романахъ, — въ носъ, съ придуханіями, съ шопотомъ и вскриками, пѣла всѣмъ своимъ круглымъ, крѣпкимъ, до верху налитымъ здоровьемъ, тѣломъ. И потому хорошо очень пѣла.

Я все у печки сидѣлъ; головой къ прохладнымъ изразцамъ прислонился и глаза полузакрыль. И опять мнѣ критиковать никого не хотѣлось. На своеемъ вѣку я много отличныхъ пѣвцовъ слышалъ, а никто меня въ такое состояніе привести не могъ, какъ въ тотъ вечеръ щекочуще-гнусавый голосокъ мадамъ Фонаревой. Въ ту минуту мнѣ было очень хорошо: не то явь, не то сонъ, во всякомъ случаѣ — покой, на удивленіе отдохновительный, какъ бываетъ развѣ лѣтомъ, послѣ купанья: ни мыслей, ни чувствъ, словно и души никакой нѣть, только въ тѣлѣ кровь упоительно струится...

Пѣніе всѣхъ разнѣжило. Латышъ ужъ къ Дорѣ Наумовнѣ на ручку кресла взгромоздился, а Таничка на круглое плечо мужа, какъ на подушку, головой навалилась, Андрюша на диванѣ растянулся, весь разомлѣль,

томно, пучеглазо на Фонареву уставился. Железнодорожники за столомъ, кто гдѣ, въ мечтательности замерли. Только Соломонъ Наумычъ съ хозяиномъ въ сторонку отсѣли и шепотомъ какой-то дѣловой разговоръ подъ музыку завели.

Не знаю, какъ это случается и случаться можетъ, но я сначала ничего изъ ихъ переговоровъ не слышалъ, а потомъ, вдругъ, одно-два словечка до меня долетѣли, — и я разомъ ухомъ къ голосамъ приникъ и сталъ слышать все, что они говорятъ, до послѣдняго звука. Слова эти были такія значительныя для меня, такія страшныя, что я обмеръ, холодный потъ у меня на лбу проступилъ, и я ослабѣль до дурноты почти что...

— Я ему на допросѣ сегодня прямо сказалъ: «Вы Гнѣдинъ-Юматовъ, намъ все извѣстно, все раскрыто», — дѣловитымъ картавымъ шепотомъ говорилъ Соломонъ Наумычъ.

— Ну, а онъ что?

— А что? Въ концѣ концовъ проболтается. Одного если выдастъ, начнетъ всѣхъ выдавать. Только бы началъ, а тамъ ужъ пойдетъ.

— Когда его привезли?

— Сегодня утромъ, изъ Дибуновъ. Сначала отпирался: я, говорить, финскій рабочій, я на заводѣ въ Гельсингфорсѣ работаю...

— Что жъ вы сейчасъ дѣлать будете?

Соломонъ Наумычъ помолчалъ.

— Будемъ хватать, а тамъ разберемся. Человѣкъ двадцать въ спискѣ.

— Косить, такъ ужъ косить, — не мѣшкать, какъ въ прошлый разъ, — разглаживая чубъ, посовѣтовалъ Фонаревъ.

— Ужъ начали, какъ еще начали! Мнѣ пора, всю ночь вѣзть будутъ.

Соломонъ Наумычъ вскочилъ и, взглянувъ на часы-браслетъ, сталъ прощаться...

Помню его коротконогое тѣло, большія уши, глад-кій клинышекъ бородки. «Не я ли выданъ? Не я ли? Не я ли?..» — въ изступлениі спрашивалъ я себя и весь содрогался отъ мысли, что сю минуту онъ, прощаясь, дотронется до моей ледяной руки и догадается: неспро-стя она такъ холодна...

Соломонъ Наумычъ моей фамиліи не зналъ, меня хозяева никому не представили, я весь вечеръ такъ лов-ко себя держалъ, что у всѣхъ, конечно, сложилось мнѣ-ніе: я пріятель, свой человѣкъ у Фонаревыхъ. Соломонъ Наумычъ еще не зналъ, ничего не зналъ, когда прощал-ся, когда я почувствовалъ его горячую, шершавую, обе-зъянью руку въ своей рукѣ...

— Товарищъ-то... угостился себѣ... — отходя отъ меня, сказалъ онъ.

— Именины — такъ ужъ именины, — добродушно заступился за меня хозяинъ.

Они вышли.

На мигъ я просіялъ. «За пьяного принялъ...» — поду-малъ я, но тутъ же сразу холодная лапа сжала сердце. Если сейчасъ, сегодня все благополучно, то — завтра? Завтра? Онъ сказалъ: Гнѣздинъ выдастъ... Непремѣнно выдастъ. Значитъ — меня? Конечно, меня... Можетъ быть, уже выдалъ, въ эту секунду выдалъ? Можетъ быть, за мной уже поѣхали?.. Я заметался, до дивана дошелъ, сѣлъ, опять всталъ — и тутъ же испугался, что переса-живаньемъ я себя выдаю. Я набрался духу и неестествен-но громко, стараясь казаться навеселъ, крикнулъ Фо-наревой:

— Налейте-ка вы мнѣ, хозяюшка, еще чайку стакан-чикъ! — громко очень крикнулъ.

Фонаревъ, проводивъ Соломона Наумыча, мимо меня прошелъ, взглянуль въ мою сторону, — мнѣ пока-

залось, искоса, — и я опять обмеръ... Если пока до кухни они шли, догадались? Но онъ меня весело-добродушно окликнулъ:

— Чего же вы къ печкѣ забились? Садитесь къ намъ!

Я полетѣлъ къ столу, даже стулъ опрокинулъ, такъ обрадовался, что косой взглядъ — одно мое воображеніе. Но волненіе не проходило, главное, я чувствовалъ что самообладаніе потерялъ: невпопадъ отвѣтить сталь, сахару навалилъ куска три, а передъ тѣмъ увѣрялъ — безъ сахару пью, вопроса какого-то не разслышалъ, сталь стаканъ латышу передавать — весь чай расплескалъ: руки дрожать... Но встать я не могъ. Это я инстинктомъ бралъ, физически не могъ встать, откланяться и уйти, да и вслѣдъ за Соломономъ Наумычемъ никоимъ образомъ уходить нельзя было. Это я все инстинктомъ взялъ.

Вѣроятно, я бы въ этой растерянности такъ и присидѣлъ, если бы въ сосѣдней комнатѣ длинно и тревожно не затрещалъ телефонъ. Фонаревъ съ дѣловитымъ видомъ побѣжалъ къ двери.

Ледяной ужасъ сковалъ меня...

«Выданъ... я выданъ...», отчетливо простучало въ мозгу. На мгновеніе я закинулъ голову и закрылъ глаза — мнѣ казалось, я теряю сознаніе.

Оттуда, изъ этой страшной комнаты, не долетало ни звука... Можетъ быть, Фонаревъ говорилъ шопотомъ, а можетъ быть, крикливы разговоръ вокругъ меня заглушалъ его голосъ. — лишь одно словечко донеслось ясно: «хорошо» — и оно означало въ ту минуту для меня мою гибель и мою смерть...

Я весь съежился, сцѣпилъ слабыя, дрожащи руки вокругъ колѣнъ и не сводилъ глазъ съ чернаго квадрата двери въ коридоръ. Не знаю, можетъ быть, это продолжалось двѣ-три минуты, а можетъ быть, и четверть часа. Не знаю. Ничего не знаю.

И вотъ Фонаревъ вошелъ, даже не вошелъ — вѣжаль и съ порога еще крикнулъ:

— Завтра, Густавъ, трибуналъ не застѣдаетъ, до утра гулять можно!

Латышъ уже давно къ Дорѣ Наумовнѣ близко-близко подсѣль, лепеталъ ей что-то въ ухо и дышалъ ей въ стриженые волосы.

Я взглянула на Фонарева, на латыша, на уже сонное, кукольное лицо Фонаревой, на разомлѣвшую, раскраснѣвшую Таничку, на Андрюшку, на желѣзнодорожниковъ... и вдругъ, вмѣстѣ съ неистовой радостью спасенія, меня неудержимо повлекло къ этимъ людямъ. Что-то спаяло меня съ ними за этотъ вечеръ: и праздникъ ихъ веселый, и пытка ужаса моего, и упоеніе сознаніемъ, что я еще не погибъ, и можетъ быть, погибать мнѣ не придется. Со дна души выпорхнула мысль, та самая, обольстительная, легкая мысль, въ которой я не смѣль себѣ признаться. Она, она одна, могла связать меня съ ними нерушимо и, связавъ, — дать мнѣ прочный, настоящій покой. Я не испугался ея, какъ давеча на Надеждинской, я уже ни о чемъ и ни о комъ не думалъ въ ту минуту — во всемъ существѣ моемъ была только одна мысль, одно слово: «сказать... сказать... сказать...». Словечко это порхало мотылькомъ, кружило въ сознаніи, и я сталъ ощущать непонятную, неизвѣданную еще легкость, легкость отъ исчезнувшаго внезапно страданья, сомнѣнья, опасеній, точно я весь налился пустотой и потерялъ даже тяжесть тѣла...

— Что же вы на скрипичкѣ-то намъ не поиграли? — неожиданно сказалъ рядомъ со мной по-деревенски пѣгучій голосокъ.

Это подъ конецъ вечера осмѣлѣла Таничка, уставивъ на меня посоловѣвшіе синіе пятаки.

— И то правда, что же скрипка-то? — съ хмельной развязностью потрепалъ меня по плечу Фонаревъ.

— Я не могу сейчас играть... я очень усталъ, когда-нибудь въ другой разъ съ удовольствиемъ, товарищи... — ласково, почти нѣжно выговорилъ я, самъ не узнавая звука своего голоса.

— Ну, тогда выпьемъ! — сказалъ Фонаревъ и, схвативъ бутылку за горло, подошелъ ко мнѣ.

«Сейчасъ, сейчасъ скажу...», тихо прозвенѣло въ моей пустой, какъ пузырь, душѣ.

Фонаревъ налилъ два стакана, мы чокнулись, чокнулся со мной и латышъ, и Дора Наумовна, которые только что цѣпко и пьяно поцѣловались на брудершфтъ. Я припалъ къ стакану и осушилъ его однимъ духомъ...

— Мнѣ надо кой-о-чемъ поговорить съ вами, Кузьма Иванычъ, — улыбаясь, сказалъ я и всталъ...

Я бы сказалъ, я бы все сказалъ, все рассказалъ въ ту минуту... Я бы сказалъ, что пакеть — на Надеждинской, что мнѣ удалось прослѣдить, кому онъ переданъ, что только желанье развязать нужный имъ узель заставляло меня дѣлать то, что я дѣлалъ... Я бы сумѣлъ сказать такъ, и такія найти слова — мнѣ бы повѣрили. Я бы свои отношения къ Софѣ и ея мужу преувеличилъ, я бы Софью главной руководительницей моими дѣйствіями обрисовалъ, я бы въ ту минуту кого угодно сумѣлъ увѣрить, что лучшіе Соломона Наумыча имъ все распутаю. Я бы сумѣлъ... я хотѣлъ, да, я хотѣлъ. Это сущая правда!

Но сказать мнѣ не пришлось. Даже не пришлось увидеть взгляда Фонарева. Въ ту минуту, когда я всталъ, на кухнѣ раздался пронзительный женскій крикъ, вопль. грохотъ опрокинутой табуретки, послышался топотъ тяжелыхъ босыхъ ногъ по коридору — и въ комнату вошла по-ночному разнастенная, ошалѣлая, блѣдная до синевы, Дарья.

— Бабка у насъ на кухнѣ померла... — взвизгнула она и заревѣла на всю квартиру.

ГЛАВА III.

Ничего, кажется, не могло случиться болѣе несвоевременного. Не то, что смерть могла напугать кого-либо изъ насть — мы были люди виды видавшіе, — но ужъ очень это случилось неожиданно, и вечеринкѣ нашей сразу пришелъ конецъ. Всѣ повскакали со своихъ мѣстъ, бросились на кухню и съ любопытствомъ обступили трупъ.

Старуха умерла, сидя на табуреткѣ у стола, умерла, видимо, внезапно, безъ агоніи. Лицомъ она уткнулась въ столъ, и ея сѣдая голова, въ свалявшейся наколкѣ, поклонилась между кофейникомъ и пустой чашкой; лѣвая рука висѣла плетью вдоль туловища; правая лежала согнутой на столѣ; изъ разжатыхъ пальцевъ вывалился початый пирожокъ; ноги, въ безобразныхъ веревочныхъ туфляхъ, вытянулись далеко подъ столомъ.

Фонаревъ первый подошелъ къ трупу, потрясь за плечо, взяль ее за руку, за голову.

— Померла, — подтвердилъ онъ.

— Какъ ей не помереть-то было, голубушкѣ! — обрядовыемъ бабыимъ воемъ заголосила Дарья. — Какъ пришла, весь вечеръ, весь-то вечеръ съ такимъ сердцемъ обо всемъ разсуждала... Я говорю ей: «бабушка, замолчи, Христа ради!», а она все дыбится, все дыбится... Потомъ, какъ самоваръ-то я вамъ подогрѣла, ужинъ ей поставила, спать легла, только уснула — слышу: хрипитъ... Подумала:

Тузъ..., а потомъ думаю: какъ — Тузъ? Гдѣ же коту такъ хрюпѣть?.. Соскочила я съ кровати, слушаю — не слыхать ничего... заглянула это я за дверь — да какъ заору!..

И Даша снова заревѣла.

— Куда же ее дѣть? — дѣловито спросила мужа Фонарева и оглянулась на меня. Оглянулись на меня и остальные, точно намекали: старуха моя жилица, мнѣ и надлежитъ принять на себя доставленную ею непріятность.

Я стоялъ какъ пень, и это странное оцѣпенѣніе, заставлявшее меня автоматически дѣлать и повторять все, что дѣлали и говорили другіе, не покидало меня все время, которое я еще провелъ у Фонаревыхъ. Правда, я видѣлъ, что творилось вокругъ меня съ отчетливостью необычайной. До мелочей помню позу покойной, полуразлѣтую Дашу съ зеленовато-русой косой-хвостикомъ за спиной, съ мѣднымъ крестомъ поверхъ грязной холщевой рубашки, плачущую за компанію съ Дашей Таничку, нахмуренное, мигомъ подурнѣвшее лицо мадамъ Фонаревой; помню, какъ латышъ, всезнающій, видимо, человѣкъ, объяснялъ, куда надо о смерти заявить, и какъ они съ Дорой побѣжали къ телефону; помню даже, мнѣ вдругъ очень захотѣлось покурить, но я сдержался, уговаривая себя, что подлѣ покойника, кажется, не курять.

Я простоялъ пнемъ до тѣхъ поръ, пока латышъ, вернувшись, не сказалъ, что все уложено: свидѣтельство о смерти будетъ заготовлено, за трупомъ пріѣдутъ рано утромъ и отвезутъ прямо на кладбище.

— Тамъ ее — въ очередь, а вамъ никакихъ хлопотъ. Очень удобно теперь организовано, — дѣловито вмѣшилась Дора Наумовна.

Хозяева предложили отнести старуху въ мою квартиру и оставить ее до утра въ комнатѣ покойной. Я понялъ, что мнѣ надо дѣйствовать и, когда всѣ стали что-то дѣлать и хлопотать, я сталъ дѣлать то же, что и они.

Мы открыли дверь на лѣстницу на обѣ створки, от-

ставили табуретки, помойное ведро, все, что могло помѣшать, и подняли покойницу. Фонаревъ и Андрюшка взяли ее за плечи, я держалъ ноги, и мы понесли ее. Она была не тяжелая, или это потому такъ показалось, что я только поддерживалъ ноги. Когда изъ фонаревскихъ дверей мы ее выносили, мимо насы стремглавъ промчался ошалѣлый Тузъ и полетѣлъ вверхъ по лѣстницѣ. Мы ее ко мнѣ, въ третій этажъ, подняли. Проворная Дора побѣжала впереди со свѣчкой и съ моимъ ключемъ — дверь отпереть. Когда мы старуху кухней несли, Дора стояла со свѣчей подъ кружкомъ лампы, бѣлѣвшимъ въ темнотѣ. «Я гдѣ-то ужъ это видѣлъ...» — смутно промелькнуло въ моей памяти.

Мы покойницу черезъ узкую дверь пронесли очень ловко и положили на кровать. Дора поставила подсвѣчникъ на комодъ, въ изголовья. Потомъ мы вышли въ кухню — прощаться. Дора небрежно тряхнула мнѣ руку. «И пиръ нашъ кончился бѣдою!» на ходу крикнула она и зашелестѣла внизъ по лѣстницѣ.

— Какъ это вдругъ ее прикончило? Даже удивительно, — сказаль Фонаревъ, закуривая папиросу. Я закурилъ тоже.

— Подобралась старушка, не замѣшалась, — добродушно отозвался изъ темноты Андрюшка.

— У меня вотъ такъ же точно отецъ померъ, — продолжалъ Фонаревъ, — пришелъ изъ бани, сталь квасъ откупоривать — бацъ! — смотримъ, изъ него и духъ вонъ... Скоропостижно.

— Ей прошлой ночью замѣчательный сонъ приснился... она предчувствовала... она говорила... — вдругъ залепеталъ я и хотѣлъ разсказать, непремѣнно разсказать имъ сонъ, даже на лѣстницу вышелъ и нѣсколько ступенекъ слѣдомъ за ними спустился. Но они не то не слушали, не то не поняли, или не хотѣли дольше задерживаться.

— Проспаться вамъ надо, — сказалъ Фонаревъ, фамильярно похлопывая меня по плечу.

Я послушно вернулся, затворилъ дверь, машинально заперъ ее на всѣ замки, крюкъ, ключъ и цѣпочку, прошель къ старухѣ и въ изнеможеніи опустился на стуль противъ кровати...

Въ упоръ смотрѣлъ. Не то что мнѣ жаль старуху было, или жутко съ ней, или какая злоба у меня была, что она весь мой планъ разстроила, — я о ней, какъ о мертвѣй, и не думалъ даже, и о снѣ ея ужъ забылъ, — я удивленно на трупъ уставился, на странное препятствіе, почему-то на погибель меня обрекавшее. Если бы не она, все бы уже устроилось! Все уже было бы кончено! Я бы могъ, конечно, и сейчасъ еще сбѣгать внизъ и сказать, но я уже ни встать, ни пойти, ни рѣшиться — ничего не могъ. Я усталъ смертельно. Я всю волю утратилъ и лишь напряженно прислушивался, не идетъ ли кто по лѣстницѣ, не стучатся ли въ ворота, не слышны ли голоса... Все вздрагивалъ, все оглядывался... Въ полутьмѣ оплывшей свѣчки, среди пыльного скарба, передъ кроватью, гдѣ чернѣло холмикомъ тѣло покойной, сидѣлъ не прежній Алексѣй Павловичъ, еще сейчасъ на вѣчеринкѣ такой хитрый, ловкій, смѣтливый, а смертельно усталый, замученный и раздавленный страхомъ человѣкъ. Въ головѣ была путаница: Соломонъ Наумычъ, Таничка, пляшущій Андрюшка, бутылки, грамофонъ, Дора со свѣчей, бирюзовыя сережки... А за ними — смутный образъ: Гнѣздинъ противъ Соломона Наумыча, рассказывающій обо мнѣ... Я могу спастись, только если Гнѣздинъ смолчитъ. А если онъ и въ самомъ дѣлѣ смолчитъ? Не выдалъ? Не выдастъ? Если бы онъ смолчалъ!..

Тутъ я вдругъ увидѣлъ, какъ нехорошо мы старуху положили.

Она лежала прямо-прямо: огромныя веревочныя туфли были плотно прижаты другъ къ дружкѣ, но руки

бевобразно раскинулись по рваному одѣялу, а лицо отвернуто вверхъ и вбокъ, къ стѣнѣ. «Надо скрестить руки на груди и попрямѣе положить голову, чтобы она была похожа на всѣхъ покойницъ», — подумаль я. Осторожно взявъ ее за локти, я уложилъ руки, потомъ — голову. Когда до висковъ дотронулъся, примѣтилъ за воротомъ шнурокъ. Рѣшилъ сразу: ладонкѣ пропадать невозмож-но. Бросился къ комоду за ножницами, но тамъ лишь всякий хламъ валялся. Я все перешарилъ, потомъ въ ком-наты со свѣчей прошелъ — нигдѣ ножницъ не нашелъ. Отъ разсѣянности не сообразилъ, что и ножемъ можно, а ножикъ въ кухнѣ.

Я шнурокъ кухоннымъ ножемъ перерѣзаль, и ладон-ка сразу выскочила. Она была тяжелая, до черноты гряз-ная и влажная немного — очень непріятно было ее въ рукѣ держать. Я мигомъ нитки распороль и ткань раско-выряль, вообще очень проворно все это сдѣлалъ на ко-модѣ, возлѣ оплывшей свѣчи.

Въ ладонкѣ оказалось не Богъ вѣсть что (призна-юсь, я предполагалъ больше), но все-таки предметъ цѣн-ности немалой: медальонъ, очень старинной, тонкой ра-боты, на крышкѣ гербъ брилліантовый съ двумя руби-нами въ княжеской коронѣ, и поверхъ герба еще рубинъ къ петелькѣ медальонной придѣланъ. Думаю, на зна-тока, вещь солидной цѣнности, потому что гербъ краси-вый и тонкая работа. Я острѣ ножа между половинками медальона всунулъ, и крышка легко отскочила. Тамъ ока-зался портретъ-миніатюра: двое дѣтокъ — мальчикъ и дѣвочка — обнявшись, на креслицѣ сидятъ, а на внутрен-ней сторонѣ надпись: «Наша радость» — и даты.

Я завернуль медальонъ въ носовой платокъ, метнул-ся въ коридоръ и засунулъ его за сундукъ. За эту вещь тысячу четыреста дадутъ, а если черезъ портного Швай-цера, то и всѣ четыреста пятьдесятъ! Тогда и шубу мож-но не продавать, сказать завтра Софье, что раздумаль.

Завтра? Можетъ быть, «завтра» у меня уже и нѣтъ болѣе?..

Взглянулъ на часы — было половина пятаго. На дворѣ чутъ сѣрѣло. Черезъ два часа разсвѣтѣть. Бѣжать? Вѣдь Гнѣздинъ говорилъ, если онъ попадется — бѣжать. А если бѣжать, то сейчасъ же, лишь захвативъ что поцѣннѣе. Я сталъ разныя цѣнныя свои вещицы припомнить, но мысли запутались-запутались, и опять всего меня оплыла апатія, растерянность и отчаяніе.

Я сидѣлъ въ коридорѣ на сундукѣ и сознавалъ: ни на что, кромѣ этого безсмысленаго сидѣнья, меня сейчасъ не хватитъ...

Такъ весь конецъ ночи и просидѣлъ, а потомъ опять прошелъ къ старухѣ. «Она теперь безотвѣтна и лишь благодаря безотвѣтности мнѣ ладонку снять удалось. Я съ нея ладонку, какъ бичевку съ гвоздя, снялъ, а при жизни она бы крикъ на весь домъ подняла, меня бы въ кровь расцарапала, никогда бы не отдала...» въ смятеніи подумалъ я.

Мнѣ стало съ нею очень непріятно; я схватилъ свѣчу и пошелъ въ комнаты, перешарилъ письменный столъ, комодъ, шкафы — не завалилось ли чего-нибудь нелегального, и въ этой суетѣ немного успокоился.

Спасеніе я не былъ, но могъ вывернуться. Зѣвать, однако, не слѣдовало. Надо было, какъ унесутъ старуху, сейчасъ же — къ Софье. Правды ей, конечно, не говорить. Надо просто сказать, что я, ничего не подозрѣвая, попалъ въ гнусную исторію, и что меня, на основаніи случайныхъ встрѣчъ, могутъ привлечь по громкому дѣлу. Софья — какъ всѣ женщины: если только въ голову имъ засѣло, что онѣ нравятся (обманываютъ онѣ себя — не обманываютъ, это имъ тогда безразлично), всегда такого человѣка спасать готовы. Женщины глупы и добры, какъ куры. Только бы скорѣй за старухой пріѣхали!

Штора на окнѣ совсѣмъ ужъ бѣлой стала. Было око-

ло шести. Что же не идутъ? Я въ волненіи по комнатѣ шагалъ, обдумывалъ, какъ бы уйти незамѣтнѣй, и какъ говорить съ Софьей. О томъ, что можно возобновить разговоръ съ Фонаревымъ, мнѣ и въ голову не приходило. Какъ муравей, наткнувшись на щепочку, я поползъ въ обходъ къ той же точкѣ, а о щепочкѣ и думать пересталъ.

Я обѣжалъ комнаты, заперъ шкапы, спряталъ связку ключей въ вѣрное мѣсто, Маркса — всѣ тома — на самое видное мѣсто положилъ, все предусмотрѣлъ. Меня лишь одно теперь беспокоило: за старухой не ѣдутъ.

Прѣѣхали за ней въ восьмомъ часу. Я изъ окна ломового съ гробомъ на улицѣ примѣтилъ и кинулся на кухню дверь отпирать.

Гробъ внесли два солдата въ сбитыхъ на затылокъ фуражкахъ и съ тупо-дѣловымъ видомъ грохнули его посреди кухни. Вслѣдъ за нимъ вошелъ нашъ комитетчикъ Петръ Ивановичъ, кривоногій чахоточный хористъ-цыганъ, съ документами въ рукахъ.

— Гдѣ покойникъ? — съ глупой строгостью спросилъ меня одинъ изъ солдатъ.

— Она здѣсь проживала, — слабымъ теноркомъ отозвался Петръ Ивановичъ и повелъ ихъ за собой.

Я пошелъ вслѣдъ за ними.

Въ ясномъ свѣтѣ утра, среди пыльного вонючаго скарба, на желѣзной кровати съ выломанными прутьями, лежала Галина Карповна, со скрещенными на груди руками. Во всемъ ея обликѣ было что-то величавое, даже безобразныя туфли, и тряпье нищенки, и наколка глупая придавали ей какую-то странную значительность. Лицо было строго, но не страшно: брови приподняты, ротъ слегка разжатъ, точно она что-то увидала и чрезвычайно изумилась....

— Раздѣть ее слѣдуетъ — въ вещахъ хоронить воспрещается, — забеспокоился Петръ Ивановичъ.

Они подошли къ кровати.

Опять безответность, беззащитность мертвой старухи поразили меня. «Она ничего сказать не можетъ, что бы съ ней эти три мужика ни дѣлали», — подумалось. Я вернулся въ кухню и сталъ шагать взадъ и впередъ мимо гроба. Скорѣй бы ее увезли...

Но они мѣшкали. Я слышалъ, какъ они переговаривались, шаркали ногами, съ покрякиваниемъ ворочая покойницу. Потомъ понесли. Какъ они ее положили въ гробъ, я не видалъ, — сѣль въ коридорѣ на сундукъ и прислушивался къ ихъ переговорамъ.

— Гдѣ крышка?

— На дворѣ оставили.

— Можетъ, лучше мы покойницу внизу забьемъ?

— Зачѣмъ забивать? Развѣ на вскрытиѣ не повезете?

— Зачѣмъ на вскрытиѣ? Ордеръ на прямую доставку трупа для погребенья.

— Ну, тогда здѣсь и забить.

— Конешно, здѣсь свободнѣе... — почтительно поддакнулъ Петръ Ивановичъ.

И они повалили на лѣстницу.

Я остался одинъ. Кругомъ плыла та угрюмая, плотная тишина, которая заставляла меня вечерами играть на скрипкѣ.

Я подошелъ ко гробу.

Грязная, холщевая простыня покрывала трупъ. Я постоялъ... потомъ, не размышляя, что и зачѣмъ дѣлаю, кинулся въ коридорѣ, къ сундуку, вытащилъ запрятанное туда ночью, метнулся обратно въ кухню и торопливо, задыхаясь отъ волненія, засунулъ комокъ въ верхній правый уголъ гроба, далеко пропихнувъ его по днищу... Когда солдаты, вернувшись, заколотили съ ужасно громкимъ стукомъ крышку, кряхтя, подняли гробъ и понесли его по лѣстницѣ, — я глядѣлъ имъ долго вслѣдъ съ жесточайшимъ злорадствомъ.

«Ладонка съ ней!.. съ ней!.. съ ней!.. съ ней!..» Я

повторялъ это прямо въ изступлени, въ восторгѣ осущест-
вленной мести.

Кто-то стукнулъ и рванулъ дверь. На порогѣ стояла
заспанная, опухшая отъ слезъ Дарья. Въ рукахъ она
держала смычекъ и скрипку.

— Наши снести вамъ велѣли... Скрипку-то вы вче-
рась у насъ забыли.

Она замялась, хотѣла, видимо, поговорить о волну-
ющемъ ночномъ происшествіи.

Но я не выдержалъ:

— Я очень усталъ... не спалъ всю ночь... оставьте
меня!

ГЛАВА IV.

У Софьи въ гостяхъ я никогда не бывалъ. Заходилъ къ ней только по дѣлу (и обычно по черной лѣстницѣ). Она принимала меня въ темноватой комнатѣ возлѣ людской. Тамъ и мебели почти никакой не было: мѣщики, ящики, столь, стулъ, швейная машинка, да манекенъ съ выпяченной грудью, утыканной булавками... Здѣсь, бывало, я и развязжу пакетъ или узель, что принесъ, и мы сейчасъ же къ торговлѣ и приступали. Изрѣдка — да и то послѣднее только время — говорили мы о постороннемъ. Въ жилыя комнаты она меня никогда не водила: можетъ быть, стѣсняясь показать, какъ они ловко устроились на казенной квартирѣ, а можетъ быть, чтобы съ ея мужемъ не столкнуться — ужъ не знаю; но только дальше коридора я не ходилъ. Первое время мнѣ немного обиднымъ казалось, что она меня, точно прижалку, принимаетъ, а потомъ ничего, лишь бы дѣло сдѣлать быстро и неубыточно. Я вообще за послѣдній годъ безъ всякаго самолюбія превосходно обходился.

Нынче еще дорогой рѣшилъ: приду по парадной лѣстницѣ и прикажу сказать Софью, что къ ней пришли по весьма важному дѣлу. Казалось, такъ будетъ лучше — Софья (несмотря на ранній часъ) непремѣнно приметъ. И вѣрно. Меня сразу въ пріемную провели, комнату огромную, высокую, по казенному вдоль стѣнъ уставленную ясеневыми стульями съ красными бархатными си-

дѣньями, съ узкими зеркальными окнами безъ занавѣсей, настоящую серьезную пріемную.

Софья тотчасъ изъ спальной выскочила. Видимо, она испугалась, не отъ мужа ли вѣсти тревожныя, потому въ чемъ была выскочила; увидала меня, смутилась, покраснѣла и, кажется, обидѣлась немного. Выбѣжала она неумыштая, заспанная, съ папильотками на лбу, въ мятомъ желтенькомъ каштанѣ и красныхъ мягкихъ туфляхъ. Очень несногсшибательной мнѣ показалась, сама, видимо, это сознавала, а потому и обидѣлась.

Мы у окна сѣли, и я къ дѣлу приступилъ, не мѣшкая. Я ейъ разсказалъ про арестъ Гнѣздина и наговорилъ про него кое что неблаговидное; увѣряль, что онъ былъ моимъ врагомъ еще на фронтѣ, человѣкъ безпринципный, можетъ оговорить меня на допросѣ изъ мести за старую полковую ссору, когда я оказался народолюбивымъ прaporщикомъ, а онъ — штабсъ-капитаномъ — выскочкой, притѣснителемъ меньшей братіи. Я предупреждалъ, что это можетъ случиться сегодня же; если не принять мѣръ, спасать меня будетъ трудно и — кто знаетъ! — можетъ быть, и поздно. Говорилъ долго, убѣдительно, чрезвычайно убѣдительно, и не безъ пылкости.

Софья слушала молча. Лицо у нея было серьезно, даже хмуро, и это приводило меня въ отчаяніе.

— Такая глупая, прямо идіотская исторія! Я попадаю, какъ курь во-щи, ну просто, какъ курь во-щи... — — съ возмущеніемъ гремѣль я, хлопая себя по колѣньямъ.

И когда я все сказалъ, и добавить было нечего, я растерялся: Софья хмурилась и молчала. Мнѣ пришло на умъ, что она хмурится не потому, что не вѣритъ мнѣ, а потому, что я пришелъ не во время и увидалъ ее въ не-привлекательномъ видѣ. Чтобы поправить дѣло, я потрогалъ прядь ея распущеныхъ волосъ и силился улыбнуться съ восхищеніемъ.

— У тебя все такие же красивые волосы...

Софья вспыхнула, мотнула головой, отстранившись отъ моей руки, и, бокомъ глянувъ въ зеркало, покраснѣла пуще.

—Вы попали, конечно, въ скверную исторію. Надо подумать, — солидно сказала она и стала быстро раскручивать папильотки. — Зайдите завтра, послѣ завтра, ну, около пяти, шести, — лучше около шести.

Сердце у меня замерло... Ждать до завтра, когда я едва дождался утра!

— Завтра?!. не владѣя собой, закричалъ я. — Да неужели ты не понимаешь, я же не могу ждать до завтра!...

Софья опустила руки и, прищуривъ глаза, пристально посмотрѣла на меня, не посмотрѣла, а словно перекрестила взглядомъ съ головы до пятъ, съ плеча до плеча. Думаю, видъ мой былъ противный (я сразу почувствовалъ, что противный), и крикнулъ я какъ то визгливо, по кликушичи. Но, кажется, не слова мои (убѣжденье, что въ серьезность моихъ опасеній Софья сначала не очень вѣрила), а именно этотъ видъ противный ее и тронулы: что-то дрогнуло у нея въ лицѣ, поднялись темные брови, глаза посвѣтлѣли и вдругъ, совсѣмъ уже неожиданно, она улыбнулась доброй, бабьей улыбкой.

— Вы не волнуйтесь, Алексѣй Павловичъ, не волнуйтесь, — участливо проговорила она — можетъ быть, вы правы, надо поторопиться, сегодня же предпринять что нибудь. Какъ жалко, что Іосифъ Эдуардовичъ уѣхалъ! Онъ все мигомъ бы устроилъ. Пойдемте въ столовую, вы очень нервный стали.

Она говорила мягко, почти ласково, но что то въ ласкѣ ея было недобroe.

—Такая глупая, прямо идіотская исторія... — промороталь я уже разъ сказанную фразу.

Софья провела меня въ столовую. Она шла впереди, небрежно запахнувъ халатъ, грузно ступая на пятки.

Все ея кокетство немудрое куда то исчезло послѣ моего визгливаго «завтра». Мнѣ кажется, этимъ воплемъ я глубокое отвращеніе къ себѣ вызвалъ, потому что, дойдя до двери, она вдругъ вернулась и пошла къ камину.

— Постойте, я покажу вамъ послѣдній снимокъ Іосифа Эдуардовича... — не глядя на меня, сказала она и взяла съ камина фотографическую карточку. — Его не узнатъ въ военной формѣ, она его очень молодитъ. Они тамъ, на югѣ, какъ львы, дерутся. Вы читали вчера его донесенія въ газетахъ?

— Нѣтъ.

Я подержалъ рамку, мелькомъ глянулъ на стекло и поставилъ ее на мѣсто. Мнѣ и обиднымъ не показалось, что она мужемъ похвасталась и навѣрно радовалась въ душѣ, что мужъ онъ, а не я. «Ну, такъ — такъ такъ...» безразлично подумалъ я. Меня тревожило сейчасъ одно: что Софья предприметъ? какъ приступитъ къ дѣлу? Вотъ здѣсь безразличія не было — наоборотъ, мнѣ съ трудомъ нервное нетерпѣніе скрыть удавалось. Софья безтолковой всегда немного была и застѣнчивой, какъ дѣвочка. «Не напутала бы...» беспокоился я.

Она налила мнѣ кофе, каравай хлѣба огромнымъ ножемъ ловко на ломти разрѣзала, масло, сахаръ пододвигнула, а сама пить не стала. Шлепая туфлями, она пошла звонить въсосѣднюю комнату по телефону. Я весь превратился въ слухъ. До меня внятно долеталъ ея голосъ, когда то по дѣтски звонкій, а теперь слегка осипшій, со сна, быть можетъ.

Кому-кому Софья въ то утро не трезвонила! Думаю, она номеровъ семь-восемь вызывала. Я такія громкія имѣна слышалъ, такія громкія, что даже не вѣрилось, что обо мнѣ Софья съ ними разговариваетъ, и то развязно, по пріятельски, а съ кѣмъ пониже по положенію — строго требовательно, сердито даже, и всякий-то разговоръ Іосифомъ Эдуардовичемъ кончался — поздравле-

ніемъ Софы со вчеращнимъ его донесеніемъ. Я повеселъль, пріободрился. «Ну какъ же съ такими свяяями все не уладить! Конечно, уладить... И донесеніе кстати пришлось». Отъ волненія я пить-ѣсть не могъ, хотя и очень голоденъ быль, все на дверь смотрѣль, Софью ждалъ; кажется, долго, безконечно долго ждалъ...

И вотъ опять зашлепали туфли, заскрипѣль поль, и дверь распахнулась. Софья мнѣ еще съ порога объявила:

— Можете быть совершенно спокойны — я за васъ поручилась. Вамъ выдадутъ документъ, по которому рѣшительно никто безъ нашего вѣдома тронуть васъ не можетъ. Надо будетъ съѣздить и получить его.

Точно грузъ непосильный эти слова съ плечъ моихъ сбросили! Я преглупо возликоваль, бросился къ Софѣ, руку пощеловать хотѣль.

— Ты поручилась? Ты поручилась? Вы поручились? — не зная, какъ уchtивѣе — «ты» или «вы» ей говорить, залепеталъ я.

Софья брезгливымъ движеніемъ отстранилась отъ меня, и лицо ея опять мнѣ не понравилось.

— Да, поручилась, — рѣзко сказала она, усаживаясь за столъ, — и вполнѣ сознательно. Надо вать знать, надо вать видѣть, Алексѣй Павловичъ... Развѣ вы можете общаться со шпіонами! — и она усмѣхнулась холодной, недоброї усмѣшкой.

Ея презрѣніе почему то опять не тронуло меня, немного только было непріятно, что я ей противенъ, до брезгливости, очевидно, если она руки отдернула, тогда какъ третьяго дня на нихъ же для меня новые перчатки надѣвала. Но я опять сказалъ себѣ: «Ну, такъ — такъ такъ...» и о непріятности позабылъ. Главное — неприкосновенность и документъ, а остальное было, откровенію говоря, мнѣ все равно.

— Я не знаю, какъ, ну какъ и благодарить тебя.... и

такъ мнѣ совѣстно — обезпокоилъ, да еще съ утра, такую рань... ужасно неловко, право...

Я говорилъ первыя слова, которыя мнѣ лѣзли на языкъ, а потомъ, конечно, къ своему дѣлу вернулся.

— А когда можно эту бумагу получить? Это не къ спѣху, но если бы все же знать хотѣть приблизительно, когда можно надѣяться?.. — путаясь въ словахъ, уже на зойливо приставалъ я.

— Я сейчасъ одѣнусь и сѣѣзжу. Я люблю — дѣлать, такъ ужъ дѣлать, не наполовину, не кое-какъ. Дайте только кофе выпить, — съ важностью отчеканила она.

Мы молчали.

Я смотрѣлъ на нее, стараясь не потревожить ее взглядомъ; смотрѣлъ на ея самодовольное, пополнѣвшее лицо, на круглые, бѣлые руки, освѣщенныя солнцемъ, которыя хватко, цѣпко брали ножъ, хлѣбъ, чашку... замѣтилъ незнакомую привычку єсть быстро, набивая ротъ и раздувая щеки — и все-таки, несмотря на самоувѣренность, на удовлетворенное досыта, до отвала самолюбіе, которымъ она, казалось, вся переполнена, она мнѣ въ эту минуту была почему то жалка. Тутъ только я увидаль, что отъ старой Софьи, той, что была пять лѣтъ тому назадъ, пожалуй, ничего больше и не осталось — ужъ очень она перемѣнилась.. Но если бы она не мѣнялась, не было бы ни документа, ни тѣхъ большихъ и малыхъ услугъ, которыя меня за этотъ годъ такъ выручали! Такъ спасали! Все выходило къ лучшему.

Вѣроятно, у Софьи были тѣ же мысли, но только по отношенію ко мнѣ, потому что она неожиданно сказала:

— Какъ вы измѣнились за эти годы, Алексѣй Павловичъ...

Я промолчалъ и, кажется, молчаніе мое она сочла за безотвѣтность очень несчастнаго, потерпѣвшаго отъ чужой жестокости человѣка, и опять пожалѣла. Какъ то-

гда, въ приемной, посвѣтлѣлъ ея взглядъ, и голосъ зазвучалъ почти ласково.

— У васъ ужасно усталый, больной видъ — вы бы обратили на себя вниманье.

— Я всю ночь не спалъ. У меня жилица-старуха померла. Она, бѣдная, прямо нищая была, и знаешь, чудачка какая? Все бездѣлушку одну золотую хранила — памятку отъ господъ, не продавала, никакъ не уговорить было ее продать. Я ей эту бездѣлушку въ гробъ сунула...

Зачѣмъ я Софѣ это сказалъ, не знаю. Можетъ быть, потому что поступокъ этотъ мнѣ казался ужъ очень благороднымъ, а главное, я былъ увѣренъ, что ея Іосифъ Эдуардовичъ на него не былъ бы способенъ, и Софья сразу пойметъ, — напрасно его карточку въ руки совала.

Но она глотала кофе, разсѣянно слушая меня.

— Теперь много народа умираетъ. Въ революцію это нормально — дѣловито проговорила она.

Я понялъ, что придалъ значеніе тому, что никакого значенія за предѣлами моей норы не имѣть. Вообще, что сказалъ про старуху совсѣмъ некстати. Къ счастью, Софья собралась, наконецъ,ѣхать.

— Если хотите, вы можете меня подождать. Я скоро вернусь. Что же вамъ еще разъ сюда бѣгать, — покровительственно сказала она, съ шумомъ отодвигаясь отъ стола. — Вы можете подождать, ну хоть въ кабинетѣ... тамъ диванъ отличный. Если хотите, можно тамъ и прикорнуть. — Она указала на дверь за моей спиной.

Я былъ радъ одинъ остаться. Ужъ очень мнѣ было трудно съ Софьею въ то утро.

Комната оказалась огромная, вся солнцемъ залитая, окнами зеркальными на Фонтанку, и, тоже по казенному, была уставлена старинной непривѣтливой мебелью: овальный столъ посрединѣ, вокругъ четыре красныхъ александровскихъ кресла крестомъ, диванъ глубокій, но ко-

роткій, съ деревянной спинкой, на каминѣ часы громадные, бронзовые, пылью покрытые, — пыль и на люстрѣ, и на пожелтѣвшихъ отъ времени хрустальныхъ подвескахъ и на всей мебели, — у окна столъ письменный широченный, неряшливо бумагами заваленный, два Ундервуда на простомъ еловомъ столикѣ, покрытомъ клеенкой; на стѣнахъ подъ огромными пустыми рамами: географическая карта, диаграммы, вырѣзки изъ газетъ и квитанціи кнопками всюду пришпилены и на гвозди наса жены. Въ одномъ углу на полу — книги, стопы газетъ грудой свалены, въ другомъ, возлѣ изящнаго шкафчика съ инкрустацией, почему то — пара сапогъ, (его сапогъ, конечно) не очень новыхъ, но еще крѣпкихъ (шнурки по полу везутся), а рядомъ тутъ же, на полу, огромное чернильное пятно; чернильницу, очевидно, уронили. И на всей комнатѣ отпечатокъ неряшлиности, безцеремонности безпечальной.

Здѣсь какой нибудь тайный совѣтникъ, въ вицмундирѣ безъ единой пушинки, возвѣдалъ, секретари въ лакированныхъ сапожкахъ вѣтеркомъ порхали, императоры со стѣнъ смотрѣли... Ну, а теперь.. теперь Госифъ Эдуардовичъ все здѣсь перепачкалъ.

Я то великолѣпно этого Ангели съ Тентелевскаго завода знаю! Я то его помню! Хоть онъ еще пять Ундервудовъ наставь и всѣ стѣны газетными ласкунчиками убери... Я то отлично знаю, что и Софью онъ отъ меня отнялъ, потому что быть ничтожнѣе меня.

Въ сущности, Софью я не жалѣль, она совсѣмъ чужой стала, даже больше, чѣмъ чужой: всякий чужой интересъ новизны еще имѣеть, да новизна-то ея мнѣ не интересна, а лишь полезна; если же Софья теперь расторопной и толковой хлопотуньей стала, такъ вѣдь благодаря этому я цѣлехонекъ, — не иначе. Правда, Эдуардычъ очень мнѣ ее испортнѣлъ. Софья, моя то Софья, была нѣжная, легкая, птичка безпечная и чудачка: жизни боялась, людей дичилась, съ чужими робѣла и только дома рѣзвилась

и щебетала безъ умолку. А теперь не то... Потяжелѣла, стала ходить размашисто и грузно, говорить разсудитель-но, съ достоинствомъ туповатымъ; и неряхой стала: одинъ помпонъ на двѣ туфли и капотъ съ пятномъ на рукавѣ, да и все кое какъ. Я это сразу замѣтилъ.

Въ сущности, если пять лѣтъ тому назадъ я пострада-далъ, теперь это мнѣ на пользу. Для Софьи я потерпѣв-шій, вродѣ какъ для царя инвалидъ. Она въ чёмъ то себя виноватой передо мной считаетъ, а потому и всякия мнѣ услуги. Я думаю, никакой особой вины съ ея сторо-ны не было, ужъ такъ, само собой случилось; а то я и самъ виноватъ, пожалуй.

Когда первый разъ я съ фронта пріѣхалъ, тогда сразу понялъ, что въ домѣ у насъ неладно изъ-за этого шустраго инженера, и сразу онъ мнѣ противенъ сталъ своей говорливостью и самоувѣрѣніемъ видомъ. И лицо его мнѣ было непріятно, можетъ быть, именно потому, что оно могло Софѣ казаться пріятнымъ.

Онъ весь пушистый былъ: и усы рыжеватые, и воло-сы свѣтлые, и брови, и рѣсницы; глаза-забіяки, съ задо-ромъ; ротъ большой, бѣлозубый, всегда влажный, жад-ный и до ъды вкусной, и до папиросъ, до споровъ гром-кихъ, и до поцѣлуевъ, конечно. Болталъ онъ бѣзъ умол-ку и все зналъ: что замышляютъ англичане, сколько пу-шечъ у Брусилова, что будетъ черезъ десять лѣтъ со всѣ-ми нами, и какъ и гдѣ въ Сибири бьютъ бобровъ, и сколь-ко пахотной земли на Кавказѣ, и почему русскій мужикъ иначе, какъ по американской конституції, ни за что жить не согласится... При этомъ выходило всегда, что онъ все знаетъ, а я — ничего. Бывало, только ротъ рас-крою — онъ ужъ на меня рукой машетъ: «Это абсолют-ная аберація. У васъ полное незнаніе точныхъ обстоя-тельствъ дѣла».

Не нравилось мнѣ тоже, что съ Софьей онъ небреж-но-фамильярно обращался, точно для него вопросъ уже

рѣшенный: влюбится она въ него безъ памяти. Обиднѣе всего, что Софья на него блестящими глазами смотрѣла и его пошлостями восхищалась. Восхищалась его небрежнымъ костюомъ (тогда какъ, по моему, это отъ врежденной неряшливости происходило), манерой гордо за-кидывать голову въ спорѣ, — а мнѣ было ясно: сломанное пенснѣ плохо на носу держится; нравилось ей, что онъ любилъ чудить: забирался на кухню къ нашей кухаркѣ чай пить, когда гости въ комнатахъ разговаривали, въ гостиной разваливался на диванѣ, подмявъ подъ себя нарядныя Софьины подушечки, ходилъ зимой безъ шубы, а лѣтомъ безъ шляпы, привозилъ картузы съ мятными пряниками, лѣсными орѣхами, совалъ въ руки растрепанныя брошюрки съ измызганными обложками, какъ то разъ раннимъ лѣтомъ среди бѣла дня выкупался на Елагиномъ островѣ, за что и былъ отведенъ въ участокъ, а Софья надъ этимъ безчинствомъ хохотала до упаду — ей это необычайно понравилось. Въ особое восхищеніе привель онъ ее, когда букетъ, присланный ей однимъ знакомымъ офицеромъ въ день рожденія, онъ безъ разговоровъ въ форточку выкинулъ. Кажется, послѣ форточки у нихъ все и рѣшилось...

А я, въ первый мой прїездъ, вмѣсто того, чтобы се-бѣ признаться, что эту глупую трещетку ненавижу, старался себя увѣрить, что онъ преинтересный человѣкъ, и у Софьи въ мое отсутствіе есть пріятный собесѣдникъ. Я съ нимъ такъ привѣтливъ въ тотъ прїездъ былъ, все по телефону его въ гости къ себѣ звалъ, а уѣхавъ, открытки посыпалъ. Но самое гнусное было, что я и Софья о немъ чудесно отзывался, точно ее самъ въ пропасть подталкивалъ.

Вотъ такъ это и пошло. Теперь то мнѣ ясно, что я своей ревнивой ложью губилъ себя и жену. Неизвѣстно, какъ бы еще все повернулось, если бы я, какъ Познышевъ, снявъ сапоги, съ кинжаломъ за нимъ погнался.

Мнѣ кажется, когда Софья увидала, что я ни на какой кинжалъ не способенъ, тутъ она и рѣшилась, тутъ я изъ ея сердца, какъ изъ гнѣзда, и вывалился...

Можетъ быть, это моя вина, что нѣжную мою Софью, бабочку мою легокрылую, въ этакую кувалду превратили. А впрочемъ, можетъ быть, у каждой русской женщины сарафанъ и лапти до времени припрятаны...

И все-таки вышло къ лучшему, потому что я сидѣлъ сейчасъ на мягкомъ диванѣ, а не на койкѣ тюремной.

Здѣсь въ памяти вся ночь всплыла. Непрѣятно было вспоминать о Надеждинской и о глупости съ пьяныхъ глазъ у Фонаревыхъ. Но зато благородный поступокъ со старухой, удивительно благородный! И опять я себѣ очень хорошимъ человѣкомъ показался.

Отъ всѣхъ этихъ мыслей я усталъ и прилегъ на диванъ. Въ квартирѣ тишина... Солнце — на стѣнахъ, на полу, на сапогахъ моихъ, а въ окнахъ небо свѣтлое, по утреннему бѣлое. Крѣпость-твѣрдыня эта гулкая, какъ музей, пыльная квартира Іосифа Эдуардовича! Сюда ни одинъ Соломонъ Наумычъ и носа сунуть не смѣеть! Я улегся поудобнѣе и, все глубже и глубже погружаясь въ мягкий ватный покой, по которому истомился, заснуль мертвымъ сномъ подъ газетными лоскутиками Іосифа Эдуардовича...

Проснулся я не отъ стука, не отъ скрипа, не отъ шороха, а отъ взгляда. Я вдругъ раскрылъ глаза: Софья сидѣла поодоль и въ упоръ смотрѣла на меня, спящаго. Она была въ шляпѣ, только что вернулась.

Я вскочилъ, пригладилъ волосы.

Неказистъ спящій человѣкъ, по моему, всякий, а я, небритый, измятый, въ сапожонкахъ, виды видавшихъ, на-вѣрио, ей опять противнымъ показался.

— Ужъ вы простите, я поспалъ немножко..

Софья опустила глаза и стала рыться въ сумочкѣ, потомъ, не глядя, протянула мнѣ бумажку. Я ее развер-

нуль, вѣтъ четыре строчки главами съѣтъ, и подпись, и печати красныя — все. Бумажка была крѣпкая, вѣская, беззаконная до анекдота, но мой закончикъ о правѣ въ гробѣ не ложится, буде я этого не пожелаю, она защищала добросовѣтно.

— Какая вы добрая! Какая хорошая... — и я торопливо засунулъ документъ въ бумажникъ. Благодарить ее поласковѣй, попорывистѣй, я уже не отважился.

Софья разсѣянно пощелкивала замочкомъ сумочки и о чѣмъ то раздумывала. «О чѣмъ это она? Можетъ быть, я суховато поблагодарилъ? Но какъ же иначе? Простить бы поскорѣй...» и я съ тоской глянулъ на дверь прихожей.

Мы молчали.

Тутъ, скрипнувъ пружинами, Софья поднялась съ кресла и, глядя не на меня, а куда то въ сторону, на Ундервуды, спросила скороговоркой:

— Это — вѣрно? Вы не замѣшаны въ этомъ дѣлѣ?

Тревога ея, лицо ея растерянное и вся она, не то испуганная, не то озадаченная, сразу мнѣ понятна стала: въ нее сомнѣніе вкраплось, и пугалась она его и, быть можетъ, ужасалась, что наговорила-натворила безъ мужа, безъ царя и повелителя своего, Іосифа Эдуардовича!.. Но правды обо мнѣ все-таки она не знала, иначе, конечно, документа бы не выдала.

— Почему ты спрашиваешь? — спросилъ я, стараясь говорить какъ можно тверже.

— Я взяла васъ на свою отвѣтственность... я ручалась. Это все равно, что самъ Іосифъ Эдуардовичъ. Ты понимаешь? Понимаешь, что это значитъ? — взволнованно говорила она, не замѣчая, что путаетъ «ты» и «вы». — Тебя никто не тронетъ, но мы за тебя, я за тебя отвѣчу колоссальнѣйшей непріятностью... колоссальнѣйшей, если ты ввяжешься въ какуюнибудь организацію. Ты мнѣ

сказалъ. что то насчетъ Гиѣздана... онъ не твоего полка оказывается — ты солгалъ?

Софья стояла красная и говорила быстро, раздраженно, съ сердцемъ. Вся важность ея куда то улетучилась, и сквозь испугъ я на мгновеніе былую Софью увидалъ, глупенькую, довѣрчивую, обреченную на больши и малые обманы. Тутъ я солгалъ твердо, тверже нельзѧ:

— Гиѣздинъ — вѣрно, былъ у насть недолго, потомъ перевелся на Кавказъ. Быть можетъ, онъ скрываетъ это. Я не солгалъ, я ничего тебѣ не солгалъ. Неужели бы могъ тебѣ солгать... при такихъ то отношеніяхъ!

Я не докончилъ.

— Хорошо-хорошо... — раздраженно прервала она меня, — только напрасно къ намъ приходите: что порвано, такъ ужъ порвано... и навсегда, и некогда мнѣ, и замята я... и не могу я возиться съ вещами, съ шубой вашей... и вообще, вообще...

Она путалась, волновалась, и сердилась на меня и на себя за это волненіе.

«Прощаться... скорѣй прощаться», сообразилъ я.

Но вышло такъ, что мы не простившись, разстались въ то ясное утро. навѣки...

Прежде чѣмъ я придуматъ могъ. какія слова ей на прощаніе сказать, залился телефонъ въ глубинѣ квартиры. Софья неуклюже бросилась къ двери. Быть можетъ, она и вернулась бы послѣ телефона — проститься, если бы я на дорогѣ ей не попался, а я ей попался на пути именно такъ, что она меня всего на свѣту яркомъ, на фонѣ бѣлой стѣны, какъ распластанного комара, увидала. Былъ ли я очень невзраченъ, безгласность-безвластность моя крайняя меня губила, или просто постыдилась она меня, мужа былого своего — ума не приложу, только на порогѣ она на секунду пріостановилась и крикнула рѣзкимъ, сдавленнымъ, не своимъ голосомъ:

— Шубу-то, шубу вашу заберите! На сундукѣ въ прихожей въ узлѣ лежитъ!..

Это ея послѣднія слова и были. Она шумно и плотно притворила дверь, и не видаль я ее больше..

Софья мнѣ навсегда запомнилась именно такой, какъ тогда на порогѣ стояла: маленькая, толстая, въ чемъ то рыже-коричневомъ, въ черной шляпкѣ-треуголкѣ съ люто-краснымъ цвѣткомъ, съ лицомъ злымъ, вражьимъ, съ посвѣтлѣвшими отъ отвращенія ко мнѣ глазами...

Я постоялъ, потоптался и шмыгнулъ въ прихожую, кепку съ подзеркальника схватилъ, узель съ шубой — съ сундука, безшумно отомкнулъ дверь, такъ же безшумно притворилъ ее, и, легко и вольно перепрыгивая че-резъ ступеньки, полетѣлъ внизъ по лѣстницѣ.

Спасенъ! Спасенъ! Остальное все равно...

ГЛАВА V.

Съ этого то дня и началась новая полоса: не то, чтобы внѣшне что нибудь измѣнилось —нѣтъ, потому что о ту пору измѣняли жизнь такихъ людей, какъ я, только арестъ, побѣгъ, болѣзнь, что ли — а именно это все отъ меня и отступило преблагополучно. Нѣтъ, внѣшне было по старому, и укладъ жизни моей, сѣрый и сложный, былъ тотъ же. Такъ же я лежалъ на диванѣ и курилъ до сердцебіенія, такъ же хлопоталъ о снѣди всякой, изрѣдка на Неву, къ водѣ, къ проросшей среди булыжниковъ, рыжей, гнилой уже по осени травѣ, посидѣть ходилъ, такъ же печку растапливавъ и подолгу ужиналь, хоть давно уже ъѣть по малу пріучился, такъ же на скрипкѣ игралъ. Только старухи, разумѣется, не было.

Комната ея въ тотъ же день, какъ ее въ гробу увезли, Петръ Ивановичъ опустошилъ. Пришелъ со свидѣтелемъ какимъ то (откуда онъ его привель, неизвѣстно — въ домѣ я его никогда не встрѣчалъ), и, подъ видомъ описи наслѣдства, долго у ней въ комнатѣ они возились, шаркали ногами, газетами шуршали, а когда ушли — чисто! Петръ Ивановичъ со свидѣтелемъ послѣдній скарбъ старухинъ выкрали.

Мнѣ пустота эта послѣ старухи жуткой показалась, непріятно было и мимо двери ея комнаты проходить: сей-часъ же исторія съ ладонкой вспомнилась и, хотя конецъ ея мнѣ все еще очень нравился, тутъ же вспомнился и глупый эпизодъ у Фонаревыхъ...

Да, жизнь моя была, какъ будто, и старая, а между тѣмъ вошло въ нее нѣчто такое, что, не измѣняя вида уклада, мѣняло ее безвозвратно. Такъ мѣняетъ сердцевину жизни человѣческой страсть какая нибудь огненная, утрата, смерти подобная, радость нечаянная, въ жизнь птицей залетѣвшая, или черный подвигъ какой — уголовное что нибудь, или... то, что со мною приключилось, когда я втихомолку спасся и, среди всеобщаго страха-трепета, прятанья и отчаянія, преблагополучно сталъ жить-пошевеливаться.

Житейски разсуждая, я людямъ никакого особаго зла не сдѣлалъ. Я, можно сказать смѣло, ничьей злой участіи не усугубиль. Я и о Гнѣздинѣ, въ сущности, очень деликатно выразился и на одни личные счеты наши и упиралъ. Строго говоря, какъ честнымъ человѣкомъ я былъ, такъ и остался. Спасеніе мое нелѣпо - счастливая случайность — и только. Вотъ мои разсужденія въ тѣ дни. И все-таки... что то до того меня нагло отъ всѣхъ людей теперь отгородило — казалось, мнѣ больше не съ кѣмъ и не за чѣмъ встрѣчаться.

И я не встрѣчался. Я ужасно боялся разспросовъ о провалѣ и знать, куда сейчасъ ни сунься, только обѣ этомъ и разговоръ. Я ни къ кому не ходилъ, цѣлую неделю ни на одинъ звонокъ незнакомый не отпиралъ, все боялся, чтобы кто нибудь «оттуда» не зашелъ ко мнѣ оповѣстить о ходѣ нашего провала. Раза два стучалъ кто то въ позднія сумерки, тихо очень — видно, рукой въ перчаткѣ, — потомъ, еще день спустя, въ то же время, робко звонокъ дернуль и записочку въ щель подъ дверь пропихнуль. Этимъ дѣло и кончилось. Въ записочкѣ какая то конспиративная тарабарщина была, поняль я одно: я долженъ сейчасъ же пойти къ Шкареву за получениемъ новыхъ инструкцій; тутъ же былъ и перечень арестованныхъ.

Я югомъ списокъ проглядѣль. Въ заголовкѣ: «Гнѣз-

динъ», потомъ пять-шесть незнакомыхъ фамилій, потомъ все извѣстные мнѣ по наслышкѣ дѣятели, потомъ «Повѣнецкая»... «Марія Повѣнецкая». Марія Повѣнецкая? Да это же она... Я же помнилъ, зналъ ея фамилію съ партійной точностью, только почему то по имени ее не называлъ, кличекъ ей разныхъ надавалъ Ну да! «Черная дѣвица»... «строгая дѣвица», «дѣвица съ Надеждинской», «звено» мое — Марія Федоровна Повѣнецкая, Надеждинская 34. Я точно знаю: это — она. Правда, за эти дни я ни разу о ней не вспомнилъ, за эти дни у меня многое просто изъ головы вонъ. Со мной часто теперь случается, что цѣлые куски переживаній вдругъ изъ памяти вываливаются и возстановить ихъ всякий разъ большого усилія стоитъ, и никогда не поручишься, такъ ли все было. Мнѣ и въ голову за эти дни не пришло поинтересоваться, попалась она или не попалась.

«Если попалась, если такъ-то... если съ ея точки зре-
нія...» соображалъ я, съ усиліемъ вспоминая подробно-
сти послѣдней встрѣчи, — «вѣдь — я? Никто какъ я!
Только я и могъ! Такъ она, навѣрно, и утверждаетъ...
Какъ это было? Ахъ, какъ это она тогда? Да... «пожа-
лѣйте нась....» Нѣтъ, не такъ: «не покидайте нась....»
что то въ этомъ родѣ. Нѣтъ-нѣтъ... можетъ быть, и не
такъ, но очень,омнится, театрально сказала. Ей не по-
вѣрять! Начиталась «Бѣсовъ»! Она типъ курсистки, кото-
рая начитается книжекъ и лѣзеть на стѣну. Такимъ фан-
тазеркамъ не вѣрять — никогда... никогда!

И я опять къ запискѣ приникъ, вчитываясь, вдумы-
ваясь, что значило приглашеніе идти къ Шкареву: довѣ-
ріе или подозрѣніе? И вдругъ я скомкалъ записку, разо-
рвалъ ее на мелкіе клочки и шваркнулъ въ печку. Напле-
вать! Вѣдь, теперь мнѣ ровно никакого дѣла нѣть ни до
подозрѣнія, ни до довѣрія. «Цѣпь», Гельсингфорсъ, ин-
струкціи Шкарева, аресты... Я уже виѣ этого или надѣ-
этимъ. Я — спасенный!

И, въ порывѣ скотскаго ликованья, я схватилъ со стола остывшій самоваръ и побѣжалъ подогрѣвать его на кухню, откупорилъ къ ужину припрятанную баночку сгущенаго молока, и шпiku, и хлѣба нарѣзalъ вволю, и еще сахару взялъ изъ мѣшка не считая, полной пригоршней, потомъ сразу ужинать сѣлъ въ беззаботности небывалой, а потомъ завалился на кровать и заснулъ... Пожалуй, это былъ единственный вечеръ, когда я воистину насладился покоемъ, хотя столъ дорогой цѣнной добытымъ.

Въ эти дни я не только своихъ избѣгалъ и пугался, мнѣ и «тѣхъ», что силу жизни въ моихъ глазахъ олицетворяли и этимъ нравились, — видѣть не хотѣлось. Не то не нужны они сразу стали, какъ только я понялъ, что крѣпко ногами въ землю уперся; не то я самъ въ тѣ дни своей силой жизни упивался, давился даже; не то гуши уголовной, грязищи ихъ кроваво-черной преодолѣть все же не могъ настолько, чтобы безъ всякой для себя выгоды теперь съ ними общаться. Все послѣднее время я жилъ такъ, точно никого и ничего на землѣ, кромѣ меня, Алексея Павловича, и не существуетъ. Ничѣмъ я не интересовался, ничто меня не трогало. Даже о людяхъ, о правдѣ людской, «разъ въ сто лѣтъ открывающейся», не философствовалъ больше. Не писалъ почти ничего, не читаль, и газетку, на перекресткахъ расклеенную, не проглядывалъ.

Этотъ грубый, собачій праздникъ мой длился не очень долго. Въ точности сейчасъ опредѣлить не могу, думаю, недѣли три-четыре а, можетъ быть, и меньше; но мнѣ казалось, что дни тянутся очень долго, дольше обыкновенного, какъ ни старался я скоротать ихъ дневнымъ сномъ, лишней смѣнной самовара, ъдой не въ обычное время.

Если говорить правду, то было что то физически истомное, какъ похоть утоленная, въ тѣхъ минутахъ, когда я сидѣлъ, поужинавъ, на всѣ замки-засовы квартиры крѣпко запертый, въ теплой ватной курточкѣ, подъ лампой.

коптилкой, и, самъ весь теплый и сытый, безтолково пералистывалъ, Богъ знаетъ какими судьбами подвернувшуюся, жоржъ-зандовскую идiotскую «Индіану»... За окнами осень поздняя, дождикъ по водосточной трубѣ за стѣной журчитъ-катится, вѣтеръ заслонкой въ печи стучить, а такъ — все кругомъ: молчокъ и темень. Если изъ форточки выглянешь — колодезь: нѣмь и чернота. Даже Фонаревы стали окно плотно драпировками задергивать. Все живое точно въ обморокѣ отъ страха передъ грозной ночью. Только мнѣ ночь не страшна: въ бумажникѣ — листокъ-четвертушка, тамъ чернымъ по бѣлому сказано въ томъ смыслъ, что я «особенный», «не какъ всѣ». И не боюсь я ночи, когда такія печати и подпись-закорючка красными чернилами самого «Коротконогаго», «Кудряваго», съ круглыми, кошачими глазами...

Да, все это минутами придавала острый, сладостный вкусъ моей жизни; было пріятно, что все же я чистъ нравственно, только проявилъ болѣзненную неустойчивость нервовъ — послѣдствіе всего пережитого — и, конечно, какъ всякий человѣкъ, могъ сдѣлать предосудительный, недостойный даже, шагъ въ нетрезвомъ видѣ. Но зато далѣе смѣло улыбалась моя совѣсть: въ день нравственной неустойчивости — поступокъ съ медальономъ и отсыпанное наканунѣ старухѣ пшено!

И вотъ, несмотря на ложь о себѣ, которая была тогда моей правдой, несмотря на ложью пропитанную память мою, несмотря на идиллію подъ лампой-коптилкой — во мнѣ стала постепенно вздыматься душная скука и, медленно меня обволакивая, губила самый ростокъ моей жизни. Стало это проявляться тихо, незамѣтно, безъ всякой видимой причины, какъ совершается въ жизни все для человѣка воистину значительное.

Помню, портной Швайцеръ своего огненно-рыжаго Моисейку пригналъ и сказать велѣлъ: если я тотчасъ же прійду и переговорю, то дѣло съ шубой можетъ и

выйдеть. Я разсъянило на мальчишку уставился и говорю: «ты отцу скажи, я занять и изъ дому не выхожу. Когда продасть, пусть деньги принесетъ, я ему за трамвай заплачу». Моисейка даже удивленно рыжими рѣсницами замигалъ, въ недоумѣніи тиская фуражку. — «А папаса сказалъ: бѣгай шибче до господина Полежавина, 150 тысячъ даютъ», — по дѣтски вздохнувъ, озабоченно проговорилъ онъ. Раньше вмѣстѣ съ мальчишкой я бы за деньгами помчался — получить ихъ поскорѣе и спрятать, чтобы у чужого человѣка лишній день не валялись. Я бы дорогой уже поразмыслилъ, какъ мнѣ ихъ потолковѣе истратить, продажъ очень бы обрадовался и завтра съ утра на рынокъ поторопился. А нынче — что-то не то... Можетъ быть, потому, что зналъ: въ шкатулку у меня всего много, для одного совсѣмъ достаточно... — не знаю, но эту лѣнью, вялостью, апатію я все болѣе и болѣе стала примѣчать въ себѣ, сначала въ мелочахъ, конечно.

Бывало, спать лягу — все приберу, спрячу, за собой вымою; теперь сталъ ложиться сразу, какъ ко сну заклонить, иногда и до постели не дойду, не раздѣваясь на диванъ приткнусь. Сталъ нечистоплотенъ: брился рѣдко, сапогъ не чистилъ иногда по недѣлѣ и постель свою не всякое утро прибиралъ; да и вообще чѣмъ дальше, тѣмъ чаще кое какъ все дѣлалъ, только бы отъ дѣла отвязаться. Мнѣ лѣнъ жить, лѣнъ что либо дѣлать становилось... И всякий разъ, когда я въ этомъ убѣждался, на меня находилъ унылый испугъ.

Это было вскорѣ послѣ Моисейки. Догнала меня на лѣстницѣ мадамъ Фонарева и зазвала чай пить. Съ того вечера мы съ ней не видались, да признаться, я о ней ни разу и не вспомнилъ. Была она одна и очень къ лицу одѣта: чернымъ шелкомъ хрустить, бирюзовыми сережками поматываетъ. Я отъ приглашенія не отказался, но — странно: какъ только въ столовой противъ нея сѣлъ, въ креслѣ развалился, такъ и размякъ, замямлилъ, зазѣвалъ, точно не съ дамой мнѣ приглянувшейся бесѣдую, а по

сиучному дѣлу пришелъ. Минутъ двадцать я съ ней просидѣлъ — и вдругъ Фонарева со своими сережками, платьемъ хрустящимъ, съ булочками на столѣ, со смѣхомъ-горошкомъ, съ видомъ веселой телки, такой не-нужной, такой безобразной показалась; такъ глупо, написавъ работу «О налогахъ по кодексу Юстиніана», съ дѣвкой сидѣть и, какъ съ дамой, разговаривать, что я ма-шинально отодвинулъ недопитую чашку, хотѣлъ встать — и тутъ внезапно себя въ зеркалѣ увидѣлъ...

Я похожъ на Чехова. Лицо у меня тонкое, бородка клиномъ, негустая, пенснѣ на тесемкѣ, и волосы лежать вольно назадъ откинутые. Я не красивъ — это безспорно, но я похожъ на Чехова. Внѣшность у меня не вульгар-ная, а скорѣе болѣзненная, хрупкая, и не безъ благород-ства осанка и поступь.

Все это мнѣ въ зеркалѣ тогда въ глаза бросилось, главное, — что я похожъ на Чехова... Этотъ пустякъ до того меня потрясъ, даже лицо нервно дернулось. Я вско-чилъ и сталъ прощаться.

— Вы куда? Вы куда? Попрыгунъ вы эдакій! — звон-ко воскликнула Фонарева.

— У меня дѣло, я совсѣмъ забылъ, спѣшилъ дѣло, — хватаясь за часы, строго сказалъ я.

Если бы она просила остататься, если бы она наду-лась, или настаивала, это не очень бы мнѣ понравилось, все же это была бы понятная форма женской навязчи-вости, но она наклонилась надъ столомъ, захватила обѣими руками охапку булокъ и стала пихать мнѣ въ карманы, приговаривая: «Вы ихъ вечеркомъ — съ чайкомъ, вечер-комъ — съ чайкомъ!» — заливалась визгливымъ смѣ-хомъ и обдавала меня аптечнымъ запахомъ крѣпкихъ, скверныхъ духовъ и нестерпимо-раздражающимъ хру-стомъ шелковаго платья...

— Не надо, оставьте, оставьте, прошу васъ... — раз-драженно говорилъ я, силясь вынуть булки.

Она втѣпилась въ мои карманы и смыкалась, покачивая серьгами, смотрѣла, не мигая, выпуклыми кукольными глазами, довольная, что завязывается борьба. — И хотя я чувствовалъ ея грубую игру и всю ее чувствовать до физическихъ мелочей, близость съ нею показалась мнѣ невыносимо противной... Я опустилъ руки, которыя переплетались съ ея горячими влажными руками, криво и лживо усмѣхнулся, глядя на нее злымъ взглядомъ.

— Ну, и отлично! Если вы настаиваете, я возьму, — сказалъ я, повернулся и пошелъ къ двери.

Вѣроятно, я былъ очень смѣшонъ въ эту минуту, потому что она тихо фыркнула мнѣ вслѣдъ и уронила ложку...

Я пришелъ домой, съ отвращенiemъ выкинувъ булки на письменный столъ и бросился на диванъ. Я не могъ бы сейчасъ объяснить, почему эта невинная исторія съ булками, грубоватая связь Фонаревой, на которую я не разъ самъ заглядывалъ на дворѣ, вызвали во мнѣ чувство такой непонятной гадливости. Въ тѣ годы моей жизни цѣломудріемъ я не отличался, и не тяжелая шутка, конечно, меня разстроила, а то, что она была не во время, что влеченія къ Фонаревой у меня теперь не было ни малѣйшаго.

Желанія мои немудрыя и немногія въ тѣ дни — и тѣ, я замѣчалъ, начинали меркнуть. Какъ туча пепла, нашла на меня тяжелая плотная скука на погибель всему живому, что еще во мнѣ осталось. Но въ томъ и тайна жизни моей, что въ то же время я сталъ чувствовать смертельную боль, лютую тоску, которую знаетъ лишь тотъ, кому довелось ее пережить. Горше ея для человѣка нѣтъ ничего на свѣтѣ...

Я на землѣ не изъ счастливчиковъ, разные виды видалъ, но всегда щель куда-то оставалась, надежда патинкой вилась, а главное, по совѣсти говоря, все же умирать не хотѣлось, а если и хотѣлось застрѣлиться, то лишь потому, что, казалось, въ самоубійствѣ есть своеоб-

разное молодечество, есть красота бѣсова въ расправѣ че-
ловѣка съ самимъ собою. А здѣсь и мысли о смерти не
было, но я метался изъ стороны въ сторону, изъ од-
ного угла души въ другой, изнывая, терзая свой разумъ
нагроможденiemъ безсмысленныхъ вопросовъ, ни къ че-
му не нужныхъ образовъ.

Разъ ночью мнѣ вспомнился почему то рижій Мои-
сейка, и я вдругъ сталъ припоминать царей іудейскихъ
(когда то я ихъ на зубокъ зналъ), послѣ Манасія запу-
тался, вскочилъ и ни съ того ни съ сего въ энциклопедію
смотрѣть полѣзъ, чуть лампу не опрокинулъ, на стульѣ
возлѣ шкафа карабкаясь, потомъ опомнился, лампу зату-
шилъ и подъ одѣяло поползъ.

Случалось, начну припоминать всѣхъ моихъ сослу-
живцевъ по отряду, ихъ имена-фамиліи, лица и всякия се-
мейныя подробности — на часы взгляну, часа полтора на
это ушло. Иногда дѣло какое нибудь брошу, бумажникъ
вытрясу и деньги пересчитываю, все пересчитываю, хо-
тя ничего покупать и не предполагаю, а просто такъ, что-
бы отъ мысли одной отвязаться....

А мысль одна страшная была... приходила... посѣща-
ла. Да... и всегда она меня змѣей въ самое ядро души жа-
лила и чаще и чаще приходила... Становилось самогдѣ
себя страшно; мучила она меня. Задрожу, бывало, и бро-
шусь изъ дома. А въ ушахъ, въ мозгу, въ груди даже:
«если ужъ начинается?.. если начинается?..» И бѣгалъ-
шагалъ я по городу въ тѣ дни до изнеможенія, не обра-
щая вниманія на погоду. Въ дождь забѣгалъ въ пустын-
ный Пассажъ, подъ арки Апраксина, въ заколоченный Гостиный Дворъ... въ трамваѣ по Садовой взадъ-впередъ
ѣздила; иногда случалось, посижу, пообсохну гдѣ ни-
будь въ незапертой парадной или просто въ подво-
ротнѣ — и дальше. Только я старался ходить и сидѣть
тамъ, гдѣ люди, гдѣ побольше людей, чтобы мнѣ лег-

че было завалить-засыпать мысль мою кучей стороннихъ впечатлѣній. Теперь я дома почти и сидѣть пересталъ, но чѣй боялся и короталъ ихъ всячески. Въ мокрые вѣтры-ные дни я пристрастился на Николаевскій вокзалъ ходить. Тамъ людей всякихъ — бабья, солдатии — пропасть: въ проходахъ, коридорахъ, залахъ, во всѣхъ углахъ-закутахъ, всюду люди среди тюковъ, мѣшковъ, узловъ, скарба вонючаго... а у кассъ — галдѣжъ, ругань, плачь дѣтскій, стукъ и хлопанье дверей на сквознякахъ, топотъ ногъ во всѣ стороны.

Тамъ я, бывало, въ самую толчею и вмѣшаюсь, стою, слушаю, или подсяду къ кому-нибудь въ проходѣ среди корзинъ, мѣшковъ — на полъ, на лавку, гдѣ попало. Иногда я съ людьми заговаривать пытался и охотно — это я точно помню — охотно отвѣчалъ, если случалось, ктонибудь меня спросить, который часъ или чтонибудь о поѣздахъ. Только рѣдко меня спрашивали, не очень то со мною разговаривали. Но все-таки на вокзалѣ мнѣ было легче, потому что шумъ и мельканье въ глазахъ.

Для солнечныхъ дней я Екатерининскій скверъ об-любовалъ. Тамъ дѣтвора попадалась, и памятникъ мнѣ всегда нравился.

Стоить Императрица торжественная, саженная, шлейфъ, тяжелый, бронзовый величаво распустила, державу, скипетръ руками ловко ухватила; на головѣ вѣнецъ царицы россійской, а у подножія — восхищенные слуги-сподвижники въ почтительно-изящныхъ позахъ вокругъ нея разсѣлись..

Вотъ на площадкѣ, противъ памятника, я и сиживалъ въ ясные дни. Кругомъ осень желтая, послѣдній листокъ кусты осыпаютъ, въ воздухѣ гнилымъ деревомъ, сыростью пахнетъ. Октябрь... Въ садишкѣ грязно: на дорож-кахъ каменистыхъ окурки, спички, трамвайные билеты, соръ всякий; скамьи всѣ пошатались и обшарпались, но зато — дѣти, и такъ, народъ усталый на полпути отдох-

нуть забываеть. Мальчишки кричатъ-дерутся, дѣвочки, кто поменьше, комочками къ землѣ приникли, въ листьяхъ копошатся.

Здѣсь, въ скверикѣ, мнѣ почему то легче и станеть, особенно — если солнце пoyerче и людей побольше. Вотъ садика этого самаго, дѣтей играющихъ, листьевъ опадающихъ, Императрицу въ лучахъ солнца предзакатнаго — я не забуду во вѣки вѣчные...

Въ тотъ день съ ранняго утра я очень маялся, даже физически нехорошо мнѣ было. Да... что то со мной неладное въ тотъ день творилось. Не помню даже, какъ всталъ, прибрался, какъ чай пилъ, можетъ быть, даже и не пиль вовсе, — не помню. Когда же «она» мучить меня стала, я изъ дома убѣжалъ и долго по городу шатался. На вокзалъ заглянулъ, но тамъ облавы испугались, и весь народъ на площадь вывалилъ. Я потоптался-потоптался и пошелъ. Не знаю, сколько верстъ я въ тотъ день выходилъ, помню только, что въ концѣ концовъ приплелся сюда, въ скверъ, къ памятнику, очень обрадовался, что народу много — всѣ скамейки заняты. Я пошагалъ вдоль сада, свободной скамейки дожидался, и вотъ дождался: старуха, въ чемъ то ватномъ, рваномъ, со шекой подвязанной, съ распухшими валкими ногами, съ мѣста снялась. Я на ея мѣсто и усѣлся, и такъ удачно вышло, что цѣлое семейство около меня оказалось: мужикъ усатый, баба съ ребенкомъ, мальчишка лѣтъ шести и еще солдатъ-парень; и споръ-разговоръ у нихъ семейный. Я съ двухъ словъ поняль — на отпѣваніи въ Обуховскую больницу всей кучей ходили и теперь спорятъ-толкуютъ, какъ это такъ вышло, что Ерофей вдругъ померъ, а пять лѣтъ никакая пуля его не брала, и сколько всякаго добра онъ, Ерофей, къ себѣ на Телѣжную съ квартиръ богатыхъ свезъ, и все, конечно, жена, свояченица сейчасъ узлами растаскали, и никому ничего не достанется.

Я все слушалъ, все силился въ разговоръ вмѣшаться;

только разговора никакого не вышло, а вдругъ парень на меня уставился, съ мужикомъ и бабой переглянулся, всѣ мигомъ съ мѣста снялись, дѣтей загребли — и къ выходу.

Потому ли, что въ тотъ день мнѣ физически и душевно было тяжело; потому ли, что я долго и кротко ждалъ, чтобы къ людямъ хоть какъ нибудь пристанѣться, — не знаю, но, когда я понялъ, что на скамейкѣ одинъ, и надо идти домой, и опять ночь, и опять долгое бѣлесое утро — я вскочилъ, растерянно глянулъ по сторонамъ и сѣль опять. Идти мнѣ было некуда, домой возвращаться страшно. Надобности во мнѣ никому не было ни малѣйшей. Я это сознавалъ ясно. А между тѣмъ хотѣлось, чтобы она была; чтобы кто-нибудь меня позвалъ, окликнулъ, не по дѣловому, а какъ то неповторяюще — отрадно, требовательно и властно, какъ въ дѣтствѣ — мать или Володя, какъ Соня, когда была моей невѣстой. И я вдругъ попробовалъ мечтать... Я стала придумывать, я изощрялся, стараясь представить, что ко мнѣ сбоку, нѣтъ... сзади, нѣтъ, лучше со стороны театра подходитъ невѣдомый, нѣкій невѣроятный, величавый, лобрый человѣкъ и тревожно спрашивается: «Алеша, что съ тобою?...» Нѣтъ-нѣтъ, лучше такъ: «Наконецъ-то я тебя нашелъ, Алеша...» Или просто ничего не спрашивается, а садится рядомъ и съ участіемъ смотритъ на меня. Ахъ, если бы такъ! Если бы кто нибудь окликнулъ по хорошему, по волшебному! Я бы все разсказалъ ему, все рѣшительно. Я бы рассказалъ и про отвращеніе мое ко всему: къ революціи, къ вѣроломному русскому народу, къ сожженному моему сочиненію о Юстиніанѣ, ко всему прошлому, къ «цѣпи», къ толстой Софѣ, къ Эдуардычу... Я бы не скрылъ, что испугался тогда... у «черной дѣвицы», у Маріи Федоровны, и про документъ чуть не прополтался. Я бы сказалъ и про «мысль» страшную... Я бы все сказалъ — все! А тотъ, чудесный другъ мой, выслушалъ бы меня и все разомъ понялъ и разсудилъ бы муд-

ро и право. Но «онъ» не долженъ быть русскимъ! Нѣть, — не русскій! Русскіе сейчасъ злодѣи... Нѣть-нѣть! Я не могу сказать русскому! Я не хочу сказать русскому...

Въ скверѣ я пробылъ долго, такъ долго, что ужъ солнце закатилось за высокіе дома, и въ сырой тѣни я за-зябъ до дрожи, но я не уходилъ, все шагалъ вдоль рѣшет-ки къ театру и обратно... потомъ, когда стемнѣло и ста-ли запирать, я на Невскій вышелъ — очнулся, точно отъ сна пробудился.

Сумерки сѣдые, сырья. Народишку рѣденько по тро-туару въ двѣ стороны насыпано, на торцахъ ъзы никат-кой, одинъ только возъ пустой — безъ заднихъ колесъ, оглобли вверхъ — противъ Аничкина дворца второй день стоитъ. Вдали — точка яркая, багровая: фонарь у «Лап-тя», у кинематографа противъ Троицкой. А такъ все тем-но, тихо, пустынно...

Вотъ она самая подлинная правда, ее никакой фанта-зіей не прикроешь: ночь впереди; и еще правда: я домой идти боюсь, я ночи боюсь, я теперь и «друга» боюсь, я боюсь, вдругъ съ «друзей» то безуміе и начинается....

До перекрестка Садовой и Инженерной я доплелся и сталъ. Здѣсь, на трамвайной остановкѣ народъ толпил-ся, на каждый вагонъ злой кучей наваливался, вагонова-жатые покрикивали, звонки звякали, и несмазанные трамваи визжали, стуча на поворотахъ отвислыми задами.

Я здѣсь стоялъ долго, зналъ, что сейчасъ мнѣ все рав-но въ трамваѣ мѣстечка не отстоять, такъ я волей ос-лабѣлъ. Я къ стѣнѣ прислонился, глаза полузакрылъ, въ безпамятствѣ на мигъ затихъ, а потомъ поползъ-поплелся къ цирку, къ Фонтанкѣ, домой, конечно. У Моховой на па-перти присѣль. Въ церкви, вѣроятно, служба какая нибудь шла, потому что люди мимо меня изъ дверей въ двери все шмыгали, въ окнахъ, что на Моховую, свѣтъ тусклый жел-тѣлъ, едва видать, да и пѣли тамъ что то протяжно...

ГЛАВА VI.

Въ тотъ день я до полнаго изнеможенія души до-
шелъ. На меня надвигалось что то темное, предѣльное,
зловѣщее, послѣ чего я просто изъ круга людей и че-
ловѣческихъ понятій, вѣроятно бы, выпалъ. Вся душа, все
существо мое въ тѣ дни медленно гибло — такъ смрадно
тлѣютъ и дымятся сжигаемыя на вѣтру мусорныя кучи.
Никакая мечта не спасла бы меня, вообще ничего изъ ме-
ня самого извлеченнное, во мнѣ свой ростокъ вкоренившее.
Но случилось такъ, что послѣ сквера я столкнулся у са-
маго нашего дома со Шкаревымъ, и опять меня смыло въ
море людское, туда, гдѣ всѣ въ добрѣ и злѣ барахтались
и спасались, и гибли каждый по своему.

Признаюсь чистосердечно, если бы не страхъ, что се-
годня, именно сегодня ночью, случится со мною нѣчто
ужасное; если бы не болѣзньенная одержимость этой мыс-
лью, я бы отъ Шкарева въ первыя ворота спрятался, къ
первой попавшей водосточной трубѣ припалъ, чтобы онъ
меня въ темнотѣ не примѣтилъ. Но онъ въ полуутыкъ меня
увидалъ и вѣспился въ мой рукавъ, а я, разомъ узнавъ
его, слабо вскрикнулъ (не помню, какъ это и вышло),
ухватился обѣими руками за лацкана его шинели и весь
потянулся къ нему, лепеча что то невнятное.

— Я вѣсъ который день поджадаю, — перебилъ Шка-
ревъ, — вѣмъ писали, къ вамъ заходили — вы не пришли.
Мы подумали: уѣхали... Съ нашими вѣсъ нѣть, и къ вамъ
не достучались... Кто то вѣсъ видѣлъ на Невскомъ, увѣ-

ряль: вы совсѣмъ больной. Я сталъ приходить, поджидать васъ...

Шкаревъ говорилъ отрывисто, нервно, горячимъ шо-потомъ, и видъ у него былъ непривычный: бритый, щека чернымъ подвязана, пенснѣ (никогда не носилъ раньше) и противная, солдатскаго фасона, чепцомъ, фуражка.

—У насъ провалъ полный, — ещетише продолжаль онъ, — человѣкъ десять осталось, — и все неопытные... Пойдемте къ вамъ, нельзя же здѣсь... Я расскажу, пойдемте. Если бы вы только знали, кто выдалъ!

Когда онъ о предательствѣ упомянулъ, я ужасно растерялся, весь затрясся даже. Хорошо, что мы уже по лѣстницѣ подымались, не видаль онъ этого.

— Я боленъ былъ, боленъ..., очень боленъ... — лепеталъ я.

Самое стыдное, стыдомъ этимъ мнѣ памятное, была минута, когда мы въ кабинетъ вошли, я лампу зажегъ, а Шкаревъ сдернулъ пенснѣ, повязку черную и вдругъ, свои или холодными большими ладонями мою руку крѣпко стиснувъ, сказалъ съ ласковостью задушевной:

— Ужъ вы простите меня, Алексѣй Павловичъ, и насъ всѣхъ простите. Мы такое страшное подозрѣніе на васъ возвели, можетъ быть, это до васъ добѣжало. Ради Бога, простите...

Онъ весь красный былъ, пока говорилъ и закашлялся смущенно.

—Какое подозрѣніе?

Я намѣренно строго и высоко поднялъ брови, но тутъ же сдалъ, сморщился, заметался по комнатѣ, разыскивая папиросы, хотя и зналъ — на полкѣ онъ у двери.

Шкаревъ устало опустился на диванъ.

Только теперь я замѣтилъ, что онъ за эти мѣсяцы измѣнился: осунулся, посѣдѣлъ, сгорбился, глаза воспаленные, борода всклокоченная, шинель безпогочная, потасканная, съ болтающимися пуговицами, висить на немъ

унуло-покорно, какъ на вѣшалкѣ, сапоги — тяжелыя, солдатскія «бутылки»... Такимъ я еще никогда его не видѣлъ. Я всегда его румянымъ, басистымъ полковникомъ помнилъ, помнилъ, какъ онъ въ 15-омъ году, въ Рождество, въ нашъ лазаретъ, въ Барановичахъ, подарки изъ великоокняжескаго склада привезъ; какъ онъ бѣгалъ изъ палаты въ палату, охапками наваливая на кровти пакеты, свертки, мѣшечки, пріятно журча полковничымъ баскомъ, мягко позывая шпорами, ласково переговариваясь съ нами, перекликаясь съ сестрами — и, наконецъ, всѣхъ насъ обдавъ на прощанье безразсудной лаской, точно теплымъ весеннимъ вѣтромъ, вскочилъ легкій и ловкій въ сверкавшій на аломъ зимнемъ закатѣ автомобиль и, весело улыбаясь всѣмъ тремъ этажамъ лазарета, держаъ подъ козырекъ, пока не выѣхалъ за ворота.

Помнилъ я его и въ бѣлесое дождливое утро въ колоннадѣ Казанскаго собора, когда онъ, темный лицомъ, измученный, но сильный въ жестокой оскорблennости своей за честь офицерскую — передаваль мнѣ гельсингфорскій шифръ; а потомъ — все такимъ же почти изо дня въ день цѣлую зиму на Васильевскомъ Островѣ, въ квартире Ермолаевыхъ...

Теперь одна ласковость, съ которой онъ мою руку стиснулъ, напомнила мнѣ того Шкарева, что прѣѣжалъ въ Барановичи, а такъ, пожалуй, ничего больше. Говорилъ онъ сипло, отрывисто, какъ говорятъ много пившіе или подолгу неспавшіе люди, и весь онъ, обтрепанный и сникшій, походилъ на побитое градомъ растеніе.

Какъ только зажегъ я свѣтъ, въ изнеможеніи опустился на диванъ, валявшееся пальто на плечи натянуль, закутался, въ уголъ забился, замолкъ, замеръ... Въ ту минуту мнѣ казалось: не можетъ этого быть, чтобы Шкаревъ не притянуль меня къ отвѣту, а я зналъ, отвѣтить мнѣ нечего, въ правдѣ не признаться — въ ту минуту

правда съ ложью такъ въ моемъ сознаніи перемѣшалась, что и открывать было нечего.

Но къ отвѣту меня не притянули, и тутъ же я узналъ все.

— Разгромъ полный... — тихимъ взволнованнымъ шепотомъ, невольно по привычкѣ оглядываясь по сторонамъ, заговорилъ Шкаревъ — и всѣхъ выдалъ Добрынинъ...

— Кто?

— Добрынинъ... московская организація. Кто могъ думать! Ну кто могъ думать...,

— Какой Добрынинъ? — съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Да тотъ самый полковникъ Добрынинъ... помните, прорывъ у Ивангорода? Герой, умница, сердце золотое... всѣ имъ восхищались, вся наша дивизія. Ума не приложу! Понимать отказываюсь.., Что съ нимъ случилось? Наважденіе какое-то...

Шкаревъ въ безсильномъ отчаяніи развелъ руками.

Молчаніе.

Я жадно ловилъ каждое слово. Добрынина я не зналъ, давно отъ всякихъ дѣлъ поопаснѣе уклонялся, и съ Москвой сносились уже съ полгода помимо меня. Добрынина я не пожалѣль. Какъ только о немъ рѣчь зашла, я возрадовался всѣмъ больнымъ существомъ моимъ, что я не совершилъ того, что совершилъ Добрынинъ, и что ко мнѣ пришли именно потому, что я не совершилъ, и будуть приходить, и ласково пожмутъ руку, какъ давеча, потому что я не совершилъ... И тутъ же, вмѣстѣ съ радостью за себя, всплыло ощущеніе тѣсной, почти братской близости къ Добрынину, который «совершилъ», и было мнѣ такъ понятно, такъ знакомо, какъ люди это «совершаютъ»... «Какъ я... какъ я...» стучало безъ всякой укоризны въ душѣ моей. Вдругъ вспомнилъ я и спросилъ про Гнѣздина. Лицо Шкарева сразу вытянулось, стало строгимъ, важнымъ, почти благоговѣйнымъ.

— Петя держался съ необыкновеннымъ мужествомъ,

на допросѣ издѣвался надъ ними: когда ему велѣли изложить показанія письменно, онъ не написалъ ни строчки и нарисовалъ хороводъ чертей...

— Держался?

Сердце у меня захолонуло.

— Да, — глухо проговорилъ Шкаревъ и отвернулся...

Мнѣ вспомнилась солнцемъ залитая пріемная, краснымъ бархатомъ обитая... хмурая Софья... и ложь моя жестокая про Петю... Жаль мнѣ его не было, но стало не по себѣ, невыносимо не по себѣ, до стѣсненія въ груди, до сердцебіенія...

— Только онъ?

— Нѣтъ, пятеро... въ прошлый понедѣльникъ.

— Кто?..

Меня охватилъ ужасъ, тотъ знакомый ужасъ, какъ всякий разъ, когда я думалъ о казняхъ.

Шкаревъ назвалъ мнѣ пять именъ, изъ нихъ близко я никого не зналъ, двухъ видалъ мелькомъ прошлой зимой.

— А другое «звено» мое... та, на Надеждинской, какъ ее... Повѣнецкая? Она, вѣдь, тоже въ спискѣ арестованыхъ.

Шкаревъ безнадежно махнулъ рукой.

— И не спрашивайте.... Горе-то у ней какое! — добро и просто сказалъ онъ. — Добрынинъ — любовь ея была, невѣстой его у насъ всѣ ее считали; сначала не вѣрила, горячилась, записки все посыпала... Простите, она то и писала что вы, Алексѣй Павловичъ, переметнулись, вы выдали... предостерегала, увѣряла, что съ Добрынинъ ошибка, что оклеветали святого человѣка, наивно, голословно увѣряла. Такая умница и такъ по дѣтски!

— А потомъ?

— Говорятъ, сами власти ей письмо передали. Онъ писалъ ей, что понялъ свои заблужденія, раскаивается и ей совѣтуетъ — тогда и свадьба сейчасъ же.

— Что же съ ней было? — съ острымъ и грубымъ любопытствомъ спросилъ я.

Шкаревъ не отвѣтилъ, не хотѣлъ или не посмѣль коснуться того, что должно было остаться тайной отъ всѣхъ. Онъ прошелся по комнатѣ и опять на диванъ сѣлъ.

— Жаль мнѣ ее, — скорбно покачалъ онъ головой и еще болѣе потемнѣлъ и сгорбился. — Вотъ вы, Алексѣй Павловичъ, сильный человѣкъ, — помолчавъ, продолжалъ онъ, — тогда, въ Москвѣ, съ юнкерами не растерялись, нашлись; я всегда васъ такимъ помню... всегда уважаю, а то сейчасъ, вы не повѣрите, какая растерянность! Бѣгутъ, бросаются, рукой на все махнуть готовы, теряютъ вѣру, путаются, подозрѣваютъ... Вотъ и васъ оговорили... — и Шкаревъ сталъ разсказывать быстро и сбивчиво, стыдясь словъ своихъ, все какъ было.

Ясно: обвиненію повѣрили, хоть на одинъ день, да повѣрили, хоть и ужасались потомъ, позднѣе, когда пришла вѣсть, землетрясенію подобная, что Добрынинъ выдалъ московскую группу и петербургское звено свое — профессора Яслана. Отсюда и покатился, разматываясь, клубокъ заговора, опутывая и виновныхъ, и невинныхъ. Если до Шкарева, до меня, и еще кое до кого не добрались, то лишь благодаря тому, что гдѣ-то счастливо обрвалась нить, насть всѣхъ обличающая: кто-то стойкій смолчалъ или смѣтливый запуталъ слѣдствіе.

«Значить, и унижаться передъ Соней было не нужно», мелькнуло у меня.

Пока Шкаревъ говорилъ, я ни живъ, ни мертвъ сидѣлъ, къ спинкѣ дивана прижался, въ пледѣ закутался, чтобы онъ не замѣтилъ, какъ я дрожу.

— Вотъ видите, до чего мы дошли, — виновато и грустно промолвилъ Шкаревъ. — Ужъ вы настѣ простите...

— Я понимаю! Я все понимаю! — вдругъ горячо и возбужденно воскликнула я, вскакивая съ дивана. — Какое, къ черту, прощеніе! Вы всѣ велиcodушны, ужас-

но велиcodушны! Объ одномъ прошу сейчасъ — останьтесь, посидите, не уходите, пожалуйста, не уходите... Да-вайте ужинать... я сейчасъ, сейчасъ! — и я бросился къ печкѣ, къ шкапу, къ столу, къ этажеркѣ, — завозился, захлопотался, въ порывѣ буйнаго гостепріимства.

Точно обручъ, стягивающій все мое существо, вдругъ лопнуль и разлетѣлся въ то мгновеніе, когда Шкаревъ у меня прощенія попросилъ, и тутъ же — догадка: если такъ, если Шкарева или какого-нибудь пріятнаго человѣка повидать, тогда не надо бояться, что нынче въ ночь со мною то случится, чего я за послѣднее время такъ боюсь...

«Я какъ всѣ, какъ всѣ...», лепеталъ я про себя, «на-вѣрно, такой же пріятный, какъ Шкаревъ, какъ умница Ясланъ и такой же, какъ докторъ Линевъ, какъ Марія Федоровна, Гнѣздинъ, какъ Бобикъ Перекрестовъ, который хладнокровно отстрѣливался до тѣхъ поръ, пока въ каминѣ не сгорѣла пачка документовъ, — такой же! Вѣдь если бы не такой, если бы, какъ Добрынинъ или какъ та мелюзга человѣчья, что сейчасъ по всей Россіи бѣсится, развѣ пришелъ бы порядочный человѣкъ посидѣть ко мнѣ, развѣ просили бы у меня прощенія? Никогда!» — И я преисполнился благодарности къ Шкареву.

Я бѣгалъ въ кухню и обратно, раздувалъ самоваръ, ворошилъ дрова, мѣшалъ трясущимися руками вчеращенюю ослизлую кашу и бормоталъ какія-то неуклюжія привѣтныя слова о томъ, какъ я встрѣчѣ радъ, и какъ хорошо, что все теперь извѣстно. Ни о Россіи, ни о «цѣпи», ни о дѣлѣ нашемъ, признаюсь, я тогда не думалъ, объ арестованныхъ въ тотъ вечеръ не потревожился. Вотъ что было мнѣ важно: я въ эту ночь не одинъ, а если надо, то и завтра, и послѣ завтра одинъ не буду...

На стѣнѣ, подъ лампой, тѣнь всклокоченной шкаревской головы шевелится, его горячій шопотъ съ самоварнымъ бульканьемъ сплетается, шипятъ-потрескиваютъ

дрова, на мужичьихъ, гвоздевыхъ сапожища Шкарева красныя пятна бродятъ, дымъ табачный сухимъ туманомъ всю комнату застилаетъ...

Помню, когда Шкаревъ мнѣ тутъ порученіе одно на-взять вздумалъ, я весь вспыхнулъ, замялся, не согла-сился, на болѣзнь сослалъ, сказалъ, что сейчасъ и ду-мать нечего.

— У васъ, дѣйствительно, видъ какой-то горячечный, — озабоченно промолвилъ Шкаревъ, — и вообще... пе-ремѣна.

Онъ на меня внимательно поглядѣлъ и глаза опу-стилъ. Мнѣ кажется, въ концѣ встрѣчи нашей что-то ему во мнѣ не понравилось: не то безразличіе мое ко всему, не то возбужденность непріятная, а, можетъ быть, на лицѣ моемъ въ тѣ дни такая печать лежала, что хоро-шимъ людямъ могло быть просто противно на меня по-долгу глядѣть.

Мы просидѣли долго, дольше, чѣмъ слѣдовало, по-тому что, когда спохватились, пришлось мнѣ провожать гостя по лѣстницѣ со свѣчей и будить Яшку-Гусара, — комитетчика нашего, въ ночное время обложившаго воро-та податью въ свою пользу. Когда мы на дворъ вышли, и Якову я въ окно постучалъ, Шкаревъ вдругъ локоть мой сжалъ и зашепталъ прямо въ лицо:

— Забылъ вамъ сказать: Тамбовская... (онъ указалъ номеръ дома и квартиру) у нѣмки Янсенъ проживаетъ братъ Повѣнецкой... умоляетъ васъ зайти въ любой часъ; — больной, вѣнѣ политики, сестра изъ тюрьмы просила, чтобы непремѣнно повидаль васъ. Не забудьте: Янсенъ, массажистка Янсенъ...

— Тамбовская... Янсенъ... — машинально повторилъ я.

Выскочилъ Яшка, придерживая сползающіе штаны, и, шмыгая носомъ, проплелся къ воротамъ. Только теперь, когда во тьмѣ холодной звѣздной ночи мы шли вслѣдъ

за нимъ, я вспомнилъ, что не слѣдовало мнѣ рисковать, провожая Шкарева. Самое хорошее замести слѣды сей-часъ же.

— Такъ вы завтра меня ждите въ Смольномъ. Скажите секретарю, что мой докладъ комиссіи готовъ.

Я не сказалъ — я почти крикнулъ эту фразу прямо Яшѣ въ спину, многозначительно дернувъ Шкарева за рукавъ. Шкаревъ промолчалъ. Мнѣ показалось, онъ превзрительно пожалъ плечами — счель, видимо, ниже своего офицерскаго достоинства морочить разнастанныаго мужика. Ошалѣлый, глухой спросонья Яшка, вѣроятно, ничего и не слыхалъ, прогремѣлъ воротами, и забравъ въ горсть воротъ гимнастерки, заспѣшилъ домой.

— За вами тыща, — буркнулъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Я побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, спотыкаясь на ослизлыхъ, грязныхъ ступенькахъ, окапывая себя стеариномъ. Дома я съ нервной поспѣшностью стала собирать со стола, посуду мыть вздумалъ, — но вдругъ захлестнуль полотенце на плечо и опустился на стулъ въ раздумыи... Да, конечно, въ подворотнѣ опять быль страхъ... но куда, до смерти, страшнѣе было вчера, третьяго дня и всѣ эти дни, и еще страшнѣе сегодня тамъ, на перекресткѣ трамваевъ, когда предстояла рѣшающая ночь. То было страшнѣе моего страха передъ Яшкой-Гусаромъ, передъ Фонаревымъ, передъ Соломономъ Намуычемъ, передъ малыми и большими окружавшими меня злодѣями. Тамъ была неотходная, неослабная, ничѣмъ не отвратимая пытка, причемъ и злодѣй, и жертва, и палачъ, все, казалось, сосредоточилось во мнѣ самомъ съ бѣсовоточнымъ расчетомъ на мою погибель...

Эту ночь, первую ночь послѣ долгаго промежутка, я спалъ, какъ убитый, приткнувшись на диванѣ, тутъ же, около остывшаго самовара, догорающей печки, съ полотенцемъ, перехлестнутымъ черезъ плечо...

ГЛАВА VII.

Если бы я въ тѣ дни бѣдствовалъ, было бы, кажется, гораздо лучше. Помню: именно люди, обремененные ребятишками, родней, усталые, замаявшіеся, страдали тихо и гибли просто, какъ комары. Но со мной случилось иначе.

Еще той зимой, въ Крещенье, вошла ко мнѣ, запыхавшись, тетушка Конкордія Ивановна со связкой ключей въ рукахъ и приказала:

— Оставляю тебѣ, Алеша, все мое добро. Понадобится — продавай, бери, трать, только бы «сімъ» не досталось! Все въ грубу, все — въ трубу, но не «сімъ»!

Тутъ она прослезилась, перекрестила меня и къ вечеру укатила на югъ по подложному пропуску.

Такъ жизнь моя и устроилась — на счастье ли, на бѣду мою. И Софьина заступа, и сказочные тетушкины сундучищи, и разсудительная скупость моя, которой я сразу выучился, — это и толкнуло меня на путь сравнительного благополучія, по которому я шествовалъ до самой встрѣчи со Шкаревымъ.

Къ утру послѣ ночи съ нимъ, я заболѣлъ, очень ослабѣлъ, въ жару метался, почти не ъѣлъ сутокъ двое. Сердобольная фонаревская Даша, провѣдавъ о томъ, стала навѣщать меня, а Фонарева прислала съ ней киселя, хлѣба бѣлаго и велѣла сказать: какъ встану — къ ней безъ разговоровъ! (При этомъ Дарья преглуто ухмылялась).

— Наша-то, Александра Степановна, съ тѣмъ, съ кудрявенькимъ, пока мужа-то нѣту. На учетъ въ Курскъ, говорять, укатилъ — теперь ей со всѣми вольная-воляшка...

Я болѣзни обрадовался. Мнѣ нравилось, что я лежу покойно, а въ головѣ все спутано. Въ полубреду я мечталъ, какъ тогда въ скверѣ, чтобы мнѣ кому-нибудь выскажаться, но высказаться было, конечно, некому. Это я давно понялъ. Я уже пробовалъ, намекалъ этой осенью кое-кому изъ знакомыхъ повдумчивѣй, но сейчашь кругомъ только злость: анекдотики ехидные — какъ солдаты «Евгения Онѣгина» на цыгарки скрутили; словечки — шелуха одна («Вотъ вамъ и соціалистический рай!»), либо про вождей сплетни, либо о провизіи, какъ все раньше хорошо и дешево было. Больше ничего отъ людей не добиться.

Когда послѣ болѣзни я всталъ, ощутилъ ясно: я здоровъ, но жить усталъ смертельно.

Въ то утро я впервые вышелъ на улицу и потянулся всѣмъ существомъ не къ людямъ, а къ солнцу. Выдался денекъ золотой, прозрачный, вѣтреный. Пруды въ Таврическомъ саду голубымъ стекломъ залегли среди осыпанныхъ желтымъ листомъ бережковъ. По огненно-желтой землѣ дорожки сѣрыми змѣйками вились. Вѣтеръ сухie сучки ломаль, кусты облетѣлые ерошиль, малая бѣлая тучки по ясному небу гналь. Точь-въ-точь въ такое же утро Володю въ 1913-омъ году хоронили...

О Володѣ я вспомнилъ, о могилѣ его забытой на Волковомъ кладбищѣ. (Я о ней за послѣдніе годы забывать сталъ). Тутъ же рѣшилъ къ нему на могилу сего-дня пробраться.

Я вышелъ за ворота и поплелся къ Лиговкѣ. На Знаменской площади долго въ толпѣ стояль, потомъ мы всѣ въ трамвай упихались и поѣхали. Я всю дорогу на людей смотрѣль, жадно, въ упоръ, такъ, какъ въ бинокль, въ

микроскопъ смотрять, — и въ первый разъ ихъ по-настоящему увидалъ: всѣ мелочи, каждую морщинку, пуговку, казалось, разглядѣль.

Рядомъ — баба пучеглазая, рябая, въ платкѣ вязаномъ съ большой дырой на затылкѣ: шиньонъ сальный выглядываетъ; тамъ, у двери, солдаты злющіе съ мѣшками — воры и убійцы; ребенокъ блѣдный на рукахъ у старухи, запуганной нищенки; крикунья-кондукторша въ лихо заломленной фуражкѣ — всему свѣту обидчица; высокая, все еще изящная дама-фуфыра съ брезгливо поджатыми губами: я, въ моемъ давнемъ мертвящемъ уныніи... и еще много-много такихъ же изуродованныхъ, перепорченыхъ, безобразныхъ и противныхъ людей.

Пассажиры свирѣпо тискались, рвали звонокъ, ругались, дико и зло кричали на остановкахъ. Почему-то нынче вытерпѣть этого я не могъ — забеспокоился, заметался среди людской кучи, изъ трамвая почти на ходу выскочилъ...

Очутился я на Обводномъ каналѣ.

Пустынно. Гыльно. Вѣтеръ соръ вздуваетъ. Дома вдоль канала грязно-свѣтлой полосой тянутся. Далеко-далеко — ломовикъ: на пустой набережной его за версту видать. На углу, у лавки, бабы за хлѣбомъ на вѣтру маются. На столбѣ телеграфномъ возлѣ моста пропаганда какая-то шелестить, съ мѣста рвется. А такъ — вся набережная и откосы пусты: ни клади, ни людей, ни лошадей... и на каналѣ ни одной барки. А надъ этой пустыней сорной — небо ясное въ тучкахъ быстрыхъ.

Я стоялъ и на городѣ смотрѣлъ, и чѣмъ дольше смотрѣлъ, зная, что въ городѣ творится, тѣмъ отчетливѣе понималъ: если мы всѣ такими, какъ сейчасъ, оставаться должны; и если ничего измѣнить нельзя, то, пожалуй, гибель — единственно-разумный и благой конецъ для насть всѣхъ: онъ метафизически обязателенъ, иначе начала и концы во миѣ, разумномъ существѣ, не сойдутъ.

ся. Но я сейчас же съ собой заспорилъ, что никто изъ насъ на гибель все же не согласится отъ безсознательности, отъ похоти къ жизни, да и гибель насильственная ничего не измѣнитъ.

Мимо меня внезапно грузовикъ съ шумомъ-трескомъ пролетѣлъ, соромъ мнѣ лицо засыпавъ. Я взглянула на часы и заторопился, свернулъ на Тамбовскую — и тутъ вспомнилъ: про Тамбовскую мнѣ кто-то говорилъ... да, какъ же, — Шкаревъ просилъ зайдти къ массажисткѣ Янсенъ (я номеръ дома точно запомнилъ). «На обратномъ пути...», рѣшилъ я.

Я давно у Володи не былъ. Его могилу не сразу нашелъ среди новыхъ крестовъ и тропокъ нерасчищенныхъ. Могила совсѣмъ заброшенной казалась, хотя крестъ бѣлый, мраморный, мы съ Софьей поставили въ тотъ же годъ, очень красивый. Вокругъ памятника листомъ насыпано густо, на крестѣ паутина налипла, птицы на него нагадили, скамья возлѣ памятника осѣла на одну ножку, изъ сосѣдняго палисадника кусты прутьями такъ перевалились, что и не видать Володю съ дорожки...

Я постоялъ надъ могилой, хотѣлъ съ чудеснымъ умиленіемъ о братѣ вспомнить, рукой даже глаза прикрыть, но ничего у меня не вышло, только прилила кровь къ головѣ и въ ушахъ застучало. Тогда я бросился листья сгребать, охапками ихъ въ проулокъ между палисадниками перетаскалъ, на скамью всталъ, носовымъ платкомъ весь крестъ обтеръ, а валявшимся кирпичемъ скамьѣ ногу вправилъ. Я возился съ остервенѣніемъ, со злобой, съ отчаяніемъ, какъ могла Володина могила въ такомъ безобразіи пребывать! Вѣдь съ нимъ точно солнце для меня закатилось, вѣдь послѣ смерти его все и началось... Не умри онъ, можетъ быть, моя жизнь пошла бы по-другому, по-хорошему. Почему «по-хорошему», — я не зналъ, но въ ту минуту мнѣ казалось, что онъ спась бы меня,

и съ нимъ вмѣстѣ мы сумѣли бы достойно эти недостойные годы прожить. Какъ-то сумѣли бы...

Я вспомнилъ безсмыслицу, въ которой пребывалъ. Я въ «цѣпь» впутался, не вѣря ни въ «цѣпь», ни въ народъ, ни въ самого себя. Володя бы этой лжи не допустилъ, онъ бы ее распуталъ.

Солнце весь крестъ освѣтило, какъ только я вѣтку отвелъ, безжалостно обломавъ всѣ прутья. Здѣсь самый дешевый уголь кладбища: кресты все больше деревянные, памятнички немудрые и тѣснота большая, но зато надъ могилами березы вѣтки голыя красиво перепутали: черные клубки вороньихъ гнѣздъ на вѣтру покачиваются; еще выше — небо холодное по-осеннему серебрится.

Я бы тишиной этой свѣтлой утѣшился: ужъ очень хорошо вѣтеръ шумѣлъ, сухимъ листомъ игралъ, въ вѣнокъ фарфоровый, Володинъ, дуль нѣжно... да за спиной, среди крестовъ, показались могильщики. Шли гурьбой, помахивая лопатами и крикливо, на все кладбище, о чѣмъ-то споря. Я взглянулъ на часы. Было начало второго. Къ тремъ я успѣю добраться до дому. Заходить ли на Тамбовскую? Заходить не хотѣлось, разговоръ съ Повѣнѣцкимъ коснется, конечно, сестры его, Маріи Федоровны, а о ней, о хожденіяхъ моихъ на Надеждинскую говорить было непріятно. Однако, не зайди я, этаѣтъ господинъ ко мнѣ самъ пожалуетъ, чего доброго, еще писать будетъ, почтой запрашивать. Кто его знаетъ! Глупые они всѣ. И я поплелся на Тамбовскую.

Домъ нашелся легко — запущенный, бѣдный. Подворотня съ прогнившимъ настиломъ; на дворѣ лужа, съ зимы до зимы, вѣрно, не просыхающая; въ углу мусоръ кучей-пирамидой свалень, кругомъ — ни души. Домъ, видимо, мелкотой всякой населенъ, и всѣ ушли на работу. Я въ грязныхъ окна одно-другое заглянулъ — никого. Лѣстницу, одну изъ двухъ черныхъ, выбралъ, въ первую же дверь постучалъ — отвѣта никакого. Попутался по

этажамъ: то въ одну дверь стукну, то въ другую — прислушаюсь: ни звука... Я уже въ третій этажъ забрался, когда вдругъ кто-то за дверью залился-закашлялся. Подождавъ, когда кончится приступъ, я постучалъ.

Дверь робко пріоткрылась. Испуганный, чахоточный мужчина, съ повисшими желтыми усами — голова бабьимъ вязанымъ платкомъ обмотана, пестрое ситцевое одѣяло поверхъ бѣлья, — въ дверь высунулся, молчитъ, мигаетъ...

— Янсенъ, массажистка, — здѣсь? — несмѣло спросилъ я.

— Въ четвертомъ, гражданинъ, — хмуро и сипло выговорилъ онъ, а лишь только я стала подниматься, вдругъ истерически крикнулъ мнѣ вслѣдъ: — а впрочемъ, неизвѣстно! Говорятъ, въ четвертомъ, а мало ли какой народъ живеть, никому неизвѣстно! — И дверью хлопнуль оглушительно.

Я поднялся въ четвертый этажъ. Постучалъ въ дверь негромко и почти тотчасъ же, просто и безстрашно, ее открыли.

— Госпожа Янсенъ?

— Я... я — Янсенъ. Входите, входите, пожалуйста...

— Я — къ господину Повѣнецкому, къ брату Маріи Федоровны, по порученію Шкарева.

— Не вы ли господинъ Полежаевъ? Намъ полковникъ Шкаревъ сказалъ, что вы придетѣ, и Марихенъ къ вамъ посыпала, я у васъ два раза была, но васъ все дома не было.

Сѣренъкое, сѣденъкое востроносое существо, въ огромныхъ стальныхъ очкахъ, закутанное въ пледъ, каталось вокругъ меня, шлепая туфлями, привычно-опрятными движеніями приглаживая волосы за уши и одергивая юбку.

— Ахъ! — вдругъ испуганно воскликнула она, хватаясь за голову, и съ наивнымъ ужасомъ отшатнулась

отъ меня. — Вы, дѣйствительно, Herr Полежаевъ?

— Я Полежаевъ, будьте покойны. Если хотите, вотъ документы, — и я вытащилъ бумажникъ.

— Ахъ, Gott sei Dank! — съ экзальтацией воскликнула она, глядя поверхъ очковъ на мой паспортъ. — Ну, гдѣ же моя старая голова! Сюда-сюда, прошу васъ.. У насъ такой здѣсь беспорядокъ, такой страмъ... — тараторила она, стыдясь темной, грязной, заваленной рухлядью кухни.

Она ввела меня въ небольшую, тѣсно набитую вещами комнату. Сразу было видно, что сюда спрятали все добро: рояль, буфетъ, сундуки, дамскій велосипедъ, бюстъ Беатриче, громадные бронзовые канделябры, и гладильную доску, и дорогія китайскія ширмы, и швейную машинку... Пахло пылью, сыростью и нафталиномъ.

— Вотъ здѣсь, у меня, посидите! Сядьте, пожалуйста... Федоръ Федоровичъ, навѣрно, слышалъ звонокъ и выйдетъ... — хлопотала она вокругъ меня, раздвигая кресла и одергивая чехлы.

— Полковникъ говорилъ вчера Федору Федоровичу, что Марихенъ скоро выпустятъ, повезутъ въ Гатчину съ арестантами, а тамъ выпустятъ. Ахъ, если бы Марихенъ выпустили! Какъ можно такъ мучить Федора Федоровича!.. — и старушка заплакала, закрывъ лицо концомъ пледа.

— Я спѣшу, — перебилъ я, вынимая часы.

Янсенъ утерла кончикъ носа, поправила очки и засуетилась.

— Сейчасъ, сейчасъ... Онъ, кажется, не услыхалъ звонка, но онъ васъ ждалъ, такъ ждалъ!

Она повела меня на кухню и отворила дверь не то въ чуланъ, не то въ темную кладовку. Отсюда вилася деревянная лѣстница на чердакъ.

— Лучше вамъ подождать... — озабоченно сказала она.

Проворно, но осторожно, ступая, чтобы не скрипнуть,

Янсенъ поднялась по лѣстницѣ, остановилась передъ дверью, прильнула къ скважинѣ и замерла... Потомъ перегнулась черезъ перила и замахала на меня руками, что-бя я не шумѣлъ, хотя я стоялъ недвижно.

— Онь молится, молится... надо подождать, — благоговѣйно прошептала она.

«Да что они, оба, — сумасшедшиe?, съ раздражениемъ подумалъ я.

Мы вернулись въ комнату.

Конечно, уйти я не могъ именно потому, что этотъ господинъ молился, и потому, что мнѣ объ этомъ было сказано, поторопить же его тоже было невозможно. Я сѣлъ на диванъ и нахмурился. И тутъ Янсенъ, то вздыхая и принимаясь плакать, то восторженно закатывая глаза, вы boltала мнѣ все, хотя я не задалъ ей ни одного вопроса. Я узналъ, что она старая воспитательница Повѣнѣцкихъ, вовсе не массажистка. Это лишь одно свидѣтельство, что массажистка. У Федора Федоровича тоже есть свидѣтельство изъ больницы Николая Чудотворца — настоящая бумага со всѣми печатями и подписями, — что онъ больной, хотя никогда, слава Богу, онъ больнымъ не былъ, только лѣчился когда-то отъ нервнаго потрясенія. Весь домъ считаетъ его сумасшедшими и боится, даже самъ предсѣдатель сюда заходить не рѣшается, а на дворѣ всѣ бѣгутъ отъ Федора Федоровича во всѣ стороны. Федоръ Федоровичъ сидитъ поэтому спокойно со своими книжками. Тамъ наверху прежній жилецъ, одинъ бѣдный фотографъ, изъ чердака устроилъ мастерскую, но фотографъ умеръ отъ холеры весной, и они съ Федоромъ Федоровичемъ сюда перѣхали, потому что очень глухая, бѣдная улица, и всѣ повѣрили, что новый жилецъ — больной. Далѣе я узналъ отъ болтливой старухи, что Федоръ Федоровичъ замѣчательный человѣкъ и «совсѣмъ-совсѣмъ святой», и, конечно, Марихенъ тоже превосходный человѣкъ, но она «отчаянная». Въ чёмъ «отчаянн-

ность», я не узналъ. Стукнула дверь. Янсенъ умолкла и приложила палецъ къ губамъ.

— Это вы приходили, фрейленъ Эмма?

Голосъ былъ мягкий, немного глуховатый, и говорилъ Федоръ Федоровичъ по-немецки свободно, съ едва замѣтнымъ русскимъ акцентомъ. Я слышалъ шелестящій шопотъ Янсенъ, потомъ Федоръ Федоровичъ тихо сказалъ ей что-то съ упрекомъ. Янсенъ очутилась снова подлѣ меня.

— Онъ очень желаетъ васъ видѣть... очень, — ободряюще шепнула она, точно дѣло шло о высочайшей аудіенції.

Я сердито посмотрѣлъ на нее, прямо на переносицу, на перекладину очковъ, обмотанную нитками, — и пошелъ за ней.

Федоръ Федоровичъ стоялъ вверху лѣстницы, и я его сразу не разглядѣлъ. Не разглядѣлъ и когда онъ пожалъ мнѣ руку: яркій свѣтъ биль изъ раскрытой на чердакъ двери и слѣпилъ мнѣ глаза.

— Простите, я заставилъ васъ ждать, — виновато сказаль онъ, пропуская меня впередъ.

Мы вошли.

Это былъ просторный, жилой чердакъ. Солнце свѣтило прямо въ большое пыльное окно, пробитое въ потолкѣ. Къ стѣнамъ потолокъ такъ круто спускался, что высокій человѣкъ могъ къ нимъ подойти, лишь нагнувъ голову. Комнату пересѣкала многоколѣнчатая печная труба, густо закоптившая потолокъ и стѣны. Посрединѣ — простой еловый столъ, очень большой, заваленный книгами и бумагами; передъ нимъ потертое кожаное кресло съ необычайно высокой спинкой, двѣ кухонныя табуретки по бокамъ; противъ стола, на полу, — прислоненный къ ящикамъ, до верху набитымъ книгами, какой-то женскій портретъ (его я не разсмотрѣлъ), при входѣ, нальво — узкая койка, накрытая простенъкимъ шерстянымъ одѣ-

яломъ, надъ ней большое черное Распятіе, образа, — много образовъ; поодаль, ближе къ изголовью, въ кіотѣ, на фонѣ голубого бархата, совсѣмъ новая, ни разу не зажженная вѣнчальная свѣча, перевитая тюлемъ и цвѣтами...

Въ комнатѣ было много, до тѣсноты много, книгъ. Онѣ грудились, куда ни взглянешь: стопками, башенками; связки ихъ стройно вытянулись вдоль стѣнъ, лежали на табуреткахъ, полукольцомъ окружали столъ. Среди этого порядливаго убожества, въ углу, у желѣзной печки: тазы, полные мыльной воды, ведра, кувшины, губки, лужицы на полу, а на веревкѣ, протянутой наискосъ отъ стѣнки къ стѣнкѣ, сушились великолѣпныя, аккуратно развѣшаныя, мохнатыя полотенца...

«Чудно у него какъ-то здѣсь... не сумасшедшій ли онъ и правда?», подумаль я, съ опасеніемъ взглянувъ на Федора Федоровича, и тутъ же смутился и покраснѣлъ.

Этотъ высокій, бритый человѣкъ, съ блѣднымъ строгимъ лицомъ, зачесанными на уши и падавшими ему на воротникъ, прямыми черными волосами, напоминаль Марію Федоровну. Но онъ мнѣ показался пріятнѣе, чѣмъ она. Марія Федоровна съ первого же нашего знакомства въ квартирѣ Ермолаевыхъ не понравилась мнѣ своей неженственной самоувѣренностью, а позже отталкивала безжалостнымъ равнодушіемъ, съ которымъ всегда меня встрѣчала, человѣка въ крайнемъ душевномъ сиротствѣ. У Федора Федоровича, наоборотъ, было что-то застѣнчивое во взглядѣ, напоминавшее робость дѣтей, одичавшихъ въ своихъ дѣтскихъ, и это къ нему располагало. Но сходство съ сестрой смутило меня до растерянности. Съ Маріей Федоровной въ душѣ моей срослось ощущеніе мучительной неловкости,—тѣнь когда-то пережитого и уже увядшаго стыда, но память не забыла, что одна Марія Федоровна, во всемъ мірѣ одна, видѣла, какъ я,

офицеръ, наддавъ колѣномъ дверь, опрометью вылетѣлъ на лѣстницу...

Когда мы вошли, Федоръ Федоровичъ пододвинулъ мнѣ единственное кресло и самъ хотѣлъ сѣсть, но всюду лежали книги, и онъ не сѣлъ.

На яркомъ свѣту я разглядѣлъ его. Сходство съ Маріей Федоровной, дѣйствительно, было большое. Тѣ же рѣзкія, не русскія — цыганскія черты, казавшіяся еще рѣзче отъ черныхъ четкихъ бровей и гладкихъ черныхъ волосъ, тотъ же пристальный взглядъ, то же выраженіе лица, сосредоточенное на чемъ-то своемъ, тайномъ, до чего собесѣднику нѣтъ никакого дѣла. Но онъ былъ старше, выше и красивѣе ея, просто казался привлекательнѣе, благодаря своеобразному костюму, который ему былъ весьма къ лицу.

На немъ была черная бархатная куртка, подпоясанная свѣтлымъ кожанымъ ремешкомъ, короткія альпійскія шаровары, ярко-лиловые шерстяные чулки и веревочные туфли, точь-въ-точь такія, какъ связала себѣ старуха передъ смертью. На плечи была накинута черная хламида съ капюшономъ и длинными болтающимися рукавами, напоминавшая одѣянія католическихъ монаховъ. На рукѣ блестѣлъ старинный перстень съ изумрудомъ, слишкомъ тяжелый для его тонкой, безсильно-безвольной руки. Все было, однако, крайне бѣдно: и потертая куртка, и штопаные чулки, и порыжѣлая хламида.

Потому ли, что это безобразіе надѣто было именно на немъ — не знаю, но безобразнымъ, какъ тѣ люди, что нынче утромъ тискались въ трамваѣ, онъ не былъ. Пожалуй, даже именно бѣдность костюма красила его. Въ горькой жизни нашей мы давно привыкли отыскивать красоту въ тончайшей эстетикѣ нищеты и страданія, и Федоръ Федоровичъ, съ веревочной дрянью на ногахъ, среди грязныхъ стѣнъ своего чердачного убѣжища, казался не безобразнымъ, а трагичнымъ. «Не то Людовикъ въ Там-

плѣ, не то Іоаннъ Антоновичъ въ Шлиссельбургѣ... Су-
масшедшій или не сумасшедшій?», въ недоумѣніи вопро-
шалъ я себя.

— Я ждалъ васъ. Къ вамъ ходила Эмма Карловна —
не застала, — неторопливо выговаривая слова, сказалъ
Федоръ Федоровичъ, пристально, совсѣмъ какъ сестра,
вглядываясь въ меня.

Я смущенно тискалъ въ рукахъ кепку.

— Я мимо шель... съ кладбища возвращался, тамъ
брать мой старшій похороненъ... Сейчасъ такое всюду
запустѣніе — еле могилу отыскалъ, заросла вся... раз-
валъ ужасный, — стараясь преодолѣть смущеніе, путался
я, но тутъ же спохватился, что все не къ мѣсту: и про бра-
та, и про кладбище. — Старушка внизу сказала, что се-
стру вашу скоро выпустятъ. Шкаревъ узналъ, — уже
смѣлѣе продолжалъ я.

Федоръ Федоровичъ нервно передернулъ плечами.

— Эмма Карловна все перепутала, — чуть раздра-
женно сказалъ онъ. — Шкаревъ этого не говорилъ. Онъ
только надѣется, что ее... — онъ запнулся, не находя
нужнаго слова, — что ей самое ужасное не угрожаетъ,
— быстро выговорилъ онъ, глядя въ сторону. — Она
арестована не по дѣлу офицера, пойманнаго на границѣ,
но она была причастна къ нему. Говорятъ, вы съ ней
постоянно видѣлись? Вы были хорошо знакомы?

— Да, какъ же, даже очень хорошо знакомъ. Я ча-
сто ходилъ къ Маріи Федоровнѣ. Какъ получу пакетъ изъ
Финляндіи, сейчасъ же бѣгу къ ней — передать, она —
далъше. Такъ всегда было. Цѣлый годъ. И въ тотъ день
я ей пакетъ принесъ. Успѣла ли только спрятать? Если
спрятала, тогда, конечно, уликъ никакихъ нѣтъ... — въ
замѣшательствѣ проговорилъ я, стыдясь мысли, что Фе-
доръ Федоровичъ навѣрно, нашелъ меня непріятнымъ и
удивляется знакомству сестры.

— Не знаю, сестра намъ о своихъ дѣлахъ никогда

не говорила, — безъ всякой непріязни, просто, сказалъ онъ. — Шкаревъ разсказывалъ: какой-то юноша сжегъ документы — отстрѣливался, пока они горѣли въ каминѣ... Его убили какъ-то безчеловѣчно, звѣрски... — брезгливо произнесъ Федоръ Федоровичъ. — Но чьи документы, — сестры или иные, — не выяснено. Если арестъ изъ Москвы, — это лучше. Вотъ все, что сказалъ Шкаревъ.

— Почему лучше? — съ любопытствомъ и тоже стараясь быть немногословнымъ, прерваль я.

Федоръ Федоровичъ помолчалъ.

— Тамъ не могутъ знать... тамъ могла быть найдена лишь ея личная переписка, — неопределенно объяснилъ онъ.

«Про жениха уже все знаетъ», рѣшилъ я и, чтобы отвести разговоръ отъ Москвы, спросиль про Гатчину.

— Ихъ хотятъ связать съ какимъ-то эстонскимъ процессомъ. Сестра совсѣмъ запуталась въ этой паутинѣ, — съ горечью сказалъ онъ.

— Я и то все думалъ, — уже не робъя, перебилъ я, —хоть кто-нибудь на нее воздѣйствовалъ бы, отговориль! Это совсѣмъ ни къ чему — женшинѣ въ политику впутываться. Я ее убѣждалъ все бросить, уговариваль даже... Жажда героизма, вѣроятно. Въ русскихъ дѣвшушкахъ это часто, — разсуждалъ я, не думая о томъ, насколько мои слова искажали правду.

— Иногда и не героизма, — вдругъ взволнованно прерваль меня Федоръ Федоровичъ, — просто люди жаждутъ иногда самой заурядной судьбы.

Онъ проговорилъ эти слова прямо съ болью. Я поняль сразу: московскій позоръ съ женихомъ кажется ему несравненно большимъ несчастьемъ, чѣмъ арестъ.

Конечно, Федоръ Федоровичъ иначе говорилъ бы со мною, если бы чуялъ, какъ мало я зналъ его сестру, и что за годъ нашихъ встрѣчъ мы съ ней и двухъ словъ по-человѣчески другъ другу не сказали. Больше про нее я не

разспрашивалъ, она, признаться, меня въ тотъ день не интересовала. Зато Федоръ Федоровичъ занялъ меня чрезвычайно.

Люди обычно до унынія похожи другъ на друга и рѣдко удивляютъ собой чужую душу. Меня давно уже никто не занималъ. Даже фонаревская компания была все же обыкновенна, напоминала солдатчину, прислугу, воскресную публику заплеванныхъ провинціальныхъ бульваровъ. Федоръ Федоровичъ никого мнѣ не напоминалъ. Мнѣ казалось, онъ себя выдумалъ, нарядился въ условный костюмъ и обставилъ чердачной декорацией, потому что по ходу дѣйствія за сценой предполагалось великое народное бѣдствіе. И эта театральность, условность, призрачность Федора Федоровича и заинтересовала и повлекла меня къ нему съ первого рукопожатья. И о сестрѣ Федоръ Федоровичъ говорилъ не такъ, какъ говорилъ бы всякий человѣкъ: съ тревогой, въ растерянности, а можетъ быть, и со слезами даже. Онъ разсуждалъ о ея судьбѣ, тонко, почти неуловимо, осуждалъ ее, но это меня ничуть не отталкивало; я тоже не сокрушился о Маріи Федоровнѣ.

— Мнѣ надо было съ вами увидаться, — точно вдругъ опомнившись, началъ Федоръ Федоровичъ и, наклонившись надъ столомъ, сталъ рыться въ бумагахъ. — Марія писала... Здѣсь ея записка... нѣсколько словъ о васъ.

Я насторожился. Писать изъ тюрьмы было нечего. Намекать? На что намекать? Поздно намекать, когда Добрынинъ отличился...

Записка оказалась не въ бумагахъ, она лежала глупо, на самомъ видномъ мѣстѣ, подъ чернильницей, — лоскутокъ-бумаженка, сѣрая, грязная, мятая. Что-то было въ ней жалобное, жалкое, такъ не вязалась она съ мужественной самоувѣренностью Маріи Федоровны.

— Вотъ это касается васъ... Шкаревъ тоже говорить, что эти слова относятся къ вамъ, — не глядя на меня, сказалъ Федоръ Федоровичъ и быстро, невыразительно про-

читалъ: «Разыщи, умоляю тебя, П. Все о немъ — моя клевета. Не знаю ея послѣдствій. Это меня гнететъ. Скажи ему, что я прошу его меня простить. Я была жестока». Вотъ и все, дальше — о постороннемъ... — сухо проговорилъ Федоръ Федоровичъ, складывая записку.

Онъ не смотрѣлъ на меня, ничего не сказалъ о клеветѣ и о прощеніи, точно все это было нашимъ шпионскимъ дѣломъ, которое его не касалось. Мнѣ кажется, роль посредника была ему крайне непріятна, а за сестру, клевету и просьбу было просто совѣстно.

Не могъ онъ знать, что эта записочка для меня означала!

Эти скучныя слова изъ тюрьмы касались того стыда, о которомъ я выучился уже не вспоминать. Записка означала, что стыдиться больше нечего. Если думали когда-то обо мнѣ позорно, все забылось, и Марія Федоровна сама въ себѣ усумнилась. Меня укрылъ грѣхъ Добрынина, и для всѣхъ, главное, для Маріи Федоровны — обличительницы моей, — никогда ничего и не было.

Я обрадовался, — какъ тогда со Шкаревымъ, — что люди считали меня невиновнымъ, и смѣло на Федора Федоровича посмотрѣлъ, даже въ креслѣ непринужденно развалился...

— Напрасно Марія Федоровна себя изъ-за пустяковъ разстраиваетъ, никакихъ непріятностей она мнѣ не причинила, — снисходительно сказалъ я.

Но Федоръ Федоровичъ точно моихъ словъ и не разслышалъ. Онъ заговорилъ о Гатчинѣ. Марію Федоровну отправляютъ завтра съ арестованными на Варшавскій вокзалъ, надо передать ей все теплое: она легко одѣта, оставить ее такъ невозможно. Но какъ это сдѣлать?

Онъ беспомощно сжалъ руками виски и въ недоумѣніи задумался.

Представить себѣ это житейское дѣло было, конечно, просто. Надо дежурить на вокзалѣ и подкупить конвой-

ныхъ. Но ему ли было это все устроить! Перстень... хламида... капюшонъ... лиловые чулки. Куда такому — на вокзалъ съ узломъ и взятками!

— Я попрошу Эмму Карловну, можетъ быть, она сумѣеть... — съ наивной надеждой продолжалъ онъ.

«Нѣмка? Эта полоумная плакса?», подумалъ я.

Вѣроятно, въ другую минуту я бы только усмѣхнулся и ушелъ. Но всякий человѣкъ, даже въ малой радости, великодушенъ, а я все еще думалъ о запискѣ, — и вотъ, не отдавая себѣ отчета ни въ томъ, что говорю, ни на что рѣшаюсь, вскочилъ и дотронулся до его рукваа.

— Вамъ этого не сдѣлать! Старушкѣ вашей тоже! — съ чувствомъ, чуть фамильярно, воскликнуль я. — Я снесу, дайте мнѣ сейчасъ же вещи, я устрою, вы увидите...

Онъ удивленно подняль темные брови, потомъ, со внезапной ласковостью, свойственной беспомощнымъ и неласковымъ людямъ, когда ихъ вызволяешь изъ бѣды, — крѣпко пожалъ мнѣ руку.

Тутъ все устроилось быстро, и прежде, чѣмъ я пришелъ въ себя.

Федоръ Федоровичъ съ площадки лѣстницы крикнулъ Эммѣ Карловнѣ, что я передамъ вещи «Маришѣ» (онъ такъ ее назвалъ), и чтобы она сейчасъ же ихъ приготовила.

— Herr Gott! — восторженно отозвалась снизу старуха. — Я же вамъ говорила, что «олень» во снѣ — къ добруму сюрпризу!

Потомъ Янсенъ ввалилась къ намъ съ узломъ, со сверткомъ, съ картонкой, и затѣялся у нихъ споръ съ Федоромъ Федоровичемъ. Онъ былъ недоволенъ, зачѣмъ, кроме узла, еще и картонка, а нѣмка, вся красная, доказывала, что къ шубѣ надо и шапку, а шапку удобнѣе въ картонкѣ. Они спорили съ той гоячностью, съ которой спорятъ о мелочахъ люди, завѣдомо готовые уступить другъ другу, и, конечно, уступили они оба разомъ: Федоръ Федоровичъ замолчалъ, а старуха вынула шапку.

Тогда я вмѣшался, забралъ все, предупредивъ, что самъ увижу, какъ мнѣ удобнѣе. Эмма Карловна благодарно тискала мою руку шершавыми руками, порывалась что-то сказать, но лишь всхлипнула и засморкалась. Федоръ Федоровичъ, хотя и былъ въ большомъ волненіи, простился со мною очень сдержанно, точно рѣшилъ, что чувствительность со мною неумѣстна.

— Передайте сестрѣ, что намъ съ ней въ Россіи больше дѣлать нечего. Надо уѣзжать. Мы здоровы... мы ждемъ ее...

Мнѣ кажется, ему хотѣлось сказать еще что-то, тѣ теплія слова, которыя между людьми могутъ стать послѣдними, но онъ опустилъ глаза и замолчалъ; лишь когда я стала спускаться по винтовой лѣстницѣ, онъ перегнулся черезъ перила и невнятно проговорилъ мнѣ вслѣдъ.

— Пожалуйста, скажите, что я ей все прощаю... все простиль.

Федоръ Федоровичъ меня не провожалъ. Дверь въ кухнѣ отперла мнѣ Янсенъ.

— Ну, какъ любезно, что вы всѣ мои пакеты взяли! Если вещь испортится, всегда потомъ виновата старая фрейленъ Эмма, — добродушно-ворчливо жаловалась она, когда мы шли кухней.

— Даже въ такое время?

— Для фрейленъ Эммы нѣтъ никакого вашего гадкаго шурумъ-бурума... — степенно проговорила она и затворила за мною дверь.

ГЛАВА VIII.

Къ вечеру велиcodушный мой порывъ исчезъ безслѣдно. Бѣжать черезъ весь городъ по чужому дѣлу, соваться на глаза властямъ, казалось мнѣ теперь нелѣпымъ. Почему бы самому Федору Федоровичу не побѣзпокоиться, или его старухѣ? Почему мнѣ? Не лучше ли похлопотать-побѣгать, чѣмъ по чердакамъ молиться? — съ грубымъ благоразуміемъ разсуждалъ я и уже озлобленно смотрѣлъ на узель.

Ночь я спалъ плохо — ворочался и вздыхалъ, все рѣшалъ на Тамбовскую поутру сбѣгать и отъ порученія отказаться. «Отъ всякихъ хлопотъ, непосильныхъ по состоянію моего здоровья, вынужденъ воздерживаться», вотъ какъ сказать я придумалъ. Но всякий разъ, какъ до этой фразы я доходилъ, становилось ясно: послѣ такого заявленія Федору Федоровичу со мной разговаривать больше не о чемъ. И я отъ рѣшенія своего пятился. Я безсознательно, конечно, чувствовалъ (въ тѣ дни все у меня безсознательно было), что именно услуга какая-нибудь, участіе, попечительность, въ такое лихолѣтье людей сцѣпляеть, а не споры-разговоры и обмѣнъ мнѣній претонкихъ. Стоить во-время людямъ помочь, они васъ изъ рукъ уже не выпустятъ изъ благодарности къ вамъ и отъ восторженной жалости къ себѣ. А тутъ не только услугой, тутъ самопожертвованьемъ пахнетъ: меня, вѣдь, могутъ заподозрѣть въ симпатіяхъ, въ сношеніяхъ съ врагами правительства, и вообще — неблаго-

горазумно властямъ на глаза соваться. Это и Федоръ Федоровичъ поняль, оттого такъ и благодариль.

Однако, поутру я всталъ и пошелъ на вокзалъ бездумно, просто, какъ въ свое время ходилъ на лекціи.

Этотъ день я запомниль крѣпко.

Было холодно и такъ же вѣтreno, какъ наканунѣ, но уже по-зимнему хмуро. Вѣтеръ дулъ съ Невы пронизывающій. Моросило. Улицы были сѣры, скользки, унылы, по раннему часу и пустоваты. Трамвая я не дождался и побѣжалъ пѣшкомъ. Дорогой думалъ о томъ, что я очень добрый, хорошій человѣкъ, потому что сейчасъ во всемъ Петербургѣ не сыскать желающаго для другого по-трудиться. Припомниль, что Шкаревъ меня «стальнымъ человѣкомъ» назвалъ; и въ отрядѣ я только прекрасные отзывы о себѣ слышалъ. Я, дѣйствительно, непріятностей никому большихъ не доставилъ, неблаговидныхъ дѣлъ сторонился, и если сестрицу Федора Федоровича почему то никакъ не умудрился пожалѣть, то, вѣроятно, потому, что за годъ нашихъ встрѣчъ она меня неумолимо чѣмъ то обижала и въ конецъ поссорила себя со мною, когда догадалась о моей минутной неустойчивости. По сравненію съ Добрыниномъ, я былъ порядочный и даже хорошій человѣкъ, иначе обѣ извиненіи она бы не позаботилась. На этомъ я и успокоился, попытался пожалѣть ее, но она опять не пожалѣлась.

На вокзалѣ мнѣ Федоръ Федоровичъ въ десять часовъ быть совѣтывалъ, а я уже къ девятыи пришелъ. Я къ вокзальнымъ сквознякамъ, шуму, крику, плачу у кассъ и вонючимъ угламъ разнымъ привыкъ еще когда на Николаевскій ходилъ, а потому преспокойно всталъ въ дверяхъ подъѣзда, на самомъ проходѣ. Отсюда ихъ сразу увижу — не пропущу.

Я ожидалъ, что ихъ на грузовикахъ привезутъ (слыхалъ, что всегда на грузовикахъ), и прослушивался, не загромыхаетъ ли за угломъ. Но ихъ не привезли, а при-

гнали партией, человѣкъ въ тридцать-сорокъ, не болѣе, и встрѣтилъ я ихъ въ ту минуту, когда ожидалъ всего менѣе.

Я зазябъ очень, въ дверяхъ стоя; милиціонеръ меня раза три съ порога сгонялъ, да и толкотня была, потому что какой то дальний поѣздъ отходилъ, и пассажиры, какъ въ огнѣ, метались; я и пошелъ вдоль вокзала къ Обводному каналу, туда-назадъ прошелся; когда вновь къ каналу повернуль, они и показались. Грудой, толпой шли — не рядами, а тѣсно, прямо какъ бы всѣ жались другъ къ другу. Ихъ конвой окружалъ цѣпью негустой, и сзади еще конвойныхъ два ряда шло.

Я все вглядывался въ толпочку и по панели рядомъ къ вокзалу заторопился, будто самый обыкновенный пассажиръ.

Арестованные разные были: и мужчины, и женщины, и старые, и молодые, — всякие. Видимо, они весь городъ прошагали, очень устали, зазябли, промокли, поэтому и жались другъ къ другу: руки въ карманы, въ рукава кто попихалъ, кто воротникъ поднялъ, кто полы пальто придерживаетъ... Я лица запомнилъ. Я ихъ сейчасъ вижу. Они у меня въ сердцѣ такъ и отпечатлѣлись. Они на зайчать походили. Никогда арестованныхъ я такъ не видалъ. Конечно, представить себѣ я бы могъ, но все же никогда бы не подумалъ, что — на зайчать... Я представлялъ себѣ, что видѣ у нихъ либо героическій, либо неодолимо жалостный, смотрѣть — затрясетъ всего... Не ожидалъ, что простота, обыкновенность: толпой въ экскурсію собрались, съ узлами, съ подушками, а кто и съ саквояжемъ, съ корзинкой... — и это было самое ужасное. Лишь когда я въ нихъ попристальнѣе вглядѣлся, настороженность какая-то особая меня поразила: ждуть че-го-то, какъ отрядъ на развѣдкѣ, или какъ кони, когда броду не знаютъ. Понятно, почему насторожились: въ городѣ давно слухъ, что оттуда, куда ихъ везутъ, многіе и не воз-

вращаются... Ихъ къ багажному отдѣлению подогнали: на товарныхъ путяхъ сажать, навѣрно, распорядились. Здѣсь заминка вышла, часть конвойныхъ въ вокзалъ скрылась, а арестованныхъ на площади задержали. Изъ-за спинъ солдатскихъ плохо ихъ было видно — одни затылки.

Я искалъ Марію Федоровну и найти не могъ. Тогда кругомъ обѣжалъ и на уступъ, на штабелекъ битыхъ кирпичей, взгромоздился; пенснѣ протеръ. Рядомъ со мной народъ — рѣденько такъ — ихъ окружилъ: тетки разныя, солдаты, мальчишки разсматривали ихъ молча. Я всѣхъ арестованныхъ глазами перебраль — и вотъ, у конвойной цѣпи, плечо о плечо съ солдатомъ, Марію Федоровну вдругъ увидаль. Я бы ее никогда не узналъ, если бы не былъ увѣренъ, что она въ этой партіи, до того ее такой увидать не ожидалъ.

Она постарѣла, не то осунулась, не то измѣнилась той перемѣнной полной, когда у человѣка весь обликъ иной становится. Вся ея осанка смѣлая, и лицо строгое, и поворотъ головы самонадѣянный — исчезали. Поникла, сутулилась и голову наклоняла чуть-чуть впередъ, точно отъ удара уклонялась. На голову она накинула сѣрий байковый платокъ, на глаза его надвинула, просто такъ, по деревенски, въ профиль и не видать ее. Но она прямо противъ меня стояла, и лицо то ея меня и поразило той таинственной красотой, которую я видѣлъ только разъ въ жизни — у Володи передъ смертью. Я ожидалъ (признаться, любопытство даже нехорошее было, что она меня какимъ-нибудь необычайнымъ, перекошеннымъ видомъ поразить, тоской сокрушительной, рыдательной, но этого не было ни чуточку, а именно какъ у Володи... Мнѣ ея лицо ужасно красивымъ показалось, хотя она красива не была. Очень блѣдное, восковое лицо, глаза полуопущенные, тайну свою отъ всего міра прикрывшіе, и выраженіе губъ кроткое и дѣтски-недоумѣнное. Если бы я не понять сразу, какъ обликъ такой да-

ется, я, быть можетъ, не сумѣлъ въ то утро пакетъ передать; но я о братѣ вспомнилъ, о томъ, что въ ту ночь, когда онъ что-то про смерть свою рѣшилъ, къ утру это выраженіе лица у него и появилось. Да, понялъ я, что Марія Федоровна не просто осунулась, не просто состарилась...

Я съ кирпичей соскользнулъ, обѣжалъ толпу, чтобы ближе къ Маріи Федоровнѣ быть, приподнялъ узель надъ головой и крикнулъ черезъ плечи конвойныхъ сдавленнымъ, не своимъ голосомъ:

— Я вещи, вещи вамъ принесъ!..

Она узнала меня сразу, но не кивнула, не вскрикнула даже, а всплеснула сѣрыми рукавичками и покачала головой. И я угадалъ, что она не ожидала вещей и понимала — въ ту минуту это было самое главное — понимала, какихъ хлопотъ стоило доставить ей узель.

Все это произошло въ мигъ, и тутъ же конвойные накинулись на меня, грубо схватили за локти, за вещи, за карманы... Я не выпускалъ узла и кричалъ, просилъ, боялся въ невѣроятномъ возбужденіи. Умоляюще, беспомощно зашумѣли голоса арестованныхъ, и я вдругъ ясно услыхалъ, какъ Марія Федоровна воскликнула знакомымъ, въ ушахъ моихъ съ той встрѣчи застрявшимъ голосомъ:

— Оставьте его!..

Не знаю, не помню, какъ это случилось, но вдругъ меня оставили, и я отлетѣлъ куда то въ сторону, къ кирпичамъ, а когда опомнился, толпа валила уже въ вокзалъ. Какъ въ туманѣ промелькнулъ въ давкѣ сѣрий платокъ и сѣрыя рукавички, неловко охватившія узель... Я не успѣлъ ни сказать, ни крикнуть Маріи Федоровнѣ про брата. Просто растерялся, не изловчился. Надо было подкупить конвойныхъ, надо было найтисъ, а не такъ прямо, въ лобъ. Объ этомъ я размышлялъ позднѣе. Тутъ же я ринулся въ вокзалъ, къ кассамъ, къ милиціонерамъ, къ пассажирамъ, къ знающимъ, словомъ, людямъ, чтобы какъ-нибудь пробиться на платформы. Но меня не пустили, хо-

тя я упрашивалъ солдатъ - контролеровъ, и безтолково шуршалъ въ карманѣ тысячами, и хитро подмигивалъ... Я обѣжалъ всѣ двери, всѣ входы-выходы и залы поганыя, по-томъ выскочилъ на улицу и присѣлъ на ту же груду кирпичей, гдѣ только что стоялъ.

Тутъ они жались другъ къ другу на вѣтру сыромъ. Я всю толпочку припомнилъ. Я напряженность невѣроятную на ихъ лицахъ припомнилъ. Я Марію Федоорвну припомнилъ: весь обликъ ея кроткій, и какъ они всѣ нестройно и беспомощно закричали, и какъ Марія Федоровна неловко держала узель...

Я вскочилъ, побѣжалъ вдоль вокзала къ Обводному каналу, къ мосту. Когда мостъ пересѣкаль, на самомъ вѣтвишѣ, — вдругъ свистокъ паровозный, протяжный, прощальный меня остановилъ. «Отъѣзжаютъ»... Я потоптался въ недоумѣніи на серединѣ моста, чувствуя, что надо какъ-то эту минуту отмѣтить, запечатлѣть, но какъ — не догадался, не нашелся, лишь глянуль на циферблать вокзальной башни, на обшарпанный сѣрый ея фасадъ.

«Навѣрно, у нихъ сейчасъ въ вагонѣ только обо мнѣ и разговоръ...» размышлялъ я. «Все-таки удивительно! Какъ это я... Надо Федору Федоровичу разсказать — во-образю, какъ онъ ко мнѣ теперь! У ней лицо, словно у великомученицы... Нѣмка говорить: выпустять. А если нѣть? Смерть теперь ей нипочемъ... Когда швейцарь изъ Лоскутной за Софынными вещами пріѣхалъ, и я видѣлъ изъ окна, какъ вещи на извозчика грузили и, помню, со шляпной картонкой никакъ устроиться не могли, — мнѣ тоже смерть нипочемъ казалась, мѣсяца три нипочемъ; ну, а потомъ... потомъ, вѣдь, ничего? Освоился, въ Кисловодскъ уѣхалъ, а тамъ Нина Петровна и «Красные камни» при лунѣ... И я, и всѣ нашли, что ничего удивительнаго: Кисловодскъ и Нина Петровна... Неужели и она обживется, и тоже ничего, по-хорошему? Неужели такъ-таки по хорошему?»

Еще вчера судьба Марии Федоровны интересовала меня весьма мало. По правдѣ говоря, и сейчасъ не было во мнѣ той жалости, что заставляетъ людей сострадать другъ другу. Этого не было, но появилось въ то утро нѣчто болѣе значительное, чѣмъ жалость; и только позднѣе, гораздо позднѣе, я понялъ, что въ то утро я свѣтлой безутѣшностью Марии Федоровны утѣшился и страданіемъ ея почтительнѣйше залюбовался...

Я шелъ очень быстро, по привычкѣ не глядя по сторонамъ, и такъ задумался, что не могъ понять, въ чемъ дѣло, когда встрѣчный прохожій передо мною остановился и что-то проговорилъ.

Это былъ бородатый старишокъ, въ очкахъ, въ старой мѣховой шапочкѣ, что носили наши щеголи лѣтъ двадцать тому назадъ, въ потертой долгополой шубѣ, придававшей ему бабій неуклжій видъ. Къ тому же онъ несъ розовый тазъ, узелъ съ бѣльемъ, изъ котораго нитями свисала мочалка, и большой кувшинъ. Видъ у него былъ озабоченный и сердитый.

— Гдѣ здѣсь бани? Говорятъ, есть бани, а мнѣ ихъ никакъ не найти... всѣ номера обошелъ, — мрачно проговорилъ онъ, оглядываясь по сторонамъ.

Я пожалъ плечами.

— Не знаю, гдѣ ваши бани.

Старикъ враждебно глянулъ на меня поверхъ очковъ и засѣменилъ въ сторону. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ — и вдругъ безобразіе его фигуры и глупый тазъ подъ локтемъ, и старомодная шапка, и мелкій бабій шагъ, поразили меня. Вѣдь я тоже все съ узлами, съ мѣшками таскаюсь. И больше этого! Я вѣдь только съ прислугой, съ дѣвками, со сбродомъ всяkimъ и разговариваю! Съ Дарьей, съ пьяницей Петромъ Ивановичемъ, съ Яшкой-Гусаромъ, съ Фонаревой, съ парикмахеромъ Рыжиковымъ, со Швайцеромъ... Вотъ и съ узломъ я нынче черезъ весь городъ

бѣжалъ! Я книги, газеты читать пересталъ и разсуждаю уже съ трудомъ, точно никогда ничему и не учился.

Раздумывать, однако, было некогда: и усталъ я очень, и тревога была — влѣзу ли въ трамвай.

У Технологического ждалъ долго въ толпѣ пассажировъ. Стояли мы угрюмой мокрой кучей, издавая вонь кожи, шерсти и прѣли немытыхъ тѣлъ. Но зато въ кучѣ было тепло. Вѣтеръ дулъ съ Невы неистовый, посыпалъ не изморосью, какъ утромъ, а хлесталь косымъ дождемъ, сдувая шапки, распахивая наши пальтишки.

Я стоялъ, прислонившись къ фонарю, и смотрѣлъ на мокрую желтую афишу на круглой стѣнкѣ кiosка, смотрѣлъ, но прочитать ее не поинтересовался — навѣрное все о томъ же — либо о тифѣ, либо о польскомъ фронтѣ. «Хорошо бы побывать у Федора Федорвича...» раздумывалъ я. «Хорошо бы, чтобы и Марію Федоровну не тронули, хорошо бы скорѣй домой — спать».

Трамвай я дождался и даже удачно въ него влѣзъ, зато дома въ то утро произошли такія событія, что о снѣ я и позабылъ.

У самаго нашего дома повстрѣчалась мнѣ бѣлобрысая, курносая Манька, дочка Яши-Гусара. Бѣжала бѣгомъ — въ одной рукѣ держала жестяное ржавое ведрышко, другой — прижимала къ груди вѣръ столовыхъ карточекъ. Очевидно, на уголь за обѣдами послали. Я бы ее не окликнулъ (не до нея мнѣ было), но я только что машинально на двери столовой прочель «Заперто» и крикнулъ:

— Опоздала! Заперто!

Манька остановилась, вздрогнула отъ окрика и уронила ведрышко.

— Изъ-за Фонарихи все! — съ досадой воскликнула она, бросаясь за жестянкой, катившейся прямо въ лужу.

— Почему изъ-за Фонарихи?

— А у Фонарихи обыскъ цѣльное утро шелъ... со двора никого не выпускали... въ воротахъ и на парадныхъ

всюду красноармейцы набивши были... — захлебываясь, рассказывала Манька.

— Обыскъ? — тревожнымъ шепотомъ спросилъ я.

— Почему... почему обыскъ?

Манька передернула плечиками, точно удивляясь глупости вопроса.

— Папка ихъ водиль... Петръ Иванычъ за брюквой въ Вырицу уѣхаль... Бриллантовъ искали... ничего не нашли, даже серебряныхъ ложекъ нѣту, папа говоритъ: «спрятала». А рыли-рыли, матрацъ пороли, папа весь бѣлый, въ пуху, пришелъ, — и она слабо улыбнулась, — а потомъ Фонариху какъ есть всю обыскали и Дарью Петровну тоже... Разстрѣляли его то...

— Кого?

— Да его, Фонарева, ейнаго мужа... Папа говоритъ, что куда онъ поѣхалъ, тамъ и разстрѣляли. Очень много капиталовъ укралъ, въ телефонъ Петру Иванычу какой то человѣкъ ночью сказалъ, что разстрѣляли...

У Маньки дѣтскій говорокъ-басокъ. Вся она, бойкая, толковая, дѣловитая, внушаетъ мнѣ непонятное отвращеніе, — такъ просто и ловко, какъ изъ автомата, выскакиваютъ изъ нея слова.

— А теперь — ушли они? — быстро спросилъ я.

— Уѣхадчи...

— Ты домой, Маничка? — спросилъ я (мнѣ хотѣлось, чтобы она довела меня до дому).

«Съ ребенкомъ безопаснѣе»... подумалъ я.

Манька мотнула головой.

— Неее... я къ бабушкѣ, — небрежно протянула она: — дяденька вчера на паровозѣ продукты привезъ. Бабушка, коли одна, — дастъ, а дяденька всегда говоритъ: «распродадъ». Вре-етъ...

Она тряхнула пустой жестянкой и побѣжала черезъ улицу.

Сердце у меня билось. Опять то-же ощущеніе надви-

гающейся пагубы, которое владѣло мною весь послѣдній годъ, подкралось ко мнѣ, и все мое утреннее путешествіе и знакомство съ Федоромъ Федоровичемъ показалось безразсудствомъ. «Надо сидѣть дома, заняться лекціями — вѣдь была оказія черезъ Пельтяева пристроиться еще въ августѣ. А я бѣгаю, суюсь не въ свое дѣло, не умѣю держаться понезамѣтнѣе». — И тутъ же подъ почернѣвшимъ кренделемъ заколоченной булочной, въ двухъ шагахъ отъ дома, я рѣшилъ, что надо глупости бросить и не давать повода казаться подозрительнымъ; главное, не давать повода.

Странно, что о казни Фонарева я и не подумалъ. Если бы и подумалъ, — можетъ быть, исчезновеніе Фонарева изъ нашего дома было бы мнѣ только пріятно. Ужъ очень я не любилъ почему то послѣднее время съ нимъ встрѣчаться...

Юркнуль въ подворотню нашу, хотѣлъ незамѣтно къ себѣ проскользнуть, да не удалось.

Домъ нашъ былъ похожъ на огромный, развороченный муравейникъ. Ко всѣмъ оконнымъ стекламъ приникли испуганныя лица. Изъ выбитыхъ оконъ черной лѣстницы свѣсились головы: изъ первого — ушастый Никиша, изъ третьяго — мрачная рыжая почтариха Сидоренко. У дверей домовой конторы толпились наши домовыя власти: Яша-Гусаръ, въ одной гимнастеркѣ, съ фуражкой, сдвинутой на затылокъ, весь красный, потный, точно изъ бани; секретарь нашъ — фармацевтъ Сипенклеръ, съ портфелемъ подмышкой, волосатый черный человѣчекъ; и жилецъ изъ № 25-го — парикмахеръ Рыжиковъ, блѣдный и некрасивый, съ бородавками на лбу... У всѣхъ былъ видъ отдыхающихъ и наработавшихся людей. Они курили и тихо переговаривались. Я хотѣлъ миновать ихъ, но Никиша крикнулъ надъ моей головой:

— Ничего не нашли — одинъ табакъ!

— У кого обыскъ былъ? — съ дѣланнымъ недоумѣніемъ спросилъ я.

— У Фонаревыхъ...

— А его разстрѣляли...

— Въ Курскѣ задержали — миллионъ царскими нашли...

— Она кричитъ: «знать его, подлеца, не хочу, онъ любовницу повезъ, на улицу грозиль выгнать».

— Бойкая!..

— Серебряныхъ ложекъ, и тѣхъ нѣту...

— А я самъ на кухнѣ подстаканники видалъ...

— Не иначе, какъ по телефону предупредили!

— Одинъ табакъ!..

Слова сыпались и сыпались изо всѣхъ ртовъ, и вдохновеніе всѣхъ говорилъ Яша. Что случилось съ Фонаревымъ, никого не трогало, обѣ этомъ упоминали только, какъ о поводѣ всего переполоха. Главное было не это, а что ничего не нашли, тогда какъ нельзя было не найти. Здѣсь сосредотачивались всѣ чувства: досады, зависти, злорадства, и даже почтительного удивленья передъ ловкостью Фонаревой.

— Мы этихъ негодяевъ всѣхъ выловимъ! — взвизгнулъ Сипенклеръ. — О квартирѣ надо моментально увѣдомить въ районъ, выселить онъ Фонареву.

— Безъ постановленія нельзя, — сердито сказалъ Яша. — Надо что бы комитетъ постановилъ. Вотъ, ужо, Петръ Иванычъ пріѣдетъ...

— Конечно, какъ же безъ комитета... — протянулъ Рыжиковъ. — Можетъ, онъ постановить кому ее изъ жильцовъ присудить. У меня вотъ крыша течетъ.

И они разгорячились и заспорили.

Я воспользовался этимъ и тихо прошмыгнуль на лѣстницу. Никиша съ площадки уже исчезъ, зато у раскрытой квартиры стояла Дарья и говорила, съ сердцемъ, рыжей почтарихъ:

— Никакихъ капиталовъ я у нихъ не видала. А что, конечно, что говорить, съ голоду не пухли, какъ другіе лежебоки да кляузники, такъ развѣ, голубушка, тому не-премѣнно быть, чтобы всѣмъ съ голоду пухнуть? Развѣ за это навѣтъ-напраслину на человѣка нашептать, ежели ноги его еще носять?..

— Милліонъ укралъ... — мрачно промолвила Сидоренко. — Сейчасъ на дворѣ Яковъ Яковличъ сказалъ: «милліонъ».

Дарья поправила на головѣ платокъ, на глаза поплот-нѣе его надвинула.

— Казенные деньги везъ, — неувѣренно возразила она, — а докажи, что отъ казны, коли человѣка погубить порѣшили. Эхъ, Матвѣвна! Не намъ считать! Коли всю жизнь то возлѣ лохани простоишь, да въ эдакій бой-раз-бой — кто насъ поить-кормить, тому мы и въ поясъ... А о нашихъ, хоть въ глаза, хоть за глаза скажу: мнѣ, бѣдному человѣку, кусокъ-ласка всегда были, и зачѣмъ Кузьму Иваныча разстрѣляли, даже ума не приложу: нежад-ный былъ, Царство ему небесное, хорошій муштрана...

Весь этотъ день я пролежалъ на диванѣ, обдумывая свое положеніе. Буду читать лекціи рабочимъ, матросамъ, милиціонерамъ, тупымъ, дикимъ толпамъ — все равно. Дальше такъ нельзя! Нельзя оставаться одному и рисковать собою безразсудно. Можно бѣжать за границу, но на это не хватаетъ силы воли. Хочется покоя и чтобы больше никакой борьбы и колебаній. Если невозможнно съ «этими», потому что нельзя же «ими» сдѣлаться; если нельзя съ «тѣми» — со шкаревскими офицерами; и если нельзя одному, потому что эту муку вынести немыслимо, — то надо съ попутчиками. Вотъ Пельтяевъ, двоюродный братъ Сергѣй, учительница Анна Ильинищна... всѣ осипшіе отъ лекцій съ волшебнымъ фонаремъ — вотъ съ ними. Съ ними хорошо. Въ сущности революція — холера: «не пейте сырой воды» — и выжи-

вешь. Они и не пьютъ и все выносять съ предусмотрительностью. Съ ними и проживешь. А вотъ для Маріи Федоровны революція — не холера... Она не остерегалась. Но она же погибнетъ! Странно, именно то, что ей грозила смерть; что она была какъ бы ею овѣяна; что въ ней была трогательная красота обреченности; что она, повидимому, принимала все, готова на все — именно это на мигъ спутало вѣй моя передуманные способы отиошенія къ революціи.

Неоспоримо было одно: жить надо. И я хотѣлъ жить, то существо, которое называлось Алексѣемъ Павловичемъ, хотѣло жить, покуда совершаются кровообращеніе, и теплится сознаніе; но жить я при такихъ условіяхъ вѣнчайшей и душевной жизни, что со всѣхъ сторонъ ко мнѣ подступала смерть. И я сопротивлялся. Я изворачивался, пытался исчѣрпать вѣй способы спасенія.

Я рѣшилъ завтра же сходить въ Пельтиеву. Можно прочитать объ Юстиніанѣ, о вселенскихъ соборахъ, о крестовыхъ походахъ... Я набросалъ темы, въ старыхъ лекціяхъ сталь рыться. Когда стемнѣло, лампу зажегъ — и опять къ столу.

Я бы такъ до поздней ночи просидѣлъ, какъ вдругъ — звонокъ. Звонили едва слышно, не зная, повидимому, отворять ли. Если бы я не былъ такъ въ работу погруженъ, навѣрно бы заволновался: Богъ знаетъ, что бы на умъ пришло! Но я просто вскочилъ и пошелъ къ двери.

— Кто тамъ?

— Я...

Голосъ былъ слабый, женскій, робкій. Я пріоткрылъ дверь. Въ темнотѣ, заслоняя маленькой ладонью огонекъ огарка, стояла низенькая, простоволосая женщина: пальто въ накидку, сѣрая кофточка — и смотрѣла на меня... Фонарева! Я едва узналъ ее; такъ непривычно было видѣть ее гладеньку, простеньку, безъ кудряшекъ, безъ серегъ, безъ бусъ, совсѣмъ похожую на прислугу.

— Я къ вамъ... — слегка задыхаясь, тихо и просительно шепнула она и несмѣло вошла.

Мы прошли въ кабинетъ. Она молчала. Молча и такъ же несмѣло, какъ говорила и двигалась, присѣла на стулъ, обойдя кресло, точно не рѣшалась сѣсть поудобнѣе. Она была очень блѣдна.

— Вы слышали?.. Разстрѣляли Кузьму-то... — сказала она и тихо заплакала.

— Слышать, на дворѣ говорили...

«Зачѣмъ пришла?» съ тревогой подумалъ я.

Фонарева поплакала, утерлась платкомъ, высморкалась и сразу успокоилась, какъ человѣкъ, которому слезы возвращаются самообладаніе.

— Съ нимъ я полтора года жила... Конечно, всего было — и пиль онъ, и все... и такъ — изъ мужиковъ. да все-таки человѣкъ же! Гдѣ же нынче благороднаго мѣщанина то возьмешь? Да развѣ одинокой женщинѣ прожить сей-часъ безъ мужика? Вотъ Вѣрка въ Обуховской помираеть, вотъ и я... Какъ узнали, — выселять хотятъ. А все — аптекарь. Это онъ все мутить. Меня бы Андрей Тимофеичъ отстояль, да онъ въ Вологду уѣхалъ. Вы бы, Алексѣй Павловичъ, похлопотали! У васъ «рука» есть... пожалуйста, похлопочите. Мнѣ дѣваться некуда: я дальняя, изъ Саратова, да и вещи, мебель, бѣлье хорошее, все пропадетъ... Сегодня обыскивали, все грозили: «опять придемъ, своего добьемся!»

Она говорила съ искренней болью и пріятной простотой.

— Я не вижусь съ моей бывшей женой... — покраснѣвъ, сухо сказалъ я, — такъ обстоятельства сложились, я ничего сдѣлать не могу.

Фонарева недовѣрчиво смотрѣла на меня.

— У васъ же «рука» есть... — несмѣло настаивала она.

— Нѣтъ-нѣтъ, это невѣрно. Я могъ только черезъ

жену, но ея сейчасъ нѣтъ, т. е. я ее не могу видѣть, — рѣшительно проговорилъ я.

— Такъ какъ же это! Такъ, вѣдь, я на улицѣ останусь!.. — и она опять тихо всхлипнула и вынула платокъ. — Кузьма Ивановичъ мнѣ, мнѣ, всѣ вещи, всю мебель подарилъ! Это и Дашенька засвидѣтельствуетъ, что мнѣ... Онъ меня у слѣдователя Копытова въ Ярославль отбиль. Всѣ знаютъ, что у Копытова... Какъ въ Петроградъ привезъ, такъ и надарилъ всего. Все дареное, все мое!.. — властно, сквозь слезы, проговорила она.

— Комитетъ разбереть, не волнуйтесь. Надо сказать комитету, что все — ваше, — не зная, какъ ее успокоить, сказаль я.

— Яша знаетъ... Яша за меня — онъ свой... — она запнулась, — конечно, «свой», если въ обиду не дастъ, да вѣдь онъ — одинъ... Я всегда Кузьмѣ говорила: «попрекъ горла ты здѣсь всѣмъ стоишь. Вотъ, увидишь, что будетъ, ежели только пошатнемся!» Ужъ вы, пожалуйста, войдите въ мое положеніе...

Во время разговора я не отрываясь смотрѣла на Фонареву. Все, что она говорила, что произошло съ ней, было мнѣ такъ понятно, такъ знакомо, точно насть связывала непонятная близость. И такъ же просто, какъ она, я сказалъ, что думаль, что говорять тысячи пошляковъ молодымъ и не безутѣшнымъ вдовамъ:

— Вамъ замужъ выйти надо...

Фонарева привычнымъ движеніемъ поправила пухлыми, истерзанными маникюромъ пальчиками воротничокъ на круглой бѣлой шеѣ, бѣглымъ взглядомъ посмотрѣла на меня и опустила глаза.

— Коли Андрюша возьметъ за себя, за Андрюшу пойду... Съ нимъ не пропадешь. Онъ съ докладами въ Москву ъздить: онъ съ «ними» — по настоящему, «они» на него, какъ на каменную гору... (по ея лицу скользнула не улыбка, а тѣнь какой-то крѣпкой надежды.) Онъ мнѣ

духовъ баночку изъ Вологды съ товарищемъ прислалъ. Складъ тамъ опечатали, ему по ордеру досталось... Не забыть... помнить.

Она опять заговорила о квартирѣ. Я давалъ ей совѣты: найти свидѣтелей, написать заявленіе, что все дареное, хоть я самъ отлично понималъ, что это ни къ чему, если люди пожелають разорить ея гнѣздо. Я понималъ, что этой сильной, живучей, безпечальной женщинѣ надо выбиться изъ тенетъ, въ которыхъ она попала, что она выбется и пробьется, невѣроятно, непонятно, черезъ всѣ грозные комитеты, неумолимые обыски и аресты... будетъ, какъ тростникъ, сгибаться и вправо и влѣво, стлаться по вѣтру, но не переломится и не погибнетъ.

О мужѣ ея, о гибели его мы уже не говорили. Это было не горе, а большая непрѣятность, и весь разговоръ вель къ тому, какъ съ этой непрѣятностью покончить.

Фонарева ушла отъ меня немного успокоенная. Рѣшили, что завтра она обѣгаєтъ своихъ знакомыхъ и напишетъ заявленіе. Рѣшили, что пообѣщаєтъ Яшѣ большую взятку, если онъ уговорить товарищѣй. Только, когда Фонарева стала собираться уходить, она заговорила опять о мужѣ.

— Какъ же съ утра то мнѣ идти? Мы съ Дашей хотѣли утромъ панихидку отслужить... — она задумалась, даже губу закусила. — Ну ничего, успѣемъ, пораньше выйдемъ. Эту ночь я глазъ не сомкнула... Спасибо вамъ. Прощайте.. Все же посовѣтовали, а то я — одна... Гдѣ же — одной то? Въ эдакое то время!

— Такъ съ утра, — дѣловито посовѣтоваль я.

Она что-то вспомнила, инстинктомъ догадалась, вѣроятно, что уходить такъ, ей, вдовѣ разстрѣляннаго, не годится.

— И зачѣмъ человѣка убили... Господи! — воскликнула она.

На этотъ разъ она не заплакала, а лишь закрыла ли-

цо руками. Это вышло и неискренно и нехорошо. Я проводилъ ее. Она, не оборачиваясь, медленно спускалась по лѣстницѣ, нащупывая ногой ступеньки въ темнотѣ.

Заниматься больше я, конечно, уже не могъ и думать ни о чёмъ, кромѣ Фонаревой, тоже не могъ. Меня мучило смутное воспоминаніе, которое непремѣнно хотѣлось оживить въ памяти, но лишь передъ сномъ, принявшись за чистку сапогъ, я вдругъ вспомнилъ, съ небывалой ясностью, ошеломившее меня недоумѣніе въ раннемъ дѣтствѣ, когда нашего Буля привезли изъ собачьей лѣчебницы, гдѣ ему отрубили хвостъ. Минѣ казалось, Буль умреть тамъ отъ боли и ужаса, — безобразія своего ему не пережить. Но онъ влетѣлъ въ комнату, лаяль и прыгалъ, и какъ раньше, лизалъ мнѣ лицо и руки.

«А вотъ та — безутѣшна», — вдругъ вслухъ сказалъ я. «Та — безутѣшна...» Я восхищенно повторялъ это слово, самъ не понимая, почему оно казалось мнѣ прекраснымъ, и почему хорошо человѣку быть безутѣшнымъ...

ГЛАВА IX.

На слѣдующій день я разыскалъ Пельтяева. Мое рѣшеніе читать лекціи было такъ упорно, что я его въ тотъ же день осуществилъ. Я и въ университетъ слеталъ и куда-то къ Цѣпному мосту, гдѣ его ждали на засѣданіе, и на квартиру къ нему два раза бѣгалъ. Когда во второй разъ пришелъ, надо мною его жена сжалась.

— Что же вы по телефону съ Петромъ Александро-вичемъ не сговорились? — съ мягкимъ упрекомъ сказала она. — У него столько дѣла... гдѣ же его застать! По всему городу его ловить надо. Можетъ быть, вы посидите, подождете?

Она провела меня въ столовую.

Я хотѣлъ поговорить съ ней, разспросить объ ихъ жизни, о мужѣ, но она отвѣчала неохотно, неискренно — тяготилась, видимо, разспросами.

— Вы простите... у меня дѣвочка младшая — больная, одна лежитъ, — и она, поспѣшно подобравъ забытые игрушки, скрылась за дверью.

Я давно ни у кого изъ знакомыхъ не былъ. Признаюсь, почти обрадовался, что въ чужой столовой очутился. Сѣль, осмотрѣлся, сразу примѣтилъ, что Пельтяевы живутъ, хоть и въ кавардакѣ, но не очень бѣдно. Правда, кабинетная мебель нагромождена въ столовой, на обѣдennомъ столѣ не прибрано: тарелки грязныя, свертки въ газетной бумагѣ, самоваръ холодный, весь лиловый

отъ постоянныхъ убѣганийъ; но на письменномъ столѣ, на книжныхъ полкахъ, — порядокъ, какъ прежде, образцовый, да и такъ все по старому.

Пельяева я зналъ съ университетскихъ лѣтъ. Онъ былъ курсомъ старше меня. Съ нимъ мы никогда не сходились близко, но глупо, по студенчески, уважали другъ друга. Я уважаль его за самолюбіе, за упрямство быть всюду первымъ: на экзаменахъ, въ кружкахъ, въ спорахъ онъ, дѣйствительно, считался у насть первымъ. Пельяевъ — меня за удачливую способность учиться безъ особаго труда, за досадительный стиль вѣтренника, который мнѣ самому очень нравился, потому что напоминаль, мнѣ казалось, Пушкина въ лицейскіе годы; за веселую иронію по поводу всего, а главное, по поводу трудолюбія беззатланныхъ; а, можетъ быть, и за то, что я одинъ въ нашемъ кружкѣ, въ душѣ снѣдаемый завистью и восхищеньемъ, дѣлалъ видъ, точно его первенства ни въ грошъ не ставлю. Мы отчаянно завидовали другъ другу, хвастались, и, какъ это ни странно, тайное взаимное раздраженіе и связывало нась.

Мы и учились, и женились почти одновременно — студентами. Пельяевъ опять годомъ раньше. Женился онъ такъ же, какъ учился: не столько по любви, сколько изъ тщеславія, т. е. полюбилъ тихую, бѣлокурую Маргариту фонъ Шписъ, вѣроятно, за ту тщеславную радость, которую могла ему доставить — человѣку безъ таланта, связей, безъ имени — лишь эта дѣвушка, Богъ знаетъ какъ, подвернувшаяся ему на студенческомъ балу. Покойный ея отецъ въ свое время былъ профессоромъ римскаго права, въ семье сохранились старыя добрыя университетскія связи, и замужество дочери, казалось, заранѣе предрекало путь зятю. О бракѣ его у насть говорили, какъ говорять о выигрышѣ, восклицали, что «Пельяеву Маргарита съ неба свалились», и эта атмосфера всеобщаго безсильнаго недоумѣнія и была, вѣроятно, поэзіей не-

сложного Пельяевского романа. Я былъ у него на свадьбѣ, бывалъ у нихъ, молодоженовъ. Бѣдили мы потомъ къ нимъ и съ Соней.

Жили они, — въ Гусевомъ переулкѣ, — серьезно, немного торжественно, какъ старики. Въ квартирѣ было много книгъ, своихъ и покойнаго тестя, классически-батаильныхъ гравюръ и пестренькихъ абажуровъ. Въ комнатахъ пахло цвѣточнымъ одеколономъ. Въ столовой, въ углу, стоялъ бюстъ Юлія Цезаря, въ гостиной на диванѣ валялась мандолина, перевитая лентами. Бѣлокурая Маргарита, робѣя передъ ученымъ мужемъ, принимала гостей въ самодѣльномъ пеплумѣ, съ мѣдными запястьями и золотой стрѣлой въ шиньонѣ, повидимому, въ знакъ тяготѣнія хозяина дома къ исторіи Рима.

Все было у нихъ домовито, благонамѣренно, и все казалось мнѣ неуловимо безобразнымъ. Жили они дружно, дѣльно и прожили бы такъ до старости. Не будь войны, онъ съѣздилъ бы по командировкѣ за границу, проскочилъ въ доценты, написалъ бы кучу нужныхъ — а можетъ быть, и не нужныхъ — научныхъ работъ и, переваливая черезъ чины, степени и кафедры, докатился бы до профессорской скучной смерти, съ рѣчами коллегъ на свѣжей могилѣ, съ портретомъ въ «Нивѣ» въ черномъ обрамлениі...

Сидя теперь у нихъ въ столовой, я вспомнилъ и бюстъ Цезаря, и дыбомъ стоявшія другъ противъ друга наши самолюбія.

Вспомнилось, какъ упало мое сердце, когда я узналъ, что Пельяевъ оставленъ при университѣтѣ, тогда какъ предстоящей призывѣ въ армію калѣчилъ всю мою судьбу! Зато, какъ униженъ, поверженъ въ прахъ былъ онъ, когда въ 15-омъ году, въ Татьянинъ день, я появился на нашемъ товарищескомъ обѣдѣ, правда, раненый (рука на перевязи), но съ Георгіемъ, — весь удаль, буря и восторгъ... и сталъ сразу центромъ собра-

нія, какъ живой символъ патріотическихъ надеждъ! Пельтяевъ только что тогда выпустилъ щупленъкую книжечку: «Къ вопросу о земельной реформѣ Гракховъ» — до Гракховъ ли въ тотъ вечеръ было! О Пельтяевѣ съ его рукописями и папирусами, съ томленіемъ о профессурѣ всѣ забыли, какъ забываютъ о зонтѣ и калошахъ въ ясный юльскій полдень. Онъ сидѣлъ въ углу, мрачно покручивая усъ, и, натянуто улыбаясь, чокался со мною черезъ столь.

Ахъ, какъ это было давно, и какъ все перемѣнилось...

Пельтяева я больше часу дожидался. Я бы, конечно, могъ книжку почитать — ихъ много на полкахъ стояло — но съ собственными мыслями мнѣ было интереснѣе. Думать послѣдовательно о ту пору я никогда не думалъ, но, пристально вглядываясь, мгновенно во всемъ нужное для себя угадывалъ. Теперь я вижу, что это не отъ мудрости являлось, а отъ воспаленности души, которая въ жизнь вѣплилась и въ мигъ людей и обстоятельства взвѣшивать выучилась.

Такъ, не видя еще Пельтяева, я уже рѣшилъ, что онъ ни за что не пропадетъ, благодаря тому же самолюбію, которое его всю жизнь, какъ пробковый поясъ, на волнахъ держало. «Вотъ и дома его никогда нѣтъ, и въ комиссіяхъ, комитетахъ всегда нарасхватъ...» разсуждалъ я, «онъ понялъ главное: значимость свою профессіональную ни при какихъ обстоятельствахъ утеривать нельзя. Все-таки онъ и сейчасъ — фигура, ученый, мудрецъ... А я? Я не только утерялъ самолюбіе, но даже вкусъ, интересъ къ нему, и въ этомъ все мое горе. Можеть быть, и хорошо съ Пельтяевымъ — вмѣстѣ, солидарно, дружно? Можеть быть, и вѣрно?»

Тутъ щелкнулъ въ двери замокъ: Пельтяевъ домой вернулся.

— Алексѣй Павловичъ! Какими судьбами? Я думалъ,

васъ и въ Питеръ то нѣтъ, говорили: уѣхали. Кто то скажаль: убиты во время демобилизaciи, — отчетливо, звонкой скороговоркой, по привычкѣ говорить много и громко, воскликнулъ онъ еще изъ передней, неторопливо разматывая кашнѣ. — Только извиняюсь, у меня всего двадцать минутъ въ распоряженiи, — схватившись за часы, добивалъ онъ, — по дѣлу группа слушателей моихъ прийти должна. Весь день по часамъ — просто бѣда!

Пельтиевъ, пожалуй, радушно поздоровался, но во взглядѣ было что-то беспокойно - вопрошающее: зачѣмъ пришелъ?

— Ну, какъ вы? Вѣдь, мы теперь всѣ другъ про друга ничего почти не знаемъ, — проговорилъ онъ, садясь первый и указывая мнѣ рукой на стулъ. — Что дѣлаете? Служите? Работаете? Пристроились?

— Я еще нигдѣ не служу, т. е. послѣ демобилизaciи нигдѣ еще... Я пришелъ спросить... собственно говоря, не спросить, а попросить совѣта, просто даже содѣйствiя... — покраснѣвъ, заговорилъ я. — Я не задержу, если слушатели придутъ... Я уже весь планъ набросалъ — темы разныя... я поразнообразнѣе задумалъ, чтобы историческая картина была... немного, можетъ быть, широко толькo...

Я вытащилъ записную книжку и, нервно перелистывая страницки, отыскивалъ запись.

— Темы? Какiя темы? — въ недоумѣнiи прерваль меня Пельтиевъ.

— Я лекцiи читать бы хотѣлъ, курсъ, циклъ небольшой... то есть, для начала небольшой. Теперь всѣ читаютъ, и это интересно, я думаю, весьма интересно, и народу польза... — спѣша и сбиваясь, проговорилъ я. — Вы могли бы мнѣ помочь... Я думалъ, въ рабочемъ университетѣ хорошо бы, гдѣ то около Таврическаго дворца — я въ газетѣ читалъ — и на Выборгской сторонѣ... мнѣ ходить близко. Вы просмотрите, пожалуйста, подойдеть

ли? Византія, вѣдь, мой предметъ, я въ университетѣ, помните, все — о Византіи, и дипломное сочиненіе о кодексѣ Юстиніана...

Я ужасно волновался, сознавая, что говорю нескладно, робко, а главное, стыдясь, что не похожъ на того человѣка, какимъ Пельтиевъ меня когда то зналъ и съ котормъ соперничалъ.

Пельтиевъ испытующе посмотрѣлъ на меня, взялъ записную книжку — и сталъ читать. Онъ сидѣлъ въ полуоборотъ ко мнѣ, удобно развалившись на стулѣ и опершись ногами, въ тяжелыхъ и грязныхъ сапогахъ, на край дивана. Онъ очень измѣнился, погрузнѣлъ и немного опустился: руки не холилъ и головы не помадилъ до зеркального отсвѣта, какъ когда то, и бороду отпустилъ. Она росла у него пышно, лежала на груди чернымъ вѣркомъ.

Когда то онъ былъ красивъ: высокъ и строенъ, похожъ на клюватую, острокрылую птицу. Все въ немъ было острое: и подбородокъ, и носъ, и уши, и плечи, и тонкие, цѣпкіе пальцы. Теперь борода круглила овалъ лица, давно нестриженые волосы закрывали уши, толстая, военного покроя, куртка топырилась на плечахъ. Это придавало его облику отг҃енокъ несвойственной ему мѣшковатости, который его даже красиль.

— Куда васъ занесло, голубчикъ! — воскликнулъ онъ, не дочитавъ моей записи. — «Культурное наслѣдіе вѣка Юстиніана...» «Вселенскіе соборы», «Политическое значеніе крестовыхъ походовъ»... ой-ой... еще и «Феодализмъ въ Палестинѣ»! Что вы, что вы, — это не пройдетъ... — заключилъ онъ, насыщливо протягивая мнѣ книжку.

— Это лишь примѣрно, я совсѣмъ не знаю, что нужно... — смущенно проговорилъ я.

— Вы это оставьте, Алексѣй Павловичъ, — а вотъ, что я вамъ предложу! — наставительно и дѣловито началъ Пельтиевъ. — Профессоръ Савчукъ, я и Ипатовъ

устраиваемъ, такъ сказать, «Летучій Університетъ» — обслуговывать будемъ пять заводовъ въ походномъ порядкѣ. Въ прошломъ году уже пробовали — успѣхъ огромный! Такъ, напримѣръ, я читалъ курсъ: «Великіе города ткацкаго станка» — преинтересно! Валомъ валили, самому увлекательно было. Потомъ — циклъ: «Угольныя копи»... Собирали у насъ и «Жидкій воздухъ», и «Объ удобреніи», и «Крестьянинъ въ русской литературѣ», и о микробахъ, и о вырожденіи классовъ, о гигіенѣ труда тоже очень любили. Я ихъ вкусъ теперь понялъ: надо непремѣнно въ ихъ положеніе войти и къ современности все подводить. У нихъ изъ трехъ временъ есть только одно — настоящее, ни прошедшаго нѣтъ, ни будущаго. Они сами насъ отлично выучили, что имъ нужно. У нихъ своя психологія и, знаете ли, не безъ здраваго смысла, увѣряю васъ. Таншеръ о символической поэзіи заикнулась — разбѣжалась; о Греціі Малинина одну лекцію прочитала — зѣвали и выругались. Къ нимъ ни съ чѣмъ отвлеченнымъ не подступайся. У нихъ отвращеніе къ отвлеченному. Общія идеи слишкомъ страшная вещь для шаткаго сознанія. Логически мыслить по всѣмъ фигурамъ аристотелевскихъ силлогизмовъ — да, вѣдь, никакая совѣсть этого не выдержитъ!

— При чѣмъ тутъ совѣсть? — въ недоумѣніи спросилъ я.

— Совѣсть? А вотъ при чѣмъ! Народъ нагадилъ... Понимаете, скотски нагадилъ, и теперь ему нужнасолиднѣйшая увѣренность, что не зря онъ всю кутерьму затѣялъ. Вотъ онъ и приходитъ къ намъ и ждетъ отъ насъ оправданья. И мы, разумѣется, должны его оправдать, непремѣнно должны! Безъ оправданья жить нельзя, никто не можетъ, съ Адама-Евы люди не могли — оправдываться стали. Человѣкъ можетъ вынести всѣ преступленія, но не безсмыслицу — безсмыслицу не вынесетъ. Что вы думаете? Бональдъ, Де-Местръ, Шато-

бріанъ... не оправдали платовскихъ казаковъ, шны-
рявшихъ по французскимъ провинціямъ? Не оправ-
дали отвратительного восторга, когда на Парижъ перли
иностранные штыки, когда оказалось, что французы
двадцать лѣтъ зря кровь свою проливали? Ха! Какъ бы
не такъ! Еще какъ утонченно... по всѣмъ правиламъ изящ-
нѣйшей діалектики!.. Ну, а въ наше время — вспомните,
будьте объективны! Не оправдывались ли націи своими
синими, красными, бѣлыми книгами, сотнями брошюре о
томъ, кто виноватъ въ войнѣ? Знаете — почему? Да вся-
кій нѣмецъ, французъ, англичанинъ искалъ увѣренности,
что не онъ повиненъ въ истребленіи сорока миллионовъ
европейцевъ — вотъ почему! Такъ и мы оправдываемъ
и оправдаемъ «на пять», потому что народы не
умираютъ, не каются, не самоубиваются, а живутъ со сво-
имъ неуловимымъ для индивидуального сознанія смысломъ
и живутъ не по обычной логикѣ, а по собственной, адвокат-
ской, такъ сказать, — заключающей отъ слѣдствія къ ос-
нованію, отъ преступленія — къ оправданію... И всякий
русскій человѣкъ долженъ себя оправдать, чтобы новымъ
положеніемъ вещей насладиться...

Пельяевъ говорилъ убѣжденno, даже зажигательно,
безъ ироніи, съ явнымъ удовольствіемъ, слушая самого
себя, видимо, увѣренный въ своемъ умѣ и убійственности
ловодовъ.

— Такъ, значитъ, выходить такъ, что съ ними... тог-
да ужъ совсѣмъ съ ними? — озадаченно спросилъ я. —
По-вашему, вѣдь, такъ?

Пельяевъ пожалъ плечами, но не смущился.

— Это не совсѣмъ вѣрно: «съ ними»; правильнѣе
сказать: «надъ ними». Вы остаетесь на той же точкѣ въ
пространствѣ, какъ раньше, лишь мѣняете монологи и
реплики. Что жъ, хороший актеръ сегодня играетъ Донъ-
Карлоса, завтра — Подколесина. Увѣряю васъ, это по-
ложеніе достойнѣе просвѣщенного класса, нежели та по-

зорная бѣготня черезъ границы, когда, наѣвши съ и ото-
грѣвши съ въ карантинахъ, наше populo grasso рыщетъ
по Европѣ и вопить о помощи иностранцевъ. Надо по-
нять, что сейчасъ народъ лишь съ нами такими и согла-
шается дѣло имѣть...

Признаюсь, все, что говорилъ мнѣ Пельтиевъ, я слы-
шаль впервые. Я такъ отъ всего отсталъ, въ своей пеще-
рѣ сидя, что даже и не предполагалъ, какія мысли въ
городѣ бродягъ. Осмыслить же Пельтиева сразу я не
могъ. Я понялъ одно, что онъ повторялъ это, вѣроятно,
уже десятки разъ своимъ единомышленникамъ, а главное,
самому себѣ.

— У васъ, дѣйствительно, всѣ концы сошлись... —
робко промолвилъ я, — а мнѣ все это и въ голову не
приходило. Я, признаться, и не думалъ объ этомъ, когда
на лекціи рѣшился, я думалъ, чтобы просто занятіе было,
потому что невозможно сейчасъ безъ занятій... одиноче-
ство большое...

— Слышаль-слышалъ, говорили мнѣ, что вы, такъ
сказать, овдовѣли, — съ безжалостной прямотой сказаль
Пельтиевъ.

Я покраснѣлъ, и сердце мое забилось... И опять,
какъ всегда, мнѣ было больно, когда чужіе люди намека-
ли на мое былое счастье съ Соней.

— Да, мы разошлись съ Софьей Александровной...
— пролепеталь я, хватаясь за записную книжку, чтобы
замять разговоръ о разводѣ.

Пельтиевъ посмотрѣлъ на часы. Я понялъ, что надо
уходить.

— Такъ, по-вашему, мои темы не годятся?

— Нѣтъ, Алексѣй Павловичъ, не годятся.

— Значить, я читать не могу?

Пельтиевъ развелъ руками.

— Можете, — конечно, можете! Мы же всѣ читаемъ.

Есть даже смышленные студенты послѣдняго курса, ко-

торые собираютъ полныи залъ, — съ усмѣшкой сказаль онъ, — правда, исторія не въ чести, но все же... надо подумать. Ну, что, напримѣръ, подошло бы?... — и онъ задумался. — Ахъ, вотъ темка! — съ воодушевленіемъ вскричаль онъ: — благодарная, эффектная тема! «Нравы и бытъ монарховъ»... Прекрасная тема! Здѣсь про одну вашу византійскую Федору чего наговорить можно! А про Людовиковъ, про Стюартовъ, про нашихъ матушекъ-императрицы! Я бы все это устроить могъ. Я вообще очень, очень радъ, если вы не боитесь о народъ запачкаться. Это утѣшительно, очень утѣшительно, а то всѣ гнушаются. Мнѣ всегда казалось, что вы были немножко... какъ вамъ сказать... съ амбиціей.

Въ ту минуту я думалъ лишь о томъ, какъ съ предложенной работой справлюсь, ни о чѣмъ больше. Рѣшилъ — справлюсь, если посидѣть и постараться, то справлюсь. Главное было — устроиться, а Пельтиевъ могъ устроить и благожелательно, прямо съ душой, мнѣ казалось, отнесся. Я этого и ожидать не могъ. Пельтиевъ знаетъ жизнь. Онъ второй годъ лекторъ, даже римскую исторію забросиль. Онъ все осмыслилъ, въ то время какъ я безсознательно упорствовалъ и, безъ всякаго энтузіазма, свои и чужie погоны отстаивалъ. Почему не прочитать о монархахъ? Мы тоже съ анекдотовъ про глупость, мотовство и сластолюбіе ихъ начинали... Словомъ, я не спорилъ, ни единаго словечка ему не возразилъ и согласился. Пельтиевъ обѣщалъ провести меня въ лекціонной комиссіи и оповѣстить немедленно — на этомъ мы разстались.

Я шелъ отъ него пріобрѣнныи. Надо теперь въ библіотекѣ засѣсть и въ энциклопедіяхъ порыться. Двѣ-три недѣли — и можно уже къ лекціямъ приступить, сначала о монархахъ, а тамъ и еще, и еще что-нибудь, если ничего не помѣшаетъ. А вдругъ помѣшаетъ? Вѣдь, все-таки не всѣ концы у меня въ воду, тамъ, у Шкарева, я

какъ-то числюсь, и за мной всякия «бѣлыя» дѣлишки... Правда, за спиной Соня, но она, вѣдь, тоже въ испугѣ — можетъ быть, отъ меня уже отрекается? — И опять я встревожился.

Надо все осторожно прикончить и честно съ Пельтевымъ за дѣло взяться. А въ немъ перемѣна... Пожалуй, онъ лучше сталь, добрѣе, сразу помогъ, охотно согласился, даже просто радъ былъ. Только что-то въ немъ грузное, грубое, глуповатое появилось — въ облике, въ разговорѣ, въ манерахъ... Лапотный профессоръ! Бородачъ! Кумъ народный! Въ Момсены мѣтилъ, жена бѣлымъ пеплумомъ шелестѣла... А въ сущности, что худого, если «лапотный»? Что? Здѣсь тонкій тактъ соблюденъ, чтобы въ крахмальномъ воротничкѣ въ избу не соваться. Малинина съ Агамемнономъ къ нимъ полѣзла — ахъ, глупая!

Дорогой я новое дѣло обдумывалъ. Оно занимало, наполняло пустоту вокругъ меня. Въ его смыслѣ я не вникалъ, его не оцѣнивалъ. Сейчасъ даже объяснить не могу, почему совѣсть моя молчала. Плотна была сѣть лжи, которая насы опутывала. Среди прятанья, шатанья, вранья себѣ и другъ другу, среди искаженныхъ понятій, гаснущихъ традицій, безобразнаго чернаго помутнѣнія всей жизни, что могъ сдѣлать я, офицерикъ безъ погонь, съ отвыкшой мыслить головой, съ разметанными по вѣтру лучшими чувствами, съ одной безсознательной, и со дня на день слабѣющею, привычкой быть порядочнымъ человѣкомъ, въ чемъ никому не было уже надобности ни малѣйшей!

ГЛАВА X.

Второй день пошелъ, а я Федору Федоровичу и на глаза не показывался. О Повѣнецкихъ я вспомнилъ, то есть, не совсѣмъ такъ — лишь о Маріи Федоровнѣ.

Когда жена Пельтиева вошла въ столовую за игрушкою, мнѣ пришло въ голову, что Марія Федоровна добивалась удовольствія войти когда-нибудь вотъ такъ же въ комнату и подобрать дочкину куклу, а между тѣмъ ея дѣвичье счастье съ крючка у нея сорвалось. Сидѣть теперь и, навѣрно, плачетъ... Я подумалъ: «не можетъ она плакать, непохоже, чтобы она плакала». Мнѣ почему-то не хотѣлось, чтобы Марія Федоровна была изъ тѣхъ женщинъ, что плачутъ легко и не стыдясь, хотя дѣтски-безпомощныя, нервныя плаксы всегда будили во мнѣ нѣжность.

Къ Федору Федоровичу, во всякомъ случаѣ, въ тотъ день по доброй охотѣ я бы не пошелъ, но въ то время, какъ я у Пельтиевыхъ сидѣлъ, приплелась ко мнѣ старая Эмма и пропихнула подъ дверь письмо — самодѣльный бурый конвертъ. Въ немъ, явно измѣненнымъ почеркомъ, съ глупыми недомолвками, она писала:

Глубокоуважаемый Господинъ Полежаевъ!

Моя благодарность Вамъ не будетъ имѣть конецъ. Я прошу Васъ, ради Бога, будьте любезны прийти. Вчера мы васъ ждали поздно до ночи. Сказала ли Вамъ что-

нибудь.... Я снова буду завтра торопиться къ Вамъ очень рано утромъ.

Съ высокимъ уваженiemъ

.....
(Многоточіе замѣняло подпись).

Конвертъ не могъ не броситься въ глаза каждому, стоящему на площадкѣ, когда я открывалъ дверь. Содержаніе письма, даже простаку, могло внушить подозрѣніе. Одна мысль о томъ, какой опасности я подвергался изъ-за Тамбовской, ужасала меня. Но я не растерялся, а вмигъ, съ той внезапностью, которую навязываетъ волъ ея же слабость, рѣшилъ покончить и съ Тамбовской, и со Шкаревымъ, — вообще со всѣми безъ промедленія.

Въ концѣ концовъ, мы всѣ лишь мѣшали жить другъ другу и не только не могли спасти свой народъ, но просто, по-бытовому, беспомощно-беззащитные, не могли отстоять ни себя, ни своихъ. А Пельтиевъ могъ. Могъ и на стулѣ преспокойно развалиться, могъ обѣщать, почти ручаться за поддержку, — все могъ! А я о покой, о самой ничтожной устойчивости психики до изнеможенія истомился. Но покой могъ прийти ко мнѣ только извѣтъ, потому что мысль о мужествѣ, о внутреннемъ обузданіи страха въ эти дни, серьезно не приходила мнѣ въ голову. И все же, именно потому, что письмо было неосторожно подсунуто и безтолково написано, я и поспѣшилъ въ тотъ же вечеръ къ Федору Федоровичу.

Помню хорошо этотъ холодный, вѣтреный, предзимний вечеръ. Поднималась буря, та, что грозитъ Петербургу наводненіемъ и смертью дряхлымъ липамъ Лѣтняго сада. Въ черныхъ улицахъ шумѣль вѣтеръ, гудѣль въ подворотняхъ, въ заколоченныхъ досками подвалахъ, постукивалъ расхлябанными въ закрѣпахъ вывѣсками, свистѣль въ переплетахъ трамвайныхъ проволокъ. Итти было холодно, темно и жутко, да и беспокоился я всю

дорогу до самаго Знаменъя, какъ же мнѣ въ такую погоду добраться. Но добрался я до Тамбовской преблагополучно.

Федора Федоровича я засталъ одного. Онъ мнѣ самъ и дверь отворилъ, и тутъ же въ кухнѣ, возлѣ грязнаго ведра, при свѣтѣ огарка, съ котораго безжалостно капаль стеаринъ на его хламиду, довелось мнѣ, какъ тогда отъ Шкаревскихъ похвалъ, или потомъ отъ записочки Маріи Федоровны, — о себѣ съ удовольствіемъ подумать.

Федоръ Федоровичъ съ изумленіемъ, даже съ почти-тельностью, на меня глядѣлъ.

— Мы васть ждали вчера, и сегодня весь день ждали... Эмма Карловна къ вамъ ходила. Что же Марія? Вы успѣли ей все сказать? — торопливо говорилъ онъ. — Эмма Карловна тайно отъ меня пошла къ вокзалу и издали видѣла, какъ вы вещи перебросили и какъ солдаты васъ схватили. Она говорить: еще минута — и они бы васъ убили... Теперь, какъ о васъ рѣчь, — у нея слезы умиленія. — Онъ слабо улыбнулся.

— Да ужъ какъ-то повезло. Военная сметка помогла, — съ лѣланной небрежностью пробормоталъ я. (Вульгарно, некрасиво отвѣтилъ).

Какъ нѣмка преувеличила отчаянность моего положенія на площади! Но разувѣрять Федора Федоровича я и не подумалъ.

Мы прошли на чердакъ. И опять, какъ два дня тому назадъ, непонятный мнѣ Федоръ Федоровичъ, чудной чердакъ, необычайность нашихъ отношеній завладѣли моимъ вниманіемъ настолько, что я забылъ о рѣшениі «покончить съ Повѣнѣцкими безъ промедленія».

Въ маленькой желѣзной печкѣ бушевалъ огонь, гудѣла и трещала колѣнчатая труба. Было тепло, даже жарко. Пахло дымомъ, краской и какимъ-то пріятнымъ горьковатымъ лѣкарствомъ, и комната тонула въ мягкомъ жемчужномъ полусвѣтѣ. На столѣ горѣла лампа, затѣ-

ненная бѣлымъ бумажнымъ, прожженнымъ у стекла, аба-
журомъ. И тутъ же, среди разбросанныхъ бумагъ и книгъ,
дымилась тонкая, граціозная, фарфоровая чашечка съ ка-
кой-то коричневой горячей жидкостью.

По правдѣ говоря, ничего не было здѣсь особеннаго. У Пельтиева тоже книги, и двоюродный братъ Сережа ря-
женымъ глядѣлъ, когда, бывало, къ лекціямъ готовясь,
дѣдушкинъ бухарскій халатъ надѣвалъ, а голову феской
отъ невральгіи предохранялъ. И ужъ, конечно, ничего не
могло быть невиданнаго, пріятнаго изумленія достойна-
го, въ закопѣлыхъ стѣнахъ, кухонныхъ табуреткахъ и
мохнатыхъ полотенцахъ, развѣшанныхъ на веревочки.

И все-таки — было въ Федорѣ Федоровичѣ и во всей
обстановкѣ нѣчто такое, что волновало мое застывшее
воображеніе до порыва не быть самимъ собой. Именно
порывъ этотъ и руководилъ мною, когда я о Маріи Федо-
ровнѣ стала разсказывать. Я старался произвести на
Федора Федоровича впечатлѣніе необыкновенно благо-
роднаго человѣка, для котораго содѣянное — пустякъ
сущій: не болѣе, какъ дамѣ поднять носовой пла-
токъ. И я чуть-чуть ломался, чтобы только не оказаться
въ разладѣ съ моимъ собесѣдникомъ. Я все про встрѣчу
рассказалъ: про вокзалъ, толпу, про Марію Федоровну,
какъ она исхудала, какъ блѣдна, что въ платокъ была
закутана, и что мы ни словомъ не перекинулись... Лишь
про одно почему-то я смолчалъ, —что былой Маріи Фе-
доровны нѣть больше, а та, новая, измученная до свѣт-
лой униженности, которую я вчера видѣлъ, меня и сей-
часъ волнуетъ. Про это я ни слова не сказалъ...

Сердечной драмы Маріи Федоровны мы бы и не кос-
нулись, но, повидимому, я навель его на мысль, что хо-
рошо понимаю состояніе его несчастной сестры, и что
скрывать отъ меня бѣды нечего. Лишь этимъ я и могу
объяснить, почему онъ вдругъ откровенно спросилъ меня:

— Вы все знаете про Марію? — и испытующе посмотрѣль мнѣ въ глаза.

— Все знаю — все, — поспѣшно подтвердилъ я и даже не смутился, что это не совсѣмъ-то правда. — Какъ это могло случиться? Какъ это объяснить? Какъ вы объясняете? — съ нарастающимъ любопытствомъ продолжалъ я.

Федоръ Федоровичъ пожалъ плечами.

— Военный романъ, — со сдержаннѣемъ волненіемъ заговорилъ онъ. — Сестра, навѣрно, говорила вамъ? До войны мы жили въ Италіи, Марія училась живописи. Я въ нее очень вѣрилъ, и не я одинъ — многіе, кто ее зналъ, — скучо роняя слова, точно и ясно объясняль Федоръ Федоровичъ. — А потомъ — война... Я не знаю, что съ ней случилось, но она вдругъ стала умолять меня вернуться въ Россію, а здѣсь кинулась на фронтъ, въ госпиталя. Какой-то взрывъ женскаго самопожертвованія, желанье быть со всѣми... Остальное обыкновенно — экзальтациіа чувства подъ угрозой смерти.

— Марія Федоровна обманулась въ этомъ человѣкѣ! — воскликнулъ я. — Но вы-то развѣ могли этого ожидать?

— Я его никогда не видалъ, — пренебрежительно проговорилъ Федоръ Федоровичъ.

Повидимому, онъ давней, стойкой непріязнью отвергалъ Добрынина и не прощалъ сестрѣ ея безславной любви, какъ не прощалъ и негероического, жалкаго ея ареста, — незавидной, глупой дoli неосторожной мухи.

— Вы строги, сейчасъ такъ-то строго и нельзя... Можетъ быть, случай какой-нибудь роковой свелъ? — неумѣло защищалъ я Марію Федоровну.

Федоръ Федоровичъ удивленно взглянуль на меня. Можетъ быть, потому что я защищалъ его сестру, помочь ей и зналъ про нее все (онъ быль въ этомъ увѣренъ), это

и наводило его на мысль, что я ей преданъ и, Богъ знаетъ, можетъ быть, больше чѣмъ преданъ...

— Но у него жена... у него дѣти, — съ неожиданной прямотой сказаль онъ.

Я поняль мгновенно, о чѣмъ шла рѣчъ: Марія Федоровна не невѣста Добрынина и утеряла она не дѣвичьи мечты о счастьѣ, а живое, реальное счастье, вѣроятно, очень большое и незабываемое... Почему-то я винѣ ея обрадовался, точно она сразу стала ближе, понятнѣе, просто милѣе моему одичалому сердцу.

— Марію Федоровну нельзя судить... Если бы ее видѣли вчера! — волнуясь, заговорилъ я. — И какая ея вина? Вина не на ней, конечно, если у жениха, вы говорите, семья есть. (Ахъ, какъ глупо я его женихомъ назвалъ!). Да и потомъ — если любовь пришла... какъ же ей было поступить? Какъ же съ любовью разстаться?

Я бы вязалъ и дальше неуклюжія фразы, не то защищая, не то безсознательно развѣнчивая Марію Федоровну, если бы Федоръ Федоровичъ не прервалъ меня.

— Я не осуждаю, — проговорилъ онъ, — я ее понимаю. Но здѣсь — вопросъ, нашъ съ нею вопросъ очень сложный — о любви... объ ея исповѣданії.

— У людей на любовь много разныхъ точекъ зрењія, — неувѣренно возразилъ я, — только нельзя даже близкому человѣку свою точку зрењія навязывать, я такъ полагаю. Марія Федоровна высшую точку проявила: ни на что не посмотрѣла, можетъ быть, и знала, что счастья не будетъ, а все же полюбила.

Федоръ Федоровичъ внимательно слушалъ меня, стоя посреди комнаты, а тутъ слабымъ движеніемъ руки отъ моихъ словъ отмахнулся — явно, призналъ ихъ нестоющими.

— Это не высшая точка. Высота дана. Давно дана! — рѣзко оборвалъ меня Федоръ Федоровичъ.

— Не понимаю, о чѣмъ вы? — озадаченно промол-

быть я, чувствуя, что краснѣю и кажусь ему неумнымъ.

— Еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ высота была дана, — сухо добавилъ онъ. Но тутъ, видимо, о чѣмъ-то вспомнивъ, смягчился и пояснилъ: — Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ дѣвушкѣ одной было возвѣщено, что у нея родится ребенокъ... сынъ... и предрекли ему величайшую славу. Всякая другая на ея мѣстѣ простодушно бы возликовала, а она смутилась, а потомъ строго спросила: праведно ли обѣщанное? Не вопреки ли волѣ Божьей ей радоваться ребенку-Сыну? Отъ этого все зависѣло. Спросить — не спросить... Въ этомъ сакраментальность мгновенія заключалась — чтобы спросила, потому что могла не спросить. На волосъ ниже уже не спрашиваются. Но она спросила. И вотъ, когда узнала, что радость свѣтла и совершенна, тогда на счастье и согласилась. Съ этого и началось. Это и есть данное о высотѣ...

Федоръ Федоровичъ быль въ необычайномъ волненіи. Я даже и представить себѣ не могъ, что онъ можетъ бывать въ такомъ волненіи. Неподвижное его лицо пропіяло. Онъ не могъ скрыть, да и не скрывалъ своего восторга.

«Эта тема его куда больше сестры волнуетъ...» по-думалъ я.

Мы молчали.

Сомнѣнія не было: Марія Федоровна виновна, забыть этого братъ никакъ не можетъ, потому что всегда считалъ сестру незаурядной, особенной, такой же, какимъ ощущалъ себя самъ. Да, этихъ тончайшихъ разсужденій, опутывающихъ бѣдную Марію Федоровну, я не понималъ. Они мнѣ казались жестокими, лишними и чудовищно несправедливыми.

— Все, что вы сказали о высотѣ, можетъ быть, и такъ, только сейчасъ-то дѣло въ томъ, что Марія Федоровна очень несчастна, и это фактъ. Ее видѣть надо... — съ сердцемъ сказалъ я. — Можетъ быть, и есть теорія,

что надо отказаться, ну, а если человѣку невозможно отказаться? — я запнулся — «Сказать или не сказать?» И вдругъ рѣшилъ: скажу, скажу про Соню, про нашу съ ней бѣду и помогу Маріи Федоровнѣ! (Мнѣ казалось, что помогу).

— У меня тоже бѣда въ пятнадцатомъ году стряслась... мы съ женой разстались. Жена моя замужъ вышла... — запинаясь, рассказывалъ я, нервно потирая ладонями ручки кресла. — Развѣ могу ее винить? Ей счастье померещилось... впрочемъ, это невѣрно, тогда я ее винилъ, очень винилъ, безжалостно даже осуждалъ, а потомъ понялъ. Каждому счастливымъ быть хочется, и это достовѣрно, а про то, что двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ... если и было... — спохватился я, вспомнивъ о Распятіи и образахъ. — Гдѣ же требовать этого отъ людей? По-моему, все это ничего, то-есть, не вижу я, что нравственность особенная, ну, а вотъ, конечно, его предательство — другое дѣло. Но, вѣдь, Марія Федоровна его не предателемъ любила, онъ для нея бѣлѣй синѣжинки, навѣрно, былъ. Можетъ быть, онъ и былъ синѣжинкой, да вотъ температуры такой не вынесъ. Да развѣ могутъ люди все выносить? Знаете, что мнѣ въ голову приходитъ? Я это не придумалъ, я это нервами пережиль, такъ сказать, откровеніе, если хотите, получиль... Разъ въ сто лѣтъ, быть можетъ, намъ тайна добропорядочности людской раскрывается, вотъ въ такія эпохи, какъ сейчасъ, когда за все: за правду, вѣру, честь, любовь и вѣрность, за все жизнью отвѣтать надо! Въ старой жизни поводовъ особыхъ не было быть недостойными. Зачѣмъ порядочному человѣку красть, когда хлѣбъ двѣ копѣйки? Зачѣмъ лгать, когда и со своей-то правдой на пуховикахъ? Зачѣмъ обманывать, когда и всего-то въ моемъ честномъ словѣ обѣщаніе дамъ въ ложу прѣѣхать, или портному по счету заплатить?.. А тутъ, на краю пропасти, люди настоящее свое обличіе являютъ. Вотъ и

Добрынинъ, говорять, достойный человѣкъ быль, а не удержанялся, смертельно испугался. Пытка страхомъ, это, вѣдь, вѣшь ужасная...

Я замялся и покраснѣлъ.

— Нѣтъ, это невѣрно. Онъ быль мужественъ и на войнѣ, говорятъ, и при арестѣ. Это не трусость, это — другое, — взволнованно заговорилъ Федоръ Федоровичъ, — онъ очень любилъ сестру, ихъ связывало, кажется, большое счастье. Можетъ быть, лишь эпохи «на краю пропасти» знаютъ такія счастья. Человѣку легче отказаться отъ жизни, нежели отъ счастья, а Марія, я это зналъ, этого всегда боялся, могла его пережить только въ формѣ крайней экзальтациі, либо не познать вовсе... Она очень измѣнилась, вы говорите? — со сдержанной тревогой спросилъ онъ.

— Да, осунулась... но вы не бойтесь. Мнѣ кажется, она его уже разлюбила.

— Такого конца я бы совсѣмъ не хотѣлъ, — недовольно промолвилъ Федоръ Федоровичъ.

«Полюбивъ, нельзя разлюбить... По его мнѣнію, это еще хуже», удивился я. А между тѣмъ, ошибиться я не могъ: Марія Федоровна разлюбила. Недаромъ я почувствовалъ, что она точно смертью овѣяна. И все же, полюбившая, разлюбившая, несчастная, виноватая, она была мнѣ понятнѣе брата. Его суровой, библейской любви я не понималъ.

Мягко, безшумно, словно безплотно ступая, скользилъ онъ изъ угла въ уголь. Гелерина сползла съ одного плеча и шелестѣла по полу, на рукѣ, засунутой за поясокъ, неярко блестѣлъ перстень. Длинные волосы падали на уши, на виски, оттѣняя бѣлый лобъ и четкія черты: густыя брови, темные впалые глаза и острый тонкій профиль.

Въ тотъ вечеръ Федоръ Федоровичъ показался мнѣ еще непонятнѣе, чѣмъ въ первую встрѣчу. Фантастическая высокопарность души его и поражала, и влекла меня.

Быть можетъ, не будь вчера отвратительной непріятности послѣ разстрѣла Фонарева, не будь хлопотъ съ бородатымъ Пельяевымъ, я не такъ бы впечатлѣнію поддался. А теперь я сидѣлъ, завалившись въ кресло и, не думая больше о неосторожномъ знакомствѣ, внимательно его слушалъ. На мгновеніе сознаніе отдохновительно затуманивалось, и я словно погружался въ волшебную призрачность русальныхъ наважденій...

«А передачу въ Гатчину наладилъ ли?» — вдругъ съ былой прaporщичьей дѣловитостью опомнился я. «Надо все варенымъ посыпать. Когда Масловъ въ прошломъ году сидѣлъ, все варенымъ мать ему посыпала». — И я спросилъ о передачахъ.

Стараясь быть толковымъ, Федоръ Федоровичъ сталъ мнѣ объяснять, но все звучало на удивленіе безтолково. Эмма Карловна сносится со Шкаревымъ, доставляетъ вещи, племянница Шкарева обѣщала вымѣнивать ихъ и носить пакеты на Выборгскую кому-то третьему, кто собирается съѣздить въ Гатчину.

— Всѣ у Шкаревыхъ просили мнѣ сказать, чтобы я не беспокоился, — съ наивной серьезностью объяснялъ Федоръ Федоровичъ.

Я разсказалъ про Маслова.

— Это важно, это страшно важно, чтобы все вареное! Я скажу, я попрошу Эмму Карловну, — встревоженно повторялъ Федоръ Федоровичъ, и опять, какъ въ прошлый разъ, я почувствовалъ его жалкое бессиліе передъ единственнымъ, что есть въ жизни воистину грознаго — передъ одолѣніемъ ея подавляющаго реализма.

Опять Федоръ Федоровичъ замелькалъ изъ угла въ уголъ комнаты, шелестя туфлями. Меня это метанье по комнатѣ стало раздражать, и я машинально отвелъ глаза. Взглядъ упалъ на портретъ, прислоненный къ ящику. Свѣтъ лампы захватывалъ его въ свой яркій кругъ,

и изъ-за наваленныхъ на столъ книгъ и рукописей прямо-прямо мнѣ въ глаза глядѣла бѣлокурая, синеглазая дѣвочка-подростокъ въ пышномъ бѣломъ платьѣ, съ большой голубой книгой на колѣняхъ. Сияющіе глаза, радостная улыбка, тоненькая и легкія ручки, охватившія книгу, свѣтлые локоны, распущенныя по плечамъ... И это была не Марія Федоровна, не ея серъезное лицо. Нѣть, это была не она. Но это не былъ и одинъ изъ тѣхъ старинныхъ портретовъ, къ которымъ владѣлецъ хранить прохладное благоговѣніе. Живопись была не старинная, и портретъ былъ прилаженъ къ ящикамъ съ явнымъ стараніемъ, чтобы, сидя за письменнымъ столомъ, имѣть «ее» передъ глазами.

«Кто она? Что ему эта кудрявая дѣвочка?»

Я проторѣ пенснѣ и, навалившись локтями на столъ, съ любопытствомъ на нее уставился.

Федоръ Федоровичъ подошелъ и осторожно отставилъ лампу.

— Такъ лучше, — просто промолвилъ онъ.

— Кто это? Это не сестра ваша...

— Нѣть, это жена моя, — тихо сказалъ онъ.

Мы молчали. Я почувствовалъ, что спрашивать про жену нельзя. Но потому ли, что мы все говорили о любви, что Федоръ Федоровичъ помнилъ мою откровенность о Сонѣ и догадался о моемъ недоумѣніи, — онъ неожиданно пояснилъ:

— Моя жена утонула въ Лаго Маджіоре за недѣлю до нашей свадьбы, въ тотъ день, когда законченъ былъ портретъ. Тому уже десять лѣтъ теперь... — внятно, почти торжественно сказалъ онъ.

— Она на русскую не похожа.

— Она англичанка... изъ Шотландіи, но мы похоронили ее въ Веронѣ. Она любила Верону, — такъ же тор-

жественно проговорилъ онъ, переставивъ лампу на прежнее мѣсто.

«Какъ жена, если не вѣнчались? И какъ съ такимъ ребенкомъ думалъ вѣнчаться? И какъ глупо, что въ Веронѣ, какъ Джульету схоронилъ! Жуковскій всю жизнь тоже съ покойницей возился, а въ старости посватался, женился и дѣти пошли... Фонарева — иначе! Фонарева проще и безъ претензій, главное — безъ претензій! И Пельтиевъ проще и жизнь знаетъ, а у этого сестра въ тюрьмѣ голodomъ насиится...» И, какъ всегда, когда чоловѣкъ не можетъ осилить сложности другого, я почувствовалъ къ Федору Федоровичу внезапное, непонятное охлажденіе. Почему кудрявая дѣвочка въ его судьбѣ не понравилась мнѣ? Не потому ли, что когда-то давно я тоже хотѣлъ вѣчно любить Соню, жену мою, но этой сложности я не вынесъ. Но сказалъ я совсѣмъ не то, что подумалъ, а съ пріятной вѣжливостью:

— Мнѣ у васъ очень нравится. Тепло, тихо, книги и портретъ чудный... Очень хорошо. Я ужъ и отыкъ такъ жить, а до войны тоже писаль кое-что по Византіи, да война помѣшала, — фронтъ, демобилизациѣ, а потомъ политической этой кутерьмой занялся... Думаю теперь опять поработать по специальности. Для политической работы я совсѣмъ не гожусь. Я большой чоловѣкъ и сейчасъ бѣлобилетникъ — въ инвалидной секціи числюсь.

Я сталъ рассказывать очень подробно о своихъ подлинныхъ и мнимыхъ немощахъ. Федоръ Федоровичъ не только не разспрашивалъ меня, но не очень слушалъ, мнѣ показалось, что ему стало со мной скучно, и онъ подавилъ зѣвокъ. Я обиженно заторопился домой.

Прощаніе у насъ вышло иное, чѣмъ встрѣча. Сблизивъ виѣшне, она утомила насъ обоихъ. Разные мы были люди! Трудно ему было вытерпѣть меня изъ-за одной признательности, мою непріглядную виѣшность, солдат-

скій реализмъ, утомительную неискренность неувѣреннаго въ себѣ человѣка. Трудно и мнѣ было осилить его безъ утомленія: непохожъ онъ былъ на тѣхъ людей, съ кѣмъ я общался за послѣдніе годы, совсѣмъ непохожъ... Можетъ быть, тѣмъ и показался привлекательнымъ, и стала отталкивающимъ, что непохожъ. Тогда я еще не зналъ, что живое общеніе людей включаетъ непонятное противорѣчіе: чѣмъ живѣе влечетъ человѣкъ, тѣмъ сильнѣе отталкиваетъ — и весь смыслъ высокой любви человѣческой состоитъ въ одолѣніи того, что безнадежно разоблачаетъ... Но тогда я воспринималъ жизнь виѣшне и безъ особой осмысленности, хотя ощущалъ ее съ болѣзненной остротой.

Прощаясь, Федоръ Федоровичъ сказалъ мнѣ, однако, очень искренно, что просить вновь навѣстить его когда-нибудь, и прибавилъ:

— Если Марію выпустятъ, сообщу вамъ сейчасъ же.

Я встревожился: «Да не подумалъ ли онъ, что я въ нее влюбленъ?» — поэтому сухо ему отвѣтилъ, что, вѣроятно, уѣду къ родственникамъ въ провинцію, а если бы остался, то постараюсь навѣдаться, хотя это маловѣроятно, потому что хочу въ провинцію — тамъ продукты дешевле.

Такъ мы и разстались.

Потомъ я досадовалъ на себя, на Федора Федоровича, чуть-чуть на Марію Федоровну даже, что я «абсурдъ затѣялъ» и столько времени на Тамбовскую убиль. Но помимо досады была и обида, что я всѣмъ чуждъ, не нуженъ, неинтересенъ, тогда какъ, если-бъ только люди меня знали, быть можетъ, пожелали бы со мною по-хорошему познакомиться. Если-бъ знали! Вѣдь, въ юные годы, когда мы съ Володей въ жизнь вступали, когда студента-ми-первокурсниками по Европѣ путешествовали и въ Римѣ, въ ослѣпительно золотистый полдень, подъ портикомъ Капитолія, другъ другу обѣщаніе дали «Вѣчной Красотѣ»

всей жизнью послужить, — мы были лучше Федора Федоровича. Это я ясно чувствовалъ — лучше! Но почему никому я не могу доказать, что я былъ раньше другимъ, и почему никому нѣтъ до этого дѣла, и никто не хочетъ, не ждетъ даже моихъ оправданій?

ГЛАВА XI.

Въ тотъ годъ зима установилась крутая, ровная, по-
чи безъ оттепелей. Въ городѣ только и разговору было о
стужѣ, заносахъ, страшныхъ болѣзняхъ, набитыхъ тюрь-
махъ, казняхъ, гражданской войнѣ... о томъ, что до весны
не перебиться. И вѣрно, — многіе въ тотъ годъ не пере-
бились.

Никому и въ голову не приходило радоваться пепель-
но-розовымъ морознымъ сумеркамъ надъ бѣлой Невой, ти-
шинѣ улицъ, бѣлоснѣжной пышности садовъ и скверовъ...

Не радовался и я, конечно, хотя зиму любилъ съ дѣт-
ства веселой, беззаботной любовью. Съ тѣхъ поръ, какъ
помню себя, помню и дѣтскую радость мою — ступать по
пушистому чистому снѣгу и глядѣть, какъ нѣжныя снѣ-
жинки съ тишайшимъ шорохомъ осыпаютъ землю... И эта
любовь къ бѣлой тишинѣ, къ чистому покрову надъ безпо-
рядочно-творящей, тяжко-плодоносной землей осталась у
меня и у взрослаго. Въ ту зиму, помню, я не то что обра-
довался ей, но какъ-то стало мнѣ выносимѣе бывать на ули-
цахъ, когда снѣгъ засыпалъ грязь и соръ, выбоины и ямы
мостовыхъ, запорошилъ разбитые навѣсы подъѣздовъ,
ошарпаные фонарные столбы, загаженные тумбы... и ког-
да людскія лица, замотанныя тряпьемъ, запрятанныя въ
воротники, бросались въ глаза меныше, и не было того
удушливаго зловонія въ трамваяхъ, что лѣтомъ и въ мок-

ропогодицу, и шаги людскіе и трамвайные звонки пріятно глохли въ снѣгу.

На улицѣ я бывалъ ежедневно, иногда и подолгу. Дома у меня было тепло: дрова я запасъ еще лѣтомъ черезъ Соню, конечно; хранилъ ихъ подъ замкомъ, въ людской, въ двухъ штабелькахъ... — очень хозяйственно ихъ уложилъ.

Зиму до святокъ я провелъ въ благополучіи и по-новому: дѣловито, въ усидчивой работѣ.

Когда я навѣдался къ Пельяеву, онъ вручилъ мнѣ удостовѣреніе со штемпелями «Летучаго Университета», расписаніе лекцій, перечень заводовъ, телефонные номера автомобильныхъ гаражей и разверстку ставокъ на довольствіе. Было решено, что, хотя я уже зачисленъ въ штатъ, лекціи начну послѣ Рождества, а дабы овладѣть «культурно-просвѣтительными задачами момента», приду на очередное засѣданіе лекторовъ. «Монарховъ» за мной закрѣпили, и Пельяевъ увѣрялъ, что начальство нашло тему «актуальной и ъдкаго интереса».

За дѣло я принялся безъ увлеченія, но съ беспокойствомъ, что не сумѣю быть занимательнымъ для слушателей, и со стараніемъ угадать ихъ вкусъ. Я уходилъ въ библіотеки: въ университетскую, въ Публичную, натаскалъ полный столъ книгъ отъ двоюроднаго брата Сережи, открылъ лекціи, руководства...

Отъ умственнаго труда я отвыкъ. Война пріучила меня къ ужасающей праздности, къ физической суетѣ, къ высокой оцѣнкѣ практическихъ усилій, къ мгновенному выполненію чужихъ порученій, но я утратилъ способность сосредотачиваться, отвлеченно мыслить, логически доказывать. Лишь взявшись за книги, ощутилъ, что умственно одичалъ. Многое забылъ и многое сталъ путать. Умъ огрубѣлъ, научную книгу я читалъ уже съ трудомъ, схватывать на лету основную мысль не всегда удавалось. Можетъ быть, нервная система по старому слу-

жить отказывалась. Занятія меня успокаивали немного, и я охтоно и самъ себѣ и знакомымъ преувеличивалъ ихъ серьезность. Конечно (теперь я это вижу), было нѣчто противоестественное, почти маніакальное, въ моихъ лихорадочныхъ занятіяхъ дома по ночамъ и въ холодной, съ замерзшими окнами, залѣ Публичной библіотеки, гдѣ зазябшій, унылый библіотекарь, въ рваныхъ перчаткахъ, съ нездоровой медлительностью въ движеніяхъ, выдавалъ намъ книги. И было до одури однообразно, и тѣмъ самымъ отдохновительно, шагать утромъ вдоль чугунныхъ рѣшетокъ Фонтанки, съ затертыми льдомъ гнилыми барками, и знать, что время — этотъ ужасъ жизни моей — будетъ убито, укорочено навѣрняка и сегодня, и завтра, и послѣ завтра, вотъ этими переходами, книгами, выписками и переговорами съ Пельяевымъ...

Въ повседневности, отъ которой отвращалась вся моя душа, самымъ раздражающимъ въ тѣ дни было Шкаревское подполье. Съ нимъ я, какъ будто, покончилъ, т. е. послѣ послѣдней встрѣчи со Шкаревымъ никто ко мнѣ ужъ не являлся, и стороной черезъ Сенежу я узналь, что меня работникомъ больше не считали; кто-то обмолвился, что послѣ разстрѣла Пети Гнѣздина я произвожу впечатлѣніе нервно-больного и недавно истерически вель себя на вокзалѣ, провожая какуюто арестованную даму.

Знакомство съ Тамбовской заглохло, никакихъ признаковъ жизни Повѣнѣцкіе не подавали.

Все складывалось такъ, чтобы съ Пельяевымъ быстро въ ногу зашагать. Видались мы съ нимъ довольно рѣдко и кратко (всегда я къ нему заходилъ), иногда просто въ прихожей минутъ пять поговоримъ — и тутъ же разстанемся. Въ гости никогда другъ друга не звали, о семейныхъ дѣлахъ не разспрашивали, но содружество наше уже сказывалось.

Начали поступать мнѣ выдачи театральными билетами, съѣстными и кое-чѣмъ теплыми. Моя новая значительность отозвалась и въ домѣ: жильцы стали обращаться ко мнѣ за совѣтами, съ недоумѣніями, даже съ просьбами... Перемѣну въ своеемъ положеніи я сознавалъ и ощущалъ подобіе удовольствія. Къ работѣ быстро привыкъ, постепенно обрѣтая въ ней безразличное отношеніе ко всему. Казалось, я слѣпъ и глухъ и въ этомъ находилъ противоестественное удовлетвореніе.

Для «монарховъ» я немало иностранныхъ энциклопедій перерылъ и кучу архивнаго матеріала пересмотрѣлъ, извлекая изъ него самое нужное; а нужно мнѣ было вотъ что. Я особенно на растрату народнаго достоянія упиралъ, цифры личнаго бюджета государей разныхъ приводилъ, сочеталъ ихъ въ хлесткія противопоставленія. Кухня Людовика XIV-го въ годъ обходилась въ тысячу разъ дороже годового пропитанія сотни вилановъ, ну, и такъ дальше... О роскоши цезарей, императоровъ и папъ матеріалы подобралъ, а потомъ — о своихъ, конечно: о чудовищномъ гардеробѣ (15000 платьевъ!) Елизаветы Петровны, о регаліяхъ жадной Анны Ioannовны, о причудахъ временщиковъ — о волшебныхъ пиршствахъ Потемкина, его дворцѣ, алмазами осыпанномъ оружіи, золотой посудѣ, знаменитомъ брилліантовомъ султанѣ... о земельныхъ богатствахъ Орловыхъ, Зубова, Безбородки, Завадовскаго, Ланского... и чего-чего еще я не наговорилъ! Я громоздилъ цифры на цифры, справки, документы, отзывы иностранцевъ, отцѣночные музейныя росписи — и все одинаково доточно, къ мѣсту, съ рабынѣмъ терпѣніемъ.

Но и расточительность меркла передъ сокрушительными обвиненіями монарховъ въ непотребствѣ. Сколько возни у меня было съ Людовиками, съ разнообразіемъ ихъ естественныхъ и больныхъ страстей, со слабоумными Стюартами, съ распутными папами! Но главное я приберегаль къ концу и здѣсь всей тяжестью документальной

неопровержимости обрушился на Екатерину Вторую. Словно ведрами, натаскалъ я государынину нечистоту изъ всѣхъ историческихъ и архивныхъ кладезей и задумаль опрокинуть съ кафедры всю эту грязищу на потѣху моимъ фабрично-заводскимъ слушателямъ...

Картина нравовъ и быта монарховъ получилась у меня чудовищная. Моя задача была показать, что хуже королей, паскуднѣе императрицъ, безсовѣстнѣе всякихъ государей — не было на землѣ иныхъ существъ, и что за черный грѣхъ ихъ одно достойное возмездіе — всенародное оплеваніе ихъ памяти. Да, это была «идея» моихъ лекцій, по этой схемѣ онѣ и расположились.

Такъ я и жилъ. Дни шли за днями, выюжные, съ позднимъ бѣлесымъ разсвѣтомъ, съ шаровиднымъ багровымъ солнцемъ, катившимся подъ вечеръ прямо въ снѣга...

Отъ непривычки ли къ умственному труду, отъ утомленія ли, стала я страдать безсонницей. Лежаль часами, то въ темнотѣ, то съ лампой, куриль папиросы безъ счету, ворочался и вздыхалъ. Безсонница пріучила меня, однако, не къ раздумью надъ всѣмъ въ странѣ происходящимъ, а къ своеобразной мечтательности.

Мечталъ я о завѣдомо несбыточномъ, какъ тогда въ скверѣ, — о томъ, что кто-то невѣдомый внезапно пріѣдетъ, разыщетъ и увезетъ меня легко и ловко куда-то въ далекій нерусскій край, гдѣ ничто не напомнитъ мнѣ постылый народъ мой... Мечталъ и о томъ, чтобы прошлое забыть начисто — оставить только университетскіе годы, Володю, большое мое мужество на войнѣ... и ничего ничего больше. Мечталъ, чтобы не было и Сони въ памяти... Иногда среди ночи вставалъ, грѣль воду, пиль чай, читалъ, что подъ руку попадется, и опять ложился.

Какъ-то разъ въ такую безсонную ночь мнѣ по-надобился философскій словарь. Отыскивая его, я по ошибкѣ вытащилъ съ полки небольшую коричневую книж-

ку, втиснутую между растрепаннымъ Коркуновымъ и Бедекеромъ по Италии. У книжныхъ полокъ было темно, и я понесъ ее къ лампѣ. Открылъ, машинально пробѣжалъ первыя попавшіяся строчки. Это былъ не словарь, но я книжку не захлопнуль, а тутъ же, возлѣ лампы, прочиталъ раскрывшуюся страничку.

Говорилось въ ней о чудѣ насыщенія хлѣбами. Мнѣ понравилось, что все пріумножилось, всѣ насытились, и еще осталось... Не безъ интереса перелисталъ я нѣсколько страницъ. Лишь таинственное, чудесное остановило мое вниманіе: исцѣленія, счастливый уловъ рыбы, про бурю, про воскресшую дѣвочку... запомнилась почему-то и одна подробность конца — ангель у пустого гроба... Нравоученія я проглядѣлъ равнодушно, а судъ и страданія пропустилъ. Здѣсь все было мрачно, тягостно, напоминало то, о чемъ такъ хотѣлось забыть...

Съ этого вечера случалось мнѣ эту книжку по нощамъ изрѣдка перелистывать. Я читалъ ее, какъ обыкновенную литературу: въ долгой зимней ночи она была для меня лишь мимолетной утѣхой фантазіи. Содержанія ея не обдумывалъ, религіозно-философскими вопросами не мучился, — ихъ просто не было. Но, начитавшись книжки, я начиналь дремать, погружаясь, какъ въ марево, въ міръ внезапныхъ радостей, неожиданного счастья, одолѣнія, казалось бы, неодолимаго: страха, болѣзни, голоды, смерти... и засыпалъ неожиданно и крѣпко безъ всякихъ сновидѣній.

Изъ всѣхъ радостей больше другихъ волновала мое воображеніе воскресшая дѣвочка... Случалось мнѣ читать и о томъ, что Федоръ Федоровичъ тогда про «высокое счастье» наговорилъ. Всякій разъ при этомъ Марія Федоровна вспоминалась, но думать о ней спокойно я не могъ. Испытывалъ непріятное и непонятное волненіе, точно передъ нею я въ чѣмъ-то очень виноватъ. Занятый собственнымъ устройствомъ жизни, зналъ, — на ея тю-

ремную беспомощность я не откликнулся, хотя ей и можно и нужно помочь, какъ въ то мокрое утро на вокзалѣ. Но помогать и не думалъ, просто объ этомъ я не любилъ думать.

Утѣшная ночью, мечтанья не могли утѣшать меня днемъ. По-прежнему я добросовѣстно работалъ, терзая себя тѣмъ, что слушателямъ мнѣ не понравиться и аудиторіи не увлечь. Работа подвигалась къ концу, и подступали уже святки, когда пришло извѣщеніе о засѣданіи лекторовъ.

Въ Городскую думу (насъ созвали вечеромъ, къ 8-ми часамъ) я прибѣжалъ немного раньше, чтобы освоиться съ обстановкой еще до засѣданія. Пельтиевъ сказалъ, что я кое-кого изъ нашихъ университетскихъ увижу, но, кроме него и двухъ доцентовъ, лица которыхъ я смутно помнилъ, но знакомъ не былъ, оказались все чужіе. Были среди нихъ и почтенные люди, и помоложе, и двѣ-три неврачныя дѣвицы, вѣроятно, изъ городскихъ учительницъ. Насъ, лекторовъ, набралось человѣкъ пятнадцать, да еще «консультантовъ»-рабочихъ было человѣкъ шесть, и засѣдали мы въ нетопленной и очень грязной зальцѣ, бывшей канцеляріи по извозчичьей регистраціи. Сидѣли въ шубахъ, въ калошахъ, кое-кто даже въ шапкахъ и валенкахъ. Большинствоказалось необычайно безобразными, какъ всѣ нездоровые, несытые люди, когда они сильно прозябли. Пожалуй, Пельтиевъ былъ еще лучше всѣхъ.

Онъ сидѣлъ возлѣ предсѣдателя, въ мерлушковой шапкѣ конусомъ, свинутой на затылокъ, въ небрежно распахнутой курткѣ на мѣху, и напоминаль старшаго дворника изъ богатаго дома. Увидавъ меня, онъ помахалъ мнѣ рукой, но не подошелъ, занятый разговоромъ съ предсѣдателемъ. Видъ у Пельтиева былъ молодцеватый, нарочито непринужденный и, пожалуй, даже неумѣстно беспечный. Я уныло глянуль въ его сторону,

сѣль на первый попавшійся стулъ и сталъ ждать. Скоро началось и засѣданіе.

Не помню сейчашь, какіе вопросы обсуждали. Помню только, что лекторы говорили довольно много, но безъ оживленія, не очень искусно притворяясь, что рады послужить народу, и хитро намекая, что «Летучій Университетъ» давняя ихъ мечта, до осуществленія которой наконецъ-то они дорвались... Кто-то съ неловкой торжественностью солгалъ, что «мы пришли сюда лишь работать, и никто не хочетъ тратить попусту ни минуты и ни одной тысячи народныхъ денегъ». Никакихъ значительныхъ споровъ не возникало, хотя всевозможные предложения сыпались добросовѣстно; но стоило предсѣдателю хмуро прищуриться, а «консультантамъ» глухо пороптать на концѣ стола, — разногласія быстро заминались, и спорщикъ спѣшилъ отказаться отъ слова.

А властители наши — черный крикливы молодой человѣкъ-предсѣдатель и шестеро рабочихъ — держались безцеремонно и неуступчиво. Имѣли они видъ людей, у которыхъ на всѣхъ насть пять минутъ времени, и для которыхъ разговоры бесполезны, если, по ихъ мнѣнію, что-нибудь неразумно или вредно. Они, эти семеро, олицетворяли могучія, вонючія народная толпы, требовали ихъ именемъ, защищали ихъ немудреные интересы, и власть придавала имъ ту грубую, но покоряющую силу самовѣрности, которая повлекла меня къ нимъ на вече-ринкѣ у Фонаревыхъ, и которой, я зналъ, никто изъ насть, даже ловкій Пельтяевъ, уже обладать теперь не можетъ.

Во время засѣданія я не проронилъ ни слова, а когда зашла рѣчь обо мнѣ, покорно на все согласился. Мой курсъ назначили на январь, за Невскую заставу, а по-томъ было мнѣ сказано: «васъ передвинуть по просвѣтительной діаграммѣ дальше». Когда секретарь — одинъ изъ рабочихъ — мою фамилію назвалъ, у меня сердце захолонуло... И вотъ тутъ предсѣдатель, нехорошо ухмы-.

ляясь, сказалъ, что недавно видѣлъ найденную на Мил-lionной коллекцію діапозитивовъ — непристойныя ка-рикатуры на Екатерину Вторую — и предложилъ ихъ ис-пользовать для аудиторій. «Пусть ребята наши посмот-рять, чѣмъ они во дворцахъ своихъ занимались...» И такъ же равнодушно, какъ на январь, я согласился и на діапо-зитивы.

Засѣданіе не затянулось. Власти спѣшили и по окон-чаніи мигомъ укатили на автомобиляхъ. Мы тоже не за-держались и ватагой высыпали на грязную, крутую лѣст-ницу, едва освѣщенную снизу старой, пыльной лампоч-кой. Кто-то обогналъ меня и, перегнувшись черезъ пе-рила, крикнулъ:

— Слышали, Степанъ Петровичъ, прекрасныя свѣдѣ-нія-то какія?

— Про что вы? — съ тревогой отозвался хриплый, простуженный голосъ.

— Гражданской войнѣ конецъ! Читали, что изъ Мос-квы сегодня пишутъ? И предсѣдатель подтвердилъ!

Простуженный голосъ не откликнулся, но кто-то другой со старческой насмѣшкой прошамкалъ въ полу-тьмѣ:

— Мечи на серпы, значитъ, перековать прикажутъ?

И тотчасъ же раздалось неестественно ликующее вос-кликаніе Пельтяева:

— Вотъ когда университетъ-то нашъ развернемъ!..

На улицу я вышелъ послѣдній и совсѣмъ одинъ. Мои новые товарищи уже расположились въ разныя стороны, из-дали слышались ихъ негромкіе голоса. Я очутился на снѣ-гу противъ часовни.

Тихая, съ темнымъ оконцемъ, вся снѣгомъ занесен-ная, она напоминала сторожку на перепутьи. За ней

тянулся заколоченный, еще прошлой зимой до чердаковъ и подваловъ опустошенный Гостиный Дворъ, — совсѣмъ громада желѣзнодорожныхъ пакгаузовъ, что мы, при удачномъ отступлени, тоже оставляли австрійцамъ пустыми. Противъ него, вдоль Невскаго, выстроились дома, отъ темноты казавшіеся нежилыми и разграбленными. Кругомъ все было бѣло, темно и тихо...

Я пошелъ по трамвайнымъ рельсамъ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, не прилипая къ подошвамъ. Итти было легко и пріятно.

Ничего ужаснаго все же въ Думѣ не произошло. Власти оказались довольно вѣжливыми, тогда какъ могли даже съ нами не разговаривать. И со мной учтиво говорили, и предсѣдатель діапозитивы только посовѣтовалъ, а не приказывалъ. Я могъ не согласиться, могъ сказать: «нѣтъ, они не годятся», — можетъ быть, никто бы мнѣ и не перечилъ? Конечно, лекторы неправду говорили, что такъ ужъ дѣломъ заинтересовались, но, вѣдь, и власти лгали, что съ нами безъ неудовольствія засѣдаются, а наша лекторская прѣсть кажется имъ вполнѣ естественной. Нѣтъ, засѣданіе меня не ужасало именно потому, что душевная настроенія его участниковъ я уже не разъ перечувствовалъ... Ахъ, понималъ я, что приводило человѣка въ такія грязныя зальца! Страхъ, зависть, изнеможеніе совѣсти и, наконецъ, черное обаяніе людей-властителей, тѣхъ самыхъ, кому среди всеобщаго отчаянія бояться нечего, кто жизни радуется, когда другіе съ ней должны прощаться. Нѣтъ, засѣданіе не ужасало, и было даже очевидно, что я на вѣрный путь вступилъ и черезъ «монарховъ» — если только талантливо прочитать — я за новую жизнь уцѣплюсь.

Такъ разсуждая, миновалъ Гостиный Дворъ, Садовую, Публичную библіотеку... Тутъ и скверъ рядомъ — чугунная его рѣшетка четко видна. Сколько снѣгу! Теперь до весны разгребать дорожки и не подумаешь, а

весной кругомъ вода озеромъ — и не пройти. Хоть бы памятникъ-то пожалѣли, метлами бы снѣгъ счистили! Стоить онъ того, чтобы позаботиться.

Я на памятникъ заглядѣлся.

Императрица вся снѣгомъ засыпана. Знакомая очертанья: голова въ вѣнцѣ, плечи, высокій станъ и скипетръ въ рукѣ подъ звѣздами... И вся бѣла съ головы до ногъ... Сподвижниковъ подъ снѣгомъ и не видать вовсе... Вокругъ памятника сугробы волнами во всѣ стороны...

Только четверть часа тому назадъ я славу ея рабочей власти уступилъ. Только потому мнѣ ее и отдали, что я обязался ея память осквернить, только потому и довѣрили. Почему я это дѣлаю? Вѣдь, осеню еще я здѣсь часто сиживаль и ею любовался. Ни разу недобрыймъ словомъ не помянулъ. Почему же теперь о ней — какъ о шлюхѣ? Почему согласился? Не заикнулся даже про Наказъ, Верховную Комиссію, военные успѣхи, просвѣщеніе... Забылъ? А почему умолчалъ о томъ, что она, умница, неотесанную русскую глыбу тридцать четыре года въ гору тащила? Какъ въ тискахъ несчастнаго брака билась и въ борьбѣ за жизнь и власть всю женскую чистоту растеряла? Какъ въ отчаяніи за нужныхъ, сильныхъ, людей цѣплялась, дарила, ласкала, хитрила, возносила, выносила ихъ жадную и наглую ораву? Не экзальтированной же монашенкѣ, вродѣ королевы Елизаветы Венгерской, что носила тишкомъ остатки королевскихъ пировъ окрестной бѣднотѣ, не какой-нибудь государынѣ-рохлѣ было справиться съ распущенной гвардейской знатью, обсѣвшей тронъ, тѣснившейся у дверей ея опочивальни! Неужели никто изъ слушателей не понялъ бы ея блестательной и страшной доли? Нѣть! Если бы разсказать всю человѣческую правду — Фонаревы, Вѣрки, Дары... всѣ эти бабы поняли бы; онъ сами хорошо знаютъ, что значить съ петлей на шеѣ жить; онъ-то знаютъ, что притворствомъ, изворотливостью, хитростью и всякой покла-

дистой нечистотой защищается испуганная женственность от грозной жизни и людского безсердечья...

Но если онъ бы поняли, — какъ же я, просвѣщенный человѣкъ, согласился объ историческихъ явленіяхъ, какъ дворникъ разсуждать! Въ спальни, гардеробныя, въ кладовыя и погреба дворцовые полѣзъ и всему придиричный счетъ повель, точно Петръ Ивановичъ, что тогда со свидѣтелемъ цѣлый вечеръ старухинъ хламъ увязывалъ...

Я стоялъ возлѣ рѣшетки сквера и тихо своему дѣлу ужасался.

Лгать я привыкъ, лгалъ послѣднее время много, легко и правдоподобно, и это совѣсть мою не беспокоило. Но я впервые почувствовалъ, что ложь можетъ опутать меня всего, только не тотъ чистый уголъ разума, надъ которымъ съ юнымъ студенческимъ восторгомъ я когда-то потрудился. Здѣсь почему-то нельзя было правды съ ложью путать, потому что неправда о прошломъ есть не-правда и о настоящемъ; я чуялъ, что за сознательнымъ искаженіемъ того, что мой разумъ почиталъ объективной истиной, — стерты грани между истиной и ложью, добромъ и зломъ, дѣйствительностью и галлюцинацией, и душа лишь безформенная куча представлений... Я согласился путать, врать, раздѣливаться со всей сложностью историческихъ явленій съ мужицкой простотой, и согласился я, конечно, потому, что близокъ имъ сталъ, въ сродство-свойство съ ними вступилъ, на нихъ похожимъ становился... можетъ быть, съ того времени и началъ похожимъ дѣлаться, когда къ ихъ живучести всѣмъ существомъ приникъ.

Я представилъ себя такимъ, какимъ стоялъ: съ конспектомъ монаршихъ прерѣщеній въ карманѣ, услужливый, уступчивый, пельтиевскій попутчикъ, и, испугавшись самъ себя, не оглядываясь, заторопился прочь.

«Надо Пельтиеву налгать, сказаться болтымъ, по-

стараться раздобыть фиктивный вызовъ изъ провинціи, словомъ, уѣхать, убѣжать, укрыться, но лекцій о монархахъ не читать...» Съ этими размышленіями до дому я и добрѣль, а когда улицей нашей шель, залеталъ тотъ легкій снѣжокъ, что падаетъ, порхая, и осторожно осѣдать звѣздами.

ГЛАВА XII.

Такъ и не сумѣлъ я къ общей жизни прилѣпиться...

Къ Пельтиеву итти не рѣшался, зналъ, что онъ не то что не пойметъ меня (онъ умный и, конечно, понялъ бы), но, вѣрнѣе, не посмѣеть признаться, что понялъ. Безъ сомнѣнія, я Пельтиева въ неловкое положеніеставилъ: онъ за меня поручился, баллотировкой провель, на немъ вся отвѣтственность лежала. Оставалось выдумать какой-нибудь предлогъ, но онъ-то и не отыскивался, и я, ужасаясь безвыходности положенія, ни къ Пельтиеву не шелъ, ни къ книгамъ не притрагивался. Тутъ и сочельникъ подоспѣлъ — унылый, пустой, ненужный день для человѣка въ такомъ душевномъ состояніи, какъ я.

Въ прошломъ году — хотя тогда настала уже моя черная полоса, — я все же былъ не одинъ. Ермолаевы почти насильно увезли меня въ Царское Село къ родственнику-доктору. У него было очень бѣдно, въ дачѣ сырьо и зябко, но набились дѣти, горѣла елка въ бумажныхъ самодѣльныхъ фонарикахъ, пили чай съ булками, прокисшее удѣльное вино, долго спорили о политикѣ и, оглядываясь на балконную дверь, провозглашали тосты за сверженіе... Я игралъ съ дѣтьми весь вечеръ.

А въ этомъ году не то. Ермолаевы пропали еще лѣтомъ. Итти было некуда. Кромѣ семьи двоюроднаго брата Сережи — никого въ Петербургѣ изъ родственниковъ, да и Сережа норовилъ подальше отъ меня держаться, вѣ-

роятно, изъ-за причастности моей къ шкаревскому кружку. И все-таки я о Сережѣ вспомнилъ и хотѣлъ вечеромъ пойти къ нему.

Вышло, однако, такъ, какъ и не ожидаешь. Среди дня Сережа самъ пожаловалъ. Я этой неожиданности обрадовался, подумалъ, что онъ приглашать меня пришелъ, но онъ ворчило-вяло сталъ жаловаться на непріятности въ университетѣ со сторожами, потомъ доказывалъ, что «вся эта шутовская комедія въ Смольномъ скоро кончится», передавалъ университетскіе толки про Ллойдъ-Джорджа, потомъ поспѣшно попрощался, а выходя на лѣстницу, весь красный, смущенный, вдругъ попросилъ одолжить ему денегъ. Я сказалъ, что денегъ у меня нѣтъ, но я ихъ къ вечеру достану. Это было невѣрно, что денегъ не было, — онъ были, но я сразу смекнулъ, если съ деньгами самому прийти, то и безъ приглашенія на весь вечеръ у нихъ останешься.

Когда Сережа ушелъ, мнѣ стало ясно: приходилъ онъ лишь за деньгами, и совсѣмъ я ему нынче вечеромъ не желателенъ. Странно, я почти съ удовлетвореніемъ подумалъ о томъ, что — нежелателенъ, и что наша близость съ нимъ мнимая. Теперь это со мной иногда бывало, что я внезапно какую-нибудь жестокую правду объ окружающемъ пойму и со странной радостью ея жестокость принимаю. Такъ было и теперь, когда я для Сережи деньги изъ-подъ шкапа доставалъ... И все же я деньги понесъ, какъ обѣщалъ, потому что трудно было сочельникъ мнѣ одному скротать. Таковъ ужъ законъ одиночества: въ праздничные, торжественные для всѣхъ людей дни, душа человѣческая свое сиротство до дна постигаетъ, но никогда примириться съ нимъ не можетъ. Такъ и я Сережу выдумалъ, потому что въ домѣ нашемъ чувствовалась мирная суeta сочельника.

Едва онъ отъ меня ушелъ, ворвалась почтариха Сидоренко за какой-то кастрюлей: когда-то она ее покой-

ной старухѣ одолжила. Потомъ прибѣжалъ Мойсейка, въ щель двери шопотомъ устрашалъ меня, что, ежели сей-часъ продукты не забрать, къ вечеру и полфунта не останется — «изъ рукъ сегодня все вырвутъ...»

Когда я къ Сережѣ шелъ, я праздникъ еще сильнѣе ощутилъ. На лѣстницѣ небывалый чадъ, движенье, голоса непривычные... Верхній жилецъ, косоглазый старичокъ, бывшій акцизный, меня обогналъ съ мѣшкомъ за спиной.

— Здрасте....— говоритъ, — къ дочкѣ на Выборгскую на два дня, вмѣстѣ дешевле праздникъ справлять...

Изъ двери высунулся парикмахеръ Рыжиковъ (кота выпускалъ).

— Съ наступающимъ! — крикнулъ.

А на дворѣ, возлѣ подвала, Яша-Гусарь съ елочкой возился, прикручивалъ ее къ полѣньямъ, крестообразно сложеннымъ. Тутъ же прыгала въ нервномъ восторгѣ Маничка.

Въ воротахъ сипенклеровскіе мальчишки повстрѣчались: на салазкахъ, не вѣсть по какому разрѣшенію, громадный грамофонъ привезли.

Праздникъ былъ во всемъ домѣ: въ озабоченномъ оживленіи, во внезапной мирной хлопотливости отыхающихъ отъ злости людей... И мнѣ тоже захотѣлось быть, какъ всѣ и со всѣми. Я почти весело побѣжалъ къ Сережѣ, хотѣль пообѣщать Сережинамъ дѣтямъ свести ихъ на праздникахъ въ кинематографѣ и что-нибудь за мой счетъ нынче купить изъ угощенія. Но именно то, что казалось такимъ простымъ, доступнымъ старику акцизному, Рыжикову, сипенклеровскимъ мальчишкамъ — у меня и не вышло.

У Сережи меня ждали, даже дѣти, и тѣ, видимо, ждали, потому что всѣ три дѣвочки вмѣстѣ съ родителями молча меня обступили и выжидательно смотрѣли. Я вынулъ деньги. Марья Петровна (Сережина жена) близо-

руко поднесла бумажки къ самому носу и тщательно ихъ пересчитала.

— Ужъ вы простите, Алеша, а деньги счетъ любятъ.

И съ безтолковой дѣловитостью недѣловитаго человѣка спрятала ихъ въ ящичекъ швейной машинки подъ клубки шерсти.

Сережа предложилъ мнѣ чаю. Марія Петровна неохотно взялась за самоварный кранъ.

— Холодный... но можно на керосинкѣ воду подогрѣть... — устало сказала она.

Я понялъ, что ей нестерпимо надоѣло постоянно грѣть, кипятить, поить, мыть посуду, и отъ чая отказался.

Мы помолчали, потомъ заговорили о постороннемъ, скучно, равнодушно, неискренно, опять о сторожахъ, о Ллойдѣ-Джорджѣ, но разговоръ не вязался.

— Какъ вы встрѣчаете праздникъ? — вдругъ спросилъ я, стараясь говорить непринужденно.

— Дома... гдѣ же? Конечно, дома... — не глядя на меня, въ замѣшательствѣ проговорила Марія Петровна и хлопотливо стала убирать посуду.

— Ты въ половинѣ девятаго зашелъ бы... у насъ конечно, ничего особенного не будетъ, такъ, для дѣтей, для своихъ только. Если никому не обѣщалъ, зайди... а то, можетъ быть, тебѣ одному скучно? — прибавилъ Сережа, и, помогая женѣ, схватилъ самоваръ за ручки и понесъ его въ уголь, въ темноту, за буфетъ.

Я посмотрѣлъ на него, на жену и вдругъ съ необыкновенной остротой увидѣлъ ихъ, — все безобразіе, до котораго они себя за эти годы довели.

Они очень измѣнились — потемнѣли, постарѣли. У Сережи лицо желтое, тусклое, недобroe, весь онъ отъ неизжитого безсильнаго негодованія въ неизмѣнномъ неудовольствіи, словно мокрой паутиной облѣпленъ, и Марія Петровна тоже очень дурной мнѣ показалась не по-

тому, что на ней драповое пальтишко поверхъ капота, и гребенки въ причесѣ вѣ криво, руки красныя, а потому, что обида ее проѣла, и ничего во всемъ существѣ ея выразительнаго, кромѣ этой обиженностіи.

Я чувствовалъ съ безсомнѣнностью физического ощущенія, что сейчасъ они хотятъ одного, чтобы я ушелъ и не возвращался. Безразличіе ихъ ко мнѣ было полное, до опасенія, что я вдругъ не догадаюсь, до нетерпѣнія, что не ухожу. Но я догадался, и опять противоестественно этой правдѣ обрадовался.

— Никакъ не могу... Я съ пріятелемъ сговорился, — взволнованно, почти восторженно сказалъ я и сталъ прощаться.

Хозяева меня не задерживали. Сережа предупредительно отыскалъ мои калоши и кликнулъ дѣтей — прощаться. Но я дѣтямъ едва кивнуль...

Въ теченіе жизни я пережилъ разныя отношенія къ себѣ: восхищался собой, враждовалъ съ собой, бѣгалъ отъ себя, даже стыдился, но никогда еще не испытывалъ той усталости отъ самого себя, какъ въ тотъ сочельникъ, когда я возвращался отъ Сережи. Одиночество мое было полное, до конца сознаніемъ пройденное, но почему-то именно на этой чертѣ воля не искала больше къ кому прислониться, и желаніе теплоты, тѣсноты, скрѣпы-слѣпы съ себѣ подобными, что давеча повлекло меня изъ дома, тоже стало во мнѣ тухнуть. Если бы я кого-нибудь изъ знакомыхъ и припомнилъ и къ нимъ пошелъ, — конечно, встрѣча была бы такая же, какъ съ Сережей. Это я зналъ съ достовѣрностью. И опять эту правду безъ всякаго ужаса принялъ.

На дворѣ уже стемнѣло, когда я отъ Сережи шель. Темноту освѣщали лишь кое-гдѣ мутные нумерованные фонарики надъ подворотнями. Улицы наполняль голубоватый, снѣжный сумракъ. Со взморья дулъ сырой, мягкий, ровный вѣтеръ — къ оттепели, и хотя еще не таяло,

но снѣгъ сталъ уже ватнымъ, липкимъ и казался теплымъ. Явно, къ утру все поплыветъ: грязь... лужи... густой туманъ на разсвѣтѣ...

«Оттепель... и хорошо, хорошо, что оттепель...» — обрадовался я, точно человѣку въ моемъ душевномъ состояніи пріятнѣе среди беспорядка, грязи и зимняго развала. У меня въ комнатѣ тоже нынче все осталось въ не-вообразимомъ беспорядкѣ. Я не прибиралъ уже три дня и остатковъ ужина съ письменного стола не унесъ, и печки не вытопилъ. Но эту безотрадность я принялъ безъ всякой жалости къ себѣ. Пожалуй, въ жестокости, съ которой я принималъ правду о своемъ положеніи въ сочельникъ, таилась первая слабая попытка быть опять мужественнымъ.

Когда я уже неподалеку отъ дома былъ, въ перекрестье, какія-то бабы меня бѣгомъ нагнали, и я сразу голосъ фонаревской Даши разслышалъ.

— Скорѣй, скорѣй, дѣвушки, а то и къ «правднику» не прордаться...

— Да ужъ я ли отстаю, Петровна! — запыхавшись, томно-звонко откликнулся гнусавый голосокъ, и въ обходъ меня по снѣгу пробѣжали рысцой три бабы. Вѣрно: Даша... низкая, толстая, въ вязаной бѣлой косынкѣ на круглой головѣ, въ лисьей шубенкѣ, которую она неуклюже-бережно съ боковъ подхватила руками.

«Ко всенощной...», рѣшилъ я, глядя на бабы приземистыя спины. Когда до угла дошли, онѣ, дѣйствительно, прямо черезъ дорогу, на благовѣстъ, на колокола, и устремились.

Темная церковь съ мутно-красными окнами, среди сугробовъ садика гудѣла тяжелымъ гуломъ. Народу въ ней, вѣроятно, набилось сила, но къ паперти все еще тянулись люди врозыпную — одиночкой и кучками. Я даже бабъ моихъ изъ виду потерялъ и, безсознательно слѣдя за всѣми, подошелъ къ церкви.

Въ притворѣ гуляль сквознякъ и была давка. Пахло нищими. Возлѣ свѣчного ящика народъ крутило воронкой и медленно уносило въ нутро храма. Меня тоже сдавили и, подхвативъ подъ локти, стали пропихивать бокомъ въ освѣщенную церковь. Я сталъ, было, сопротивляться, но меня затолкали и, наконецъ, прижали къ стѣнѣ, къ привинченнымъ къ ней запечатаннымъ церковнымъ кружкамъ. Въ храмѣ было тепло и душно-сыро, какъ въ предбанникѣ. Съ оконъ текло, и легкій туманъ мутить золотистое блистанье свѣчей и иконостаса. Гѣли на хорахъ усердно, громко, простуженными псаломщикими головами....

Въ церкви я давно не былъ. Кажется, въ послѣдній разъ — на чьихъ-то похоронахъ. На церковныхъ службахъ всегда испытывалъ неловкость отъ неестественности положенія: быть невольнымъ свидѣтелемъ чужихъ интимныхъ переживаній; я всегда очень смущался, когда смотрѣль, какъ люди молятся. И сейчасъ, прижатый къ стѣнѣ, въ духотѣ, я глядѣль поверхъ головъ на полу-мракъ церковныхъ сводовъ и старался не обращать вниманія на сосѣдей; вокругъ меня крестились, безстыдно вздыхали, подпѣвали, шептались, сморкались... и, видимо, ни мало не были признательны за деликатность моихъ намѣреній. Странно, что ни служба, ни знакомая обстановка храма не вызывали во мнѣ никакихъ воспоминаній о дѣтской моей вѣрѣ. Вообще, обѣ этомъ, сентиментальномъ, давно потерянномъ, я не думалъ вовсе, точно его и не было, но не было и ничего виѣшняго, что бы мнѣ нравилось. Кромѣ обычной неловкости и привычной чуждости всему, ничего иного я не испытывалъ, стоя въ давкѣ у ржавыхъ кружекъ. Невѣрно, что всякому русскому человѣку достаточно зажженной свѣчки, пѣвучей гнусни псаломщика и запаха ладана, чтобы расчувствоваться. И я не только не расчувствовалъ, но затосковалъ, заметался душой среди людской скученности, точно люди навали-

лись всей своей силой не только на грудь и бока, но и на полуживую мою душу.... Лучше ужъ было одному, въ темнотѣ, на улицѣ или дома. Я сталь проталкиваться къ выходу, плечомъ раздвигая молящихся. Кто-то солидно-наставительно проговорилъ мнѣ вслѣдъ: «взадъ-впередъ толкается... пришелъ, такъ ужъ и стой». Но я упорно прокладывалъ себѣ путь, а когда на воздухъ, во тьму свѣжую, на сѣжную паперть, наконецъ, выскочилъ, вздохнулъ съ облегченiemъ...

Тутъ я столкнулся съ Гусаровой женой — и Манька рядомъ, въ новомъ безобразномъ кaporѣ. Женщина шопотомъ окликнула меня:

— Не взяли говядину-то у Моисея, а ужъ больно хороша! Хотите, фунта два уступимъ?

— Пришли... принесите... пусть Маничка принесеть, — проговорилъ я, смущенный, что такъ некстати оказался на паперти.

Домой я пришелъ совсѣмъ усталый. Въ квартире было темно и нетоплено. Я сняль калоши, зажегъ кое-какъ лампу, даже керосину не подлилъ, хотя его въ лампѣ мало осталось, и сѣль, какъ былъ, — въ шубѣ, шапкѣ, въ рукавицахъ — на диванъ, среди смятыхъ подушекъ и сбитыхъ одѣяль. Мнѣ хотѣлось ъсть. На письменномъ столѣ валялся хлѣбъ. Я его сѣль, запилъ холоднымъ чаемъ изъ горлышка чайника, сѣль сахару. Конечно, я самъ виноватъ, что одинъ остался. Всѣ люди въ общеніи съ себѣ подобными и сейчасъ хоть и безобразно, а лѣнуть-липнуть другъ къ другу, кто совмѣстной корысти, кто общей ненависти, кто общей гибели ради.... Я никогда раньше людей не чуждался: въ университѣтѣ, въ семье, на войнѣ, я всегда заодно со всѣми былъ, какъ бы плотскую теплоту отъ общенія ощущалъ и ей радовался. Даже такихъ людей, какъ Гнѣздинъ, который мнѣ былъ противенъ, я до самой осени съ терпѣливой привѣтливостью принималъ. Вѣдь, изъ-за этихъ вздор-

ныхъ встрѣчъ бѣда и вышла! Хорошо, что такъ дешево еще отдался... Если бы не Фонарева... Она пѣла, а я подслушалъ. Да... помню: она была въ тотъ вечеръ въ чемъ-то васильковомъ и въ сапожкахъ, зашнурованныхъ подъ самыя подколѣнныя ямки, — и мнѣ нравилась ея возбужденность... А кругомъ было необычайно свѣтло: нѣсколько большихъ керосиновыхъ лампъ (отъ яркаго свѣта я давно отвыкъ), — а на обѣдennомъ столѣ неряшество сытости: что-то недоѣденное, пролитое, накрошенное... и много пустыхъ бутылокъ, даже на полу, возлѣ пьянино, и то стояли бутылки. И было душно. Гостей — полная комната. Я въ жизни съ такими гостями еще не сиживаль. Солдаты, дѣвки, рабочіе-желѣзнодорожники.... — и вѣдь ничего? Сначала даже не безъ пріятности, съ тайнымъ даже желаніемъ имъ по-нравиться. Но зато послѣ, когда я про Гнѣздина услыхалъ, я, кажется, перепугался, чуть-чуть не сболтнулъ чего-то лишняго? Если не ошибаюсь, такъ и было, т. е. вродѣ этого... И тутъ, по привычкѣ, я хотѣлъ оборвать воспоминанія, но они не оборвались, и съ жестокой точностью мнѣ вечеринка припомнилась. Было не такъ, совсѣмъ не такъ... Я давно уже привыкъ ту непріятность попойкой объяснять и конецъ всячески комкалъ. Къ этой лжи я, какъ къ разношенному сапогу, привыкъ. А сегодня все припомнилъ: я хотѣлъ и не успѣлъ сказать того, что хотѣлъ, всталъ, Фонарева окликнулъ, но тутъ Дарья вѣжала... Если бы не Дарья, я бы сказалъ — и въ ту же ночь Марью Федоровну бы взяли... съ нея бы и начали...

Я сорвалъ рукавицы и бросился топить печку. Странное беспокойство всегда охватывало меня, когда Марія Федоровна мнѣ вспоминалась. Сейчасъ, когда я на колѣняхъ передъ печкой стоялъ и отсырѣвшія спички съ ожесточеніемъ чиркаль, къ нему примѣшивался страхъ, что ее погубятъ, какъ Петю, какъ тѣхъ... въ октябрѣ..

Я Марію Федоровну не любилъ, я къ ней не влекся,

она всегда мнѣ немнога даже непріятна была; послѣ Варшавскаго вокзала я ее впервые, какъ особенную, единственную, ощущать сталъ (можетъ быть, безсознательно и раньше черезъ стыдъ мой передъ ней). Это, конечно, оттого возникло, что она сумѣла меня своимъ страданьемъ восхитить. Бываетъ, что за мигъ восхищенья человѣкъ къ человѣку прилѣпится съ невѣроятной силой. Съ тѣхъ порь я ее изъ всѣхъ людей, какъ живую среди мертвыхъ, выдѣлилъ и въ память заключилъ. Потомъ иначе стало, а тогда — въ память. Такъ имя ея съ восторженнымъ волненiemъ у меня и сочеталось... Къ этому воспоминанію я очень бережно относился и холодъ моей заботы о ней тѣмъ и объяснялся, что я ее не любилъ (какъ никого тогда не любилъ!), а только ею любовался. Но въ сочельникъ, помню, я прямо съ тоской о ней думалъ и себя все успокаивалъ, что если до сихъ порь не тронули, то въ Рождество, конечно, не тронутъ. Мое волненіе всю фонаревскую вечеринку покрыло, точно для того эта пьяная ночь сегодня и вспомнилась, чтобы ужаснуть, что я чуть было Марію Федоровну не погубилъ...

Я старался ее себѣ представить въ Гатчинѣ: камеру, темноту, грязь — и ее тамъ. Навѣрно, прилегла, не спитъ... Люди въ горѣ не спятъ, мало спятъ или въ тонкомъ снѣ, и часто просыпаются. «Хорошо, что теплое я ей принесъ! А если что-либо еще понадобится, сумѣть ли тотъ, умникъ, братъ-то?» — и я съ досадой подумалъ о Федорѣ Федоровичѣ.

Уже была полночь, когда, навозившись съ печкой, съ єдой, съ диваномъ, я, наконецъ, загасилъ лампу и легъ. Было темно, тихо и совсѣмъ тепло. Краснѣли въ раскрытой печкѣ догорающіе угли. Мирно потрескивала желѣзная ея дверца. Слышался невнятный хрипъ грамофона, еще невнятнѣй — плачъ рыжиковскаго ребенка... Во дво-рѣ изрѣдка хлопала калитка: жильцы возвращались и вы-

ходили безпрепятственно. Въроятно, Яша-Гусаръ сняль дежурство.

Въ домъ былъ праздникъ — бѣдный, некрасивый, невеселый, горький, но былъ. И для меня былъ, несмотря на Сережу, на одиночество, на то, что мнѣ не съ кѣмъ и нечего было праздновать. Была безстрашная ночь впереди, сочельничая, вѣрная, когда «они» не трогаютъ, потому что съ дѣтьми, съ женами или по-холостому тоже шабашутъ.

Отъ этой увѣренности пріятное изнеможеніе нашло на меня, давно неизвѣданное полу забвеніе... Вспомнился Пельтиевъ — и не устрашилъ. «Вывернусь... горловой болѣзнью какой-нибудь заболѣю...» Вспомнилось уязвляющее душу военное мое бѣзчестье — и пропало, точно душа не хотѣла ни къ тревогѣ, ни ко злу, ни къ укору больше прикасаться.

Я лежаль, тепло укутанный пледами и, щурясь на красный отсвѣтъ догорающихъ углей, ни о чѣмъ уже не думалъ. Я лишь чувствовалъ праздничный покой — безстрашье, разлитое вокругъ меня: въ квартирѣ, въ домѣ, отъ крыши до подваловъ, за стѣнами дома, на улицахъ, въ городѣ, — и этимъ необычайнымъ чувствомъ наслаждался.

«Если въ городѣ, такъ ужъ и за городомъ...», мелькнуло въ сонномъ уже сознаніи, «въ Гатчинѣ-то ужъ во всякомъ случаѣ...».

Тутъ все затуманилось, и я заснуль.

ГЛАВА XIII.

Въ полдень, въ Рождество, въ самую то хлябъ оттепели, когда отъ тумана въ комнатахъ было такъ темно, что пришлось зажечь лампу, — пожаловали ко мнѣ на кухню двѣ фигуры, въ пледахъ поверхъ шубы, въ высокихъ странного фасона вязаныхъ шапкахъ, съ альпійскими палками въ рукахъ, и я въ нихъ съ трудомъ, а потомъ съ досадой, узналъ Федора Федоровича и старую Янсенъ.

«Поздравлять пришли? — недоумѣвалъ я, — и зачѣмъ беспокоились...» Но гости мои не только не поздравили, но даже въ комнаты войти не пожелали, и съ первыхъ же словъ я понялъ, что имъ было не до праздника: большая бѣда, приключившаяся въ Гатчинѣ, привела ихъ, и пришли они ко мнѣ, потому что больше идти имъ было некуда.

Оказалось, что слѣдствіе было внезапно прервано за два дня до сочельника, арестованныхъ разбили на группы, причемъ Марія Федоровна попала въ самую дурную, въ Перекрестовскую, которую обвиняютъ въ сношеніяхъ съ тѣмъ Перекрестовымъ, что погибъ, сжигая документы. Эту группу куда то повезутъ, но куда и когда неизвѣстно — можетъ быть, ужъ увезли... Все это узнали случайно отъ какого то странного человѣка, который передалъ анонимную записку и скрылся. Эмма Карловна бросилась вчера въ Гатчину, но на вокзалѣ ей не выдали пропуска, она чѣмъ-то разсердила вокзальныя власти, отъ нея отняли

корзинку съ провизіей, продержали до вечера въ холодной караулкѣ и отпустили, напугавъ до полусмерти. Шкаревъ уже три недѣли, какъ не показывается, на Выборгской отъ порученій стали уклоняться, комитетъ неуловимъ и бездѣйствуетъ. Марія Федоровна оставлена на произволъ судьбы.

Федоръ Федоровичъ говорилъ въ большомъ волненіи, съ раздраженіемъ, даже гнѣвно, хотя вполнѣ владѣя собой, зато Эмма Карловна плакала, не переставая, и разрыдалась, когда рѣчъ зашла о караулкѣ.

Вѣсть о Маріи Федоровнѣ меня ошеломила. Не то, что я о смерти никогда не думалъ (я думалъ еще сегодня ночью), но ни разу я въ нее не повѣрилъ, а съ беспокойствомъ своимъ о Маріи Федоровнѣ я всегда легкоправлялся; теперь же, прежде чѣмъ Федоръ Федоровичъ договорилъ, я уже вообразилъ весь ужасъ ея состоянія и, какъ въ дѣйствительность, въ ея возможную гибель повѣрилъ, чувствуя, что при одной мысли объ этомъ блѣднѣю до сердцебіенія. (Все это въ одну минуту со мной свершилось).

— Почему вы сами не поѣхали, а госпожу Янсенъ послали? — съ непріязнью, почти съ презрѣніемъ, вопрошалъ я. — И Шкарева не разыскали? — Гдѣ же старому человѣку такое порученіе выполнить! Надо было давнымъ давно хлопотать, узнавать... въ такое время неосвѣдомленность непростительна. Ваша сестра ни за грошъ ни за денежку у васъ пропадеть! — волнуясь, грубо сказалъ я.

Федоръ Федоровичъ не то сдѣлалъ видъ, что на мою солдатскую прямоту не обидѣлся, не то, дѣйствительно, съ ней не посчитался.

— Именно этого то я и боюсь, что она у насъ пропадеть... — кротко, немного виновато сказалъ онъ. — Поэтому мы и пришли... пришли просить... (Федоръ Федоровичъ запнулся) Марія не чужая же вамъ? — тихо прибавилъ онъ, вопросительно глядя мнѣ въ глаза.

— Федоръ Федоровичъ всю ночь не спалъ, говорилъ: «Фрейленъ Эмма, я пѣшкомъ завтра просить пойду». А я сказала: «Какъ же будете вы пѣшкомъ ходить?!.» — запепетала сквозь слезы старая Эмма и вдругъ патетически схватила меня за руки:

— Ахъ, помогайте, помогайте намъ!..

Федоръ Федоровичъ поморщился и потянуль ее сзади за шубу.

— Перестаньте, Эмма Карловна, успокойтесь...

Я смотрѣль на ихъ карикатурныя фигуры, глупыя шапки, палки... сознаваль ихъ беспомощность, и вся злая досада во мнѣ вдругъ стихла, я даже съ удовлетворенiemъ подумалъ, что, вотъ, они съ трудомъ ко мнѣ добрались, просятъ, надѣются на меня, а, главное, вѣрятъ, что Марія Федоровна мнѣ не чужая. Я могъ бы сказать; что это неправда: Марія Федоровна мнѣ чужая, но я вдругъ смутилъ ся и сказалъ совсѣмъ другое, неожиданное.

— Хорошо... я сдѣлаю, что могу, что можно, все, что можно... — не глядя на Федора Федоровича, а куда-то поверхъ его шапки сказалъ я, чувствуя, какъ неестественно звучить мой голосъ.

Янсенъ въ восхищениіи всплеснула руками и бросилась опять ко мнѣ. Казалось, благороднѣе словъ она никогда изъ человѣческихъ устъ не слыхивала. Федоръ Федоровичъ съ облегченiemъ вздохнулъ, и во всемъ его обликѣ проглянула прежняя величавая успокоенность. Цѣль была достигнута, бремя на другого переложено, и онъ сталъ меня благодарить съ той же обрадованностью, какъ и прошлый разъ. Тутъ же выяснилось, что говорить намъ больше не о чёмъ — кажется, и не хочется; кажется, даже немного тягостно.

Я былъ радъ, когда они ушли (они оставили мнѣ какіе то адреса). Но, когда остался одинъ, трудность предстоящаго дѣла предстала предо мной, и я весь день не доумѣвалъ, почему согласился спасать чужую, горемыч-

ную невѣсту. Но въ эти томленія ослабѣвающей воли вплеталась неотвязная тревога о Маріи Федоровнѣ и она то и укрѣпляла меня. На слѣдующій день, почти съ отвращеніемъ къ своему безкорыстію, я отправился разыскивать Шкарева, убѣждая себя дорогой, что сейчасъ переложу на комитетъ всѣ хлопоты и умою руки.

На холостой квартирѣ Шкарева не оказалось. На Выборгской сестра его сообщила, что справки — на Подъяческой, и онъ самъ на Подъяческой, но не на старой «нашѣй» квартирѣ, а на той же лѣстницѣ, у пѣвицы Д. Фамилію пѣвицы Анны Ивановны (сестра Шкарева) произнесла съ подчеркнутой точностью и прибавила съ нескрываемой ироніей: «сочли, что безопаснѣе подъ застѣй Мельпомены». Успѣла Анна Ивановна мнѣ еще сказать, что сейчасъ, на святкахъ, съѣхались «свои» изъ провинціи, и идетъ переизбранія «Централа» (Она такъ и выразилась: «Централа»). Про эстонскій процессъ ходятъ тревожные слухи, но ей толкомъ ничего неизвѣстно. Тутъ она и записку написала, потому что пароль и всѣ порядки теперь иные.

Въ новой квартирѣ я засталъ не только Шкарева, но цѣлое общество. Встрѣтила меня хозяйка, большая, красивая дама въ темномъ бархатѣ и пушистой мѣховой пелеринкѣ (сама дверь мнѣ отворила), прочитала записку, бѣгло, но привѣтливо оглядела меня и, съ той непринужденностью, которая свойственна людямъ сцены, крикнула въ гостиную густымъ напѣтымъ голосомъ:

— Борисъ, это къ вамъ отъ Анны Ивановны!

Шкаревъ выбѣжалъ мнѣ навстрѣчу, а въ гостиной тихо зашушукали голоса. Я не видалъ Шкарева мѣсяца два. Онъ измѣнился: постриженный, чистый, гладкій, онъ не то помолодѣлъ, не то по стариковски старался казаться молодцеватымъ. Мнѣ онъ обрадовался, и я сразу понялъ, что меня здѣсь считали, дѣйствительно, больнымъ, бесполезнымъ, несчастнымъ (потому и не по-

звали), но все же вѣрнымъ человѣкомъ, «своимъ». Шкаревъ повлекъ меня въ гостиную. Я упирался, отнѣкивался, ссылаясь на конфиденціальный характеръ дѣла, но тутъ сама Д. появилась на порогѣ въ узкомъ пролѣтѣ драпировокъ и сказала просто, чуть съ усмѣшкой:

— Да у насъ же просто чай... елка, войдите.

Въ гостиной было тепло, свѣтло, уютно и пестро-атласно; комната радовала глазъ, усталый отъ темноты и грязи. Въ одномъ углу, на столѣ, горѣла маленькая елка, поблескивая навѣшанной елочной дрянью; въ другомъ — на ломберномъ столѣ стояла кое какая снѣдь; возлѣ раскрытаго рояля, заваленного нотами, на диванахъ и креслахъ развалилось человѣкъ восемь мужчинъ (изъ нихъ двухъ-трехъ я немного зналъ). Всѣ были въ военной формѣ, или, вѣрнѣе, въ той, на военный образецъ скроенной, буро-серой неразберихѣ, которую въ то время носило множество народу, стараясь казаться военными.

Здѣсь я былъ «свой», и поэтому, послѣ привѣтствія, разговоръ продолжался, не дѣловой, а самый обыкновенный. Такъ болтали въ гостиныхъ еще недавно о фронтахъ, союзникахъ, о ставкѣ и о государынѣ... — теперь — о засадахъ, обыскахъ, Кремлѣ, о переходахъ че-резъ границу и фальшивыхъ паспортахъ... Разговоръ пересыпался мужицкими словечками, ставшими обычными въ разговорной рѣчи, чиркали спички по походному, о подошву, осыпали пепель папиросъ въ первую попавшуюся вазу и просто на коверъ.

Шкаревъ былъ несомнѣнно за хозяина: угощалъ, воился съ елкой, а потомъ объявилъ, что лишь только свѣчи доторгоятъ, будеть жженка, и съ напускной веселостью потрясь бутылкой спирта, отыскавъ ее гдѣ то въ темномъ углу за искусственной пальмой.

— И все это блаженство, благодаря Маргаритѣ Яковлевнѣ! — развязно и какъ то неестественно привѣтливо воскликнулъ онъ.

— Я ни при чемъ, — скромно сказала Д. — просто аптекарь вымѣнялъ на контрамарки.

Усатый ея сосѣдъ наклонилъ лысѣющую голову къ пушистой пелеринкѣ:

— Вашу ручку — и просьба: повторите арію Джильды... — и онъ фамильярно поцѣловалъ ей руку въ запястье, въ самые браслеты.

Я сидѣлъ, не принимая участія въ общемъ разгово-рѣ, хмуро озираясь по сторонамъ. Какъ непохожа была эта зелено-розовая гостиная на ермолаевскую, маленькую столовую со скрипучимъ поломъ и продавленными вѣнскими стульями, на Подъяческую полупустую контору при несуществующей, бутафорски обставленной лабораторіи для анализовъ! Какъ непохожа была эта актрися «елка» на наши заговорщики встрѣчи...

Я отставилъ недопитую чашку на каминъ и подошелъ къ Шкареву, тушившему свѣчи.

— У меня дѣло... справка... мнѣ не до елки, — тихо, но раздраженно сказалъ я.

Шкаревъ спохватился, крикнулъ въ кругъ, что свѣчки пора тушить, и поспѣшно увелъ меня въ глубь квартирь.

Мы вошли въ маленький, тоже хорошо натопленный, кабинетъ. Шкаревъ по хозяйски, не глядя, сгребъ въ кучу валявшіяся на диванѣ дамскую шубку, муфту, перчатки — и мы сѣли.

— Здѣсь удобнѣе, чѣмъ на старой квартирѣ, — пояснилъ онъ, точно извиняясь.

— У васъ сѣзданіе идетъ? — спросилъ я.

— Мы васъ не привлекли. Вы оказались больнымъ.

— Я и сейчасъ боленъ... горло, что то сложное... — замялся я. — Да я и не о томъ, не о сѣзданіѣ, не для разспросовъ. Мнѣ Анна Ивановна сказала, что вы теперь у Д., вотъ я и пришелъ.

Шкаревъ опустилъ глаза и неестественно-озабочено полѣзъ въ карманы за папиросами.

— Д. для властей вѣдь политики, поэтому здѣсь для всей организаціи надежнѣе, какъ то семейнѣе выглядить, и власти къ артистическому міру очень благоволять, — сказаль онъ.

При другихъ обстоятельствахъ я бы возразилъ, что мѣсто мнѣ совсѣмъ не кажется надежнымъ, но я не за тѣмъ пришелъ и приступилъ къ дѣлу. Я рассказалъ, что пришелъ за справкой по поводу эстонского процесса, такъ какъ арестованныхъ куда то везутъ, но кого и куда неизвѣстно, родственники жалуются на комитетъ, комитетъ же бездѣйствуетъ, ничего толкомъ никто не знаетъ.

— И вы тоже стали неуловимы, и васъ никакъ разыскать не могли, — недовольно и съ упрекомъ закончилъ я.

— Этого требовали интересы организаціи, — тоже сухо и серьезно-дѣловито началъ онъ: — комитетъ пред-почитаетъ лучше молчать, нежели путать. Справки родственники могутъ получать въ нашей «Помощи» (онъ далъ мнѣ адресъ), у насъ все теперь по новому.

— Я пришелъ узнать о Маріи Федоровнѣ, — рѣши-тельно сказалъ я.

— Вы о Повѣнецкой или о вдовѣ Яслана? Вѣдь обѣ «Маріи Федоровны», — дѣловито переспросилъ Шкаревъ.

— О Повѣнецкой, конечно... — смущенно подтвер-дилъ я, чувствуя, что волненіемъ и глупымъ «конечно» выдаю себя.

— Повѣнецкую, Розенкирха и Павликова везутъ въ Москву, вѣроятно, для очной ставки съ Добрыниномъ. Они трое да убитый Перекрестовъ поддерживали связи съ Москвой.

— Въ Москву? Какъ въ Москву? — въ недоумѣніи перебилъ я. — Кто въ Москвѣ? Кто изъ нашихъ въ Москвѣ?

— Сейчасъ нѣть никого, мы временно закрыли всѣ

отдѣлы... «Сыны отчизны» могли бы немного помочь, у нихъ есть, кажется, свои люди въ трибуналѣ, то есть, были, а теперь не знаю. Справки лучше всего навести въ Москвѣ на мѣстѣ... У насъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ, — неопределенно и безтолково объяснялъ Шкаревъ, завѣдомо зная, что говорить неопределенно и безтолково.

— Можетъ быть, подкупъ нуженъ? Ольшанское дѣло лѣтомъ все прошло на подкупѣ, вы сами говорили... — волновался я.

— У насъ средства изсякли совершенно, и людей нѣтъ. Пусть родственники сами... частная инициатива даже лучше.

Что то было усталое, унылое, остывшее въ Шкаревскихъ словахъ и въ его свѣтлыхъ, сонныхъ глазахъ, въ равнодушіи, съ которымъ онъ говорилъ нынче обо всемъ и о Маріи Федоровнѣ, о которой еще такъ недавно отечески сокрушился.

— Значить, на произволъ судьбы оставляете? Вѣдь такъ выходитъ? Не надо этой правды отъ родственниковъ и скрывать! — съ сердцемъ проговорилъ я и всталъ.

— Сейчасъ мы безсильны, заняты реконструкціей... засѣданія у насъ идутъ непрерывно и сегодня надо еще одно засѣданіе провести, — намекая на то, что я отвлекаю его отъ дѣла, сказалъ Шкаревъ.

— Я пришѣлъ лишь за справкой, а не мѣшать... — заторопился я. — Когда же ихъ въ Москву везутъ?

— Вѣроятно, на дняхъ. Обычно родственники объ этомъ точнѣе и быстрѣе насъ узнаютъ.

Я торопливо спросилъ, какъ проѣхать въ Гатчину, кто выдаетъ пропуски, и попрощался. Шкаревъ притворно-радушно хотѣлъ было удержать меня, заговорилъ о донесеніяхъ съ юга, о какой то ревельской телеграммѣ, — но я не слушалъ.

Минуя гостиную, довелъ меня Шкаревъ до прихода

жей, а когда я спускался по лестницѣ, звонкій женскій голосъ заился-запѣлъ на всѣ четыре этажа:

«Внемля имени его, трепетъ всю меня объяль...»

«Джильда!» сообразилъ я и съ озлобленіемъ хлоп-нуль парадной дверью.

Вспоминать потомъ про Подъяческую мнѣ было очень непріятно. Свирѣпый Петя Гнѣздинъ, который бредилъ кровью и съ восхищеніемъ проливалъ ее, потому что кто-то посмѣлъ исковеркать его молодую жизнь, казался теперь лучше и выше этихъ добродушныхъ мятежниковъ подъ пѣвицыной елкой... Конечно, я быль щепетильно-несправедливъ; можетъ быть, вниманія бы ни на что не обратилъ, если бы Шкаревъ помогъ мой узель распутать, но узла онъ не только не распуталъ, а лишь указалъ, что онъ затянулся крѣпко-на-крѣпко. Москва, Добрынинъ, допросы... и далѣе тотъ произволь судьбы, что нависаетъ надъ человѣкомъ, по мушиному беззащитнымъ, — вотъ, что ожидало впереди Марію Федоровну. Я представилъ себѣ весь путь ея, съ той же ясной послѣдовательностью, какъ вчера въ разговорѣ съ Федоромъ Федоровичемъ — ея конецъ. Никогда бы я не повѣриль, что воображеніе великая сила души, спасающая человѣка. Конечно, Марію Федоровну я тогда немного выдумалъ; конечно, она прежде всего трогала не сердце, а давно застывшую мою мечтательность; но что до того, если именно эта сила принудила меня добиваться пропуска въ Гатчину.

Нѣсколько дней я бѣгалъ по городу, стояль въ очедяхъ, писаль анкеты и заявленія и не знаю, долго ли бы это продолжалось, если бы меня не выручилъ новень-кій, желтень-кій лекторскій билетъ. Я вралъ, что єду отъ «Летучаго университета» для переговоровъ съ Гатчинскимъ просвѣтительнымъ отдѣломъ, вралъ еще что-то, убѣдитель-

ное для вопрошившихъ (но, конечно, чепуху для меня) — и вотъ, наконецъ, я сижу въ расхлябанномъ, на свистящихъ осяхъ, нетопленномъ вагонѣ, въ кучѣ пассажировъ и смотрю какъ снѣжныя поля проползаютъ за обледенѣлыми стеклами...

Состояніе сосредоточенной озабоченности меня не покидало. Впереди была полная неизвѣстность. Я зналъ одно, что надо разыскать на окрайнѣ, уже въ поляхъ, бараки — бывшія лѣтнія казармы запасныхъ нестроевыхъ командинъ.

Снѣжная тишина обступила меня по приѣздѣ въ Гатчину. За городомъ я давно не былъ, отвыкъ отъ ощущенія простора и давно пересталъ тяготѣть къ природѣ. Торжественно-молчаливая зима и сейчасъ души не трогала. Сугробы за заборами палисадниковъ, легкая путаница оснѣженыхъ вѣтокъ надъ низкими крышами дачъ, занесенные снѣгомъ крылечки, кое гдѣ робкія проталинки у калитокъ — и въ зимнемъ молчаніи изрѣдка собачій лай да лѣнивый рожокъ стрѣлочника гдѣ то у станціи на подѣздныхъ путяхъ... Все это напоминало мнѣ сейчасъ лишь объ одномъ, о самомъ важномъ, о томъ, зачѣмъ я сюда приѣхалъ. И въ той же глубокой озабоченности шелъ я изъ улицы въ улицу, несмѣло разспрашивалъ прохожихъ о запасныхъ баракахъ. Никто не зналъ, или отговаривался незнаніемъ, угрюмо отворачиваясь отъ меня. Я добрался до пустой соборной площади, миновалъ рядъ заколоченныхъ лавокъ и вышелъ на широкую улицу-проспектъ съ казенными зданіями — забрелъ въ самый городъ, когда мнѣ было сказано идти въ пригородъ. Повернуль назадъ и рѣшиль навести справки на станціи. У самой вокзальной площади мнѣ повстрѣчался бородатый немолодой мужикъ съ салазками, нагруженными невзрачнымъ домашнимъ скарбишкой. Я его окликнулъ. Мужикъ замахалъ рукавицей куда то за вокзалъ.

— Водокачку обойдите — и прямо-прямо выселками

и идите... — неожиданно-охотно сталъ онъ объяснять, — какъ въ кладбище упретесь, — тутъ влѣво все и забирайте... что ни перекресть — влѣво... тутъ и во-енноплѣнныя бараки... — и прибавилъ, понизивъ голосъ: — тамъ нонѣ людей всякихъ, говорять, томятъ? — и онъ вопросительно поглядѣлъ на меня.

Я ничего не сказалъ, фальшиво-недоумѣнно пожалъ плечами и пошелъ отъ него прочь.

За водокачкой, дѣйствительно, шли выселки: длин-ная улица, унылые желѣзнодорожныя строенія, мѣщан-скія домишкія, грязныя дачки за кривыми заборами...

Я шелъ быстро, стараясь ни о чѣмъ постороннемъ не раздумывать, точно боялся раздумьею ослабить волю, помнилъ одно, что сюда, въ это мертвое захолустье, завезли тогда Марію Федоровну, и можетъ быть, она и сейчасъ тутъ... Отъ этой мысли все кругомъ: дорога, домики, снѣгъ... запечатлѣлись со странной остротой. Навстрѣчу никто почти не попадался. Проползло нѣсколько деревенскихъ розваленъ, прошли куч-кой бабы — и опять никого, потомъ лихо пролетѣлъ вѣ-стовой, съ легонькой винтовкой-карабиномъ за спиной, съ наганомъ за поясомъ. «Неужели оттуда?..» съ трево-гой подумалъ я. Мужикъ сказалъ, что упрусь въ клад-бище; ни вблизи, ни вдали никакого кладбища не было, а поселокъ уже рѣдѣлъ, перемежаясь пустырями. Я по-стоялъ въ недоумѣніи, потомъ прошелъ еще съ полвер-сты — и здѣсь, уже въ пустыряхъ, поровнялся съ уны-лымъ строеніемъ. Кирпичное зданіе скучной казенной стройки, въ саду за кирпичной стѣной, — не то бoga-дѣльня, не то земская школа, во всякомъ случаѣ не бараки. Здѣсь дорога двоилась, и въ обѣ стороны виднѣлись опять какія то строенія. Гдѣ же бараки? Я глянуль во дворъ (ворота были отперты).

У крылечка, возлѣ большущей кучи кирпичнаго щеб-ня, битаго стекла и всяаго мусора, стоялъ маленький чер-

ноусый солдатъ-караульный и, прислонивъ винтовку къ водосточной трубѣ, мирно скручивалъ козью ножку. Изъ дому доносился стукъ молотка, голоса. Повидимому, въ домѣ, несмотря на зимнюю пору, шелъ ремонтъ. Наверху, въ окнѣ, хлопнула форточка и высунулась голова въ рваной папахѣ.

— Давай трехъ человѣкъ! Во флигелѣ полы мыть надо! — крикнулъ онъ маленькому.

— Низа не кончили — сердито отозвался черноусый.

— Когда надобно будетъ, самъ отсчитаю...

Голоса были обыкновенные, дѣловые, даже, пожалуй, незлые. Я шагнулъ въ ворота и пошелъ прямо на караульного.

— Ходъ запрещается! — громкимъ окрикомъ остановилъ онъ меня.

— Я запасные бараки разыскиваю...

— Тутъ дивизіонъ, а не бараки.

— А гдѣ же бараки?

— Арестуютъ, такъ и узнаете, гдѣ бараки, — грубо и сердито отозвался онъ.

Папаха опять высунулась въ форточку.

— Барабановъ! Костька на деревню жену хоронить поѣхалъ, — гробъ везеть!

Мимо воротъ ползли дровни: рыжая, запаренная лошаденка, возница въ вислоухой чухонской шапкѣ и узенький, тесовый, свѣтлый гробъ, легкій и валкій — пустой.

— Костька! — окликнулъ мужика караульный и, волоча винтовку по снѣгу, побѣжалъ къ дровнямъ.

— Проходи за ворота! — повелительно на ходу крикнулъ онъ мнѣ.

Я двинулся слѣдомъ за нимъ и такъ и ушелъ бы, но за спиной скрипнула дверь, и я оглянулся.

Съ крылечка спускалась женщина: ведро съ мусоромъ въ одной рукѣ, швабра въ другой; сошла на снѣгъ, съ усилиемъ подняла ведро и выссыпала мусоръ.

Я узналъ ее, узналь сердцемъ прежде, чѣмъ глаза-ми. Думаю, такъ узнаютъ въ ясновидѣніи или въ какомъ либо состояніи неестественно - высокаго напряженія душевныхъ силъ. Лишь узнавъ, я увидаль Марію Федоров-ну... Она была такая же, какъ тогда — среди снѣжнаго простора казалась только выше ростомъ, и — какъ тогда, на ней былъ темный теплый платокъ, и опять она шла, опустивъ голову, всему міру недоступная, всему чужая...

— Марія Федоровна!.. — измѣнившимъ мнѣ вдругъ, нетвердымъ голосомъ окликнуль я ее и побѣжалъ къ крыльцу.

Она опустила ведро и, безъ испуга, безъ всякой ра-дости, съ глубокимъ удивленіемъ, точно разбуженная, глядѣла на меня.

— Господи... вы? — тихо воскликнула она.

— Я отъ брата вашего... я бы не отыскалъ, не зналъ, что на уборкѣ... — Что сказать ему? Ради Бога, скорѣе... что про васъ... главное, что про васъ? Я обѣщалъ, я ему сказалъ...

Марія Федоровна слушала шопотъ, точно съ трудомъ понимала, или съ усиліемъ собирала мысли.

— Скажите Федѣ, чтобы скорѣе уѣжалъ въ Англію... онъ знаетъ... попросите... помогите...

Она хотѣла что то еще сказать, но голосъ ей не по-виновался.

— А вы? Вы то какъ?

—

— Какъ же вы то?

Она стояла на снѣгу, на проталинкѣ у мусорной ку-чи, въ деревенскихъ валенкахъ, въ измятой, съ испачкан-нымъ известкой рукавомъ, шубкѣ, устало опершись озяб-шей рукой на швабру, и молчала.

Ея одиночество, полное и подлинное, то, что не скрыть отъ внимательного сердца, отдавалось во мнѣ чувствомъ неизвѣданнаго еще умиленія, и я не знаю, какъ тутъ ска-

зались, какъ вырвались у меня слова, которыя никогда бы не сказались, если бы всѣ слова въ этой минутной встрѣчѣ не могли стать послѣдними.

— Я все знаю про васъ, Марія Федоровна, мнѣ братъ вашъ все сказаль... и потому что знаю, я хочу, я въ силахъ... — я остановился, задыхаясь отъ волненія. — Васть нельзя въ Москвѣ одну оставить... если нужно, я пріѣду, я помогу...

Марія Федоровна подняла глаза и съ испуганнымъ недоумѣніемъ смотрѣла на меня, чутъ отступила даже, точно отшатнулась, дрожащей рукой поправляя на головѣ платокъ.

— Зачѣмъ въ Москву? Насъ увозять завтра, я ничего не боюсь... теперь все равно, и если вы тоже знаете, и это все равно...

И тутъ она точно о чемъ то вспомнила:

— Я благодарна, очень благодарна за Федю, за участіе... за все благодарю, — устало и безучастно проговорила она.

У воротъ солдатъ что то дико намъ кричалъ. Марія Федоровна торопливо подняла ведро.

«Сейчасъ все исчезнетъ, и она тоже, можетъ быть, навсегда...» ужаснулся я и, повинуясь той задушевности, которую знаетъ лишь мгновеніе разставанья, я произнесъ мои послѣднія слова:

— Я за васъ, Марія Федоровна, за страданья ваши, какъ за соломинку цѣпляюсь, вы не знаете, что они для меня значать... — тихо, но твердо проговорилъ я.

Марія Федоровна съ живымъ удивленіемъ пристально и строго глядѣла на меня, точно изъ всѣхъ словъ только эти и услыхала ея душа. Мнѣ кажется, она хотѣла что то промолвить, какъ то отозваться, но къ намъ бѣжалъ конвойный, и Марія Федоровна исчезла...

Солдатъ хотѣлъ вести меня въ комендатуру, потребовалъ документы и ругался. (Какъ помогла мнѣ Сони-

на бумажка!). Грубый его голосъ, разсерженное лицо, наши пререканья... Казалось это происходит не со мною, а лишь по поводу меня, и когда я очутился за воротами на бѣлой, пустой дорогѣ и убѣдился, что одинъ, я тутъ же про солдата забылъ: пережитое владѣло мной полностью.

Я никогда Марію Федоровну не жалѣль, не жалѣль и сейчасъ, но то непонятное умиленіе, которое невѣдомо откуда пришло, наполняло теперь всю душу свѣтлопечальной нѣжностью.

«Она не понимаетъ, какая въ ней сейчасъ сила...» подумалъ я. Потомъ съ самоукоризной вспомнилъ, что не спросилъ о житейски насущномъ, о важномъ, о главномъ: о передачахъ, нужныхъ вещахъ, о ходѣ слѣдствія... Хлопотливую прaporщично предусмотрительность, которой я не разъ мысленно передъ Федоромъ Федоровичемъ похвалялся, заслонило новое бѣлоснѣжное мое чувство, точно смыслъ встрѣчи былъ внѣ житейской пользы, хотя, казалось, только ради этой пользы я и пріѣхалъ.

Я щель, ме оглядываясь, къ станціи, а дойдя до поворота, тамъ, гдѣ дорога завивалась петлей, обернулся.

Бѣлый путь бѣжалъ далеко и прямо. Унылые заборы. Засыпанные снѣгомъ придорожные кусты. То тутъ, то тамъ, въ пустыряхъ, почернѣвшія деревца. Красная кирпичная стѣна. Нигдѣ ни души, лишь въ самой дали — лошаденка, мужикъ, дровни и на дровняхъ малая, складная, видимо, легкая кладь.

«Костька...» — догадался я — «это же Костька жену хоронить поѣхалъ...»

Я стояль и глядѣль на бѣлый день и впервые его увидѣль, вѣроятно, увидѣль лишь потому, что молчаливая его печаль казалась мнѣ мою... Я вернулся въ городъ поздно, уже при огняхъ, жестоко прозябнувъ на вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда.

ГЛАВА XIV.

Въ тотъ же вечеръ прямо съ вокзала я поспѣшилъ къ Федору Федоровичу. Конечно, всей правды о Гатчинѣ я рѣшилъ ему не говорить и о Москвѣ тоже.

Я засталъ его одного. Онъ удивился моему приходу, немного растерялся. Вѣроятно, уже пересталъ меня ждать, измучился отъ нетерпѣнія, на встрѣчу не надѣялся. Замѣтилъ я, что онъ осунулся, какъ будто, постарѣлъ, и въ комнатѣ было совсѣмъ не такъ, какъ въ тотъ вечеръ, когда я къ нему приходилъ, а очень холодно, неуютно, не-прибранс; и самъ онъ замотанный, закутанный во что попало теплое — въ пледы и шарфы — величаваго образа уже не являлъ, можетъ быть, еще и потому, что на письменномъ столѣ, на разостланной газетѣ было разсыпано фунта два шиена, и стояло блюдце со щепоткой уже от-стѣянныхъ веренъ. «Что же это? Никакъ крупой занял-ся?» изумился я.

Извѣстіе о Маріи Федоровнѣ его глубоко взволновало, особенно просьба. Съ первыхъ же словъ онъ пре-рвалъ меня и сказалъ, что не уѣдетъ, что обѣ этомъ и рѣ-чи быть не можетъ; а когда я съ пылкой настойчивостью сталъ повторять ея слова, онъ прибавилъ съ нескрывае-мымъ разлраженіемъ:

— Неужели вы не понимаете, и она тоже большие не понимаетъ (онъ сдѣлалъ удареніе на «большое»), что нельзя сейчасъѣхать ни по настоянію кого бы то ни бы-ло, ни по собственному даже желанію?

Его мысли я не понялъ, но уловилъ непріятный тонъ словъ и вспомнилъ про Гатчину. (Я ее ни минуты не забывалъ).

— Марія Федоровна, навѣрно, понимаетъ... — взволнованно проговорилъ я, — а вѣсъ я не понимаю. Какъ можете вы къ ея просьбѣ такъ относиться!

Федоръ Федоровичъ пристально поглядѣлъ на меня.

Озябшій, измученный, въ грязномъ поношенномъ тулупѣ, въ рваныхъ рукавицахъ, въ обледенѣлыхъ походныхъ сапогахъ, наслѣдившихъ тотчасъ лужицами возлѣ письменного стола, я всѣмъ своимъ обликомъ взывалъ, повидимому, къ снисходительному къ себѣ вниманію.

— Ёхать сейчасъ нельзя, потому что выше желанія сестры и моего есть что-то... — смягчившись и какъ-то торжественно началъ онъ. — Уѣхать, когда Марія въ опасности, — это же искаженіе идеи о себѣ, замысла о себѣ... Неужели вы этого не понимаете?

Я, дѣйствительно, недоумѣвающе глядѣлъ на него.

— Марія Федоровна не хочетъ, чтобы вы черезъ силу мучились! — съ жаромъ, но какъ-то невпопадъ перебилъ я.

— Вы не о томъ... — утомленно сказалъ Федоръ Федоровичъ. — Она напрасно просить. Я же не разъ говорилъ ей. Она же знаетъ: я не измѣню себѣ. Надо оставаться тѣмъ же, когда кругомъ все колеблется. Сейчасъ это самое трудное. Это — заданіе...

Я подумалъ о Маріи Федоровнѣ, о позорищѣ Добрынина, вспомнилъ Пельтиева, въ заломленной мерлушковой шапкѣ, грязную зальцу въ Городской Думѣ, всѣхъ насъ покачнувшихся, — и враждебно поглядѣлъ на Федора Федоровича.

Горбясь и ежась, закутанный въ пледы, онъ сиротливо сидѣлъ на узкой койкѣ подъ Распятіемъ и походилъ на ворона, забившагося подъ крышу.

— То, что вы говорите, — невѣрно! — воспаленно

заговорилъ я. — Какія сейчасъ заданія! Просто надо снести, вынести, что на тебя свалилось. Я видѣлъ доцента по кафедрѣ римского права, такъ онъ на дворника похожъ сталъ: внѣшность, рѣчъ, психологія, все — дворникъ! О Римѣ и не заикается. И себя такимъ вынести долженъ. Какой ужъ тамъ замыселъ о самомъ себѣ, когда — какъ дворникъ!

— Вашъ доцентъ ни разу ни науки, ни себя самого не обдумалъ — вотъ и все, — просто и спокойно пояснилъ Федоръ Федоровичъ. — Я и не говорю, что всѣ хотятъ и могутъ. Марія тоже не захотѣла.

— Нѣть, нѣть, это не такъ! — взволнованно перебилъ я. — Я отъ имени всѣхъ скажу... это не такъ. Мы всѣ терпимъ, нехорошо, можетъ быть, поступаемъ, мы потомъ стыдиться даже будемъ... это тоже можетъ быть, но то, что вы говорите, — живой человѣкъ не станетъ такъ жить. Есть даже — простите меня — какая-то безнравственность въ томъ, что вы говорите, потому что этого нельзя дѣлать: всякимъ замысламъ-заданіямъ, идеямъ какимъ-то, какъ идоламъ, поклоняться...

— Вотъ и вы — какъ всѣ.. — печально и устало, точно онъ повторялъ въ сотый разъ одно и то же, сказалъ Федоръ Федоровичъ, — а жизнь должна облекать какую-нибудь идею. У каждого она своя — споры тутъ бесполезны.

— Кому сейчасъ до этого дѣло!

— Я знаю, что никому — и жаль! Этому наступило время, — твердо и самоувѣренno, даже повышая голосъ, заговорилъ Федоръ Федоровичъ: — именно сейчасъ! Ни одной современной идеи, которая носится въ воздухѣ, не останется невоплощенной — ни добра, ни зла. Вотъ тѣ поняли, что всѣ освободительныя экономическія идеи не стоять одного разграбленного банка, и всѣ ваши разобщенные офицеры, ваша ребячья конспирація, и патріотические экстазы, вродѣ Маришиныхъ, — все это ни къ

чему, если вы не умѣете воплощать идеи, или у васъ ихъ нѣтъ вовсе. Идея дѣйственна только пережитая, а школа воплощений — путь самозданій... Идеи надо воплощать. Обсуждать свободу, родину, трудъ — легко, воспѣвать въ поэзіи, даже религіозно имъ поклоняться, — очень пріятно (видите, я возвращаю вамъ упрекъ), но жить ими ужасно, нечеловѣчески трудно. Тутъ сейчасъ же встанетъ выборъ между жизнью и смертью...

— Какую же вы идею воплощаете? — грубо, съ непріязнью спросилъ я.

— Я стараюсь исполнить то, что хочу, чтобы въ Россіи сейчасъ исполнялъ бы хоть кто-нибудь, — уклончиво и неохотно отвѣтилъ онъ. — Здѣсь все въ безкорыстіи сопротивленія злу, въ чистотѣ замысла, поэтому вся ваша южная вооруженная заинтересованность совсѣмъ не то. Марія никогда не хотѣла понять, что есть особое участіе въ жизни, которое внѣшне кажется безучастнымъ. Это ея несчастье... Впрочемъ, это сложно — вы устали, и я не умѣю говорить популярно.

«Если бы онъ видѣлъ ее сегодня...» подумалъ я, чувствуя, какъ неудержимо нарастаетъ во мнѣ ожесточеніе. Но я сдержался, ничего ему даже не сказалъ, а съ дѣтски-бесильнымъ озлобленіемъ рѣшилъ уйти, ни словомъ не обмолвясь, что еду въ Москву и что сестру его не оставлю. Больше ничего отъ меня онъ не добьется! И я собрался уходить. Федоръ Федоровичъ сталъ, было, удерживать меня, разспрашивалъ про сестру, но я отвѣчалъ нехотя, холодно, а когда онъ попросилъ опять зайти, промолчалъ. Онъ печально-вопросительно взглянулъ на меня: вѣроятно, понялъ, что я о немъ думалъ.

— Такъ какъ же? Какъ же съ Маріей? — робко спросилъ онъ.

Я недоумѣнно пожалъ плечами. Онъ увидалъ, что просять бесполезно, и мы разстались.

Съ тяжелымъ чувствомъ ушелъ я отъ Федора Федо-

ровича; со мстительнымъ желаніемъ никогда, никогда больше сюда не возвращаться, пробирался по пустому грязному двору... Но, едва я вышелъ за ворота, на меня налетѣла маленькая, ватно-мягкая фигурка, съ громадными узлами въ рукахъ, и эта встрѣча смягчила боль пережитого. Хотя было темно, мы сразу узнали другъ друга.

— Эмма Карловна!

Она уронила узлы въ снѣгъ и схватила меня за руку.

— Что съ ней? Ахъ, что съ ней? — старушечьи слезливо залепетала она.

Я сталъ рассказывать.

— Я вижу... я вижу... — шепотомъ перебила меня Янсенъ: — она хочетъ, чтобы мы ъхали и жили у лэди Макъ-Ли. Ахъ, если бы Федоръ Федоровичъ уѣхалъ! Какъ мы сейчасъ нехорошо живемъ, lieber Нетт Полежаевъ! Какъ нехорошо! И никто не покупалъ опять наши драпировки... — и она со вздохомъ потянулась къ узламъ. — Да, да... ъхать, ъхать! Всѣ тамъ будутъ Федору Федоровну такъ радоваться... Еще бы! Любить миссъ Элленъ, какъ онъ, — ихъ бѣдную дочку.... Это, какъ сказка!..

Голоса во дворѣ прервали ея взволнованную рѣчь.

— Не оставляйте насъ... пожалуйста... пожалуйста... — умоляюще пролепетала она и, подхвативъ узлы, юркнула въ ворота.

Я зашагалъ по снѣжной, пустой улицѣ.

«Неужели и дѣвочка въ локонахъ тоже заданіе?» — злобно недоумѣваль я.

Съ этого дня я сталъ хлопотать о командировкѣ въ Москву.

Проснувшаяся воля къ дѣйствію, несмѣлое сознаніе, что я одинъ могу помочь Маріи Федоровнѣ, — вотъ моя бѣдная лирика въ тѣ трудные дни. Но именно пробудившаяся во мнѣ воля и измѣняла меня. Теперь я уже не

бродилъ по городу, не набивался къ Сережѣ въ гости, не хватался за первую попавшуюся работу. Я хлопоталъ, выдумывалъ предлоги для отъѣзда, изощрялся всячески. Да-валось мнѣ это не легко. Случалось вдругъ охладѣвать къ очарованію Маріи Федоровны, почти ему съ досадой удивляться; но стоило подумать, что мы никогда больше не встрѣтимся, — и я опять готовъ былъ къ дѣйствію: не желатьѣхать въ Москву я уже не могъ.

Прежде всего я покончилъ съ Пельтиевымъ. Онъ, конечно, сразу догадался, что не въ болѣзни дѣло. Быть можетъ, онъ самъ испыталъ подобное же отвращеніе къ новой службѣ, но постарался это забыть, и въ мою непріятность ему вникать не хотѣлось.

— Да вы, батенька, про здоровье мнѣ и не заикайтесь... Всѣ, какъ вы: начнешь — разваливаются, а потомъ войдутъ въ работу, смотришь — и покатились. — И онъ непріятно щурился, глядя на меня.

Я не спорилъ, но упорно стоялъ на своемъ, ссылаясь на мнимыя показанія врачей. Пельтиевъ покраснѣлъ и раздраженно сказалъ что-то о «соціальнай бесполезности интеллигентскаго элемента вѣтъ прямого служенія народной волѣ». Смягчился онъ лишь тогда, когда я вдругъ придумалъ выходъ изъ положенія: лекцій читать я не могу ни здѣсь, ни въ Москвѣ (чтобы безвозвратно не потерять голосъ), но тамъ я могу во время лечения у доктора-родственника наладить подотдѣлъ «Летучаго Университета» и ознакомить районныя культурно-просвѣтительныя организаціи съ достижениями замѣчательнаго пельтиевскаго начинанія. Тутъ онъ переговорилъ съ какими-то лицами по телефону, спѣшно продиктовалъ мнѣ заявленіе о переходѣ изъ лекціонно-просвѣтительнаго отдѣла въ агитационный — и все было кончено. Такъ, кое-какъ, не совсѣмъ благополучно, я отвалился отъ моихъ

попутчиковъ, заранѣе зная, что и въ Москвѣ обману ихъ точно такъ же.

Подготавляя свой отъѣздъ, я не разъ забѣгалъ на Выборгскую къ Аннѣ Ивановнѣ, принявшей самое живое участіе въ моей мнимой болѣзни, и тамъ раза два встрѣтился со Шкаревымъ. Отъ него узналъ, что Добрынинъ въ Москвѣ, на свободѣ, прикомандированъ къ Полевому Управлѣнію, и ему поручено спѣшно представить докладъ о продвиженіи вооруженныхъ силъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ во время гражданской войны.

О Добрынинѣ я разспрашивалъ Шкарева подробно, жадно, даже мелочно, но онъ говорилъ о немъ неохотно, безъ тѣни былого сожалѣнія, презрительно, съ гадливостью. Добрынинъ интересовалъ меня. Отвращенія къ нему не было. Я лишь удивлялся, что онъ мнѣ понятенъ, совсѣмъ какъ Фонариха въ тотъ вечеръ, когда прибѣжала послѣ разстрѣла мужа просить о мебели. Добрынина я не презиралъ — зналъ, что значитъ воля къ жизни, когда совсѣмъ молчить, а разумъ лукаво-изворотливъ. Тогда люди отдаютъ все, лишь бы отъ жгуче-дорогого не оторваться. И Добрынинъ, какъ всѣ: не будь Маріи Федоровны, не будь этой большой любви, онъ, быть можетъ, и устоялъ. Тутъ я со смущеніемъ отступалъ передъ недоумѣніемъ: неужели его погубила Марія Федоровна? Я былъ увѣренъ, что Добрынинъ сейчасъ не только не считалъ себя преступникомъ (потому и могъ жить), но, вѣроятно, убѣдилъ себя, что новая власть — власть народа, та же власть, что возводитъ на престолы, низлагаетъ династіи, собираетъ государства и отбивается отъ враговъ. Не искалъ ли я, какъ Добрынинъ, разумнаго основанія, чтобы за новой властью послѣдовать? Не восхищался ли животной стихіей жизни, которая бушевала вокругъ меня? Не находилъ ли въ ней оправданіе всему, что совершалось? Мы всѣ: Добрынинъ, Пельтиевъ со своими «слетучими» учеными, я, фонаревская ватага, людышки на дворѣ, въ

городѣ, во всей странѣ... льнули къ жизни, стараясь уцѣ-
питься за нее и устоять. Жить... жить... жить... безъ вся-
кихъ условій, съ животной послушнотью, съ животной
требовательностью — вотъ проклятіе и отвратительно-
сладостное упоеніе тѣхъ дней. Такъ, думая о Добрыни-
нѣ, я часто думалъ о себѣ, невольно себя со всѣми людь-
ми отождествляя. Марія Федоровна одна въ моемъ вооб-
раженіи стояла гдѣ-то въ сторонѣ. Думая о ней, я чув-
ствовалъ смутное желаніе ускользнуть тоже изъ жизни въ
ту неизвѣданную, живучести неподвластную свободу,
которую, казалось мнѣ, она теперь познала; и такъ часто
ея образъ заслонялъ всѣхъ сильныхъ, увертливыхъ, безус-
ловно-несогласныхъ на гибель, къ которымъ я, какъ всѣ,
головъ былъ повлечься! Даже Федоръ Федоровичъ, пови-
димому, не обладалъ этимъ таинственнымъ и непонятнымъ
даромъ преодолѣнія инстинкта жизни.

И вотъ, тревожную мою жизнь, напоминавшую дни
опасныхъ военныхъ развѣдокъ, внезапно и грубо обо-
рвало совсѣмъ ничтожное событие. Пришла Янсенъ и при-
несла письмо, присланное безъ подписи изъ Москвы на
ея имя. Кто-то писалъ, съ привычной свѣтскому человѣ-
ку ненавязчивой любезностью, и тонко иносказательно,
что Марія Федоровна въ Москвѣ, и что всѣ необходимыя
попеченія о ней будутъ предусмотрительно выполнены.
Глядя на меня круглыми негодующими глазами, Эмма
Карловна заявила:

— Это онъ, онъ... я знаю почеркъ, онъ мнѣ писалъ,
когда она заболѣла въ Севастополѣ.

Я догадался сразу, что это Добрынинъ, и сердце мое
сжалось.

— Вы были недовольны, — осторожно продолжала
Эмма Карловна, — что Федоръ Федоровичъ не хочетъ
уѣхать. Намъ —ѣхать, а она? Она останется съ нимъ,
съ ужаснымъ этимъ человѣкомъ? — и Эмма съ возму-
щеніемъ запихала письмо въ потрепанный ридикюль.

Мнѣ и въ голову не приходило, что Добрынинъ могъ заботиться о Маріи Федоровнѣ, и что она можетъ съ нимъ останаться. Неужели она останется? А почему не останется? А если останется? Женщины не разрываютъ отношений изъ-за вопросовъ чести и морали — такова ихъ природа. Шпіоны, дезертиры, шантажисты, растратчики... всѣ имѣютъ любящихъ женъ, покладистыхъ спутницъ жизни, которыхъ покрываютъ, прячутъ, помогаютъ. Федоръ Федоровичъ умный и понялъ это. (Янсенъ повторяла, разумѣется, лишь его слова.) Онъ ее знаетъ, ему не ошибиться. А я то съ Москвой Маріи Федоровнѣ набивался!.. Такъ вотъ почему она совсѣмъ моему великолѣдію не обрадовалась! Вотъ почему испугалась! И вмигъ испугъ ея, являвшій мнѣ въ эти дни величіе безпредѣльного одиночества, обратился въ обыкновенный страхъ передъ неумѣстнымъ свидѣтелемъ безоглядной женской вѣрности.

Я вспомнилъ, что у меня въ карманѣ пельтиевское заявленіе о переводѣ въ Москву, и мнѣ стало очень больно... Я сникъ, увялъ, потерялъ всякое желаніе дѣйствовать. Хорошо еще, что Федору Федоровичу не проговорился! Онъ одинъ все давно предвидѣлъ, учель, зналъ, — и меня потянуло къ нему, точно мнѣ было нужно находиться сей-часъ съ тѣми, кто тоже не сомнѣвался въ позорной вѣрности Маріи Федоровны.

Когда вскорѣ я зашелъ на Тамбовскую, сославшись на какой-то пустяковый предлогъ, — я отозвался о про-исшедшемъ въ Москвѣ сухо, небрежно, какъ о совсѣмъ мнѣ неинтересномъ событии:

«Создавшееся положеніе для вашей сестры самое лучшее... — вполнѣ понятное сцѣпленіе обстоятельствъ».

Федоръ Федоровичъ не возражалъ, и его молчаніе краснорѣчивѣе словъ подтверждало мои опасенія: Марія Федоровна останется съ Добрыниномъ...

Съ тѣхъ поръ я стала забѣгать къ Повѣнѣцкимъ. Приходилъ не часто, сидѣлъ не долго, про Москву никог-

да не спрашивалъ; говорили мы только о постороннемъ: объ ужасѣ того, что творится, о событіяхъ на югѣ и о вопросахъ современности далекихъ... Эти разговоры развлекали меня въ унылой моей вялости, и я пользовался всякимъ случаемъ для нашихъ встрѣчъ.

О чёмъ бы рѣчъ у насъ съ Федоромъ Федоровичемъ ни заходила, онъ моего мнѣнія никогда не спрашивалъ, но самъ высказывался всегда твердо и ясно. У него былъ свой взглядъ на все. Повидимому, онъ кропотливо, точно по зернышку, пересмотрѣлъ-перебралъ всѣ явленія жизни, ихъ обдумалъ, взвѣсилъ, и мнѣ иногда казалось, что свои сужденія онъ цѣнитъ выше самой жизни, той высокой цѣнной тончайшаго себялюбія, когда человѣкъ готовъ ради своихъ убѣжденій на любую жертву. Эта самоувѣренная его крѣпость прельщала, почти покоряла меня, и я самъ душевно силился завязаться въ тугой узелъ.

Отъ упрощенной, мужицкой жизни я усталъ. Я усталъ быть естественнымъ человѣкомъ, встрѣчать людей однихъ простѣйшихъ инстинктивныхъ побужденій. Меня тянуло къ Федору Федоровичу, къ его пріятной не-естественности, къ его выдуманной сложности, къ своеобразному пріукрашенному его облику. Я смутно ощущалъ потребность преодолѣть въ себѣ мою томительную естественность. Неужели я ошибся, и Марія Федоровна тоже себя не преодолѣла? Неужели примирилась съ Добрынинымъ? Это опасеніе мучило меня, какъ наважденіе... Я прекратилъ хлопоты о командировкѣ, доказывалъ себѣ, что я сыгралъ глупую и жалкую роль, сталъ даже подумывать, какъ бы мнѣ опять уйти въ заботы лишь о себѣ и устроиться, вмѣсто «Летучаго Университета», на выгодную и какую-нибудь дурацкую службу въ Петербургѣ, использовавъ свою инвалидность. И все-таки тревога о Маріи Федоровнѣ почему-то не утихала... Этому способствовали внѣшнія событія.

Внезапно (тогда все было внезапно) наступили тѣ дни, когда весь Петербургъ, замученный безхлѣбьемъ, безздравьемъ, безправьемъ, страхомъ и болѣзнями — затаился-замеръ отъ ужаса... Навѣрно, такъ замирали въ тревожныхъ шопотахъ русскія городища въ дни приближенія татарскихъ полчищъ. Люди запирались въ домахъ, шептались, прятались и прятали вещи и другъ друга, въ поискахъ тайного прибѣжища метались по городу, ложились спать не раздѣваясь, вздрагивали отъ малѣйшаго звука — и, изъ устъ въ уста, изъ улицы въ улицу, змѣились слухъ о томъ, что свѣтъ въ тюремныхъ конторахъ говорить до утра, и поздней ночью зловѣще выѣзжаютъ изъ тюремныхъ воротъ грузовики, а на зарѣ, гдѣ-то подъ Любанью, подъ откосомъ, совершается черный грѣхъ, и всяющую ночь и за Невой слышны выстрѣлы...

Теперь я къ Федору Федоровичу не смѣль и показаться. Какъ всѣ, изъ дома лишній разъ безъ надобности не выходилъ — затаился у себя и чего-то въ тревогѣ ждалъ... Время тянулось съ ужасающей медлительностью. Дѣлать было нечего. Я просмотрѣлъ рукописи «о нархахъ» и съ отвращеніемъ швырнулъ ворохъ на шкапъ. Заглянулъ, было, въ книги, но и онѣ показались постыдными: ни работать, ни думать не хотѣлось. Болѣзньенная вялость, сонливое изнеможеніе охватывали меня, хотя боленъ я не былъ. Въ дни массовыхъ казней самая ничтожная, самая нелюбовная душа, и та томится, холодѣеть, словно падаетъ въ обморокъ, — и не отъ страданій нравственныхъ, а преисполняясь мукой душевнаго истощенія, изнурительной оторопи передъ страшной силой зла, противъ которой она сознаетъ себя беззащитной; даже время точно изнемогаетъ отъ усилій продвинуть въ прошлое черный грузъ событий, и, кажется, ослабѣй на мгновеніе его таинственная, спасающая сила, — наступить на землѣ вѣчная мука человѣческаго душетлѣнія...

О Маріи Федоровнѣ въ эти дни я думалъ всегда съ

гнетущимъ уныніемъ, иногда тревожно, но тутъ же доказывалъ себѣ, что опасенія преувеличены: Добрынинъ отстояль себя, отстоитъ и ее, даже безъ ея вѣдома, — и опять мой порывъѣхать въ Москву мучиль меня одною болью.

Такъ и ползъ день за днемъ... день за днемъ...

На дворѣ стояла безбурная стужа. Окна зацвѣли льдистыми цвѣтами, въ кухнѣ обмерзла плита, точно надгробный памятникъ; вода въ водопроводѣ стала, и услужливая Даша таскала мнѣ ее ведрами отъ сосѣда, стариичка акцизного.

Въ домѣ нашемъ было очень неспокойно. По доносу, увезли Яшу-Гусара; хотя скоро его и вернули, зато тутъ же въ пустой квартирѣ Прутковичей, гдѣ только что умерла хозяйка, засѣли папахи: не то ловить родственниковъ покойной, не то самозванно дѣлить имущество, — неизвѣстно, но по двору и по лѣстницамъ день-деньской шныряла солдатня, и какіе-то штатскіе выносили на глазахъ у всѣхъ вещи охапками... Жильцы шептались, что у Прутковичей нашли шашки деникинскихъ офицеровъ, и Сипенклеръ кричалъ въ подворотнѣ на Петра Ивановича, что «всѣхъ квартиронтовъ теперь переаренстуютъ!».

Тутъ приползъ самый тревожный день. Въ неурочный часъ постучался ко мнѣ старикъ акцизный, бѣлый, какъ мѣль, и шопотомъ сообщилъ, что всю семью зятя сей-часъ забрали, и за себя онъ теперь боится. Потомъ приѣжала, запыхавшись, Сережина старшая дѣвочка, передала отъ него сегодняшнюю газету со спискомъ казненныхъ и сказала, исподлобья, сердито, прямо со злостью, на меня глядя: «Папа не вѣрѣлъ вамъ больше приходить» — и, помолчавъ, прибавила: «и мама тоже не хочетъ». Послѣ нея ворвалась Дарья съ ведрами и увѣряла: на Выборгской людей видимо-невидимо перехватали... (въ банѣ

ей нынче рассказывали). Наконецъ, къ ночи почему-то въ квартиру Прутковичей нагнали еще солдатъ...

Весь вечеръ я сидѣлъ возлѣ печки на табуреткѣ и безсмысленно глядѣлъ на краснозолотистое пламя, на синіе легкіе его языки. Страха былого у меня, правда, не было (я слѣпо вѣрилъ въ Софынно могущество), но была непрерывная тревога и щемящее, томительное ощущеніе притаившейся грозной бѣды, нависшей надъ всѣмъ домомъ...

«Жить такъ дальше нельзя...», волновался я. «Если со Шкаревымъ — безцѣльно, съ Пельтяевымъ — невозможно, въ Москву — не за чѣмъ, то остается инвалидная секція сѣверныхъ тыловыхъ командъ, благо я инвалидомъ записанъ, благо Софья (спасибо ей!) такъ ловко сумѣла мою контузію по литерѣ «А» зарегистрировать, и предсѣдатель сейчасъ — бывшій нашъ обозный, безногій Кузовлевъ. Къ нему въ секретари и пристроиться. Тамъ, говорятъ, одна солдатня, ни одного офицера, — что же дѣлать! Въ инвалиды, такъ въ инвалиды...

Правда, почему-то показалось, что «въ инвалиды» будетъ тоже тяжело, тяжелѣе, пожалуй, чѣмъ было — къ Пельтяеву, но исхода не было. «Въ инвалиды, такъ въ инвалиды»... и я полѣзъ въ печку колотить тлѣвшую, черную уже головешку.

И вотъ тутъ, за стѣной что-то прошелестѣло и завозилось подъ дверью. Я прислушался, взялъ лампу и, осторожно пріоткрывъ дверь, выглянулъ въ коридоръ. Быстро перебирая бѣлыми лапками, вѣжаль-влетѣлъ ко мнѣ пущисто-мягкій фонаревскій Тузъ. Вѣрно, онъ прошмыгнулъ слѣдомъ за Дашей, когда она приходила въ ведрами. Изгибая гибкую кошачью спину, онъ закружила по ковру, метнулся, было, подъ кресло, но тутъ же легко и вольно вскочилъ на диванъ и улегся на нагрѣтыхъ отъ печки пледахъ.

Тузъ... Я никогда на него не смотрѣлъ, не замѣчалъ

даже. Помню одно, что при немъ скончалась Карповна. Онъ одинъ тогда въ кухнѣ все видѣлъ и ничего не понялъ. Такъ созданъ, чтобы ничего не понимать. Не могъ понять ни смерти бѣдной Карповны ни того, что творилось тогда въ комнатахъ... Укрытый, отдѣленный отъ нась своей разнопородностью, онъ и сейчасъ оставался внѣ человѣческаго вольнаго зла.

Я подошелъ къ нему и осторожно его погладилъ. Съ нимъ въ мою комнату въ тотъ вечеръ вошло впервые утѣшеніе — гармонія чудесной покорности маленькой твари положенной ей животной подзаконности.

Я сѣлъ у печки и все смотрѣлъ, не могъ насмотрѣтъся на Туза, на его пушистую невинную красоту... Потомъ я отнесъ его Дашѣ.

Въ ту ночь въ домѣ не спали долго: въ окнахъ далеко за полночь былъ виденъ свѣтъ. Я слышалъ, какъ постепенно жильцы осторожно запирались на ночь (я тоже заперся на всѣ замки-засовы), какъ послѣдній жилецъ — Сипенклеръ — въ полночь вернулся изъ Совѣта, и Яша-Гусаръ съ озлобленіемъ хлопнуль желѣзной калиткой. Потомъ подо мной попищалъ рыжиковскій ребенокъ, кто-то прокричалъ на дворѣ, — и воцарилась зловѣщая тишина...

А я не спалъ, лежалъ, ворочался, курилъ въ темнотѣ и пытался заснуть — но тщетно. Всталъ, опять зажегъ лампу, надѣлъ шубу и сѣлъ въ кресло у письменного стола. Надо было скоротать ночь за книгами или за набивкой папироcъ. На книжной полочкѣ валялась всякая зачитанная дрянь, тутъ же оказалась и коричневая книжка: когда-то осенюю я ею утѣшался. Я машинально сталъ ее перелистывать...

Скучныя длинныя притчи: про сѣятеля, про виноградарей, про мины... потомъ — явно неисполнимыя поученія... потомъ — страданія, которыя я всегда пропускалъ, пропустилъ и сейчасъ. Я отыскаль любимыя мѣ-

ста: про воскресшую дѣвочку, про бурю, про умноженіе хлѣбовъ... хотѣль, было, отыскать кое-что въ концѣ (про ангела) и вдругъ напаль на странное повѣствованіе; читалъ я его впервые.

Оно было о томъ, какъ Онъ вошелъ, когда не ждали... вошелъ, не постучавъ, когда всѣ сидѣли запершись и со страхомъ прислушивались, не идутъ ли ихъ схватить. Въ самую жуть отыскаль, въ самую темень... Войдя, окликнулъ... показаль «руки и ноги и ребра Свои», дабы убѣдились, что Онъ не призракъ — и всѣ были въ радости... Такъ и сказано: «всѣ обрадовались».

Я три раза перечиталъ это необычайное повѣствованіе. Какъ хорошо, что Онъ къ нимъ въ такой ужасный часъ пришелъ! Если повѣрить, что такъ было? Если такъ бываетъ? Если Онъ, правда, — Богъ, и можетъ являться? Значить, можетъ во всѣ времена, можетъ вездѣ — въ Петербургѣ, въ Лондонѣ, въ Іерусалимѣ... хоть сейчасъ, сію минуту, и ко мнѣ тоже, сквозь запертыя двери, не постучавъ, не колыхнувъ даже портьеру... Войдетъ — и назоветъ по имени... Какъ я давно хочу, чтобы кто-нибудь меня назвалъ тихо и властно по имени! Я ничего бы Ему не сказалъ, не спросилъ, не просилъ, не жаловался... но я бы Ему, какъ и тѣ, очень обрадовался... Я обернулся и, заслонивъ глаза рукой отъ свѣта лампы, смотрѣль на дверь. Глубокое волненіе охватило меня — трепетъ ожиданія... Алмазная дымка плыла, искрилась передъ глазами... И въ изумлениіи небывалой минуты неизвѣданнаго, сладостнаго упованія — я всталъ и шагнулъ Ему навстрѣчу.

ГЛАВА XV.

Было бы преувеличениемъ, пожалуй, просто неправдой, — сказать, что послѣ этихъ переживаний я измѣнился. Нѣть. Все, какъ будто, осталось во мнѣ по старому. Лишь только напряженіе ужаса ослабѣло и смѣнилось по-вседневностию, меня, какъ и всѣхъ, увлекло въ самую заурядную тревогу о томъ: какъ же дальше жить?

Вплоть до первыхъ мартовскихъ дней я скрывался отъ всѣхъ знакомыхъ. Надо было вести себя такъ, чтобы Пельтиевъ не догадался, что я въ Москву не уѣхалъ, чтобы на Выборгской не сообразили, что я вовсе не боленъ, а у Федора Федоровича — что я чуть-чуть было не уѣхалъ, но уѣхать раздумалъ.

Цѣлые дни теперь я просиживалъ на новой службѣ въ шумѣ-гамѣ и табачномъ дыму кузовлевской «канцеляріи»; такъ именовалась голая, грязная комната съ желѣзной, наспѣхъ прилаженной, печкой, въ разграбленной до гвоздей и дверныхъ ручекъ, загаженной квартирѣ у Цѣпнаго моста, гдѣ расположилось Областное Управлѣніе сѣверныхъ инвалидныхъ командъ.

Кузовлевъ, осипшій отъ непрерывныхъ переговоровъ по телефону, разнастанный, взъерошенный, съ мутными глазами, стучаль вкругъ меня своими деревяшками, роняль костили, кричаль и ругался съ просителями-инвалидами, а потомъ, обезсиленный и одурѣлый отъ своихъ не-посильныхъ предсѣдательскихъ полномочій, хваталь портфель и мчался, то въ Смольный, то въ финансовую инспек-

цию. Зачислить меня на службу онъ сначался отказался; но я ему напомнилъ про Старосельское болото, когда его, отставшаго отъ обоза, полуживого отъ раненій, нашъ отрядъ бережно подобралъ и доставилъ на пунктъ; онъ почесалъ затылокъ, поморщился и сказалъ:

— Должности нѣту, а сдѣльно работишку дамъ; безъ жалованья, конечно... ну, а въ продуктовой кой-чего отвѣсимъ.

«Сдѣльная работишка» оказалась годовымъ отчетомъ-докладомъ по начальству, который Кузовлевъ самъ со-ставить никакъ не могъ. Я сразу понялъ, что ему надо со-четать въ немъ два положенія: во-первыхъ, что онъ, Ку-зовлевъ, незамѣнимый работникъ; и во-вторыхъ, что всѣ воліюще недочеты, жалобы и обвиненія — лишь непони-маніе тяжелыхъ условій, въ которыхъ находится власть, и злостное нежеланіе приспособиться къ вполнѣ закон-ному безобразію.

Такъ въ секретари къ Кузовлеву я и пристроился.

Долженъ сознаться, что меня не оскорбляла зависи-мость отъ солдата, изувѣченного, сбитаго съ толку не-привычкой къ власти, даже не очень тяготила. Во вся-комъ случаѣ, я не испытывалъ той тягости, гнетущей и унизительной, которая была въ моей зависимости отъ Пельтиева. Съ нимъ было мучительно гадко, съ Кузовле-вымъ — лишь порой невыносимо, до одури утомительно. Толчяя, гамъ, телефонные звонки, множество неисцѣли-мо-обезображеныхъ посѣтителей, которые бралились, клянчили, угрожали а иногда часами покорно ждали очереди, — вотъ обстановка моей новой службы. Но яв-ная бѣда и непоправимое несчастье каждого примиряли со всѣмъ этимъ солдатскимъ обществомъ.

Меня здѣсь терпѣливо выносили, послѣ того какъ узнали, что я контуженный, отравленный газами «по ли-терѣ А», т. е. безспорный инвалидъ, о чёмъ свидѣтель-ствовали двѣ подписи самыхъ кровожадныхъ изъ вождей

и увѣренность, что я высшимъ властямъ свой человѣкъ.

Служба отнимала весь день. Я приходилъ домой очень усталый и рано ложился спать. Въ праздники- заходилъ Сережа, а то дѣвочки его прибѣгали съ порученіями отъ родителей. Иногда бывала у меня Анна Ивановна: съ ней мы обмѣнивались мелкими продовольственными услугами. По субботамъ повадился ко мнѣ старишокъ-акцизный, Арабскій, тотъ самый, къ которому приходилось ходить за водой. Онъ скучно и путано рассказывалъ о томъ, какъ построилъ въ разсрочку дачку въ Вырицѣ, и какъ ее отняли; принесъ фотографические снимки: дачка — и самъ онъ на балконѣ; показывая, прослезился, а потомъ, успокоившись, вытащилъ изъ бумажника колоду картъ и предложилъ сыграть въ «свои козыри». Я къ старику безъ особой скуки, даже съ покровительственной благожелательностью относился, хотя въ «козыри» играть отказался, и вообще, мнѣ почему-то стало изъ-за «козырей» себя жалко: въ «козыряхъ» было что-то обидное...

Однообразіе жизни съѣдало время и силы, опустоша-ло память и воображеніе, но зато оно же освобождало отъ ихъ гнета. Все пережитое за зиму не то что перестало для меня существовать, но оно отошло въ даль (или я самъ его отвѣль), чтобы до него въ безобразной повседневности не касаться. Случалось, конечно, въ солдатскомъ галдѣ-жѣ о прошломъ думать, о моихъ наивныхъ порываніяхъ къ Маріи Федоровнѣ и такъ къ чему-то небывалому... — но я всегда себя уговаривалъ, что обѣ этомъ не время, а когда-нибудь послѣ, не тутъ же... не сейчасъ же... Такъ вся эта красота на днѣ души моей и затаилась.

Въ это однообразіе безпутно-тревожной суматохи, именуемой тогда «трудомъ», ворвалась новость, которая переполошила весь нашъ домъ.

Всѣ поголовно — отъ предсѣдателя Петра Иваныча до почтарики, до Гусаровой Маньки — вмигъ узнали, что

Фонарева, которую еще такъ недавно хотѣли выселить, обобразть до чайныхъ ложекъ, — выходить замужъ за Андрея Люлюшина, о которомъ газеты трубятъ, что онъ для республики покоряетъ-усмиряетъ Туркестанъ.

Даша всѣ кухни обѣгала, осипла, на сквознякахъ стоя и всѣмъ рассказывая о необычайномъ событіи.

— Теперь до нашей-то и рукой не достать... — съ полнымъ удовлетвореніемъ заявляла она. — И кто зналъ, что за шишка Андрей-то Тимофеичъ! Теперь все имущество такъ за ней закрѣплять, такъ закрѣплять — никто и не подумай къ табуреткѣ ейной притронуться. Есть кому за нее вступиться...

Жильцы моршились, ухмылялись, пожимали плечами, иногда виновато моргали — и удачѣ удивлялись.

Тутъ начались приготовленія невѣсты къ отѣзду. Безпрепятственно, на глазахъ у всѣхъ, въ квартиру носили и изъ нея выносили тюки, ящики, и Даша открыто, на зло всѣмъ, угощала спиртомъ носчиковъ. Каждый вечеръ въ казенныхъ автомобиляхъ жаловали къ Фонаревой важные гости и засиживались безсрочно, далеко за полночь, а утромъ парикмахеръ Рыжиковъ, помахивая щипцами, сбѣгалъ внизъ по лѣстницѣ — завивать еще раздѣтую, теплую вдову.

Я встрѣтилъ Фонареву въ день ея отѣзда, въ воскресный полдень. Мы не видались съ той поры, когда она, простенькая, темненькая, въ шерстяномъ платочкѣ, прокальзываала по двору вмѣстѣ съ Дашей, стараясь никому не попадаться на глаза. Сейчасъ она, не спѣша, шла мнѣ навстрѣчу по обледенѣлому настилу нашей подворотни, въ барашковой широкой шубкѣ, въ высокой мѣховой шапочкѣ на рыхихъ кудряшкахъ, шелестя шелкомъ юбки, и въ маленькихъ ушахъ нагло опять покачивались бирюзовые бульки.

— Вотъ не ожидала! — непринужденно-звонко окликнула она меня, ласково прищуривъ голубые глаза.

— Я и то Даша говорю: «Неужели уеду, съ сосѣдомъ на-
шимъ любезнымъ не попрощавшись?» — И глянувъ по
сторонамъ, продолжала шепотомъ: — Давно хотѣла ска-
зать вамъ... вы меня, миленькой, прямо тогда спасли. Я,
вѣдь, по вашему совѣту въ комитетъ тогда написала и
засвидѣтельствовала и Яшу поблагодарила... Тогда все и
обтерпѣлось, ну, а теперь... Андрей Тимофеевичъ. Вы же
помните Андрюшу?

— Помню. Я такъ и думалъ, что вы съ Андрюшой
будете, — сказалъ я, — и это хорошо: вамъ нельзя быть
одной.

— Вы это понимаете? Понимаете? — почему-то крас-
нѣя, перебила она. — Андрюша прямо голова... Назначе-
ній, наградъ сколько нахваталъ, звѣзду на рукавъ полу-
чилъ, въ Москвѣ его портретъ въ кино даже показыва-
ютъ... — хвастливо рассказывала она. — Я нынче вече-
ромъ вологодскимъ поѣздомъ єду. Велѣль, чтобы непре-
мѣнно вологодскимъ, чтобы въ штабномъ вагонѣ, зна-
чить... — а тамъ — пересадка. Просто, знаете ли, иног-
да не вѣрится! Проснусь и спрашиваю: «да какъ же это
вышло?» Вѣдь, тогда я въ такую передѣлку попала, та-
кую передѣлку — въ жизни ничего подобного не за-
помню: Думала: ну, конецъ мнѣ! А вотъ... И вамъ спа-
сибо, и вы, голубчикъ, помогли... — и она благодарно
протянула мнѣ руку въ смѣшной пуховой рукавичкѣ.

— Ну, какая тамъ помошь... — пожимая теплую
руку-подушечку, сказалъ я. — Будьте счастливы. Теперь
всѣ такъ несчастны. Вы любите Андрюшу?

Фонарева потупилась, словно что-то вспомнила и
воспоминаній устыдилась, но сейчасъ же овладѣла собой.

— Конечно, люблю, — съ привычно-напускнымъ
кокетливымъ оживленіемъ, щуря глаза, заговорила она,
— а то какъ же? Только не очень-то все это нынче въ
модѣ. Главное — прочно бы было, а то теперь все боль-
ше у мужчинъ до насть одинъ капризъ. Ну, да чего тамъ

все обо мнѣ да обо мнѣ. Прощаться давайте! Пожили мы съ вами, погоревали... Можетъ, Богъ приведетъ, опять когда встрѣтимся. Не поминайте лихомъ... не обезсудьте... пора мнѣ, прощайте...

— Прощайте, будьте счастливы... — повторилъ я.

Она вынула, было, руку изъ муфты — хотѣла еще разъ проститься — и тутъ же смутилась, покраснѣла и спрятала ее обратно, но не уходила, а робко смотрѣла на меня, точно ждала чего-то.

— Не провѣдали вы меня ни разу, не зашли ко мнѣ... а я ждала, все думала: «зайдеть онъ...» — пересиливая смущеніе, съ мягкимъ упрекомъ проговорила она.

Я сталъ вѣжливо оправдываться, ссылаясь на болѣзнь, на службу, но она, не подымая глазъ, недовѣрчиво покачала головой.

— Если бы хотѣлось, пришли бы...

И не взглянувъ на меня, не кивнувъ, она быстро-быстро пошла отъ меня и исчезла за воротами.

Вечеромъ весь домъ уже зналъ, что Фонарева выѣхала въ штабномъ вагонѣ въ Вологду, и что изъ Смольнаго прїѣхало ее провожать «четыре автомобиля полнымъ-полны всякихъ командировъ». Такъ восторженно врала, вернувшись послѣ проводовъ, заплаканная Даша.

Замужество Фонаревой — единственное событіе за зиму, которое въ домѣ всѣ сочли удачей неопровергимой, такой же неопровергимой, какъ считается, напримѣръ, выигрышъ лошака на деревенской ярмаркѣ. И всетаки люди качали головой, намекая на зыбкость всякой удачи въ такія лютыя времена.

Внѣ этого событія жильцы нашего дома, ошелѣлены отъ лишеній и насилий, мучительно-терпѣливо чегото ждали. Кто — обѣщанного благосостоянія, кто — возврата утраченного, кто — любой перемѣны, лишь бы измѣнилось нечеловѣческое, невозможное ихъ положеніе. Ждали и я, самъ не зналъ чего, во всякомъ случаѣ, не просто ма-

терьяльной удачи. Меня томило желанье какого-то исхода изъ моего одиночества: послѣ той памятной ночи я съ нимъ, безысходнымъ, уже не примирялся.

Теперь я оставался рѣдко наединѣ съ самимъ собой. Это бывало обычно по субботамъ, когда Кузовлевъ отъ пускалъ меня раньше, потому что самъ спѣшилъ подъ воскресенѣе къ какой-то бабѣ, на Пороховые. Я запиралъ канцелярію и не торопливо, какъ бы гуляя, брѣль домой. Путь мой лежалъ всегда мимо трехъ церквей, и въ этотъ предвоскресный часъ всенощныхъ я до самаго дома шелъ отъ благовѣста къ благовѣсту въ непрерывномъ гулѣ колоколовъ. Странно, что войти въ храмъ мнѣ даже и въ голову никогда не приходило. Я просто боялся его много-людства, откровенности молитвъ, чопорнаго ритуала, — всѣхъ явныхъ, узаконенныхъ формъ и формулы взаимо-отношеній съ Нимъ. Но субботній благовѣстъ я любилъ.

Какъ-то по окончаніи занятій Кузовлевъ сказалъ мнѣ:

— Смахайте-ка завтра утреckомъ въ Маріинку. Ребята наши просто мнѣ надоѣли: «всѣ по театрамъ ходятъ, а мы, инвалиды, одни, какъ обсѣвки въ полѣ». Принесите-ка какихъ-нибудь билетиковъ.

Я порученіе это охотно принялъ, но утромъ, прежде чѣмъ направиться въ Маріинскій театръ, побѣжалъ на Выборгскую — понесъ Аннѣ Ивановнѣ давно обѣщанные, купленные для нея продукты.

День былъ мягкий, добрый, чуть хмурый. Снѣгъ не шелъ, а въ воздухѣ кружились рѣдкія, нѣжныя пушинки — не то спутницы, не то предвѣстницы настоящаго обильнаго снѣга. За спиной у меня былъ мѣшокъ, небольшой и нетяжелый, онъ не давилъ, а лишь пріятно грѣль спину. Спѣшилъ я черезъ Неву, прямо по льду, пересѣкая ее отъ Гагаринской къ Спасителю по протоптанной узкой тропочкѣ. На вольномъ просторѣ среди снѣжныхъ полянъ, противъ слабаго, чуть влажнаго вѣтра, было итти легко. Не зналъ, не гадалъ я, что меня за Невою ожидало! А

оказалось, что въ облупившемся, когда-то розовомъ, а теперь свѣтло-буромъ шкаревскомъ домишкѣ, съ кривымъ подъѣздомъ, съ оторванными желобами водосточныхъ трубъ, — ждала меня моя «судьба»..

Не успѣлъ я тихонько постучать (нѣсколько разъ съ перебоями, такъ было условлено), какъ дверь отперли, но на порогѣ, вмѣсто закутанной съ головой въ клѣтчатый зеленый пледъ, высокой, сутулой Анны Ивановны, стоялъ незнакомый, очень блѣдный молодой человѣкъ, въ солдатской шинели, накинутой на плечи поверхъ грязной спортивной фуфайки, съ ножикомъ въ одной рукѣ, съ недочищенной картофелиной — въ другой.

«Засада...», мелькнуло въ головѣ, «но почему — картофель?» Я даже схватился за кармань, за Сонину бу-мажку, но молодой человѣкъ съ кроткимъ вниманіемъ вглядывался въ меня и отступилъ съ порога,

— Анна Ивановна ушла къ сосѣдямъ за спичками и сейчасъ вернется, — пріятно-вѣжливо и немного робко сказалъ онъ. — Она предупредила, что вы придете, прінесете муку и постучите пять разъ. Она просить васъ непремѣнно дождаться. Моя фамилія — Розенкирхъ, — поспѣшно прибавилъ онъ. — Мы когда-то встрѣчались съ вами... въ Москвѣ, ночью, въ квартирѣ полковника Лобова, въ день осады Почтамта...

— Я васъ не помню... — смутно представляя своихъ соратниковъ въ ту кошмарную ночь, сказалъ я, затворяя за собой дверь.

— Я вчера съ матерью пріѣхалъ изъ Москвы — и прямо къ Аннѣ Ивановнѣ. Я не зналъ, что не сюда| надо было. Я такъ ей благодаренъ, она насъ пріютила, мы ее очень стѣснили...

Маленькая шкаревская кухня была, дѣйствительно, загромождена до тѣсноты. Противъ плиты стояла желѣзная кровать, на сундукѣ въ углу была кучей свалена поклажа, на табуреткахъ сушились солдатскіе сапоги, а

надъ плитой на веревочкѣ висѣло бѣлье. Въ кухнѣ было тепло, стоялъ паръ, какъ въ банѣ, и пахло табачнымъ дымомъ, валерьяной и прѣлымъ сукномъ.

Розенкирхъ... Фамилію я эту помнилъ крѣпко: «Повѣнецкую, Розенкирхъ и Павликова везутъ въ Москву. Они общались съ Перекрестовымъ...» Такъ сказаль Шкаревъ у пѣвицы, и я имена запомнилъ. Розенкирхъ сказаль: «я пріѣхалъ изъ Москвы». Значить — выпустили. Почему одинъ? А Марія Федоровна? Гдѣ Марія Федоровна?.. — съ ужасомъ вопрошалъ себя я. Но тутъ давно утраченное мужество мое, которое я зналъ на войнѣ и такъ въ себѣ любилъ, супровое и умное, великодушно покорное любому испытанію, точно облакомъ, нашло на меня.

— Гдѣ Повѣнецкая? — твердо, съ полнымъ самообладаніемъ спросилъ я.

— Ее освободили недѣли двѣ тому назадъ, но она очень тяжко больна. Просила мою мать, чтобы мы увезли ее, но гдѣ же ее больную было везти! Мы сами-то едва доѣхали... Хорошо, что она еще изъ бѣды выскочила, ея положеніе было отчаянное. Наши показывали отвратительно и все время на допросахъ путались... Павликова и еще трехъ москвичей разстрѣляли, меня только случай спасъ...

Розенкирхъ оживился и заговорилъ о своей удачѣ возбужденно, съ той немного истеричной болтливостью, которая свойственна нервно-утомленнымъ, долго пробывшимъ въ тюрьмѣ людямъ. Но я, признаться, въ слова его уже не вникалъ.

Я машинально опустился на скамью возлѣ окна и, не скинувъ даже мѣшка, не снявъ шапки, смотрѣлъ на грязный, ошарпанный полъ.

Главное было сказано, и это главное состояло въ томъ, что, несмотря на все мое отпаденіе отъ Маріи Федоровны, въ душѣ моей она жила попрежнему; стоило

узнать, что она стремилась уѣхать изъ Москвы, т.е. стоило вспомнить ее такою, какъ хотѣлось навсегда запомнить, а главное, — вѣрить, что именно она такая, какъ запомнилъ...

Я накинулся на Розенкирхъ съ вопросами, разспрашивалъ его о Маріи Федоровнѣ подробно, назойливо, до мелочей, досадуя, что онъ холодно и довольно безтолково отвѣчалъ на вопросы.

— Знаете что, — вдругъ спохватился онъ, — моя мать лучше, чѣмъ я, все вамъ разскажетъ: онѣ вмѣстѣ въ одной камерѣ сидѣли. Я скажу ей, она у Анны Ивановны печку топить, — и онъ выбѣжалъ изъ кухни.

Она вошла съ кочергой въ рукѣ, съ засученными рукавами, въ бѣдномъ халатикѣ, подпоясанномъ вылинявшимъ передникомъ, въ скомканной наколкѣ... маленькая блѣдная старушка, такая же робко-вѣжливая, испытующая взглядомъ, какъ и сынъ, и такая же обезоруживающе кроткая. Ни тѣни негодованія — когда я спросилъ о пережитомъ, словно противъ той мѣры зла бессильно и не нужно всякое негодованіе.

— О насъ съ Юрочкой что же говорить... — тихо сказала она, — мы вырвались и опять вмѣстѣ, а все это... — она указала на бѣдную поклажу, — это пустяки. А вотъ Павликова разстрѣляли... Вы слышали? — и все ея старушечье личико болѣзненно сморщилось. — Его... и еще троихъ. Какой былъ чудесный мальчикъ! Дивный мальчикъ... — съ болю произнесла она.

Она говорила тихо и просто о самомъ страшномъ. Совсѣмъ такъ говорила когда-то Карповна о своей болѣзни, о неминуемомъ скромъ концѣ.

— Вы о Маріи Федоровнѣ спросить желали? — продолжала она, присѣвъ на край кровати. — Она ваша родственница?

— Нѣть, она мнѣ чужая, совсѣмъ чужая, — откровенно сказалъ я, — я даже мало ее знаю, встрѣчала

лись, почти официально, но я хотѣлъ бы помочь ей, если надо, если только можно... Мнѣ бы очень хотѣлось помочь ей уѣхать изъ Москвы, хоть этимъ облегчить... войти въ ея положеніе, увезти ее. Мнѣ все важно, что вы о ней разскажете — и это не любопытство, изъ любопытства я бы не спрашивалъ, я бы не посмѣлъ сейчасъ и беспокоить васъ, если не серьезно, но это для меня очень серьезно...

Я говорилъ горячо, искренно, съ несвойственной мнѣ задушевностью.

«Они подумаютъ, что я ее люблю... И пусть думаютъ!», въ порывѣ къ свободному утвержденію своего чувства, рѣшилъ я.

Можетъ быть, они и подумали. Юрій отвернулся къ плитѣ и старательно стала чистить картофель — стѣснялся, видимо, что оказался при разговорѣ третьимъ. Старуха внимательно меня выслушала и тихо вздохнула.

— Я о ней мало знаю, только то, что всѣ кругомъ говорили, — сказала она... Сама она мнѣ ничего про себя не рассказывала, но мнѣ, старому человѣку, многое видно... Допросы ее просто убивали. Ее часами держали, раза два цѣлую ночь напролетъ допрашивали, ну, и очные ставки были... Вы же понимаете, что для нея значили очные ставки?.. — и старуха, насупивъ брови, строго посмотрѣла на меня. — Обычно всю ночь потомъ не спитъ. Окликнешь ее, а она точно и не разслышала, а то отзовется, но въ такомъ испугѣ... Я ее и тревожить перестала. И слѣдствіе ее путало, да она и сама, неопытная, измученная, кажется, путалась, а потомъ терзалась, не напортила ли. Когда про Павликова узнали, на ней лица не было. Съ этого и началось...

— Что началось?

— Духомъ она какъ-то пала, такая она была все стойкая, сильная, а теперь ночью, слышу, — плачетъ... мужество ее оставило. Вѣроятно, болѣзнь ея здѣсь начи-

налась. Когда ее вдругъ освободили и велѣли на выходъ собираться, она не то что обрадовалась, а какъ въ клѣткѣ заметалась. Я ей говорю: «Марія Федоровна, вѣдь вы сейчасъ на свободу выходите», а она точно этого и не понимаетъ. Мы и вещи ей собрали и всю ее одѣли... Прощалась она съ нами, тоже плакала. Въ тотъ же вечеръ, оказывается, она слегла, а потомъ ее въ больницу свезли...

— Въ больницу? Кто отвезъ въ больницу?

— Какие-то Обручевы. Она прямо къ нимъ кинулась. Это ея замужняя сослуживица по войнѣ, сидѣлка какая-то. Видимо, Марія Федоровна до отъѣзда хотѣла у нихъ укрыться, — очень бѣдные, простые люди... оба весь день на службѣ, а она въ жару, въ бреду, одна въ квартирѣ, они въ больницу ее и отвезли.

— Значить, вы ее въ больницѣ видѣли? Она и сейчасъ тамъ? — взволнованно прервалъ я.

— Тамъ. Какъ только наась освободили, я разыскала Обручевыхъ, а отъ нихъ сейчасъ же къ ней. Съ трудомъ нашла. Помѣстили ее плохо — въ общей палатѣ. Смотрю, лежитъ на койкѣ, къ окну крайняя. Очень плоха была, слаба... мнѣ она очень обрадовалась. Я ей пшеничной каши, немного сахару, хлѣба фунтъ принесла (Обручевы прислали), она и подаркамъ очень обрадовалась. Никогда я ее такой благодарной не видала. Говорю ей: «Ну, слава Богу, поправляться вы стали». А она вдругъ тихо такъ: «Мнѣ лучше, да я хочу жить...» Признаюсь, я поглядѣла на нее и думаю: Господи, ужъ какая жизнь! А она точно мою мысль угадала и говоритъ: «Да, мнѣ хочется жить, но только совсѣмъ по новому....» — «Какъ же, спрашиваю, по-новому?» Она задумалась и странно такъ сказала: «Мы въ ужасающей нечистотѣ всѣ жили, Марія Францевна, а думали, что прекрасны... Я, говорить, только здѣсь поняла, что чистота, вѣдь, въ томъ, чтобы не искать своего, а мы всѣ, всѣ, даже идеалисты,

только о своемъ: свои идеи, мечтанья, свою волю, какъ безцѣнныя жемчужины расцѣнивали...» — «Что же, шепчу ей, эти лучше? Богъ съ вами, милая!» — А она посмотрѣла на палату и говоритъ: «Не лучше, но если спасемся, или погибнемъ, то всѣмъ народомъ...»

— Опять ты все про это, мама... — волнуясь и не скрывая своего неудовольствія, вмѣшался Юрій Розенкирхъ. — Маріи Федоровнѣ ничего теперь и не остается говорить...

— Ты, Юрочка, не волнуйся, я же не про то, чтобы тебя или кого-либо критиковать, Боже упаси... Я только о томъ, что Марія Федоровна меня тогда очень изумила, и я ее теперь нѣть-нѣть и вспомню. А вотъ ему и не нравится... — кротко и чуть-чуть виновато сказала мать.

Изъ разсказа я не проронилъ ни звука. Мнѣ казалось, что всякое слово таинственно предназначалось только для меня, какъ письмо, написанное только мнѣ, и я сразу понялъ, что долженъѣхать въ Москву немедленно, что съ Маріей Федоровной произошло нѣчто столь значительное, по сравненію съ чѣмъ ея романъ съ Добрыниномъ терялъ весь свой смыслъ. И какъ грубо-глупо я ее понялъ! Какъ ошибся!

Дѣловито, не скрывая своей озабоченности, своей заинтересованности, рѣшиности быть въ Москвѣ, я разспросилъ, какъ отыскать Марію Федоровну, и опять, не таясь, не стыдясь, я утверждалъ, словно исповѣдывалъ передъ людьми, мое странное, самому непонятное къ ней чувство.

Искренность моя и тронула ихъ. Старуха перерыла всю поклажу, отыскивая секретную записочку съ нужными свѣдѣніями, и даже Юрій смягчился и сталъ рисовать пальцемъ на запотѣломъ окошкѣ, какъ пройти съ вокзала въ больницу. Я все узналъ, выспросилъ, записалъ, предусмотрѣлъ, даже своей дѣловитости изумился.

Когда постучалась Анна Ивановна со спичками, отъ-

ѣздѣ уже былъ рѣшенъ. Я торопливо вручилъ ей мѣшокъ и сталъ прощаться.

— Вы бы принесли на той недѣлѣ, Алексѣй Павловичъ, еще чего-нибудь, хорошо бы — мыла... — попросила Анна Ивановна.

— Алексѣй Павловичъ въ Москвуѣдетъ, — сказалъ Розенкирхъ.

— Какъ въ Москву? Но вѣдь вы раздумали?

— Тогда — да, но теперь у меня тамъ дѣло. Я — по спѣшному дѣлу... — краснѣя за старую ложь, сказалъ я.

Анна Ивановна удерживала меня, предлагая согрѣться чаемъ, кинулась къ керосинкѣ, но я отказался.

Когда дверь захлопнулась за мной, я вздохнулъ съ облегченiemъ.

Снова я шагалъ черезъ ледъ, но уже не видѣлъ ни простора, ни волнистыхъ сугробовъ, ни снѣжныхъ пушинокъ... Марія Федоровна мнѣ возвращалась, мнѣ поручалась, и вновь замыкался таинственно сближающей насъ кругъ. Меня не тронули и не умилили ея страданья, не тронуло даже душевное ея состояніе въ больницѣ (подобно Юрію, я тоже его не понялъ и приписалъ естественному послѣдствію болѣзни), но я впервые ощутилъ, что Марія Федоровна мнѣ нужна въ силѣ или въ слабости — все равно, разъ сохранилось главное: моя въ нее вѣра. Марія Федоровна — Добрынина не оправдала. Могла оставаться съ нимъ, если бы оправдала. Все искушеніе мое и было въ томъ, что она оправдываетъ, отъ всей жестокой правды отступится, спрячется за безобразную, слѣпую, женскую любовь. Но она не оправдала — и душу мою согрѣвала радость спасенной отъ искушенія, торжествующей вѣры...

Долгое путешествіе отъ Анны Ивановны до Маріинскаго театра для меня не существовало. Даже ожиданіе

на ларѣ въ темномъ коридорѣ театра, а потомъ на сквоз-
някѣ у кассъ, было скрѣй пріятно, предоставляема
возможность уходить въ свои мысли. Наконецъ, кассир-
ша сунула мнѣ три ложи на «Демона», и я пустился въ
обратный путь.

Уже въ театрѣ я сталъ обдумывать всѣ осложненія.
Удостовѣренія, ордера были просрочены, справки и нуж-
ные номера телефоновъ потеряны — все запуталось. Те-
перь я былъ связанъ службой, и отъѣздъ не могъ быть
самовольнымъ. Хлопоты приходилось начинать съзнова.

Я взволнованно спѣшилъ вдоль Екатерининскаго ка-
нала. Чугунной рѣшеткѣ въ пуховомъ инѣ, казалось,
конца нѣть, и шеренгѣ ошарпанныхъ, измученныхъ обыс-
ками домовъ тоже...

Мнѣ не уѣхать... Не уѣхать по своей же винѣ, по
слѣпотѣ сердца. Оно ничего не прозрѣло. Если бы не
слѣпота, не попала бы Марія Федоровна въ больницу. Я
бы ее у Ловчинахъ устроилъ. Эту семью я тогда еще на-
мѣтилъ. Насъ съ Володей Ловчина дѣтьми знали, съ ро-
дителями нашими дружили. Но мнѣ не уѣхать! Если хло-
поты сначала, то не уѣхать! Позднее раскаяніе, однако,
ничего не мѣняло. Чѣмъ невозможнѣе казалось достиже-
ніе, тѣмъ горячѣе было желаніе, воспламеняемое новой
моей радостью.

Я проходилъ мимо церкви. Большая, бѣлая, некра-
сивая. Пустая паперть. Оледенѣлые, горбатыя отъ льда
ступени. Засаленная, захватанная, тяжелая дверь. Мгно-
венье я колебался, лишь мгновенье, — и побѣжалъ вверхъ
по ступенямъ...

Въ храмѣ стоялъ бѣлесый сумракъ, и было пусто и
гулко, какъ въ заколоченномъ домѣ. Пусто и холодно, хо-
лоднѣе, чѣмъ на улицѣ. Съ оконъ когда-то натекли лужи,
а сейчасть, въ морозъ, бурый ледокъ покрывалъ подъ ок-
нами грязный, давно неметенный полъ.

Всюду озябшіе образа, запотѣлые паникадила, пыль-

ныя лампады, догорѣвшіе фитили... Паутина, соръ, копоть, грязь. И на весь храмъ лишь одна единственная малиновая искра — лампада передъ какимъ-то тяжелымъ серебрянымъ образомъ, да подъ ней, на подсвѣчникѣ, два-три кофейно-рыжихъ, кривыхъ огарка...

Стараясь не топать, я дошелъ до середины храма, спохватился, что не снялъ шапку, и стоять смущенный, въ той томительной неловкости, когда человѣкъ не знаетъ, что съ собой дѣлать.

Со всѣхъ сторонъ глядѣли на меня темные лики... множество ликовъ. Величавые, въ серебро закованные праведники и праведницы... То тутъ, то тамъ крылатыя головки ангеловъ... Цѣлый сонмъ необыкновенныхъ существъ, цѣлое содружество притаилось вокругъ меня въ тусклыхъ вѣнчикахъ — закопченные, озябшіе, въ выцвѣтшихъ бумажныхъ цвѣтахъ.

Я храмовъ не любилъ. Въ сочельникѣ изъ храма ушелъ. Можетъ быть, и сегодня я бы его таинственной души не позналъ, если бъ своей заброшенностью онъ меня не поразилъ. Но именно безпризорность его и тронула меня. Мнѣ понравилось, что вмѣсто церковнаго благополучія: хвалы-чести, блистанія огней, благовонія, фімама, вмѣсто голосистыхъ величаній и человѣческой умильной ласки — молчокъ, хмуръ и холодъ народнаго отверженія.

Я безплотнымъ фігуркамъ не помолился и помоши не просилъ. Пожалуй, отвѣта не ожидалъ даже, и безотвѣтность ихъ меня бы не поразила. Я вошелъ сюда не за этимъ, а чтобы излить все, чѣмъ была полна душа, въ чемъ я самъ себѣ еще ни разу не признался, но что сейчасъ томило меня, какъ неясная радость откровенія, несмотря на самоукоризну и всю бѣду съ командировкой.

Я стоялъ посреди храма, прижавъ къ груди папаху, съ трудомъ стараясь сосредоточиться.

«Я пришелъ сказать Тебѣ... и они пусть знаютъ», —

наконецъ, мысленно проговорилъ я и, взглянувъ на куполь, на своды, на треугольный золотой глазъ вверху иконостаса, сказаль уже внятнымъ шопотомъ: «Я люблю Марію Федоровну....»

На службу въ тотъ день я запоздалъ, вручилъ Кузовлеву билеты на «Демона» и попросиль отпустить меня опять, ссылаясь на ордеръ, по которому надлежало получить взанку дровъ изъ склада у городской бойин. (Ордера намъ вѣмъ, дѣйствительно, наканунѣ выдали).

Вмѣсто бойни, я слеталъ въ желѣзнодорожное бюро, въ два комиссаріата и всюду понапрасну только простоялъ въ очередяхъ. Наконецъ, я забѣжалъ въ нашъ освѣдомительный комитетъ «Помощь» (адресъ мнѣ Шкаревъ у актрисы еще далъ). Здѣсь какой-то лысый, болтливый господинъ, похожій на полицейскаго пристава, довольно толково доказалъ мнѣ, что помоши отъ «Помощи» мнѣ ждать нечего.

— У насть въ рукахъ сейчасъ судьба Россіи, а ваше ходатайство мелкое личное дѣло. Въ борьбѣ есть удачники и неудачники. Судьба неудачниковъ не можетъ поглощать нашихъ силъ, — и онъ не безъ удовольствія сталъ развивать мысль о плодотворной жестокости во всякой борьбѣ.

Я хлопнулъ дверью и ушелъ. Мнѣ предстояло сбѣгать еще на Тамбовскую.

Съ тѣхъ страшныхъ дней, когда люди избѣгали другъ друга, мы съ Федоромъ Федоровичемъ не видѣлись. Не было отъ него ни записокъ, ни вѣстей. Не пойти сейчасъ къ Повѣнѣцкимъ было просто безчеловѣчно. Я могъ цѣлый клубокъ недоразумѣній имъ распутать, въ сущности, возвращалъ Федору Федоровичу сестру. Съ какимъ тайнымъ торжествомъ я бы сообщилъ ему, что онъ ошибся! Какъ хотѣлось мнѣ поглядѣть на его недоумѣніе!

На Тамбовской меня ожидала ошеломляющая неожиданность...

На двери, обитой новой войлочной каймой, была прикреплена кнопками чистенькая визитная карточка: «Илья Ильич Пасхаловъ. Художникъ». За дверью заливалась лаяла собаченка.

Кто-то завозился на кухнѣ и прикрикнулъ на собаку:
— Voyons, voyons, veux tu te taire!

«Изъ своихъ... если по-французски», рѣшилъ я.

Осторожно постучалъ. Дверь пріоткрылась.

— Что нужно? — сердито спросилъ старческій голосъ.

— Я пришелъ узнать про прежнихъ квартирантовъ, здѣсь жили...

— Жили, да уѣхали, — прервалъ меня стариикъ, — а теперь квартира моя. Въ комитетѣ спрявьтесь — всѣ права за мной!

— Я не о правахъ, — нетерпѣливо и обиженно перебилъ я. — Я не беспокоить васъ пришелъ, а спросить, просто попросить; сообщите, если знаете: куда же они дѣвались? Переѣхали? Уѣхали? У меня важное для нихъ дѣло...

Обида въ голосѣ, просительный, почти умоляющій тонъ, смущили моего собесѣдника.

— Да вы кто? Какъ фамилія-то ваша?

— Полежаевъ, Алексѣй Павловичъ Полежаевъ, — повторилъ я.

Дверь скрипнула и пріоткрылась.

— Войдите, да входите же поскорѣй — холоду напустите... — съ энергичной нетерпѣливостью прокричалъ жилецъ.

Я вошелъ.

Передо мной стоялъ маленький, всклокоченный стариикъ, въ запачканномъ красками рабочемъ балахонѣ, съ галстукомъ-бантомъ, повисшимъ тряпкой подъ жидкой бо-

родой, въ потрепанной шубенкѣ, накинутой на плечи. Вокругъ насъ бѣсновался грязный, ошалѣлый песъ.

— Меня предупредили, что вы можете навѣдаться, — внимательно разглядывая меня, болѣе привѣтливымъ тономъ началъ онъ. — Я — Пасхаловъ. (Онъ протянулъ мнѣ руку). Вамъ вѣльно сказать, что они уѣхали, ну, попросту говоря, убѣжали — и благополучно: ужъ и контрабандисты воротились.

— Какъ... убѣжали?

— Да тому уже дней десять... Узнали, что Марію Федоровну освободили, и стали собираться. Меня сюда вселили, старуха въ домѣ завѣрила, что душевно-больного въ провинцію повезла. Только сестру и ждали, а она записку прислала, чтобы скорѣй, до распутицы, уѣзжали, а она не поѣдетъ. Они на третій день и укатили.

— И меня не извѣстили... — обиженно сказалъ я.

— Ужъ гдѣ было извѣщать, — съ попутчиками какими-то увязались.

— Я ожидалъ, что уѣдутъ, но не такъ же, вдругъ, не дождавшись сестры... — возмущался я, забывъ, что самъ же уговаривалъ ея брата бѣжать.

— Ну, ее бы онъ вѣкъ прождалъ. Онъ и такъ съ этой валькиріей намучился. Я-то ихъ обоихъ давно, еще по Риму знаю. Ему тогда-то было съ ней трудно, а теперь... Гдѣ ему вообще жизнь осилить. Ужъ какой онъ борецъ! — добродушно, даже ласково проговорилъ Пасхаловъ.

— Не дай Богъ съ нимъ дѣло имѣть, — раздраженно сказалъ я, вспоминая житейскую беспомощность Федора Федоровича.

— Если хотите, онъ никому, можетъ быть, сейчасъ и не нуженъ, а вотъ представьте, мнѣ, напримѣръ, художнику, нуженъ. Я очень радъ, что его на святкахъ разыскалъ — до того мнѣ мужики опротивѣли. Все только о торфѣ, о гвоздяхъ да о жмыахъ... А лица, лица-то у нихъ какія! А вглядѣлись вы въ его лицо? Прекрасное лицо! Не

то Савонарола, не то ванъ-дейковскій Карлъ I-ый... Конечно, съ народомъ ему разсуждать не о чёмъ, а вотъ въ Англіи, въ какомъ-нибудь этакомъ графствѣ Девонширскомъ, въ замкѣ, въ пріятномъ обществѣ, — это другое дѣло. Замѣчательный человѣкъ! Тонкій, ой, какой тонкій!

— искренно восхищался Пасхаловъ.

Въ его словахъ былъ отзвукъ моихъ же собственныхъ сужденій о Федорѣ Федоровичѣ. Я не разъ въ его фантастичности искалъ отдохновенія, но сейчасъ забылъ о всякой справедливости.

— Вся эта тонкость отъ равнодушія, отъ себялюбія, — сердито сказалъ я. — Вы, художникъ, можетъ быть, обольщаетесь или прощаете, а я — нѣтъ. Впрочемъ, Богъ съ нимъ, даже лучше, что такъ вышло.

— Вотъ, вы какъ о немъ... — усмѣхнулся Пасхаловъ, — а онъ добрымъ словомъ васъ помянулъ. Уже въ шубѣ, въ валенкахъ, на этомъ самомъ мѣстѣ о васъ вспомнилъ, велѣлъ вамъ кланяться, благодарить. И знаете, что онъ сказалъ про васъ? Какъ отозвался? «Нашъ русскій Вертеръ»... Почему то такъ называлъ васъ... — и Пасхаловъ, насмѣшиливо прищуривъ глаза, смотрѣлъ на меня.

Я притворился, что про Вертера ничего не понялъ, спохватился, что поздно и, пробормотавъ первыя попавшіяся слова извиненія, ушелъ неестественно поспѣшно.

Выйдя на улицу, въ темносинюю снѣжную пустоту уже по ночному глухой Тамбовской, въ такую тишину, что за цѣлый кварталъ было слышно, какъ сипитъ трамвай, я сталъ размышлять о данномъ мнѣ Федоромъ Федоровичемъ наименованіи.

Съ грустью и безжалостностью я представилъ самого себя: обтрепанный тулуппъ, папаха съ чужой головы, добытая у Яши-Гусара въ обмѣнъ на серебряную спичичницу, перевязанное ниткой, самодѣльной починки пенснѣ... и я самъ — обросшій бородой, измученный, до времени состарившійся, безпрерывно шныряющій по загаженнымъ

лѣстницамъ, по кухнямъ, по пустыннымъ петербургскимъ улицамъ, толкающейся въ смрадѣ трамваевъ, въ холодѣ и грязи комиссаріатовъ... Какъ далеко мнѣ до поэтическаго безумія молодого германца, до его сентиментальнаго беззаконія, до трагедіи любви въ обрамленіи свѣтло-струйныхъ зеленыхъ ландшафтовъ! И все-таки слова Федора Федоровича не были ироніей... Я это браль чутъемъ.

Мнѣ припомнился весь день съ утра и все значительное, даже грозное, что за послѣднее время со мной совершилось... Я стою на какомъ то порогѣ. Мнѣ тоже поручается нетлѣнная красота любви. Что съ нею сдѣлалъ далекій, нерусскій мой собратъ! А что въ дни великой русской скверны сдѣлаю я? Какъ сохраню, пронесу и какъ прославлю?

ГЛАВА XVI.

Не буду подробно рассказывать о дняхъ передъ моимъ отѣздомъ. Съ трудомъ припоминалъ я потомъ волненія, которыя пережилъ.

Кузовлевъ до окончанія отчета открѣплять меня отъ должности отказался, для Москвы нужны были деньги, продавать же приходилось самыя неходкія вещи, — кое что изъ обстановки, — а за продажу ихъ даже проныра Швайцеръ сейчасъ не брался.

По старой памяти я метнулся, было, на Подъяческую, но Шкаревъ былъ въ отѣздѣ, а Д. встрѣтила меня не такъ, какъ на Рождество, а сухо, хмуро и, прикрывая ладонью голую шею, сказала тусклымъ голосомъ, что ей при ларингитѣ не до разговоровъ, что Борисъ Ивановичъ уѣхалъ, куда — неизвѣстно, и вообще онъ не имѣеть обыкновенія посညать въ свои дѣла постороннихъ лицъ, а потому она знаетъ о немъ меныше, чѣмъ я.

Незамысловатое ся притворство меня раздражило.

— Онъ, конечно, по конспиративнымъ дѣламъ уѣхалъ? — безъ обиняковъ спросилъ я.

Д. подняла тонкія брови, театрально закашлялась и проговорила уже едва слышно:

— Если бы я и была въ курсѣ дѣла, я врядъ ли имѣла бы поводъ рассказывать вамъ объ его привычкахъ...

Такъ ничего я и не добился.

Приходилось разсчитывать лишь на себя, и я рѣшилъ «открѣпляться» собственными силами. Работу, которой

оставалось по меньшей мѣрѣ на мѣсяцъ, я надумалъ за-
кончить въ недѣлю. Я сидѣлъ теперь на службѣ съ утра
до вечера, уговорилъ Кузовлева позволить мнѣ ночевать
въ Управлѣніи, работалъ по ночамъ и, лишь на разсвѣтѣ,
засыпалъ на ящикахъ въ канцеляріи, въ багровомъ от-
блескѣ стынущей печки, подложивъ подъ голову папаху
и накрывшись полушибкомъ. Я работалъ, какъ въ чаду,
сосредоточившись на одной цѣли, не думая (стараясь не
думать) о томъ, какъ выхлопочу командировку, когда по-
кончу съ Кузовлевымъ. Удалось ли бы это — не знаю, но
подвернулся вдругъ случай.

У петербургской инвалидной секціи уже давно тяну-
лась непріятная переписка съ московскимъ центромъ. Те-
перь пришелъ грозный запросъ. На Кузовлевѣ лица не
было. Онъ созвалъ спѣшино общее собраніе союза, но,
кромѣ гвалта, ничего не получилось, и тогда, словно по
напитю, я предложилъ послать меня съ отчетомъ въ Мо-
скву; мнѣ, секретарю (я такъ себя называлъ), легче отвер-
тѣться: по роду службы я многихъ подробностей могу
не знать, а пока будетъ тянуться волокита, секція подго-
вить дополнительныя разъясненія.

Я понималъ, что совѣтую вору выгадать время, но
Кузовлеву было не до уніженія; онъ простодушно пред-
ложенію обрадовался, вмигъ выхлопоталъ пропуски, би-
летъ, скрѣпилъ печатью командировочные документы
— и невозможное превратилось въ неизбѣжное. На тре-
тій день по окончаніи отчета, поздно вечеромъ, я выѣхалъ.

Трудно передать мое состояніе дорогой. Едва мы ми-
новали Любань, я въ изнеможеніи завалился на скамью и,
стиснутый сосѣдями, скрюченный, заснуль какъ убитый.
Поутру я узналъ, что мы уже часа три стоимъ въ Окулов-
кѣ, пропуская воинскіе поѣзда, и въ Москву прибудемъ
лишь къ вечеру. Эта задержка и унылый день въ наби-
томъ непроспавшимися пассажирами вагонѣ выдался,
какъ будто нарочно, чтобы меня измучить.

Меня стали терзать сомнѣнія. Зачѣмъ я єду? Путешествіе мое безсмысленно и безобразно. Если жертвенность, то ужъ — армія, фронтъ, югъ, а не Марія Федоровна, которой до меня никакого дѣла нѣтъ. Въ Гатчинѣ было видно — никакого! Назойливость противна. Въ лучшемъ случаѣ Марія Федоровна мнѣ это дастъ понять. (Пусть не беспокоится, я самъ знаю!) Въ худшемъ... И тутъ я придумывалъ самыя невыносимыя положенія: оскорбительныя, уязвляющія, горькія... Остановка въ пути показалась плохимъ предуказаніемъ, препятствія съ деньгами и командировкой — тоже. И чѣмъ ближе была Москва, тѣмъ мрачнѣе становилось мое душевное состояніе.

Въ Клину я долго ходилъ по платформѣ (по правдѣ говоря, — метался), съ тоской глядѣль на нее, грязную, оттаявшую по сегодняшней оттепели до слякоти, на мокрые кусты желѣзнодорожнаго палисадника, на унылопустые пакгаузы и уцѣлѣвшіе снѣга за заборами привокзальныхъ пустырей, — и мнѣ припомнилась Гатчина: загородный просторъ, паровозные свистки, бѣлыя дали и рожокъ стрѣлочника за водокачкой... Но тогда я себя Маріей Федоровной не укорялъ. Можетъ быть, и нашлось бы слово укора, если бы я чего либо отъ нея добивался, но я ее «чужой невѣстой» принялъ, такъ и называлъ «чужая невѣста», — и мое отношеніе къ ней было не то, что въ романахъ, что пѣто-перепѣто поэтами, а странное, небывалое, самому мнѣ непонятное. «Если — какъ въ романахъ, въ Москвѣ мнѣ дѣлать нечего». Эта мысль пришла мнѣ впервые, и я ей удивился и очень обрадовался. Она означала, что я єду безкорыстно, безъ романическихъ притязаній, рѣшаюсь на встрѣчу лишь потому, что этихъ притязаній у меня нѣтъ. Въ такомъ состояніи внезапнаго умиротворенія я иѣхалъ до самой Москвы.

Въ Москвѣ я давно не былъ и ея не любилъ. Съ ней былъ связанъ военный стыдъ безславной защиты, когда я

въ изступлениі отчаянія, почти въ безумі, съ полуротой юнкеровъ и кучкой добровольцевъ отстаивалъ пулеметнымъ огнемъ подступы къ Главному Почтамту, чтобы по томъ повиноваться безмысленному приказу о сдачѣ.

Не любиль я Москву и потому, что съ ней было свя зано то лѣто, когда Софья со мною разсталась... Но тогда былъ юль: зной, пыльные бульвары, развороченныя ремонтомъ мостовыя, жаркій вѣтеръ на сквознякахъ и всюду на площадяхъ, въ переулкахъ — ученѣе запасныхъ, съ крикомъ взводныхъ, съ топотомъ, съ безобразными позами перебѣжки цѣпей. Въ этой юльской духотѣ я и жилъ, тогда, день за днемъ, въ противоестественномъ одиночествѣ вдоваго, ущерблennаго существованія. Послѣ контузіи, въ жару, у меня ныла тонкой, сверлящей болью голова, и я не зналъ, что лучшее — лежать ли въ номерѣ, сдвинувъ драпировки — или дотащиться до бульвара и дурѣть отъ свѣта, стука колесъ и дѣтскаго визга.

Я тогда не только о Сонѣ, о себѣ, но и войнѣ много передумалъ съ великимъ ожесточеніемъ, съ обидой горькой. Къ тому времени прaporщицій мой патріотизмъ, съ которыемъ я ушелъ на войну, угасъ. Я не восхищался больше ни собой, ни нами, защитниками страны. На третій годъ войны почуялъ, что всѣ мы постепенно превращаемся изъ героевъ въ неудачниковъ. Стоило попасть въ тыль, уѣхать въ отпускъ, очутиться въ лазаретѣ, оглядѣться... — предѣльная наша жертвенность: наши раненія, болѣзни, ампутаціи, покачнувшіяся карьеры, брошенныя на произволъ судьбы «семейныя счастья», дѣла и занятія... — стали мнѣ казаться неоправданной жестокостью. Нашъ героизмъ уже многихъ не трогалъ, и никакіе кресты, ордена и повышенія прикрыть этой правды не могли. Я понялъ, что защищалъ не родину, а невоплощенную ея идею. «За вѣру, царя и отечество» — эта формула едва ли годилась тогда даже для солдатъ; для меня, прaporщика, она была нахлобученой съ чужой головы шапкой.

кой. Идеей можно было связать, обязать, восхитить, обольстить, но, какъ подобіе жизни, она обнаружила свою безплотную природу и, невоплощенная, неживая, отлетѣла отъ жизни моей въ ту минуту, когда должна была укрѣпить душу. Сражаться-умирать за идею родины я могъ, но вынести равнодушіе соотечественниковъ, поднять тяжесть исковерканной ради родины личной судьбы — не могъ... Когда я попалъ въ лазаретъ, и мнѣ грозила ампутація; когда тревога о Сонѣ съ маніакальной неоступностью овладѣла мной; когда пришла вѣсть, что Пельтиевъ вмѣсто меня оставленъ при кафедрѣ, и оказалось, что война меня не возвысила, не украсила, а унизила и обезобразила, — я готовъ былъ тогда возненавидѣть свою судьбу русскаго прапорщика...

Въ тѣ дни я думалъ о фронтѣ лишь какъ о возможности быть убитымъ. Минутами мнѣ приходило въ голову самоубійство тутъ же, въ Москвѣ, и только растерянность моей бѣдной Сони передъ такимъ концомъ удерживала меня. Сейчасъ въ Москву ъхалъ я совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Хуже? Лучше? Оцѣнки и въ мысляхъ не было, сознавалъ я одно, что отъ того, іюльскаго, меня унесло далеко-далеко въ сторону — и ни университетскіе успѣхи, вродѣ Пельтиевскихъ, ни возвращеніе Софьи, ни прошлая удобная и легкая жизнь мнѣ не нужны, вѣрнѣе, ихъ больше ужъ не хочется...

Прямо съ вокзала я направился къ Ловчинамъ, въ Ваганьковскій переулокъ, черезъ всю Москву. Шелъ я въ жуткой, вѣтреной темени, по скользкимъ, размякшимъ, полупустыннымъ улицамъ. (Въ трамвай не попалъ). Всю дорогу беспокоился: примутъ ли меня Ловчины. Теперь даже своего человѣка встрѣчаютъ, «какъ татарина» (я Сережу въ сочельникъ хорошо запомнилъ), а я, имъ далекій, еще въ постояльцы прошусь. Правда, я мѣшки покажу. Я съ собой захватилъ кое-чего изъ пропитанія, что-

бы ъдой не стѣснять, но вѣдь, кромѣ ъды, много сейчас непріятного во всякомъ человѣкѣ. Весь мой расчетъ (если можно было несмѣлую надежду назвать расчетомъ), была память о моихъ родителяхъ.

При ихъ жизни, пріѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ по дѣламъ, Константина Адреевичъ живалъ подолгу у насъ въ домѣ. Дѣльный, краснорѣчивый адвокатъ и большой любитель древне-русской старины, человѣкъ умный и живой, смѣшной острякъ въ дамскомъ обществѣ, веселый сквернословъ въ мужскомъ, — Константинъ Адреевичъ былъ всюду желаннымъ гостемъ. Даже неудачная женитьба на отношеніе къ нему не повліяла (хотя принимать его любили безъ жены).

Про жену, Настасью Прокофьевну, у насъ дома говорили, что она «изъ простыхъ», что ее Константинъ Адреевичъ привезъ откуда то съ глухихъ береговъ Унжи; вспоминали, что въ первый годъ брака она ходила въ косынкѣ, робко озиралась, отвѣчала полушопотомъ, дичилась всѣхъ, особенно мужчинъ, и вся оживала, расцвѣтала необыкновенной прелестью лишь въ присутствіи мужа. (Такою вспоминалась она всегда моему отцу). Съ годами это, разумѣется, пропало, и мы съ Володей знали ее уже самой обыкновенной, скучноватой московской дамой. Но что то заволжское все же въ ней осталось: въ говорѣ, въ поклонѣ, въ преувеличенной скромности, въ несвѣтской молчаливости. Мать моя очень всегда жалѣла Константина Адреевича за такой, по ея мнѣнію, неудачный бракъ.

Вотъ къ этимъ Ловчинымъ, знаяшимъ меня съ дѣтства, я теперь въ квартиру и стучался.

Старая горничная, угрюмая Варвара, поглядѣла на меня въ щелку,

— Господи... баринъ Алексѣй Галычъ! — воскликнула она и отворила дверь.

Я втащилъ поклажу. Варвара помогла сложить мѣшки на ларь и побѣжала въ комнаты.

По привычкѣ, пріобрѣтеної въ тѣ дни, я примѣтилъ сразу: керосинъ (не просто огарокъ), огонь подъ плитой, опрятную кухню, замѣтилъ, что Варвара была въ чемъ то ватномъ, очень тепломъ. «Справляются какъ то...» заключилъ я, «можетъ быть, не откажутъ».

Хлопнула вдали дверь, послышался знакомый громкій голосъ, тяжелые шаги — Константинъ Андреевичъ стоялъ передо мной. Мы расцѣловались.

— Я прямо съ поѣзда. Не знаю, только можно ли къ вамъ... Вѣдь я ночевать прошусь, Константинъ Андреевичъ, на нѣсколько дней... — въ замѣшательствѣ проговорилъ я. — Но я все съ собой привезъ, чтобы хозяйство не стѣснять — вотъ тутъ, въ мѣшкахъ...

— Ну, обѣ этомъ ты, голубчикъ, съ Настасьей Прокофьевной, — перебилъ Константинъ Андреевичъ. — Гдѣ же Настасья Прокофьевна? — крикнулъ онъ въ коридоръ.

— У всенощной... — угрюмо отозвалась изъ темноты Варвара.

Константинъ Андреевичъ поморщился.

— Вотъ пріѣхалъ, а хозяйки то и нѣтъ... Ну, и кстати же ты! — оживленно заговорилъ онъ. — Мы инспекцію поджидаемъ: чѣмъ больше сейчасъ народу въ домѣ, тѣмъ лучше. Теперь у насъ изъ-за всякой клѣтушки бой, скоро пройдетъ декретъ о вселеніи. Что же ты не разѣваешься? Помоги же, Варвара!

Варвара стащила съ плечъ моихъ старый полушибокъ, и меня повели въ комнаты.

Знакомая квартира, заставленная старинной мебелью, обвѣшенная картинами, портретами, блюдами, иконами... Въ кисеѣ, въ чехлалѣ, безъ ковровъ, — она казалась пустой, и въ ней было по нежилому холодно и гулко. Въ секретарской блекло свѣтила маленькая настольная лампа, и было очень тепло. Въ глубинѣ комнаты, загороженная книжнымъ шкапомъ стояла узкая, тщательно при-

бранная кровать; на столѣ, покрытомъ розовой, съ разводами, скатертью, дымился самоваръ.

— Тутъ у насъ и столовая, и гостиная, и я здѣсь сплю, — объяснилъ Ловчинъ, — приходится ютиться: дровъ нѣть.

— Я тоже въ одной комнатѣ живу. Вы со мной, пожалуйста, не стѣсняйтесь, хоть въ нетопленную положите...

— Настасья Прокофьевна ужъ какъ нибудь тебя устроить, а сейчасъ давай чай пить. Садись, Алеша, рассказывай... Ну что же ты? Какъ же ты за эти годы? — и Ловчинъ неумѣло-хлопотливо сталъ разливать чай.

Я все разглядывалъ его.

Онъ похудѣлъ и обрюзгъ, но былъ, какъ будто, тотъ же — пышноволосый, пышнобородый, высокій сѣдой старикъ, съ профессионально-величавой адвокатской осанкой и пріятно журчащимъ голосомъ. Новое въ немъ было лишь неряшливость костюма: грязноватая фуфайка подъ растегнутымъ жилетомъ, войлочные туфли, набѣгающіе на нихъ носки, да еще отъ него довольно противно пахло лукомъ.

— Надолго ты въ Москву? Командировка? Теперь у всѣхъ командировки...

— Думаю дня на два, на три... Значусь — въ командировкѣ, но не поэтому пріѣхалъ. Одна дѣвушка здѣсь въ больницѣ лежитъ... ее разыскать надо, мнѣ поручили, то есть, я самъ вызвался...

— Ну, если она больна, значитъ, надолго, — дѣловито рѣшилъ Ловчинъ. — Тетушка твоя прошлой зимой заѣзжала, мы много о тебѣ говорили... — прибавилъ онъ, какъ бы предупреждая, что знаетъ про мою неудачную женитьбу.

— А мнѣ лѣтомъ кто то сказалъ, что вы по прежнему въ Москвѣ и адресъ тотъ же. Теперь рѣдко, когда тотъ же адресъ: люди и вещи — все свою судьбу перемѣнило. Вы

служите? Теперь всѣ служатъ. Я — инвалидъ и то служу.

Ловчинъ нахмурился.

— Да, милый мой, въ юридическихъ консультаціяхъ Кремлю не отказываю.

— Имъ помогать нельзя, — убѣжденно проговорилъ я.

— Да какая же это помощь? Это самопомощь, Алеша. Я недоумѣнно пожалъ плечами.

— Не удивляйся, что я про самопомощь говорю...

— оживившись и, видимо съ удовольствіемъ приготовляясь защищаться, заговорилъ Ловчинъ: — конечно, самопомощь. Вотъ вы всѣ боитесь: «пролетаріатъ забралъ права! пролетаріатъ новое дворянство!» Да сдѣлайте ваше одолженіе! Развѣ это страшно! Да я всячески готовъ этихъ новыхъ дворянъ создавать. Вотъ, если годами безправія военно-полевого управлія и станутъ уже бытомъ (именно «бытомъ»!) военный постой, общій котель, реквизиціи, военно-полевые суды, — вотъ это страшно! А вѣдь сейчасъ мы именно такъ и живемъ. Правъ ни у кого нѣтъ никакихъ. Все это чепуха насчетъ привилегій низовъ — у нихъ тоже ничего нѣтъ. Право на трудъ, прибыль, контроль, власть... все забыто. Единственная реальность — война!

— На югѣ не война, а за Волгой — свѣдѣнія есть — фронтъ уже паль, — волнуясь, протестовалъ я.

— Кто же про югъ! — досадуя на мою непонятливость и начиная раздражаться, вскричалъ Константинъ Андреевичъ. — Я про то, что Брестъ-Литовскъ войны не прекратилъ.

— По вашему война продолжается?

— Никогда и не кончалась. Какой же это миръ, скажите, пожалуйста! Миръ — это трудъ, собственность, охраняемое судомъ мое «завтра», а всѣ живутъ и сейчасъ, какъ на фронтѣ. Вотъ мы, юристы, и должны кричать, внушать, даже навязывать низамъ, чтобы они не зѣвали, добыли себѣ права, и что ради правъ весь сыръ-боръ... а

иначе къ чему революція? На что она, если безправіе солдатчины? Пусть вопіющее неравенство, да хоть крѣпостное право на наши головы, — чортъ съ нимъ! — все-таки это хоть какое-то спасеніе. Иначе мы превращаемся изъ націі въ населеніе, просто въ «этнографическое» мясо...

Я слушаль Ловчина съ большимъ вниманіемъ. Что отвѣтчать ему, — не зналъ, опровергнуть — не могъ. Да и какъ мнѣ было разобраться! Добрынинъ тоже имъ «руководства» пишеть и можетъ сослаться: «для спасенія». Нѣтъ, кто хочетъ спасать, тѣмъ одно мѣсто — на югъ, въ армії, а иначе лучше пустота безгражданственности, какъ у меня. Ловчинъ адвокатъ, онъ разсчитываетъ обойти противника. Обманется... Когда кто нибудь, какъ я, всю душу, все отчаяніе свое на сопротивленіе власти когда то положилъ, рисковаль всѣмъ, тогъ знаетъ, — такъ не спасаютъ.

Я хотѣлъ возразить и про Добрынина упомянуть и вообще сказать что-нибудь возмущенно-офицерское, но кто то вдругъ тронулы меня за плечо. Настасья Прокофьевна! Я бы издали никогда ее не узналь, но она слегка наклонилась надо мной и свѣтъ лампы освѣщаль ея лицо. Да и какъ было ее узнать! Она стала похожа на Варвару. Тоже въ чемъ то старушечьемъ, некрасивомъ, съ чернымъ платкомъ на головѣ, затянутымъ подъ подбородкомъ, и лицо напоминало мнѣ не ее прежнюю, а усталыя, упрямо-суровыя, иногда прекрасныя лица нашихъ деревенскихъ бабъ.

— Я даже ушамъ не повѣрила, думала: ослышалась, когда Варвара сказала, что вы тутъ (она всегда говорила намъ съ Володей «вы»). Дайте же, Алеша, поглядѣть то на васъ, какой вы стали... — своимъ пѣвуче-яснымъ говоркомъ, ласково, чуть тревожно сказала она и съ радостнымъ удивленіемъ воскликнула: — На отца, на отца похожъ сталь... вылитый покойный Павель Алексѣевичъ!

— Ты бы распорядилась, куда устроить Алешу, —
вмѣшался Константи́нъ Андрееви́чъ.

— Мы съ Варварой уже обдумали — во вторую люд-
скую, возлѣ кухни тепло; только Алеша пусть не взы-
щетъ: ужъ какая въ людской мебель! А вещи позволь-
те въ гостиную положить, и тулупчикъ тамъ повѣсимъ
— будеть значиться: живете въ гостиной. Вы же пожи-
вете у насъ?

— Алеша пріѣхалъ разыскивать въ больницахъ од-
ну больную, — сказалъ Константи́нъ Андрееви́чъ.

— Да, въ командировкѣ только значусь... — крас-
нѣя, проговорилъ я.

Настасья Прокофьевна быстро взглянула на меня.

— Какъ зовутъ то ее?

— Повѣнецкая... она въ тюрьмѣ была, а потомъ за-
болѣла.

— Фамилию такую никогда не слыхала.

Больше они меня не разспрашивали. Повидимому, Ловчинъ не хотѣлъ продолжать нашъ разговоръ при же-
нѣ, потому что сейчасъ же заговорилъ о дѣлѣ инженера Салакина, стоявшемъ жизни многимъ московскимъ обще-
ственнымъ дѣятелямъ. Про организацію генерала Мюле-
на (значить, и про Добрынина) онъ, однако, толкомъ
ничего не зналъ.

Настасья Прокофьевна въ нашей бесѣдѣ участія не
принимала. Она накрывала ужинъ и, тихо позвякивая
ключами, то выходила, то возвращалась. Въ ней, всегда
неподвижно-безучастной и потому скучной, было теперь
что то живое, дѣятельное и очень озабоченное.

Хозяева накормили меня, чѣмъ могли. Съ дороги я
очень усталъ. За окнами надвигалось ненастье мартовской
оттепели. Отъ сознанія, что я спрятанъ, укрыть на ночь
въ чужомъ городѣ, на меня нашло дремотное успокое-
ніе, и я засѣвалъ.

Настасья Прокофьевна спохватилась, зажгла запасной

огарокъ и отвела въ маленькую комнату возлъ кухни, теплую и отъ тѣсноты даже уютную.

— Я сама здѣсь въ морозы сплю, — пояснила она.

— А я, Настасья Прокофьевна, пока съ вокзала шель, все беспокоился, примете ли меня? — съ удовольствіемъ глядя на приготовленную постель, сказалъ я.

— Какъ же не принять? — удивилась Настасья Прокофьевна: — Гостиницъ то вѣдь нѣтъ больше.

Она приклеила огарокъ къ валявшейся на комодѣ аптекарской коробочкѣ и собралась уходить.

— Минъ хочется спросить васъ... — началъ я, не зная, какъ безобиднѣе сказать ей то, что хотѣлось, — почему вы... я весь вечеръ на васъ смотрѣль... почему вы, какъ Варвара... вотъ платокъ на васъ и вообще какъ то по простому?

Настасья Прокофьевна вопросу моему не удивилась, не смутилась, молча поглядѣла на меня, словно раздумывая, стою ли я отвѣта

— Не понять вамъ, быть можетъ, — почему, и не вы одинъ меня спрашиваете... Но какъ это объяснить! — тихо воскликнула она и на мгновеніе задумалась. — Я сей-часъ, Алеша, словно въ своемъ Кулакиномъ посадѣ сызно-ва очутилась, — просто и искренно продолжала она. Все такое понятное кругомъ, такое свое, точно народъ мой посадскій за мной въ Москву пришелъ и опять я, какъ когда въ дѣвушкахъ была... А вотъ, Константину Андреевичу трудно, ой, какъ трудно! Волнуется онъ и спорить-спорить, не понять ему нась никогда... И съ вами, на-вѣрное, сразу заспорилъ. Къ нему «наши» ъздятъ, говорятъ: «очень уважаемъ, посовѣтуйте» — ну, онъ и со-вѣтуетъ, но только, конечно, тяжко ему... Вотъ и не спить по ночамъ, сердцемъ болѣть сталъ, изъ-за пустя-ковъ и на меня и на всѣхъ раздражается. И какъ не раз-

дражаться, когда кругомъ все чужое, не твое, и точно одна надъ тобой насмѣшка...

— Зачѣмъ вы Константина Андреевича жалѣете, если такъ и надо, чтобы нась всѣхъ мучить? — угрюмо спросилъ я.

— Неправда! Неправда! Никого никогда не хотѣли мучить... — горячо и убѣжденно воскликнула Настасья Прокофьевна. — Не дѣло было воевать, не хотѣли воевать — вотъ почему все вышло. А теперь какъ и помочь, когда до того запутались! Вотъ у нась въ девяносто осьмомъ году холера посадъ нашъ косила, и лѣсные пожары все лѣто, и хлѣбъ пожгло... тогда мы, дѣвушки, за тридцать верстъ въ скитъ «Семилѣсь» ходили, день, двѣ ночи лѣсами, болотами, въ обходъ пожара шли, образа несли, изъ скита двое сутокъ не выходили — грѣхи Кулакины замаливали. И теперь только такъ за бѣду нашу и заступаться, а вы говорите: мучить хотимъ...

Послышался звонокъ рѣзкій, нетерпѣливый.

— Константинъ Андреевичъ... — тревожно встрепенулась Настасья Прокофьевна — вѣрно, газету не нашель. Покойной ночи, Алеша...

Я раздѣлся, потушилъ свѣтъ, подумалъ о своихъ хозяевахъ: о Константинѣ Андреевичѣ, о его великовѣшіи, похожемъ на отчаяніе; о близости къ народу Настасьи Прокофьевны; сразу почуялъ, что между супругами разладъ, въ которомъ оба неповинны. Однако, не взаимоотношенія ихъ меня заинтересовали, а то, что они оба по своему страну спасать собирались. Это меня очень удивило. Я давно ни о ея спасеніи, ни о чѣмъ, кромѣ себя и своего не думалъ и съ такимъ стремленіемъ спасти народъ еще не встрѣчался. Мы въ подпольѣ искали прежде всего успѣха своихъ военныхъ заговоровъ, спорили о политическихъ программахъ, у нась было что-то совсѣмъ, совсѣмъ другое...

Эти размышленія мгновенно разлетѣлись, лишь толь-

ко я вспомнилъ о моей завтрашней встрѣчѣ съ Маріей Федоровной. (Я былъ увѣренъ — завтра!) Эту встрѣчу я никогда вообразить себѣ не могъ, старался о ней не думать вовсе. Но незнакомая комната, вѣтеръ-вихрь за окномъ, храпъ Варвары — напоминали, что я уже въ Москвѣ. Встрѣча казалась мнѣ столь значительной, точно отъ нея зависѣла вся моя жизнь. Развѣ я зналъ, почему меня таинственно влекла эта чужая мнѣ дѣвушка, и почему я такъ добиваюсь встрѣчи?

Утромъ, не успѣль я проснуться, вспомнилъ сразу: надо торопиться. Розенкирхи совѣтовали сначала сходить въ больницу. По ихъ мнѣнію, Марія Федоровна была еще тамъ, потому что отъ Обручевой вплоть до моего отѣзда не было условной открытки.

Больница была дальняя, фабричная, за заставой, и попала туда Марія Федоровна благодаря обручевской землячкѣ-фельдшерицѣ.

Варвара наскоро напоила меня чаемъ (тутъ я и мѣшкі развязалъ), и я тотчасъ вышелъ изъ дома.

Вѣтеръ затихъ, и стало такъ тепло, ударила такая оттепель, что съ крышъ лило, а размякшія, какъ гороховое мѣсиво, мостовые покрылись глубокими большими лужами. Пока я добирался до Драгомиловской заставы, облака разнесло, появились голубые островки, потянуло мягкимъ весеннимъ вѣтеркомъ, а когда, проплутавъ вокругъ громадныхъ заводскихъ складовъ, я, наконецъ, нашелъ больницу, засіяло солнце, и вся Москва поплыла въ голубоватой сверкающей водѣ...

Всю дорогу я волновался. Когда же отворилъ тяжелую, отсыревшую больничную дверь, въ лицо мнѣ ударили запахъ карболовки, и я подумалъ, что Марія Федоровна здѣсь — мое волненіе достигло крайняго напряженія.

Я растерянно пометался по швейцарской, отыскать контору (она оказалась въ первомъ этажѣ, но была еще

заперта) и усълся ждать на лавку, на площадкѣ грязной забѣгannой лѣстницы. Рядомъ на подоконникѣ примостились двѣ отдежутившія сидѣлки и озабоченно разговаривали о сахарѣ. Я спросилъ про Марію Федоровну, но онѣ не знали. На площадку выходили высокія двери, оттуда несло вонью больныхъ и неприбранныхъ людей, то и дѣло шмыгали замызганныя сестры, дѣловито вверхъ по лѣстницѣ прошель докторъ въ небрежно надѣтомъ — съ болтающимися на спинѣ завязками — халатъ, турьбой съ ведрами и швабрами валили поломойки, проносили на носилкахъ изъ этажа въ этажъ больныхъ женщинъ, прикрытыхъ свалившимися, засаленными одѣялами... Внизу, въ швейцарскую, на амбулаторный приемъ стало набиваться фабричное бабье съ грудными дѣтьми, и оттуда тоже потянуло крѣпкой вонью.

Я въ тревогѣ озирался по сторонамъ, заглядывалъ въ коридоръ, со страхомъ всматривался въ лица больныхъ на носилкахъ, не увижу, не узнаю ли Марію Федоровну. Попытался остановить кое кого изъ сестеръ, спросилъ доктора — всѣ меня отсылали въ контору.

Туда меня впустили не скоро, и завѣдующая справками барышня-еврейка долго промучила меня, перелистывая огромныя прошнурованныя книги.

— Въ больницѣ гражданки Повѣнецкой нѣть и въ выписной не зарегистрирована, — не подымая глазъ, проговорила она.

— Не можетъ быть! Ее выписали, выписали... посмотрите хорошенько, пожалуйста, посмотрите! — въ сильномъ возбужденіи вскричалъ я.

Барышня пожала плечами, но потянулась совсѣмъ къ другой книгѣ...

«Почему невозможно? Почему — «умерла»... невозможно?» съ безнрѣдѣльной грустью подумалъ я, и мнѣ показалось, что все возможно, что теперь кромѣ горя, у

людей ничего не бываетъ, и что и у меня, какъ у всѣхъ, должно случиться...

И тутъ, неожиданно, такъ, какъ мечтается чудо, ста-рикъ-сторожъ, возившійся въ углу съ чайной посудой, не выпуская изъ руки жестяного чайника, подошелъ къ намъ.

— Повѣнетову третьяго дня выписали, — сердито заворчать онъ на барышню, — когда палату подъ супру-гу Петра Моисеича очищали, выписныхъ листовъ въ кан-целярію давать не приказано было.

Барышня покраснѣла и раскричалась, что они на под-писи у доктора Мозельвейна, что безъ листовъ не выпи-сывали никого. Но я уже не слушаль...

Хлопнувъ дверью, я побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ и, растолкавъ скопившуюся у амбулаторіи очередь, устре-мился къ выходу. Ахъ, эта незабываемая минута, когда я вырвался на улицу, къ весеннему вѣтру, теплу, къ таю-щимъ снѣгамъ, на голубыя лужи... Потомъ я побѣжалъ прямо посреди Драгомиловской, по рельсамъ, пропуская мимо себя беззаботно мчавшіеся по грязи трамваи. Я спѣ-шился къ Обручевымъ. Розенкирхи мнѣ сказали, что Ма-ріи Федоровнѣ изъ больницыѣхать некуда — только къ нимъ. Юрій мнѣ начертілъ весь планъ, и 2-ую Мѣщанскую я разыскалъ безъ особаго труда, но добрался до нея лишь къ полудню.

Номеръ* оказался не домъ, а дровянной складъ, сей-часъ пустой, но въ распахнутыхъ воротахъ, за сараемъ, виднѣлся деревянный флигель. Я вошелъ въ ворота, увя-зая въ грязи, перепрыгивая по льдистымъ кочкамъ, мино-валъ пустую собачью конуру, обогнувъ сарай; съ необы-чайной увѣренностью, точно я здѣсь не впервые, сталъ подыматься по скрипучей лѣстницѣ. Квартира обойщика... выше, выше... поворотъ послѣ чьей то заколоченной на-глухо двери, поворотъ... площадка... дверь. Я взглянулъ въ окошко, на небо — и дернуль колокольчикъ...

Открыла Обручева. Я узналь ее мгновенно по описанию. Коренастая, маленькая, курносая, съ родинкой на подбородкѣ. Увидала меня и очень испугалась: такъ пугаются всякаго незнакомаго человѣка.

Я вытащилъ изъ кармана полосатые шерстяные чулки, которые она въ свое время одолжила матери Розенкирха (это былъ между ними условный знакъ), и она несмѣло попятилась съ порога.

— А... чулочки! — обрадовалась она. — Марья Францевна и то писала, что скоро вернутся...

— Это, чтобы вы знали, кто я. Марія Федоровна у васъ?.. — задыхаясь, проговорилъ я.

— У насъ. Но онъ больны... слабы очень, изъ больницы третій день... Вы кто же будете? — дѣловито, стараясь что то сообразить, продолжала она

— Скажите: Полежаевъ, Алексѣй Павловичъ Полежаевъ... Напомните: тотъ, который въ Гатчину прѣѣжалъ. Я фамилію вамъ напишу.

— Нѣть, зачѣмъ же? Я запомнила.

Я стояль съ бьющимся сердцемъ и безсмысленно смотрѣль на горшки съ засохшой землей на подоконникѣ, на многолѣтнюю грязную вату за стекломъ, на мертвыхъ мухъ... Думалъ ли я о чемъ нибудь? Не знаю, кажется, вдругъ забезпокоился, не снять ли мнѣ грязный полушибокъ...

— Пожалуйте, пройдите къ нимъ! — окликнула меня Обручева.

Мнѣ казалось, что квартира очень маленькая, что Марія Федоровна гдѣ то совсѣмъ рядомъ за стѣной, но Обручева провела меня узкимъ, темнымъ коридорчикомъ, съ рухлядью въ углахъ, и отворила дверь въ проходную, очень бѣдную комнатку.

— Здѣсь онъ, — сказала она и пропустила меня впередъ.

Въ сосѣднюю комнату была открыта дверь, и тамъ, у самаго окна, сидѣла Марія Федоровна.....

— Алексѣй Павловичъ!.. — тихо воскликнула она.

Кажется, она хотѣла приподняться, встать, встрѣтить меня, но только пледъ соскользнулъ у нея съ колѣнъ, и она не встала. Я подъѣжалъ, поднялъ пледъ, укуталъ ее. Мы, кажется, даже не поздоровались. Я не могъ вымолвить ни слова...

— Вотъ и встрѣтились... Я не думала, что встрѣтимся, —сказала Марія Федоровна.

— Въ больницѣ мнѣ сказали, что вы третьяго дня... я не зналъ... я сейчасъ былъ, — едва соображая, что говорю, промолвилъ я.

Я старался не глядѣть на нее и не переставалъ ее видѣть съ первого мгновенія, еще съ порога, когда вошли съ Обручевой. Я видѣлъ ея милое подурнѣвшее лицо, первыя серебристыя нити въ ея черныхъ гладкихъ волосахъ, худощавую руку, которой она поспѣшно застегнула пуговку у ворота чернаго платья, просторно облегавшаго ея плечи. Вѣроятно, и я былъ тоже не прежній.

— Я не узнала бы васъ, вы такъ измѣнились. Я и въ Гатчинѣ съ трудомъ узнала... — изумленно сказала Марія Федоровна, пристально глядя на меня, и вдругъ замолчала, точно упоминаніе про Гатчину вызвало въ ней чувство неловкости.

— Я въ Петербургѣ отъ Розенкирха узналъ про освобожденіе, и что вы больны и адресъ... до ихъ прїѣзда ничего не зналъ, — торопливо и словно оправдываясь, что поздно прїѣхалъ, заговорилъ я. — Вы знаете, ваши бѣжали, — и благополучно?

— Меня извѣстили. Какъ я обрадовалась! Я хотѣла, чтобы они уѣхали. Я же знаю, чего имъ стоила эта жизнь.

— Федоръ Федоровичъ очень хорошо все выносить, и Эмма Карловна тоже. Мы встречались и всегда говорили о васт... — И я сталъ рассказывать, какъ ходилъ на Тамбовскую.

О Федоръ Федоровичъ я отзывался мягко, дружественно, прямо пристрастно, не отдавая себѣ отчета, что ложь моя — отъ великодушія радости, не знающаго уже осужденія. А радость во мнѣ была воистину необычайная, неизвѣданная... Этихъ первыхъ минутъ упокоительной безтревожности, этой нездѣшней радости мнѣ никогда не забыть. Ничто ее не омрачало; казалось, все кругомъ ее лишь украшаетъ. А между тѣмъ, какъ бѣдно, какъ убого было мѣсто нашего первого свиданія!

На выцвѣтшихъ обояхъ играло солнце. Оно играло и на пыльномъ зеркальцѣ, на стѣнѣ, на лакировкѣ швейной машинки, рядомъ съ узкой желѣзной кроватью, на мѣдныхъ замкахъ комода... Бѣлымъ блескомъ отливали немытыя стекла окошка, за ними сверкала мокрая крыша сарай, а выше, за кривой его трубой, великолѣпно сіяло небо.

Марія Федоровна, въ черномъ платьѣ, съ синимъ пледомъ на колѣняхъ, сидѣла на самомъ свѣту. Солнце безбоязненно освѣщало ее съ головы до ногъ, словно знало достовѣрно, что въ ея внезапномъ раннемъ увяданіи заключена для меня сейчасъ вся ея красота. Въ мягкомъ выраженіи лица, въ слабомъ, послѣ болѣзни, голосѣ были тишина и задумчивость, которыхъ раньше въ ней никогда не бывало. И спрашивала, и слушала она теперь по-иному: безъ прежней дѣловитой сухости, безъ непріятной для собесѣдника сосредоточенности на чемъ-то ему постороннемъ. Говоря о братѣ, она взволновалась, торопливо задавая вопросы, — хотѣла, видимо, и не смѣла спросить о чемъ-то.

Я бы могъ передать ей «прощеніе» (въ первую встрѣчу онъ мнѣ сказалъ, что прощаетъ), но на жестокость

этого «прощенія» у меня въ ту минуту не хватило духу. Вообще, я все время путалъ и спотыкался, чтобы какъ-нибудь нечаянно на ея горе не намекнуть, но она, торопясь и краснѣя, сама заговорила о томъ, что косвен-но касалось московской катастрофы — спросила, полу-чиль ли я записку, въ которой она про меня писала Фе-дору Федоровичу.

Съ первыхъ же словъ я ее прервалъ.

— Минѣ записку прочитали. Не будемъ о ней гово-рить. Это пустяки, вѣдь, недоразумѣніе сейчасъ же вы-яснилось...

«Выяснилось, когда въ Пѣтербургѣ узнали про Доб-рынина...» вдругъ спохватился я, ужасаясь тому, какъ я нехорошо сказалъ.

— Я не знала.. думала — были непріятности, — сму-щенно проговорила Марія Федоровна. — Вы надолго въ Москву? Васъ комитетъ прислалъ?

Я бы могъ сказать, что пріѣхалъ отъ комитета или не отъ комитета, т. е., что мой пріѣздъ слuchaенъ и съ ней не связанъ, эта маленькая ложь была бы такой законной уловкой самолюбія, но слова сказались сами собой, ис-кренно и просто:

— Я пріѣхалъ только для васъ — помочь вамъ.

Марія Федоровна изумленно взглянула на меня и опустила глаза. Наступило молчаніе — одна изъ тѣхъ минутъ, что либо связываютъ, либо разобщаютъ.

Я смотрѣлъ на ободранныя рукавицы, которыя держаль въ рукахъ, на облѣзлые обшлага полуушубка, слы-шалъ, какъ тонко, до писка, чирикнулъ подъ окномъ во-робей, — и странно! — отвѣта Маріи Федоровны не бо-ялся: все равно онъ измѣнить во мнѣ уже ничего не могъ.

— Вы въ Гатчинѣ тоже сказали... что хотите помочь, — съ усиліемъ подбирая слова, сказала она, — и Федя писаль про вашу доброту. Вы такъ великолѣпны — къ

нему... ко мнѣ... я даже и понять не мѣгу, за что все это... такое отношеніе.

— Вы одна остались. Можетъ быть, повѣрить трудно, что только поэтому... — не глядя на нее, проговорилъ я и торопливо прибавилъ: — вѣдь, Федора Федоровича нѣть больше...

Марія Федоровна слушала внимательно и немного встревоженно. Мнѣ показалось даже, что моя откровенность не очень ей понравилась.

— Я не боюсь вашей жалости, Алексѣй Павловичъ. Да, я одна осталась... — со сдержаннѣемъ проговорила она. — Если, правда, вы хотите, вы можете помочь, — помогите, пожалуйста... Я хочу скорѣй въ Петербургъ... мнѣ надо, я не могу здѣсь... оторванная отъ всего, отъ всѣхъ... я не знаю, что же дальше...

Я увѣрилъ ее, что сдѣлаю все возможное, обнадѣживалъ, ссылаясь на связи Ловчинахъ. Если бы вмѣсто этихъ глупыхъ словъ, могъ я сказать, что не изъ жалости пріѣхалъ, что никогда ее не жалѣль! Во мнѣ было совсѣмъ другое чувство — не жалость: ощущеніе, то близости, то отдаленности — сложное, волнующее чувство, похожее на трепетъ благоговѣнія. А между тѣмъ, ничего достойнаго моего нравственнаго удивленія въ ней не было: я ничего хорошаго по отношенію къ себѣ не видалъ, ничего доброго про нее даже не зналъ (Федоръ Федоровичъ мнѣ только про ея ошибки и слабости говорилъ), но въ ней было нѣчто для меня важнѣе нравственности — сила взволнованной и глубокой душевной жизни, къ ней-то и влеклась моя душа. И сейчасъ настоятельная просьба изъ устъ ея, слабой, измученной, озадачила меня. Неужели послѣ всего пережитого, смерти подобнаго, куда-то можно еще стремиться? Розенкирхъ говорила: «новые планы у нея». Но какіе планы, когда жизнь кончена! Не все ли равно, какъ ее доживать! Не-

ужели опять Шкаревъ? И мнѣ съ горечью вспомнилась Подъяческая.

— Я предупреждаю васъ, въ нашей организаціи разваль полный... — горячо заговорилъ я: — разувѣрились, бѣгутъ, не довѣряютъ, ссорятся. Шкаревъ мнѣ самъ говорилъ. Реконструкцію затѣяли, «Военный Централь» выдумали, но это вздоръ! У нихъ нѣтъ ни денегъ, ни людей, ни идей. У пѣвицы Д. штабъ устроили. Вы бы видѣли эту мадамъ Роланъ! Я ушелъ отъ нихъ, хотя неофициально. Вы сами убѣдитесь: оставаться безполезно.

— Я знаю, я про разваль слыхала, — озабоченно сказала Марія Федоровна. — Все это отъ ужасающей слабости, всѣ растеряны, всѣ слабы...

— Если слабы, неужели не уходитъ?

— Уйти можно но отъ этого ничего не измѣнится — бѣда та же, и мы тѣ же... Я такъ поняла, такъ рѣшила.

— Нѣкоторые говорятъ, какъ вы, что слабы, но совсѣмъ итти къ народу, потому что мы призваны служить ему — а не бороться съ нимъ, — продолжалъ я. — Но это невѣрно насчетъ «служенія». Я испробовалъ, я знаю, я имъ историческія лекціи читать взялся. Имъ не служить мы должны, а отъ нихъ защищаться. Это не обученіе дѣтей. Обучать дѣтей совсѣмъ другое дѣло: отъ истины къ истинѣ, отъ простого къ сложному, а тутъ власть низшаго разума надъ высшимъ. Нельзя правильно, четко мыслить и жить въ душегубствѣ. Ни одинъ злодѣй не могъ. Спросите криминалистовъ. Кто лжетъ, тотъ уже прикасается къ стихіи преступленія, и наоборотъ, преступники всѣ лгутъ съ легкостью необычайной, потому что разумъ и совѣсть не разорвать: они изъ одного ядра растутъ... Я это понялъ, когда съ лекціями возился. Мнѣ казалось, я съ ума сойду, а въ сущности, что худого я дѣлалъ? Я лишь чуть-чуть научную истину искажалъ. Какъ всѣ лекторы этой опасности для человѣка не почуяли!

Я стала, было, безтолково-торопливо рассказывать про пельтиевцевъ, но Марія Федоровна прервала меня:

— Я не обѣ этомъ, тоже не обѣ этомъ говорила. Это униженіе никому не нужно — я о томъ, чтобы не уходить отъ своихъ, отъ себя не прятаться, если слабъ.

— Вашъ братъ тоже говорилъ, что надо быть себѣ вѣрнымъ.

— Да, всегда говорилъ: «вѣрнымъ себѣ...» — взволнованно сказала Марія Федоровна, — но какія это сложные и страшные слова: «себѣ», «себя», «я». У всѣхъ людей свое «себѣ», «себя» — у нихъ и у насъ. Мы говоримъ: мы «бѣлые» — такъ себя опредѣляемъ: бѣлые, чистые, достойные, поэтому спасаемъ, поэтому спасемъ... но развѣ мы такіе? — и Марія Федоровна вопросительно смотрѣла на меня.

Ея слова напомнили мнѣ весь ужасный годъ — несчастную «цѣпь», давно разсыпавшуюся для меня на звенья. Въ тяжелые дни я не только въ ней не искалъ душевной поддержки (и въ голову не приходило!), но мнѣ всегда казалось, что темное облако наплываетъ на меня также и оттуда, что все произошло отъ безмыслицы, безтолочи, растерянности, отъ смертоносной духоты, въ которой мы метались, слабѣя волей, ожесточаясь, задыхаясь отъ безсилія въ предчувствіи своей обреченности.

— Мы высоко себя ставимъ, но въ сущности въ себя не вѣrimъ. По-моему, тоже: не мы спасемъ, — сказалъ я.

— Но и не тѣ, о которыхъ вы говорили — «служение».... — со сдержанной пылкостью заговорила Марія Федоровна. — Они говорятъ, что силой вещей въ концѣ концовъ овладеютъ всѣмъ, но это невѣрно. Вы тоже увидали, что это невѣрно? На путяхъ нашихъ встрѣчи быть не можетъ, не должно быть... мы только и живы сейчашь взаимнымъ отрицаніемъ, взаимной ненавистью, — четко и твердо, слегка задыхаясь отъ волненія, добавила она.

«Про Добрынина думаетъ...» догадался я.

Разговоръ очень волновалъ ее, явно, касался большого сердцу и — кто знаетъ? — быть можетъ, искусительного сомнѣнія, что Добрынинъ не измѣнникъ, а лишь своевольный человѣкъ, избравшій свою дорогу къ той же цѣли.

Я замѣтилъ, что Марія Федоровна въ сильномъ нервномъ возбужденіи и устала: нездоро-ярко блестѣли черные глаза, горѣли щеки и руки слегка дрожали, нервно перебирая бахрому пледа. Но тутъ же забывалъ про это. Мнѣ хотѣлось говорить безъ устали. Казалось, я вѣкъ ни съ кѣмъ не говорилъ, одичалъ, усталъ молчать, усталъ жить изо дня въ день нѣмо и темно. Не знаю, почему я все время забывалъ, что она больная, пострадавшая, подобно Розенкирху, Фонаревой, Арабскому. Вѣроятно, потому, что она сама о тюрьмѣ, больницѣ, о своихъ страданіяхъ ни словомъ не обмолвилась, не высказывала сужденій на основаніи личныхъ бѣдствій (какъ большинство людей); и слова ея, мысли ея, все въ ней казалось мнѣ поэтому значительнымъ и отдохновительно - безкорыстнымъ.

Мы заговорили объ удручающихъ извѣстіяхъ съ юга. Я рассказалъ о разгромѣ нашихъ частей за Волгой, о чемъ въ Москвѣ еще не знали, потому что Петербургъ оповѣщала бѣлая агентура, минуя московскій центръ, прямо черезъ Вологду. Я хотѣлъ еще сказать о нелѣпой докладной запискѣ генерала Дудковскаго и не знаю, когда бы опомнился, если бы въ сосѣднюю комнату не вошла Обручева.

— Вы бы прилегли, Марія Федоровна, — наставительно проговорила она. — Онѣ и всего-то второй день какъ съ постели: слабы очень, — обратилась она ко мнѣ.

— Я не зналъ, не подумалъ... — виновато спохватился я.

— И гдѣ жъ силамъ-то быть? Питаніе-то какое! Одно пшено.

— Надинька... — остановила ее Марія Федоровна.

— Да я съ ними по-просту, — дѣловито продолжала Надинька, — ежели, можетъ быть, у нихъ «рука» есть, такъ карточку бы больничную поскорѣй, а то мужъ ходилъ-ходилъ — не выдаютъ, а по городской — одно пшено.

— Я достану. Непремѣнно. Я постараюсь... — самъ не зная точно, за что берусь, проговорилъ я.

— Ужъ, пожалуйста, постарайтесь. — И снявъ съ гвоздя какія-то юбки, Надинька вышла изъ комнаты, довольно шумно-небрежно затворивъ за собою дверь.

— Имъ очень трудно, они дѣлаютъ сверхъ силъ... — шепотомъ пояснила Марія Федоровна. — Я знаю, я ихъ очень стѣсняю. Вотъ оттого тоже скорѣй бы уѣхать.

Я взглянулъ на ея лихорадочные глаза и подумалъ, что до отъѣзда далеко.

— Если — въ тягость, вамъ здѣсь не надо оставаться. Я могу у знакомыхъ устроить, они благодарны будуть, потому что инспекціи боятся, и комната пустая. Ихъ фамилія — Ловчіны. Вы увидите, какъ вамъ будетъ хорошо. Намъ скоро въ Петербургъ все равно не вернуться...

Я сказалъ «намъ» и смущился, такъ ново прозвучало это слово.

— Но вѣдь чужой человѣкъ сейчасъ особенно въ тягость. Надинькѣ, если и въ тягость, то вѣдь ей я все-таки «своя». Мы всю войну вмѣстѣ были, а тамъ, у друзей вашихъ... — озабоченно возразила Марія Федоровна.

— Нѣть-нѣть, я почти ручаюсь. Я сейчасъ же переговорю, а завтра приду сказать.

Я всталъ.

— Вамъ много труда стоило разыскать меня. Не знаю, какъ васъ и благодарить... словъ не знаю... — взволнованно проговорила она и, помолчавъ, прибавила: — я думаю, васъ Богъ послалъ...

Она хотѣла сказать еще что-то — и не могла. «Надо

о другомъ, чтобы не волновалась...» Но о другомъ — не нашелся. Опять, какъ давеча, я увидалъ — не только глазами, а, казалось, всѣмъ сердцемъ, — весенній свѣтъ и Марію Федоровну незнакомую, новую, какой она стала. И не было во всемъ существѣ моемъ въ ту минуту ни тревоги, ни страданья, — одна сердечная теплота: къ ней, къ себѣ, къ бѣдности, въ которой встрѣтились, къ безпомощности, въ которой пребывали... Я зналъ когда-то — кажется, въ раннемъ дѣтствѣ — это же состояніе чудесной безстрашной слабости, но забылъ, зажилъ его годами, великими своими неудачами.

— Такъ я приду опять.. если можно, если вы къ Ловчинымъ согласны?

Марія Федоровна молча наклонила голову и протянула руку. Я руки не поцѣловалъ, не пожалъ — едва коснулся. Все равно, ни одинъ жестъ, ни слово, ни восклицаніе не могли бы выразить того, что во мнѣ было. Я, кажется, едва поднялъ глаза на нее, поклонился и пошелъ къ двери, — лишь на порогѣ оглянулся.

Марія Федоровна пристально-удивленно смотрѣла мнѣ вслѣдъ, точно въ недоумѣніи вопрошала себя о чѣмъ-то...

— Какая сегодня на дворѣ весна! — съ несмѣлымъ восхищеніемъ воскликнулъ я. — Если бы вы видѣли! Въ такой же день, пять лѣтъ тому назадъ, мы отбросили австрійцевъ и вошли въ городъ со знаменами...

— Завтра Благовѣщенье, — тихо проговорила Марія Федоровна.

ГЛАВА XVII.

Моей просьбѣ пріютить Марію Федоровну Ловчины обрадовались. Рѣшено было устроить ее въ моей комнатѣ (возлѣ кухни), а меня перевести въ нетопленную гостиную. (Я увѣряль, что холода не боюсь).

Я опять сбѣгалъ къ Обручевымъ, но Марія Федоровна спала, а тревожить ее Надинька не посмѣла. Я оставилъ записку, а вечеромъ Марія Федоровна прислала Надю — благодарить.

Съ той простодушной дѣловитостью, съ которой люди тогда принимали всякую пользу-выгоду, ничуть своей корысти не стѣсняясь, разбитная Надинька, съ явнымъ удовольствіемъ доказывала намъ, что Маріи Федоровнѣ полный расчетъ переѣхать завтра, хоть съ ранняго утра, да вотъ заминка — извозчикъ Яковъ.

Когда громили усадьбу подъ Химками, Яковъ угналъ призового коня и господскую пролетку и теперь про мышляетъ извозомъ. Какъ заскучаетъ — приходитъ ночевать къ обойщиковъ женѣ, что живеть въ ихъ домѣ. Самого же обойщика въ красную армію осенью забрали. Якова ожидаютъ въ концѣ недѣли, тогда обойщица и уговорить-умолить перевезти Марію Федоровну по божеской цѣнѣ.

Я заикнулся о помощи, но Надинька нахмурилась и сказала, что Марія Федоровна не велѣла про Якова и поминать.

Такъ и остался переѣздъ неусловленнымъ.

Вѣроятно, именно потому, что онъ былъ не условлен-
нымъ, я его очень хорошо запомнилъ.

Это было въ сумерки, въ тотъ хмурый часъ, когда
уже такъ темно, что ни писать, ни читать нельзя, и слиш-
комъ еще свѣтло, чтобы зажечь драгоценные огарки. На-
стасья Прокофьевна попросила наколоть ей растопокъ,
и я стучалъ топорикомъ въ секретарской на всю кварти-
ру, а она рылась въ шкапахъ за моей спиной.

У меня съ Настасьей Прокофьевной съ первыхъ же
дней нашелся общій языкъ. Не то своимъ материнскимъ
попечительствомъ она меня къ себѣ расположила, не то
своей бодрой предпріимчивостью, — но только съ ней
мнѣ было легко, легче, чѣмъ съ Ловчінымъ.

Дома Ловчинъ бывалъ мало. Съ утра уѣзжалъ на
другой конецъ города къ пріятелю, адвокату Штурму, для
обсужденія своихъ юридическихъ проектовъ, подолгу
пропадалъ въ библіотекахъ, въ Румянцевскомъ музѣѣ, у
Шанявскаго — вообще съ глазу на глазъ съ женой ему,
кажется, было не по себѣ; чувствовалось, что они съ
Настасьей Прокофьевной по-разному русскую бѣду тер-
пятъ и понимаютъ, и это несогласіе его гнететъ и раз-
дражаетъ. Раза два вечеромъ онъ звалъ меня къ чаю и
начиналъ со мню долгіе разговоры, послѣ которыхъ я
до глубокой ночи ворочался и вздыхалъ. Говорилъ онъ
о томъ, чего я еще не продумалъ, или не зналъ вовсе: о
новыхъ идеяхъ въ международномъ правѣ, о возможно-
сти мирнаго уничтоженія классовъ, объ эволюціи соб-
ственности, о смыслѣ русской катастрофы для реформы
ученія обѣ обществъ... Уже осенью, при встрѣчѣ съ Фе-
доромъ Федоровичемъ, я свою умственную бѣдность бо-
лѣзненно ощутилъ; теперь, думая о пріѣздѣ Маріи Фе-
доровны, я не переставалъ ею мучиться.

Это за послѣдніе годы со мной случилось, что я
сталъ предпочитать встрѣчи съ людьми попроще, съ без-
обидными, удобными, нетребовательными, которые бы меня

не критиковали, не утруждали мысли, принимали безоговорочно. (Поэтому я охотнѣе общался съ женщинами). Я искалъ одного: лишь бы люди ко мнѣ подобрѣе относились — съ теплотой, жалостливо, съ участливостью — большаго я и не добивался, и лишь теперь понялъ, что я чужою бѣдностью бѣдишъ.

Съ Настасьей Прокофьевной, съ Варварой (я съ ней по утрамъ чай пить вздумалъ, хотя и ни къ чему, конечно, я это съ прислугой затѣялъ) мнѣ было легче. И сейчасъ, въ сумеркахъ, я даже съ интересомъ слушалъ, что мнѣ Настасья Прокофьевна о домовыхъ жильцахъ, о дровахъ и продуктахъ рассказывала.

Тутъ вдругъ Варвара и объявила, что «женщина съ Мѣщанской жилицу привезла».

Я вскочилъ и побѣжалъ черезъ холодныя, пустыя комнаты, сквозь сумракъ, въ которомъ едва-едва свѣтѣли высокія окна.

Въ кухнѣ, совсѣмъ уже темной, на плитѣ горѣла свѣчка. Посреди комнаты, подъ бѣлымъ кружкомъ стеклянаго колпачка, стояла Марія Федоровна. Въ углу, нагнувшись надъ поклажей, копошилась Надинька. Кухня... свѣча... Марія Федоровна въ темнотѣ подъ лампой... Что-то забытое прозмѣйлось въ памяти... Старое вернулось въ жизнь по-новому, точно умѣлая рука безслѣдно стерла чужой плохой рисунокъ и нарисовала его вновь уже по-своему.

Слѣдомъ за мной вошли Настасья Прокофьевна и Варвара. Женщины заговорили, захлопотали и повели Марію Федоровну въ приготовленную ей комнату. Слегка растерянная отъ новизны обстановки, отъ болтовни, она смущенно благодарила. Я помогъ ей снять ботики, шубу (эти вещи я на вокзалъ когда-то принесъ), и былъ радъ, что на людяхъ разговаривать намъ почти не приходилось. Когда Надинька уѣжала разсчитываться съ Яковомъ, а Настасья Прокофьевна и Варвара хватились чего-то и вышли, мы остались съ ней одни, и я этого испугался.

— Какъ здѣсь хорошо... и какъ тепло! — радовалась Марія Федоровна, оглядывая комнату.

Она, видимо, хотѣла поблагодарить меня, зная, что всѣмъ обязана только мнѣ, но ничего не сказала, а лишь подняла на меня глаза и вдругъ смутилась. Я тоже былъ взволнованъ и растерянъ. Къ счастью, тутъ ворвалась Надинка.

Съ этого смущенія наша жизнь у Ловчинахъ и началась, точно оно было намъ дано, чтобы мы чувствовали, какъ мы далеки отъ живой, настоящей близости. Весь вечеръ прошелъ въ суетѣ и въ мучительныхъ усилияхъ найти съ Маріей Федоровной надлежащій тонъ. Присутствіе хлопотуны Настасьи Прокофьевны облегчало наше трудное положеніе. Признаюсь, я былъ радъ, когда вечеръ кончился.

Нелегко возстановить теченіе московскихъ дней. Это былъ періодъ для меня очень трудный.

Жизнь обывателей въ Москвѣ не отличалась отъ петербургской. Та же нужда, страхъ, и та же затаенность зла во всемъ городѣ, во всѣхъ его углахъ, въ самой тишинѣ улицъ. Это не была тишина мирной пустынности, безлюдья, а та, въ которой отъ вѣка и до вѣка были и будутъ свершаться всѣ злодѣйства. Сумасшедшая озабоченность обывателей о кровѣ, о пропитаніи, была и въ Москвѣ средствомъ не понимать того, что происходит. Можетъ быть, живи я въ Москвѣ, и я, какъ всѣ, не смогъ бы опомниться, но мое положеніе командированного въ центръ, причастнаго правительенному учрежденію лица, было особое. Въ центральномъ Управлѣніи вѣврчили продовольствіе (много сытныхъ продуктовъ), а Сонина бумажка оказалась и здѣсь «разрывъ трапой»: по ней мнѣ выдали, немного поморщившись, талонъ на дрова и жилищный ордеръ на комнату.

По Кузовлевскимъ дѣламъ мнѣ приходилось бѣгать съ утра до вечера. Положеніе оказалось запутаннымъ.

Куда я по начальству ни обращался, — а обошелъ я пять-шесть учрежденій — всюду говорили: не туда. Наконецъ, меня отправили въ военный комиссариатъ, а тутъ напугавшая Кузовлева гроза оказалась бумажной: едва отыскалось лицо, которое про дѣло знало. Мнѣ дали понять, что пропавшіе со складовъ бочки квашеной капусты, керосинъ и солдатское сукно... касаются Гороховой, но лишь особоуполномоченное лицо въ военномъ комиссариатѣ можетъ дать такое заключеніе. Явно, кто-то, всесильный, не хотѣлъ давать ходъ дѣлу, и оно застряло преднамѣренно въ завѣдомо неправомочной инстанціи. Мнѣ только намекнули, чтобы Кузовлевъ постарался достать какъ можно больше оправдательныхъ документовъ. Я понялъ, что въ центрѣ не очень настаивали на ихъ подлинности.

Но сколько пришлось мнѣ потратить терпѣнія и времени, чтобы это выяснить! Сколько часовъ ожиданія въ приемныхъ, переговоровъ, письменныхъ заявленій и анкетъ! И сколько я увидаль новаго!

Разграбленные купеческіе особняки, превращенные въ присутственные мѣста, заплеванныя канцеляріи, обставленные наворованной стильной мебелью, банки, отданные подъ склады награбленныхъ вещей, тучи служащихъ... Ими кишили лѣстницы, коридоры, приемныя, канцеляріи... Секретарши, контролеры, солдаты охраны, курьеры, сторожа-сторожихи, телефонисты... — всѣ бѣгали, суетились, командовали. Заливались телефоны, трещали пишущія машинки, хлопали двери... Я подолгу просиживалъ въ этой толчѣ, на сквознякахъ, въ смрадѣ людской нечистоплотной тѣсноты, дивясь, какъ люди узнавали, кто кому власть, дивясь и тому, какъ вся орава служащихъ по-пчелиному что-то исполняла, кому-то повиновалась и, какъ пчелы — матку, берегла свое начальство, зачастую просто какого-нибудь шустраго парня, сидѣвшаго въ нѣдрахъ учрежденія подъ двойной-тройной охраной, вся

сила которого лишь въ томъ и заключалась, что онъ былъ «свой».

Но мои томительные дни оканчивались встрѣчей съ Маріей Федоровной — это было главное. Я спѣшилъ домой въ лютый вѣтеръ, въ изморось, никогда не дожидалась трамвая. Наша жизнь у Ловчихъ наладилась съ той быстротой, которую создаетъ необходимость. У чужихъ людей — въ голодъ, въ смуту, въ семейную бѣду можно жить лишь при условіи ничѣмъ никогда ихъ не стѣснять, и мы съ Маріей Федоровной, не сговариваясь, это поняли. Само собой вышло (въ жизни все живое само собой), что мы ничѣмъ не затрудняли Варвару, что я топилъ Марію Федоровну печку, стояль для нея въ очередь, а она ждала моего возвращенія, нашей скучной совмѣстной трапезой стараясь отвѣтить на мою заботливость. И уже совсѣмъ само собой сложилось у окружающихъ убѣженіе, что другъ другу мы помогаемъ неспроста.

Настасья Прокофьевна отнеслась къ Маріи Федоровнѣ привѣтливо, но, угадавъ женскимъ чутьемъ иѣчто про мою тайну, осторожно обмолвилась:

— На цыганку она похожа, да и не молоденькая, какъ будто... — и матерински предостерегала: — скоро старятся онъ и счастья, говорятъ, не даютъ.

Константинъ Андреевичъ мелькомъ освѣдомился, кто она, давно ли знакомы, но, заставь Марію Федоровну на кухнѣ, лишь поздоровался: кажется, ему было сейчасъ тягостенъ всякий незнакомый человѣкъ.

Мы съ Маріей Федоровной очень скоро догадались, что въ домѣ Ловчихъ скрытая и сложная драма. Выбивалась она наружу раздраженными восклицаніями Константина Андреевича, которые иногда до насъ доносились, неестественно-покорной молчаливостью Настасьи Прокофьевны, подчасъ краткими, но горячими вспышками-спорами между супругами. Казалось, сейчасъ развязывает-

ся давно и крѣпко затянутый узель, который, не будь всенародной бѣды, быть можетъ, никогда бы не развязался.

Ловчинъ съ полуприкрытой обидой относился къ женѣ, точно она была виновата во всемъ. Кажется, онъ терзался тѣмъ, что Настасья Прокофьевна среди ужасовъ революціи обрѣла себя, потерянную, увядшую за долгіе скучные годы брака, и расцвѣла душою опять помолодому, но уже не для него,

Въ отсутствіе мужа къ Настасьѣ Прокофьевнѣ постоянно кто-нибудь приходилъ: женщины, похожія на прислугъ, мужики, дѣти, солдаты, какія-то старухи, причтъ церковный. Приходили часто пѣвчіе-любители изъ сосѣдней церкви на спѣвку, и она запирала ихъ въ дальнюю комнату, чтобы не мѣшали. За дверью Варвариной комнаты (даліе посѣтителей не пускали) слышались голоса, тамъ всегда что-то обсуждали, кого-то кормили, поили, отогрѣвали. Настасья Прокофьевна ничего не боялась (совсѣмъ какъ фонаревскіе гости), говорила обо всемъ съ большой смѣлостью. Она жадно читала газеты, вѣрила всему въ нихъ хорошему: про справедливость, просвѣщеніе, про новое хозяйство, и чтила Ленина, какъ освободителя, совсѣмъ такъ же, какъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вѣроятно, ея дѣдъ-бабка — Александра второго. Это не мѣшало ей бѣгать по церквамъ на патріаршія службы, любить крестные ходы и зачастую бывать у раннѣй обѣдни. Среди всѣй этой оравы земляковъ, кумовьевъ, сосѣдокъ, призрѣваемыхъ, крестниковъ и всякаго пришлага люда она жила дѣятельно, свободно и легко. Хотя ея лицо и хранило обычно выраженіе озабоченности, все же мнѣ случалось замѣтить, что оно иногда свѣтлѣло улыбкой, стоило ей услыхать про какія-нибудь успѣшныя житейскія хлопоты, про хорошую перемѣну въ темной мужичьей долѣ. Повидимому, несмотря на разладъ съ Константиномъ Андреевичемъ, на всѣ ужасы кругомъ, которыми она не мог-

ла не мучиться, она въ глубинѣ души чему-то радовалась и торжествовала.

Константи́н Андреевичъ тоже хлопоталъ, съ кѣмъ-то встрѣчался и отъ усердной дѣловитости впадалъ даже въ физическую нечистоплотность, но мнѣ эта занятость казалась маніакально преувеличенной. Онъ хватался, какъ утопающій за соломинку, за проектъ Нового Гражданского Уложенія, за кремлевскихъ визитеровъ, даже за меня, скромнаго слушателя его философскихъ и юридическихъ разсужденій, лишь бы сохранить способность жить умственными интересами. Народная темнота, этотъ тяжелый, сермяжный духъ простонародья, обволакивалъ всѣхъ насть. Къ Константи́ну Андреевичу, благодаря женѣ, онъ вползалъ въ самыя комнаты, разстигался по всѣмъ угламъ, отравляя, кажется, самое его дыханіе...

Мы съ Маріей Федоровной оказались невольными соплядаями этой драмы и старались держать себя какъ можно незамѣтнѣй; къ тому же я былъ такъ поглощенъ хлопотами и личными переживаніями, что, по правдѣ говоря, сострадать хозяевамъ нашимъ все равно не могъ бы.

Мои отношенія съ Маріей Федоровной стали очень сложными. Въ нихъ было больше боли, чѣмъ радости. Я никакъ не могъ примириться съ мыслью, что мы связаны только виѣшне, что я — лишній, чужой, ненужный, лишь житейски полезный человѣкъ. Я жилъ въ смущеніи, въ душевной замкнутости, въ одиночествѣ, а нѣжность моя къ Маріи Федоровнѣ, несмотря на боль, была все та же. Я въ волненіи переступалъ порогъ ея комнаты, зная, что увижу ее въ углу, у стола, на которомъ горитъ желто и тепло низкая керосиновая лампа подъ безобразнымъ абажуромъ, который я самъ склеилъ изъ газеты. Какъ все западало въ мою настороженную, живую память! Мнѣ дорога и нужна была всякая мелочь: знакомый силуэтъ на освѣщенной, желтой стѣнѣ, синій пледъ, мелькнувшія подъ лампой руки безъ колецъ, книжки на столѣ... Я любилъ самое ощуще-

ніє присутствія Марії Федоровни въ комнатѣ, въ домѣ, въ Москвѣ, ея неувѣренный послѣ болѣзни легкій шагъ, ея тихій голосъ...

Отношеніе ко мнѣ Марії Федоровны было для меня не безразлично, но оно не радовало. Ея вниманіе, ея удивлеіне, похожее на любопытство, съ которымъ она часто меня встрѣчала, ея порывисто-горячая признательность за всякую услугу (всегда точно спохватившись), пристально-недоумѣній взглядъ — все это говорило лишь о томъ, что она не можетъ понять моихъ заботъ. Въ моей искренности она не сомнѣвалась, это я чувствовалъ, но чувствовалъ также, что она тяготится и мучается, что неблагодарна.

Такъ мы и тревожили другъ друга непобѣжденной разобщенностью, зіявшій между нами пустотой.

Но именно въ эти дни, больше этого — благодаря этимъ днямъ, когда между нами было совсѣмъ «не то», «не такъ», я сталъ тосковать по невѣроятному, невообразимому чувству. (Я быль увѣренъ тогда, что только по чувству). Тоска находила на меня послѣ проведенаго съ Маріей Федоровной вечера, когда я, потушивъ огонь, оставался одинъ, когда шелъ по зловѣще-пустыннымъ московскимъ улицамъ, или изнывалъ въ комиссаріатскихъ пріемныхъ... Безъ этого испытанія отчужденностью я и томленія близости никогда бы съ такою силою не позналъ. О любви обычной, хоть самой поэтической, самой романтичной — развѣ я о ней думалъ? Но любви еще неизвѣданной, невообразимой даже, для меня, быть можетъ, недоступной, — я теперь желалъ горячо и вдохновенно. Почему я немыслимой ее вообразилъ? Тогда я и самъ не зналъ, на какой дарѣ душа моя посягала...

Эта устремленность къ откровенію началась еще въ Петербургѣ. Вѣдь съ той ночи я Его, Воскресшаго, не забывалъ, — вспоминаль, то съ сердечной теплотой, совсѣмъ какъ Володю въ первый годъ послѣ смерти, то съ не-

обыкновенной живостью, какъ въ церкви въ минуту при-
знанья. Не разъ спрашивалъ себя: «не вѣра ли это?»
— и тутъ же говорилъ себѣ — «нѣтъ, не вѣра...» Если
бы — она, я бы молиться Ему сталъ. Но я не молился,
а лишь горячо желалъ, чтобы Онъ — былъ, какъ я о
Немъ читалъ, а я — въ тѣснѣйшей съ Нимъ близости,
непремѣнно въ тѣснѣйшей, какъ тѣ, что Ему опасной
ночью такъ обрадовались...

Конечно, это была вѣра, но я думалъ, что она у всѣхъ
въ однѣ и тѣ же формы облекается, а потому мои стран-
нныя отношенія къ Нему не казались мнѣ вѣрой; скорѣе —
мечтой. Люди склонны мечтать отъ тяготы существованья,
отъ страха жизни, отъ душевной бѣдности. Это я зналъ
по себѣ, зналъ и то, что мечтанье, какъ вино, опьяняя
душу, въ конецъ ее измучиваетъ своей волшебной пусто-
той. Правда, я ни разу не почувствовалъ Его фантастич-
ности, можетъ быть, потому, что Володя всегда вспоми-
нался, точно съ Нимъ рядомъ стоялъ во свидѣтельство ре-
альности. Но разумъ пугалъ сомнѣніями мою неосознав-
шую себя вѣру.

Я и въ дорогу коричневую книжку взялъ: въ чистую
рубашку завернуль и на днѣ мѣшка провезъ; въ Москвѣ
я ее иногда читалъ. Въ церкви же московскія не заходилъ.
Это ничего, я Его и такъ помнилъ.

Да, изъ живой памяти о Немъ и возникло мое том-
леніе о невѣдомой любви...

Но это томленіе не могло измѣнить нашихъ вза-
имоотношеній съ Маріей Федоровной. Люди безсильны
преодолѣть разъединяющую ихъ пустоту и не могутъ
сами вызвать къ жизни ни одного движенія сердца. Зато
таинственная случайность можетъ сблизить души такъ,
какъ не сближаютъ ни время, ни искренность желанья.

Въ тотъ день мы съ Маріей Федоровной были дома
одни. Настасья Прокофьевна съ Варварой уѣхали въ Бу-
тово за продуктами. Константий Андреевичъ, какъ всег-

да, исчезъ съ утра. Я разбирался въ пачкѣ оправдательныхъ документовъ, которую мнѣ спѣшио выслать Кузовлевъ.

На кухнѣ тихо звякнуль колокольчикъ. Какъ мы боялись всякихъ стуковъ, звонковъ, колокольчиковъ! Съ какимъ волненiemъ шли отпирать двери! Я тоже въ тревогѣ побѣжалъ на кухню, но за дверью оказался не кто-то грозный, грубый и грязный, а тонкій, блѣдный, очень красивый мальчикъ, лѣтъ пяти-шести, въ большой мѣховой шапкѣ, въ поношенныхъ ботикахъ, въ шубкѣ, изъ которой онъ такъ выросъ, что видны были его круглые дѣтскія колѣни, а рукава смѣшно и жалобно лѣзли кверху. Серьезное выраженіе темноглазаго лица, вьющіеся пепельные волосы, поношенная, когда-то нарядная, одежда... Онъ былъ похожъ на обнищавшаго маленькаго принца.

— Что тебѣ? — удивленно спросилъ я.

— Мой папа меня къ Маріи Федоровнѣ прислалъ...

— тонкимъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Такъ войди, войди же, не бойся. Я ей сейчасъ скажу, вотъ тутъ у окна посиди, — и я подвинулъ табуретку.

«Новые аресты? Предупредить прислали? Теперь часто посылаютъ дѣтей для предупрежденій....» встревожился я. Но прежде, чѣмъ успѣлъ постучать, позвать Марію Федоровну — открылась дверь и она вошла.

Услыхала ли свое имя, или дѣтскій голосъ — не знаю, но пришла безъ зова, точно о чѣмъ-то догадалась. Увидавъ мальчика, остановилась въ глубокомъ изумленіи.

— Павликъ!.. — испуганно воскликнула она.

Павликъ соскочилъ съ табуретки и недоумѣвающе, такъ, какъ дѣти смотрятъ на чужихъ, глядѣль на нее.

Марія Федоровна быстро подошла къ нему, съ порывистой ласковостью взяла его за руки и, не цѣлюя, — не рѣшаясь, быть можетъ, поцѣловать, словно не смѣя при-

коснуться къ его прелестному лицу, къ легкимъ, вьющимъся, какъ у куклы, волосамъ, — горестно и восхищенно глядѣла на него.

— Павликъ... Павликъ... — волнуясь и не имѣя силь овладѣть волненіемъ, тихо повторяла она. — Какъ ты нашелъ меня? Какъ ты попалъ сюда, Павликъ?

— Меня папа прислалъ, мы съ папой на трамваѣ прѣѣхали... — весь красный отъ застѣнчивости и усилій быть смѣлымъ проговорилъ мальчикъ.

Марія Федоровна безпомощно опустила руки. Ея лица я не видѣлъ, но во всей позѣ, въ трепетномъ движѣніи, которымъ она ухватилась рукой за край стола, было изнеможеніе.

— Ты пришелъ сказать мнѣ что-нибудь? — едва внятно спросила она.

— Папа къ намъ съ войны вернулся, — уже освоившись, отчетливой скороговоркой объявилъ Павликъ.

— Ты радъ? — такъ же тихо спросила она.

— Радъ.

— Ты ждалъ его?

— Ждалъ... — протянулъ мальчикъ и, помолчавъ, пожаловался: — У папы саблю укради, а Георгій...

Марія Федоровна не дала ему докончить.

— Скажи дома, скажи... я рада, что хорошо... очень хорошо, что вы опять вмѣстѣ... всѣ вмѣстѣ, — неестественно звонко, торопясь и не находя словъ, проговорила она. — Ты понялъ?.. Ты не забудешь? Ты скажешь?

Павликъ стоялъ передъ ней въ энергичной позѣ, слегка отставивъ маленькую ногу въ неуклюжемъ ботикѣ, и внимательно смотрѣлъ на нее серьезными, невинными глазами. Марія Федоровна пыталась спросить, сказать что-то простое, дѣтское, что говорятъ дѣтямъ взрослые при встрѣчахъ, но сейчасъ же замолкла. И какъ раньше, не цѣлуя, не обнимая, лишь съ грустью и любованіемъ все глядѣла на него.

— Иди, иди домой, Павликъ... — вдругъ торопливо и едва сдерживая слезы, сказала она, — тебя ждутъ, о тебѣ беспокоятся, иди скорѣй... прощай...

Она довела его до лѣстницы, смотрѣла вслѣдъ, пока онъ спускался, безшумно притворила дверь и, не то въ задумчивости, не то въ оцѣпенѣніи, стояла у порога, закрывъ лицо руками...

Не знаю, откуда бѣ ту минуту у меня появилось дерзновеніе — вѣрный, какъ безупречно чистый музикальный тонъ, волевой порывъ.

Я не оставилъ ее одну — увель въ комнаты. Въ не-топленной кухнѣ она озябла до озноба. Я отыскалъ за-валившуюся за кресло теплую шаль и сталъ раздувать тлѣющія въ печи полѣнья. Я ничего не говорилъ, не утѣшаль, не спрашивалъ, старался даже не глядѣть на нее.

«Она отдала Добрынина семѣ, какъ возвращаютъ похищенное», суетясь у печки, размышлялъ я.

Кругомъ плыла томительная тишина, — молчаніе пустой квартиры въ хмурый день. Приталилось все: домъ, дворъ, нашъ грустный, грязный Ваганьковскій, и мы съ Маріей Федоровной, въ чужой людской, въ чужомъ го-родѣ, въ нѣмотѣ людской отчужденности.

Не знаю, долго ли это продолжалось, — достаточно, чтобы вновь разогрѣлись дрова, тогда я всталъ и хотѣлъ уйти.

— Алексѣй Павловичъ...

Что-то довѣрчивое было въ ея возгласѣ, въ вопро-шающе поднятыхъ на меня глазахъ. Я взглянулъ на нее, и предчувствіе далекой, настоящей радости преисполнило мое тающее отъ состраданья сердце.

— Я знаю все про васъ, — тихо сказалъ я, — еще въ Петербургѣ зналъ. Федоръ Федоровичъ мнѣ говорилъ, и сейчасъ я все слышалъ, что вы мальчику сказали.

Марія Федоровна не смутилась, но опустила глаза.

Мы молчали.

— Многимъ изъ нась надо что-то въ себѣ возстановить, въ своей жизни поправить, — продолжалъ я. — Я и самъ своей души не узнаю больше.

— Вы себя не узнаете? — недовѣрчиво переспросила она. — При вашемъ безкорыстіи?

— Я въ Москву не безкорыстно пріѣхалъ, впрочемъ, и не по мотивамъ обыкновенной корыстной лирики, — сдержанно, даже сухо, замѣтилъ я. — Когда осенью я вѣсъ на площади у вокзала увидалъ, я что-то загубленное въ себѣ почуялъ. Я тоже когда-то могъ, какъ вы, очень глубоко чувствовать, но за эти годы все утратилъ, словно имя свое забылъ, а вы вашей душевной силой мнѣ память о самомъ себѣ возстановили.

— Какой силой? Что вы говорите! — ужаснулась она.

— Объ этомъ нельзя спорить. Это такъ лично — воспріятіе переживаній другого человѣка, — уклончиво сказала я — А вотъ, по-моему, неоспоримо: революція началась на улицахъ, а кончается въ сердцахъ, иначе почему бы у многихъ такой же душевный кризисъ...

— Вы тоже надъ этимъ думали? — встрепенувшись и оживая отъ теплоты созвучія нашихъ мыслей, перебила Марія Федоровна.

— Да, думалъ. Стать инымъ, чѣмъ ты есть, этого нѣкоторые люди сейчасъ хотятъ, но для себя, не для народа. Я разлюбилъ его. Я о спасеніи Россіи не думаю больше.

Марія Федоровна не спорила, не возражала, лишь удивленно взглянула на меня.

— Въ вашихъ словахъ что-то смутное... — мягко упрекнула она. — Вы хотите съ собой что-то хорошее сдѣлать, то есть, сознаете себя плохимъ и, какъ будто, сознаете себя хорошимъ, но хотите всѣхъ оставить плохими.

Я самъ почувствовалъ, что мои мысли нечетки.

— Я говорилъ только о личномъ... Простите, такъ

несвоевременно. Можетъ быть, о личномъ сейчасъ, въ такую минуту, вамъ и не надо было...

— Нѣтъ, надо, — убѣжденно сказала Марія Федоровна. — Это не важно, что я васъ не совсѣмъ поняла, но важно, что побуждаетъ васъ обѣ этомъ думать. Обѣ этомъ сейчасъ такъ мало думаютъ, больше хлопочутъ о союзникахъ. Федя научилъ меня быть вамъ благодарной, но я не знала, не могла знать — и какъ я могла знать? — что мы съ вами на одной тропѣ.

Мнѣ опять вспомнилось ея свиданіе въ больницѣ съ матерью Розенкирха. «Она-то свою тропу знаетъ, а я?»

— Все такъ спутано, такъ неопределено. Я и самъ не знаю, куда тропа моя ведетъ... — угрюмо пробормоталъ я.

— Вы вѣрите въ Бога... во Христа вѣрите? — тихо спросила Марія Федоровна.

— Я лишь недавно Его узналь... — съ мучительнымъ усиліемъ надѣяю собою, помолчавъ, признался я.

— Какъ вы странно сказали: «узналь»...

— Я не хочу говорить: «увѣровалъ». Я вѣры не понимаю, можетъ быть, слова этого не хочу, потому что, по-моему, можно «увѣровать» и не «узнать». Надо совсѣмъ другое слово, если «узнаешь».

— Онъ васъ научилъ всему, что вы сегодня сказали?

— Нѣтъ... не знаю... нѣтъ, это совсѣмъ не то, — проще какъ-то. Онъ лучшій изъ всѣхъ, кого я когда-либо моимъ человѣческимъ воображеніемъ воображалъ, и реаленъ. Когда думаешь о Немъ, хочется близости съ Нимъ, какъ въ жизни съ человѣкомъ, къ которому влечеть; только съ Нимъ она невообразима. Я думаю, должны какія-то силы и свойства открыться въ человѣкѣ для этой близости...

Марія Федоровна встала и осторожно отворила заслонку печи. Мнѣ показалось, что она была взволнована.

Въ печи уже давно бушеваль огонь. Сейчасъ она

была полна пламенемъ, многоязыкимъ, золотымъ струеніемъ. Желто-розовые отблески упали на поль, на Марію Федоровну, на складки ея платья, на протянутыя къ теплу руки. Мы молчали, и тишину нарушаль лишь тихій гуль вѣтра — золотое переливчатое волненіе огня.

— Вы Его любите... — не глядя на меня, проговорила Марія Федоровна.

«Какая же это любовь...», недовѣрчиво подумалъ я.

— Если «узнали», то уже и полюбили. Это и есть подлинное откровеніе вѣры...

Я хотѣль объяснить ей что-то самому мнѣ неясное про вѣру и еще про что-то, но тутъ разомъ все кончилось. Послышались шумъ и голоса: Настасья Прокофьевна и Варвара вернулись изъ Бутова.

Онѣ ввалились съ узлами, мѣшками, усталыя, обвѣтренныя, пропахнувшія прѣлью. Началось хлопанье дверями, возня у плиты, самоварный угаръ, развѣска продуктовъ и рассказы о заградительныхъ отрядахъ, о тѣснотѣ въ вагонѣ, о благопріятныхъ случайностяхъ. Потомъ постучались въ квартиру пѣвчіе. Варвара вступила съ ними въ пререканія, ссылаясь на неурочный часъ (на дѣлѣ — изъ опасенія, что Константинъ Андреевичъ вернется, какъ обѣщалъ, еще засвѣтло), но они не унимались. Регентъ-діаконъ увѣряль за дверью, что сегодня спѣвка — только: «Ныне силы небесныя...» и барышни умоляюще пищали, чтобы Настасья Прокофьевна впустила «хоть на полчасика». Она смилиостивилась, и, топоча и перегоняя другъ друга, хоръ повалилъ въ шкатную.

Оглушенные шумомъ, голосами, крикливой бодростью вкругъ нась, мы съ Маріей Федоровной разошлись по своимъ угламъ.

Пѣли они не полчаса, а до глубокихъ сумерекъ доносилось ихъ терпѣливо-добросовѣстное пѣніе съ перебоями энергичныхъ окриковъ регента, съ многотрудно достигнутой въ концѣ стройностью.

Оно не мѣшало мнѣ заниматься, но работа моя не на-
лаживалась. Да и какъ было выкинуть изъ головы все, о
чемъ только что мы съ Маріей Федоровной говорили! А
между тѣмъ на столѣ лежалъ ворохъ бумагъ. Еще утромъ
пришла повѣстка, вызывавшая меня завтра въ инспекцію
военнаго комиссариата, гдѣ мнѣ предстояло защищать, или
не защищать Кузовлева при передачѣ документовъ на
разсмотрѣніе. Бумаги эти должны были оправдать много
темныхъ дѣлъ... Онѣ, напримѣръ, свидѣтельствовали о
томъ, что инвалидъ Анисимъ Голиковъ былъ уполномо-
ченъ пригнать изъ Баку три цистерны керосина. Голиковъ
застрялъ съ ними подъ Вышнимъ-Волочкомъ. Тутъ мѣст-
ное населеніе произвело вооруженное нападеніе и выцѣ-
дило керосинъ до капли. Пострадавшаго въ схваткѣ Го-
ликова въ новыхъ увѣчьяхъ увезли въ вышневолоцкій
госпиталь. Передо мной лежали всевозможныя постанов-
ленія, дознанія, свидѣтельства... удостовѣрявшія правиль-
ность изложеннаго. На дѣлѣ было не такъ. Голиковъ
(всѣмъ намъ въ Управлѣніи было извѣстно) вернулся цѣ-
лехонекъ. Жаловался лишь на ушибы въ дракѣ съ пред-
сѣдателемъ вышневолоцкаго совѣта, въ секцію же при-
везъ царскихъ денегъ столько, что всему президіуму до-
сталось, и съ Москвой и съ Волочкомъ не безъ щедрости
подѣлились.

Я давно понималъ, что помогаю ворамъ, но надѣ со-
участіемъ въ дѣятельности Управлѣнія не задумывался.
Отъ власти всякой, высшей и низшей, — все равно, нес-
ло духомъ преступленья. Кузовлевъ былъ не хуже дру-
гихъ. Я невольно помогалъ ему. Мы всѣ жили наперекоръ
своимъ нравственнымъ понятіямъ. Но въ самомъ ядрѣ
человѣческаго сознанія — въ совѣсти — мы разобчили
себя съ нашими поработителями, признавъ себя и ихъ
разнородными. Какъ лошадь не отвѣчаетъ за дѣянія
своего хозяина, такъ и мы невольно стали безответствен-
ными за зло въ странѣ съ той минуты, какъ согласились

раздѣлить судьбу безсловесныхъ. Я безропотно работалъ на Кузовлева, другіе — послушно несли съ кафедры вся-кій вздоръ, треты — прикидывались передъ властями «своимъ человѣкомъ», но всѣ мы крѣпко вѣрили, что формально безсовѣстное, безсловесное наше существованіе — мучительство временное, и что, вопреки всему, мы продолжаемъ оставаться тѣми же честными людьми. Власти о страданіяхъ нашихъ не спрашивали. Мы про душу молчали. Молчалъ и я. Вѣроятно, долго бы промолчалъ, но когда сейчасъ сталъ просматривать бумаги, я вдругъ ощутилъ, что защищать завтра Кузовлѣва не въ состояніи, даже если бы захотѣлъ, даже если постараться. Не угрызенія совѣсти, не стыдъ и не страхъ нашли на меня, а смертельная усталость. Кто не пережилъ этого изнеможенія совѣсти, тотъ никогда не повѣрить, что она имѣть свой законъ энергіи и можетъ физически насть обезсилить.

Я сгребъ бумаги и какъ попало запихалъ въ папку. Рѣшеніе я принялъ съ безповоротностью неизбѣжнаго: такъ ложится въ постель больной, потому что ноги уже его не держать.

«Снесу все въ комиссаріатъ и сдамъ секретарю подъ расписку», соображалъ я. «Уклониться отъ объясненій мнѣ легко. Я командированъ только для представленія документовъ отъ петроградской секціи отдѣла нетрудоспособныхъ гражданъ».

О томъ, какъ буду потомъ объясняться съ Кузовлевымъ, я не думалъ. Не думалъ и о томъ, хорошо ли, умно ли поступаю. Въ ту минуту иначе поступить я не могъ, точно кто-то лишилъ меня самой возможности невольно-невиннаго обмана. Потомъ я швырнуль папку на диванъ и взглянулъ на часы. Только тутъ увидалъ, что поздно.

Пѣніе уже прекратилось, и сумерки сгостились до темноты. Въ коридорѣ, возлѣ моей двери, Настасья Прокофьевна вполголоса озабоченно разсуждала, почему Кон-

стантинъ Андреевичъ не вернулся засвѣтло, какъ обѣщалъ.

— Двадцать лѣтъ съ нимъ живу — всегда, ужъ если скажетъ: «приду». никогда не обманетъ...

— Да они, вѣрно, въ трамвай не попавши — пѣшкомъ идутъ, а можетъ, поврежденіе какое на линіи случилось,

— притворно-хладнокровно успокаивала Варвара.

Но Настасья Прокофьевна тревожилась.

— Да, вѣдь, ужъ девятый часъ, Варварушка...

ГЛАВА XVIII.

Константинъ Андреевичъ не вернулся. Напрасно Настасья Прокофьевна ждала, сначала терпѣливо, потомъ не-терпѣливо и все болѣе и болѣе ужасаясь.

Я слышалъ, какъ женщины взволнованно переговаривались, какъ побѣжали къ сосѣдямъ телефонировать, а вернувшись, тревожно восклицали, что ничего не добились, и Варвара снова куда-то умчалась.

Мнѣ стало тоже не по себѣ, и я пошелъ къ Настасьѣ Прокофьевнѣ.

Такой взволнованной я никогда еще ее не видѣлъ. Она была очень блѣдна, на лицѣ застыло выраженіе мучительного смятенія.

— Боюсь, съ Константиномъ Андреевичемъ не случилось ли чего-нибудь....

— Да что вы... просто запоздалъ, навѣрно, — стараясь своимъ удивленіемъ ее успокоить, сказалъ я.

— Вдругъ со Штурмомъ бѣда какая... тогда, вѣдь, и Константина Андреевича...

— Вы телефонировали?

— У Штурма на новой квартирѣ телефона нѣтъ, а у его брата трубку, вѣрно, сняли... — глухо проговорила она. — Варвара на Никитскую къ его падчерицѣ узнать побѣжала.

Варвара вернулась, но ничего не узнала, и тутъ часы зловѣще пробили десять.

— Лучше до утра подождать, — посовѣтовалъ я. —

Если Константинъ Алексѣевичъ не вернется, надо осторожно завтра спрятаться, но къ Штурму лучше неходить — на засаду наскочишь.

— До утра? Что вы, Алеша! — горестно, упрекомъ воскликнула Настасья Прокофьевна. — Развѣ можно до утра! Никого я не боюсь. Если я врагъ, пусть и меня бе-рутъ, а если нѣтъ, такъ я же за мужемъ своимъ пришла, и не посмѣть имъ мнѣ не повѣрить. Я — порукой, что не врагъ онъ, никогда имъ не былъ. Шубу, Варя!

Она проговорила эти слова горячо, съ вѣрой, со всей силой внезапно охватившей ее рѣшимости.

— Въ эдакую темень! Въ день-то какой! Господи... — ужасалась перепуганная Варвара. — Только ужъ и я съ вами, Настасья Прокофьевна!..

Я видѣлъ, какъ дрожащими руками Настасья Прокофьевна застегивала шубу, какъ не попадаютъ пуговицы въ петли, какъ она слегка задыхается отъ сердцебіенія.

«Если бѣда со Штурмомъ, Константинъ Андреевичъ попался...», быстро соображалъ я, — «и всякий, кто придетъ...»

За спиной послышались шаги.

— Что случилось? — участливо-испуганно спросила Марія Федоровна.

— Барина нѣту... — зашептала Варвара. — Настасья Прокофьевна хотятъ ихъ искать идти, да вѣдь въ Замоскворѣчье надо...

Мы стояли въ густомъ сумракѣ, въ тѣснотѣ шкаповъ, нагроможденныхъ сундуковъ и всякой лишней мебели. Темную тѣсноту едва освѣщало миганье маленькой лампы. Несмотря на полумракъ, лицо Маріи Федоровны я все же видѣлъ. Она смотрѣла прямо на меня, точно чего-то ждала и недоумѣвала: не то боялась моего рѣшенія, не то — что я на что-то не рѣшаюсь.

И я рѣшился. Въ томъ внезапномъ порывѣ къ безсознательно-вѣрному, который надежнѣе всякой обдуман-

ности, подошелъ къ Настасьѣ Прокофьевнѣ и взялъ ее за руку.

— Я провожу васъ, пусть Варвара остается.

— Что вы, что вы, Алеша, зачѣмъ же? — несмѣло проговорила она, отстраняя мою руку.

Но я уже бѣжалъ въ гостиную. Ощупью въ темнотѣ схватилъ куртку, папаху, бумажникъ.... «Съ документами и риску нѣтъ, а чуть что — телеграмму Сонѣ...» И, одѣваясь на ходу, побѣжалъ обратно.

Варвара съ лампой устремилась на лѣстницу. За ней спѣшила Настасья Прокофьевна. Марія Федоровна проводила насъ до двери. На одно мгновеніе мы остались съ ней на порогѣ одни, стояли въ полной тьмѣ — уже не видѣли другъ друга.

— Если что со мной случится, телеграфируйте, пожалуйста.... (я назвалъ Соню и даль адресъ).

Она изумленно повторила фамилію.

— Это жена... бывшая моя жена.

Когда мы вышли, было уже одиннадцатый часъ (ходить разрѣшалось до одиннадцати). Было темно и не по-весеннему очень холодно. На Знаменкѣ попадались люди — кучки и пары — расходились, вѣрно, посль какого-нибудь собранія. Мы подошли къ Москвѣ-рѣкѣ, къ мосту. Тутъ было свѣтлѣе. Надъ Кремлемъ голубѣль-серебрился отсвѣтъ электрическихъ фонарей; кое-гдѣ вдали желтѣли огни. За мостомъ пошла путаница незнакомыхъ мнѣ улицъ.

Всю дорогу мы молчали. Говорить Настасья Прокофьевна не могла: вся сосредоточилась на томъ, чтобы дойти. Я хотѣлъ взять ее подъ руку, но она уклонилась: «нѣтъ-нѣтъ, Алеша, я одна... одной лучше» — и зашагала.

ла съ такой неутомимой поспешностью, что, казалось, не только въ глушь Замоскворѣчья, но за десятки верстъ дойдетъ, не изнеможеть.

«Вотъ такъ, навѣрно, съ образами во время пожара шла...», подумаль я.

Кругомъ стояла та тишина, когда звукъ ее не оживляетъ, а мертвить: грохотъ запутавшейся въ переулкахъ подводы, восклицаніе прохожаго, шальной ружейный выстрѣль гдѣ-то у продовольственныхъ складовъ... — и весь кварталъ замираль въ испугѣ отъ своей же гулкости. Въ этой недоброї притаенности мы шли-шли-шли... Шли долго.

— Вотъ тутъ, за угломъ... — сказала Настасья Прокофьевна.

Возлѣ дома пустота: темные дома, спящая улица — никакихъ грозныхъ признаковъ, развѣ отпертая калитка воротъ и голоса въ подворотнѣ. Но ухо уловило сразу: разговоръ о мирномъ, житейскомъ — о печкѣ.

«Можетъ быть, комитетъ послѣ засѣданія замѣшкал-ся»...

Насъ окликнули.

— Къ Штурму... еще одиннадцати часовъ нѣть, — наобумъ, смѣло сказалъ я.

Насъ пропустили. Настасья Прокофьевна побѣжала черезъ дворъ. На лѣстницѣ тускло горѣло электричество. Было тихо; казалось, нѣть ни души. На второй площадкѣ повстрѣчался человѣкъ — куриль. Жилецъ? Можетъ быть, и жилецъ. Дальше никого. Какъ будто глухie гдѣ-то голоса... Поднявшись въ четвертый этажъ, Настасья Прокофьевна, не прислушиваясь, не оглядываясь, нашарила дверь и рванула звонокъ.

Дверь отперли мгновенно, точно одного шороха уже было достаточно. Въ глаза ударили свѣтъ. Къ намъ подскочили двое черныхъ въ кожѣ. На всѣхъ табуреткахъ

сидѣли солдаты. Запахъ табачнаго дыма и пота — и странная злая тишина...

— Обыщите ихъ, — отрывисто произнесъ кто-то.

Настасья Прокофьевна закричала громко, свободно, дерзновенно, съ неотъемлемымъ отъ человѣка правомъ возмущенія. Она держала въ рукѣ трудовую книжку и еще какіе-то листки и кричала, что пришла за мужемъ, что они оба власти не враги, а если ей не повѣрять, она завтра же въ Центральномъ комитетѣ у земляковъ добѣтъся правды. Она порывалась пройти въ комнаты, но ее не пустили. Что съ ней было потомъ, не знаю; меня увѣли допрашивать.

Помню тихую, далекую отъ кухни комнату, вѣроятно, спальню Штурма. Подъ ногами ворохи бумагъ, груды книгъ, бѣлье, одѣяла, коробки... Мебель сдвинута, кровать до желѣзныхъ прутьевъ разворочена. У окна солдатъ терпѣливо допарывалъ фруктовымъ ножичкомъ драпировку.

Меня опрашивало «начальство», судя по количеству на немъ оружія; мнѣ лишь запомнились: шепелявый говоръ, мятущійся, мутный взглядъ, рыжіе усы и указательный палецъ въ бородавкахъ. Я вытащилъ удостовѣренія: Сонино, командировочныя (Пельтиевское и Кузовлевское), ордеръ на комнату. Я рассказалъ, что къ Ловчнымъ вселенъ принудительно, а пошель проводить хозяйку только потому, что ночь и даль. Я говорилъ самоувѣренно, спокойно. Своему самообладанію дивлюсь и сейчасъ. Оно нашло на меня, какъ находитъ сонъ, обморохъ или опьяненіе, помимо воли, неодолимо, но преисполнило меня такой вѣрою въ свою неприкословенность, точно я заранѣе зналъ, что меня не тронутъ.

Рыжеусый пересмотрѣлъ документы и такъ, и на свѣтъ, — особенно подписи и печати.

— Въ этакую баню пришли, уходите скорѣй, — про-

говорилъ онъ, возвращая мнѣ удостовѣренія. — Тутъ — съ поличнымъ. Дѣло пулей пахнетъ.

— Въ печкѣ заговоръ отрыли.. — съ удовлетворѣніемъ, даже восхищенно, протянуль солдатъ, поровшій драпировку.

— Конституцію сочиняли, — пояснилъ рижій, — и переписка вся по ходу заговора — все захватили! Уходите, уходите скорѣй... Сейчасъ арестованныхъ забираютъ, — прислушиваясь къ отдаленному шуму, посовѣтовалъ онъ.

Принадлежь, я бы ушелъ. О Ловичнѣ, о Штурмѣ я тогда не думалъ, точно бѣда, въ мою сторону бѣдой не обернувшись, до души моей достучаться тогда не могла. Я бы ушелъ; можетъ быть, мнѣ и слѣдовало уйти, то есть ничего другого не оставалось, но обстоятельства сложились такъ, что я не только не ушелъ, но мнѣ пришлось стать свидѣтелемъ минуты, которую буду помнить до смерти.

Въ кухнѣ солдатъ теперь было больше, — повидимому, пригнали смѣну. Появились еще какія-то кепки. Дверь на лѣстницу стояла настежь, и на площадкѣ переговаривались голоса.

Въ углу у плиты я сейчасъ же увидалъ Настасью Прокофьевну: въ лицѣ ни кровинки, — ухватившись руками за концы головного платка, она пристально, какъ завроженная, смотрѣла на коридорную дверь... Сказали ей про заговоръ? Повѣрила она — не повѣрила? Ни вѣры, ни сомнѣнія лицо ея не выражало — одну муку ожиданія.

— Описи! Куда, чортъ, дѣвали описи? Мандатъ гдѣ? Арестованныхъ забирайте! Да забирайте же, ребята, арестованныхъ!

Сейчасъ всѣ, и солдаты, и кепки шевелились по всей кухнѣ, какъ черви.

Они вошли... (Ихъ держали запертыми въ одной изъ комнатъ). Ловчинъ, безъ шапки, въ распахнутой, широкой, все еще красивой своей шубѣ и рядомъ — Штурмъ,

маленький, лысый старишокъ, спрятавшій лицо по самые золотые очки въ высокоподнятый барашковый воротникъ.

Константинъ Андреевичъ показался мнѣ смертельно блѣднымъ. Близорукіе глаза безъ пенснѣ, моргая и щурясь на свѣтъ, напряженно и беспомощно вглядывались въ присутствующихъ: въ послѣдней робкой надеждѣ искали и ждали кого то... И, въ отвѣтъ на его мучительно-бессильную тревогу, Настасья Прокофьевна, расталкивая солдатъ, бросилась къ нему. Она охватила его шею руками въ самозабвенному порывѣ нѣжности, съ искренностью безпредѣльной. Маленькия руки легли на его мѣховой воротникъ, платокъ соскользнулъ съ волосъ, открывъ русую голову съ проборомъ стрѣлкой, съ тугимъ узломъ косы, ниспадавшимъ на шею.

— Константинъ Андреевичъ... Константинъ Андреевичъ... родной мой, Константинъ Андреевичъ!..

Она приникла къ нему съ той же чистотой безраздѣльности, съ той же иѣломудренной пылкостью, какъ, вѣроятно, въ ту далекую, давнымъ давно забытую минуту, когда впервые она въ него всѣмъ сердцемъ повѣрила — признала въ немъ Богомъ даннаго ей суженаго.

Константинъ Андреевичъ встрепенулся, весь просвѣтлѣль, обнялъ ея голову, перекрестилъ быстрымъ незамѣтнымъ крестомъ и съ осторожной лаской, казавшейся неестественнѣо-изысканной въ этой набитой солдатней кухнѣ, мягко отвѣль отъ воротника ея маленькую, несопротивляющуюся руку и поцѣловалъ ее, сжавъ своей большой, бѣлой рукой....

— Настя... Настенька.,,

Онъ хотѣлъ что то сказать ей, но лишь дрогнула его длинная, сѣдая борода, и онъ не вымолвилъ ни слова.

— Идите! Чего стали! Идите же!..

Штурмъ поспѣшно и покорно нахлобучилъ шапку и, ни на кого не глядя, машинально, какъ заводная игруш-

ка, засъмениль къ выходу. Ловчинъ не двинулъся, и Настасья Прокофьевна не шевельнулась, какъ будто, приказа и не было.

Ихъ окружили, стѣснили, розняли... и весь кошмаръ насильной ихъ разлуки въ мигъ таинственно ожившей любви и сейчасъ отдается въ душѣ моей болью.

Мелькнула изъ-за папахъ сѣдая голова съ прядью волосъ, жалобно упавшей на блѣдный лобъ, послышались издалека, изъ комнатъ, женскія рыданія... Ко мнѣ подбѣжалъ рыжій и, сунувъ въ руки уличный ночной пропускъ, повторилъ, уже теперь начальственно - безпрекословно, чтобы я уходилъ.

Я понялъ, что Настасья Прокофьевна задержана, что ничего мнѣ сказать ей при всѣхъ нельзѧ, потому что моя собственная судьба повисла на паутинѣ преувеличеннаго довѣрія рыжеусаго къ моимъ бумагамъ; а главное, что лишь оставаясь на свободѣ, я могу оказать Ловчинымъ хоть маленькую услугу. И я ушелъ поспѣшно, убѣжалъ, просто скрылся.

«Ловчинъ погибъ... Ловчинъ погибъ...»

Я блуждалъ по темнымъ, глухимъ улицамъ и не могъ справиться со своимъ смятеніемъ. Имѣла отношеніе «конституція» къ серьезному заговору — не имѣла? Могло быть и не быть. Теперь время сокровенныхъ рѣшеній, глубокихъ тайнъ, шопота одной лишь совѣсти. Въ прощаніи Ловчина съ женой чувствовалось что то непоправимо-послѣднее, безвозвратное...

«Какъ передъ смертью простился...» все ужасался я. «Помочь? Какъ помочь?»

Я подумалъ о домѣ, о Маріи Федоровнѣ, о томъ, что она, навѣрно, ждеть, не спить, тревожится, и что я че-резъ всю Москву иду, спѣшу къ ней... и отъ этой мысли мнѣ стало легче.

Домой я пришелъ подъ утро. Въ лабиринтѣ Замо-

скворѣчья запутался, а когда вышелъ къ Москвѣ-рѣкѣ, меня задержалъ патруль. Номеръ пропуска показался ему неяснымъ, и меня доставили въ комендатуру районнаго совѣта. Тутъ, пока начальство справлялось по телефону, спорило и уличало въ непорядкахъ подчиненные инстанціи, я сидѣлъ, изнемогая отъ усталости, нетерпѣнія, въ вонючихъ сѣняхъ, среди спавшихъ въ повалку милиціонеровъ, а когда меня выпустили, и я доплелся наконецъ до Ваганьковскаго, — въ холодной мутi уже чернѣли подъѣзdy, вывѣски, фонари и тумбы.

Неподалеку отъ дома мнѣ повстрѣчалась бѣгущая по-среди мостовой баба. Она неслась сломя голову.

— Варвара!..

Она остановилась. На ней лица не было. Мы бросились другъ къ другу. Оказалось, что у насъ всю ночь шелъ обыскъ (полчаса какъ уѣхали!), и Варвара бѣжала теперь въ «Метрополь» къ племяннику Настасы Прокофьевны — комиссару Кораблеву — молить его о заступѣ.

Я сказалъ о томъ, что произошло у Штурма. Варвара обомлѣла.

— Быть бѣдѣ!.. быть бѣдѣ! — истеричнымъ шопотомъ воскликнула она, схватившись за голову. — Настасья Прокофьевна думала — пальцемъ ее не тронуть... Тронули! Тронули! И ее тронули! — въ изступленіи повторяла она.

— Что Марія Федоровна?

Но Варвара не отвѣтила и, не отымая руку отъ головы, какъ помѣшанная, помчалась дальше.

Квартира наша оказалась незапертой и въ ней тишина, безпорядокъ и сперты, противный духъ. Такъ бываетъ въ домахъ, когда только что вынесли покойника. Обыскъ всегда оставляетъ печать погромную. Выдвинутые ящики, вскрытые замки, шкапы настежь, разбросанное добро... Жалобно и безобразно оповѣщаетъ нѣмой,

невинный міръ вещей объ учиненномъ надъ нимъ насилиі.

Я отыскаль Марію Федоровну въ шкапной. Она стояла на колѣняхъ передъ сундукомъ, съ распущеной по ночному косой, въ шубкѣ накинутой на плечи, и дѣловито укладывала сваленные на поль драпировки. Пахло нафталиномъ, и бѣлая его розсыпь хрустѣла подъ ногами.

Увидавъ меня, Марія Федоровна вскочила съ колѣнъ. Въ сѣромъ предразсвѣтномъ сумракѣ ея темный силуэтъ казался легкимъ, призрачнымъ, а расщенная, длинная коса придавала ей видъ юно-дѣвичій и новый.

— Я такъ боялась за васъ, — просто, не стыдясь искренности словъ, проговорила она. — Гдѣ же Настасья Прокофьевна?

— Ловчина арестованы... — и я торопливо разсказа-
заль ей все (только о ихъ прощаніи ничего не разска-
заль) — а вы? Какъ было съ вами?

— Варвара нашлась — сказала, что по ордеру изъ больницы, и карточку больничную показала, да не это имъ было нужно. Они искали чего-то спрятаннаго: записокъ, счетовъ, бумагъ какихъ-то... Я не поняла.

— И мнѣ неясно, въ чемъ обвиняютъ.

Я рассказалъ про «конституцію».

Мы сидѣли другъ противъ друга на сундукахъ, из-
мученные безсонной ночью, встревоженные, озадачен-
ные, и бѣдѣ ужасались.

— Вы думаете Константина Андреевича могъ одинъ, тайно отъ жены? — шопотомъ спросила Марія Федоровна.

— Да, думаю.

— И она это поняла?

— Кажется, поняла.

— Она его не обвинитъ... она такая, — увѣренно проговорила Марія Федоровна.

— Она точно въ озареніи была, точно всю правду вмигъ узнала. Ея правда теперь — что въ мірѣ онъ луч-

ше всѣхъ и, какъ поступилъ, такъ и надо, потому что не можетъ онъ зла замыслить.

— Какой цѣной такая вѣра къ ней вернулась... — задумчиво промолвила Марія Федоровна.

— Мы сейчасъ жизнью за все платимъ, — сказалъ я.

Она быстро взглянула на меня и, соскользнувъ съ сундука, торопливо взялась за драпировки.

— Надо вещи убрать, — дѣловито сказала она — Варвара просила.

— Я вамъ помогу.

— Вы въ другихъ комнатахъ, — вездѣ разбросано.

Едва мы успѣли кое что уложить, пришли изъ домо-ваго комитета. При обыскѣ не нашлось нужнаго доку-мента, и теперь предсѣдатель, мутноглазый Иванъ Фо-мичъ, съ устало обвисшими табачными усами, тоже, ви-димо, всю ночь не спавшій, старался втолковать намъ, что, если Настасья Прокофьевна не похлопочетъ, то — конецъ: изъ района уже звонили, требуютъ показаній о квартирѣ.

— Ужъ вы бы съ барышней поскорѣй съѣхали... — недовольно и наставительно убѣждалъ онъ. — Если по-мѣщеніе освободите, мы своихъ людей поселимъ, а то Богъ знаетъ кого пригонятъ. Ужъ лучше съѣхали бы...

Мы даже его совѣта и обсудить не успѣли: прибѣ-жала Варвара. Кораблева она добилась. Охрана «Метро-поля» ее не пропускала, но она такъ нашумѣла и такъ плакала, что всѣ увѣрились: право на доступъ къ столь важному лицу она, вѣроятно, имѣетъ, и ее повели на-верхъ. Кораблевъ вышелъ къ ней въ одномъ бѣльѣ, вѣ-сти не удивился и сталъ вызывать разные телефонные но-мера, потомъ сказалъ, что Настасью Прокофьевну сей-часъ выпустятъ, а о дѣлѣ (тутъ онъ нахмурился «гроза-грозой», рассказывала Варвара) — «по ходу слѣдствія» и прибавилъ, «что Константинъ Андреевичъ, всегда видать было, человѣкъ ненадежный».

Настасьи Прокофьевны я не дождался. Мнѣ пришлось торопиться съ Кузовлевскими бумагами и, хотя въ военномъ комиссариатѣ все обошлось ловко, при явномъ одобрѣніи моей о дѣлѣ молчаливости, мнѣ пришлось долго прождать секретаря, котораго угнали въ Кремль.

Настасья Прокофьевна, какъ пришла, забрала узы съ бѣльемъ и продовольствіемъ и помчалась къ мужу. Не удалось ее уговорить ни прилечь, ни поѣсть. «Даже мокрыхъ сапогъ не смѣнила», разсказывала Варвара, «и шуба, какъ есть вся въ грязи... упала она, должно быть, дорогой и почистить мнѣ не дала...»

Потомъ прибыли городскія власти. Ходили съ Иваномъ Фомичемъ по комнатамъ въ шапкахъ, въ калошахъ, съ саженкой въ рукахъ, съ карандашемъ за ухомъ.

Раза три прибѣгали отъ сосѣдей за Настасьей Прокофьевной: кто то по телефону ее вызывалъ. Къ вечеру стали собираться ея родственники — сидѣли на кухнѣ, ее ждали, жужжали-переговаривались.

Настасья Прокофьевна пришла поздно, къ ночи, и не пришла, а ее привезъ изъ Сокольниковъ на казенной пролеткѣ солдатъ-крестникъ. Какъ она туда попала — неизвѣстно, но потомъ узналось, что она обѣгала за день всѣхъ, отъ кого чаяла получить заступленіе. Въ надеждѣ на могущество родни, на добрую людскую волю и въ довѣріи къ народу обрѣла она въ тотъ день хоть нѣкоторое душевное равновѣсіе.

Такъ было первые дни. Вопроса о виновности Константина Андреевича, повидимому, у нея не возникало, хотя про обвиненіе она теперь знала. На занятія Константина Андреевича со Штурмомъ, на ихъ проекти «конституцій» она смотрѣла, какъ на невинное и ненужное, быть можетъ, и запрещенное, но никому не опасное дѣло, такое же, какъ изготавленіе самогона или безобидная сдѣлка мѣшечниковъ — пустякъ, промахъ, слабость двухъ

стариковъ... Никогда бы ей не повѣрить, что они могли угрожать стомилліонному побѣдившему народу! Правители это поймутъ, стоить ихъ лишь освѣдомить. И она освѣдомляла: самому **, къ которому ее привель Краблевъ въ перерывъ засѣданія, она все доложила. Но дозненному не повѣрили, потому слѣдствіе и пошло иначе.

Посѣщенія ли тюрьмы ее очень разстраивали; встрѣчи ли съ людьми, отъ которыхъ зависѣла судѣба Константина Андреевича, ее стали приводить въ уныніе; томилась ли она какими то темными предчувствіями, — но она стала мучиться пыткой тонкой: сомнѣніемъ во всемъ, что ее обнадеживало и утѣшало. Появились въ ней неувѣренность, испугъ, что то порывисто-бесознательное, а потомъ и просто растерянно-безтолковое; часто бывала въ тревогѣ, въ недоумѣніи, теряла самообладаніе и ужъ не таила отъ нась своихъ горючихъ слезъ. Первые дни, отправляясь съ передачей, она легко носила тяжелый мѣшокъ, шагала увѣренно, не любила, чтобы кто нибудь ее сопровождалъ. Теперь она плелась съ испуганнымъ лицомъ, и Варвара или я ее провожали. Подмѣтиль я, что у нея стали дрожать руки, и поддергивалось лицо.

— Сдаеть наша барыня... ой, не пережить ей своего сокола! — замѣтила какъ то разъ Варвара.

Странно, Настасья Прокофьевна стала тяготѣть къ намъ. Не то опоры искала въ нась, не то мы ей мужа чѣмъ то напоминали, но только случалось, что она рѣзко, почти злобно, отваживала своихъ обычныхъ посѣтителей. Что происходило въ ея душѣ, не знаю, но одно скажу: горе ее мѣняло. Можетъ быть, въ любви своей давно заглохшей. она вновь отчеть себѣ дала; можетъ быть, жадную, несправедливую народную душу въ бѣдѣ своей почувствовала; можетъ быть, просто поняла, что ни одинъ мужикъ изъ ста миллионовъ не способенъ сейчасъ на то, на что ея бѣдный Константинъ Андреевичъ рѣшался: не только лишенія нести безропотно, но и притѣснителямъ

служить съ человѣколюбивымъ велиcodушіемъ — теперь Настасья Прокофьевна все вспоминала, какъ онъ болѣлъ душой, кремлевскими ошибками раздражался, какъ говорилъ, что надо скорѣе награбленное въ добытое превратить, а изъ грабителей предпринимателей сдѣлать, и что этимъ превращеніемъ страна спасется — и многое припоминала, волнуясь, умиляясь и плача.

Свиданій съ мужемъ ей не дали и давать не собирались. Ея благожелатели сейчасъ отмалчивались. Стало известно, что Штурмъ и Константинъ Андреевичъ были не одни, что на слѣдъ напали по неоконченному дѣлу инженера Салакина, въ которомъ погибли всѣ участники, успѣвъ, однако, что нужно, передать нѣсколькимъ лицамъ. Были Ловчинъ и Штурмъ въ этой группѣ? Настасья Прокофьевна клялась, что этого быть не могло, но намъ съ Маріей Федоровной казалось, что свиданья въ московскомъ захолустыи, частыя отлучки, постоянная раздражительность Константина Андреевича, нервность, нелюдимость — признаки нехорошіе.

Скажу безъ преувеличенія, къ горю Настасьи Прокофьевны я отнесся съ несвойственной и непонятной мнѣ теплотой. Особенно, когда она уходила въ тюрьму, и я смотрѣлъ на ея растерянно-суетливую возню съ мѣшками, я изумлялся той душевной боли, которую испытывалъ. Я горячо, страстно желалъ, чтобы горя у Настасьи Прокофьевны не было. Я ужасался мысли, что, можетъ быть, они съ Константиномъ Андреевичемъ больше не увидятся, и о прощаныи ихъ не могъ думать безъ волненія. И все-таки, не утаю, мнѣ хотѣлось скорѣй уѣхать въ Петербургъ. Я усталъ отъ чужого горя и непрерывно тревожился, что неосмотрительно поступилъ, устроивъ Марію Федоровну у Ловчинахъ; что близость къ Настасьѣ Прокофьевнѣ (Марія Федоровна очень отзывчиво относилась ко всему происходившему) можетъ и для нея стать роковой.

Какъ это ни странно, бѣда нась съ Марией Федоровной сближала. Мы жили общей жизнью, полной беспокойства, непріятностей, тяжелыхъ и огорчающихъ впечатлѣній, но изъ этихъ переживаній ткались, непримѣтно для нась самихъ, нити нашего сближенія. Не будь московскихъ дней, быть можетъ, мы бы еще долго жили, ничѣмъ другъ съ другомъ несвязанные.

Моему тайному желанію уѣхать до Пасхи помогли обстоятельства.

Покинуть Москву мы, конечно, могли и раньше, но Настасья Прокофьевна робко настораживалась всякой разъ, когда мы заговаривали о Петербургѣ, и мы жили день за днемъ въ полной неопределѣленности.

Иванъ Фомичъ являлся почти ежедневно и пугалъ Настасью Прокофьевну, что не сегодня-завтра нагрянутъ жильцы по наряду и, всего вѣроятнѣй, солдаты кремлевской охраны, которыхъ хотятъ разселить къ Пасхѣ по всему нашему кварталу, но Настасья Прокофьевна ссыпалась на обѣщаніе кого то сильного — отсрочить вселеніе до лѣта. Когда же пришелъ запрось изъ охраны, Иванъ Фомичъ прибѣжалъ самъ не свой, и, всегда почтительный къ Настасѣ Прокофьевнѣ, теперь на нее накричалъ. Она растерялась и уступила.

Солдаты сами по себѣ ее, кажется, не пугали (да она въ нихъ сначала и не вѣрила), но она стала бояться, что не угодить этимъ Константину Андреевичу, когда онъ вернется. Въ этомъ сказывалась вся ея неоскудѣвающая къ нему нѣжность: сдѣлать такъ, какъ бы онъ самъ распорядился, а онъ солдатчину не пустилъ бы. Иванъ Фомичъ обѣщалъ вселить врачей и акушерокъ сосѣдняго родильного пріюта, и это было лучше солдатъ. Настасья Прокофьевна не только перестала нась удерживать, но сама пожелала, чтобы мы поскорѣй уѣхали.

— Ужъ вы поймите меня... ужъ не обезсудьте, но ес-

ли Константинъ-то Андреевичъ, Богъ дасть... — она запнулась, — ему съ простымъ-то народомъ трудно.

И мы уѣхали такъ поспѣшно, что я едва припоминаю наши сборы.

Дни были предпасхальные, страстные. Москва гудѣла угрюмымъ звономъ, а во всемъ городѣ чувствовалось нетерпѣливоѣ ожиданіе праздника.

Въ день отъѣзда, несмотря на Страстную субботу, Иванъ Фомичъ спозаранку привель ораву женщинъ и мужчинъ. Они ходили по комнатамъ, громко обсуждая, какъ размѣститься. Узнавъ, что мы съ Маріей Федоровной вечеромъ уѣзжаемъ, кто-то, попроворнѣе, собрался сей-часъ же перевозить вещи. Весь день раздавались говорь, стукъ, звонки. Люди приходили и уходили, а Иванъ Фомичъ всѣмъ распоряжался по новому, со властью, по хо-зяйски. Въ обѣдъ привезли на подводѣ чьи-то кровати, тюфяки, узлы, корзину, манекенъ, корыто... Дверь на лѣстницу ужъ и запирать перестали.

Картрига стала похожа на постоянный дворъ.

Настасья Прокофьевна, подавленная горемъ, развязностью Ивана Фомича, беспорядкомъ, шумомъ въ домѣ, простиась съ нами наспѣхъ, въ большой растерянности, видимо даже съ облегченіемъ, что мы своимъ отъѣздомъ развязываемъ узель. Такъ въ тѣ дни могли разставаться люди, даже близкіе, даже родные, когда внезапно на чловѣка обрушивалось новое бѣдствіе, а разлука обѣщала облегченіе.

ГЛАВА XIX.

Марію Федоровну отвезла на вокзалъ Обручева (какъ и тогда — за ней прѣхаль извозчикъ Яковъ), а я добрался по трамваемъ.

Въ тотъ вечеръ съ Николаевскаго вокзала отправлялось много воинскихъ поѣздовъ, и толпы солдатъ съ мѣшками и котелками забили всѣ залы, коридоры и платформы. Повсюду слышался гулъ голосовъ. Солдаты роптали, что ждутъ посадки съ пяти часовъ, что не выдали дополнительного пайка, а главное, что отправляютъ подъ праздничъ, но было ясно, что несмотря на недовольство, они простоять долго, хоть ночь, потому что въ нихъ всепокоряющая, какъ гипнозъ, увѣренность, что власть имѣеть въ виду лишь ихъ интересы, и всякая проруха — ея бѣда, не вина. Власть ни въ чемъ неповинна, лишь неопытна и, если могла бы устроить лучше, устроила бы, услужила бы, постаралась...

Я съ трудомъ отыскаль Марію Федоровну и Надежду. Онѣ сидѣли на подоконникѣ, въ темномъ углу коридора, у опрокинутыхъ бочекъ для питьевой воды, у которыхъ давно чьи то воровскія руки отвинтили краны, кружки, цѣпи и крышки.

Марія Федоровна была очень утомлена. Я бросился узнавать, гдѣ поѣздъ и когда отойдетъ, но повстрѣчавшійся кондукторъ злорадно крикнулъ, что поѣзда, можетъ быть, не будетъ вовсе, а если будетъ, то посадка — не съ платформы, а на подѣздномъ пути. Не знаю, долго ли

мы ждали-маялись въ этомъ вонючемъ гомонѣ. Можетъ быть, и совсѣмъ въ тотъ вечеръ не уѣхали бы, если-бы не появились энергичные попутчики, которые побѣжали пугать желѣзнодорожное начальство своими барабанными мандатами. И вдругъ все пошло съ кинематографической мгновенностью.

Насъ погнали въ конецъ вокзала и оттуда — мимо полуосвѣщенного пустого багажнаго отдѣленія по деревяннымъ мосткамъ, а потомъ просто по грязи — на глухой запасный путь, къ поѣзду.

Во тьмѣ истерично свисталъ — заливался паровозъ, метались съ фонарями, вдоль вагоновъ люди, кто-то изъ начальства ругался-протестовалъ, что насы сажаютъ въ служебные вагоны. Казалось, секунда — и поѣздъ тронется...

Ни Марія Федоровна, ни я потомъ не могли припомнить, гдѣ мы потеряли Надю, и какъ очутились въ темномъ вагонѣ, въ купѣ, набитомъ желѣзнодорожными служащими,ѣдущими разговариваясь съ семьями куда-то на линію.

До Клина было тѣсно, темно и очень беспокойно. Бѣхали мы въ гулѣ голосовъ, въ дѣтскомъ плачѣ, въ табачномъ дыму, въ вони мокрыми младенцами и чѣмъ то съѣстнымъ. Не разъ проходилъ контроль, грозно и придирично провѣрявшій документы.

Въ Клину нашъ вагонъ опустѣлъ и опустѣлъ такъ, что я заволновался — не отцѣпятъ ли? Но на платформѣ кондукторъ проворчалъ, что не отцѣпятъ, потому что «въ трехъ купѣ агитаторы заперлись — спятъ, въ Новгородскую губернію Пасху громитьѣдуть».

Когда тронулись, и за стеклами проплыли станціонные огни, мы съ удивленіемъ увидали: въ купѣ мы одни. Я зажегъ захваченную въ дорогу свѣчу, заперся на задвижку, разложилъ вещи.

Въ полумракѣ я едва различалъ Марію Федоровну, забившуюся въ уголь. Подъ стукъ колесъ, въ темнотѣ,

пахнущей пылью и дымомъ, я постепенно сталъ успокаиваться. Москва съ воровскими моими хлопотами по комиссаріатамъ, съ Ловчинской бѣдой, съ тяготой первыхъ дней жизни съ Маріей Федоровной была позади. Мнѣ сейчасъ хотѣлось все забыть, я даже старался все забыть, чтобы ничѣмъ не омрачать подаренного намъ судьбою времени. Не должна ли душа умѣть освобождаться отъ всего, даже отъ добра и зла, въ иныхъ мгновенія радости? Но беззаботность такъ и не пришла.

— У Ловчинахъ тоже нѣтъ сегодня праздника, — вдругъ, словно мнѣ наперекоръ, озабоченно проговорила Марія Федоровна. — Мнѣ кажется, Настасья Прокофьевна одна изъ тѣхъ женщинъ, которая могутъ себя замучить раскаяніемъ.

— Но она не виновата?

— Оба ни въ чемъ не виноваты и, можетъ быть, во всемъ, — горячо проговорила Марія Федоровна. — Это бываетъ, когда лишь заботы и невзгоды вмѣстѣ, а радости общей не стало. Нельзя безъ радости живому жить. Настасья Прокофьевна, навѣрно, долго безъ радости жила, прежде чѣмъ къ народу бросилась. Это и есть ея невинная вина...

— Когда разставались, вѣдь, все простили...

— Конечно, все, но прощеніе не трудно, а тягостно, что оно понадобилось. Это и мучаетъ Настасью Прокофьевну, хоть она неповинна.

Марія Федоровна говорила всегда о Ловчинахъ волнуясь, и такъ, точно ихъ бѣда что-то ей доказывала и въ чемъ то ее убѣждала. «Не своей ли виной передъ Федоромъ Федоровичемъ мучается?» подумалъ я.

Мы замолчали. Слышался лишь стукъ колесъ, поскрипывали стѣны, изрѣдка устало трубилъ паровозъ, однообразно вверхъ-внизъ колыхались черныя тѣни на полосатой обивкѣ дивановъ...

Мнѣ какъ-то и не думалось, что мы ѣдемъ въ пас-

хальную ночь. Ничего не было пасхального въ тотъ вѣчеръ. Кромѣ глухого ропота солдатъ, недовольныхъ от-правкой подъ праздникъ, да еще внезапное освобожде-ніе въ Клину отъ желѣзнодорожниковъ — ничто о празд-никѣ не напоминало. Марія Федоровна, взглянувъ на ча-сы, сказала, что скоро полночь, но ея замѣчаніе ничего не измѣнило, и мы попрежнему — то молчали, то шепта-лись (тогда всегда говорили шопотомъ) о московскихъ событіяхъ.

Облокотившись на столикъ и устало склонивъ голо-ву на руку, Марія Федоровна слушала меня съ той удив-ленной внимательностью, которую я иногда теперь въ ней замѣчалъ. Это вниманіе (иначе назвать не знаю, какъ) появилось со дня ареста Константина Андреевича, точно съ того лишь дня я стала для нея существовать. Перемѣ-ну я тотчасъ смутно почувствовалъ, но въ нее не повѣ-рилъ и томился обычной грустью, что это отъ одной при-знательности.

Какъ миновала полночь, мы не замѣтили, и лишь подъѣхавъ къ какой то глухой станціи, по далекому бла-говѣсту, мягкимъ гуломъ доплывшему къ намъ въ ку-пѣ, поняли, что Пасха.

— Заутреня... — встрепенулась Марія Федоровна.

Она вскочила, откинула занавѣску и приникла къ ок-ну. Я посмотрѣлъ на черное стекло черезъ ея плечо, но въ зеркальной слѣпотѣ отсвѣчивало лишь пламя свѣчки. Я старался представить величіе минуты, но мнѣ казалось, для этого я долженъ остатся совсѣмъ одинъ, и я ушелъ на платформу.

Нашъ вагонъ, оказавшійся въ хвостѣ поѣзда, при-шелся уже не у платформы, а на насыпи. Въ отсвѣтахъ мутно-желтыхъ фонарей чернѣла вдали станція. Прямо передо мной подступалъ къ полотну довольно густой и рослый кустарникъ, о близости селенія можно было дога-даться по рѣдкимъ и мелкимъ, свѣтлѣвшимъ между вет-

лами, огнямъ. Ночь была облачная, но тихая. По весеннему свѣжо и сладко пахло землей, водой, гніющей древесиной, и въ этой темнотѣ и сырости гудѣли мѣрно, мягко и легко далекіе колокола...

Я старался вообразить, что Пасха, — ночь свѣтлая и необычайная, и, вопреки всему, радостная, однако, въ воображеніи ничего радостнаго мнѣ не представилось; холодно и вяло припомнился ночной нашъ пасхальный русскій бытъ, но и это не помогло, и я, безъ всякихъ воодушевленій, съ чувствомъ неловкости и непріятнаго принужденія, подумалъ, что надо пойти поздравить Марію Федоровну.

У окна ея уже не было. Она лежала на диванѣ, закутавшись въ шубу, и подложивъ подъ голову синій валикъ пледа. Молча, взглянула она на меня.

— Я заставлю свѣчу книгой, вамъ свѣтъ въ глаза, — сказалъ я.

— Нѣтъ-нѣтъ, не надо, Алексѣй Павловичъ, я спать не буду... я не могу спать.

Никто бы не повѣрилъ, что мы въ ту минуту больше ничего другъ другу не сказали...

Проплыли фонари станціи, зеленый отсвѣтъ семафора — и все погрузилось во тьму и гуль.

Я забился въ самую темноту, огорченный странной душевной пустотой. Марія Федоровна сосредоточенно думала о чѣмъ то.

— Я о Федѣ вспоминаю... — вдругъ тихо, словно извиняясь за молчаливость, проговорила она. — Онъ въ Пасху, ночью, уходилъ на кладбище и говорилъ всегда, что безсмертіе у насъ, у всѣхъ, звукъ пустой, иначе мы никогда бы мертвыхъ не забывали. Когда мы пріѣзжали съ нимъ въ какой нибудь городъ, онъ прямо съ вокзалаѣхалъ на кладбище. Онъ жилъ мертвыми, какъ живыми. Это у Феди своеобразная черта.

— Вашъ братъ необыкновенный человѣкъ. Я мно-

гимъ въ немъ восхищался, — сказалъ я. — Но чего то ему все-таки не прощалъ, не могъ, да, пожалуй, не очень и хотѣлъ прощать.

— Вы отрѣшенности его не прощали, — слегка озабоченная моей откровенностью, оживленно заговорила Марія Федоровна. — Я знаю, она людей оскорбляетъ. Я сама долго отъ нея страдала, — потомъ поняла, что это не отъ силы, а отъ душевной хрупкости, отъ младенческой слабости.

— Слабости? — въ недоумѣніи переспросилъ я.

— Да, слабости. Мнѣ кажется, самое трудное — не стойкость въ отрѣшенности, а чтобы вынести весь ужасъ жизни. Какъ дѣйствительность страшна, Алексѣй Павловичъ! Я до этой зимы не знала, что она можетъ... что въ ней можетъ быть такая тьма. А можно ли отъ нея спрятаться? Кто не приметъ жизни, того и она не приметъ: обратить въ свое подобіе, въ бездыханную идею, въ прізракъ, но не приметъ. Я всегда этого боялась! Но какъ преодолѣть самого себя? — въ горестномъ безсиліи тихо воскликнула она. — Федя все хотѣлъ «создать» меня, — продолжала она помолчавъ, — но я не «создавалась», и мы долго мучили другъ друга. Какое на меня находило иногда уныніе отъ нашей чудесной жизни въ Италіи! Два раза я уѣзжала — начинала самостоятельную жизнь... и возвращалась. Красота фантастики такое тонкое прельщеніе! Я бы никогда его не преодолѣла, если бы не война. Я даже и понять сейчасъ не могу, почему я на нее отозвалась. Народъ мой я не любила, никогда о немъ не думала, — вѣдь я съ дѣтства за границей, — а тутъ уѣхала съ первыми попавшимися попутчиками. Федя вернулся въ Россію позже, черезъ Швецію. Я много доставила ему огорченій. Онъ предрекалъ, что война меня погубить, а меня онъ потеряетъ...

— Но онъ же вѣсъ не потерялъ?

Лицо Марії Федоровны было сосредоточено и строго.

— Ту, которую придумалъ, — потерялъ.

— Федоръ Федоровичъ сказалъ — передъ Гатчиной еще это было, — что васъ прощаетъ. Такъ и сказалъ: «я все ей прощаю...»

Марія Федоровна встрепенулась, откинула шубку и сѣла на диванѣ.

— Въ его запискахъ объ этомъ не было, — взволнованно прошептала она.

— У меня духу не хватило сказать вамъ про это. Мнѣ даже кажется, что онъ не простилъ, а только себя тогда успокоить хотѣлъ. Если бы онъ васъ потерялъ, по моему, никогда бы онъ не простилъ... Ну, а если и была у васъ вина, что нибудь не такъ, не по злому же вы умыслу, и потомъ... личная жизнь, — кто ей судья?

— Нѣтъ-нѣтъ... — горячо, но тихо воскликнула Марія Федоровна, — человѣческій судъ есть! Я не хочу великодушной безсудности, она, можетъ быть, хуже Феди-наго полупрощенія... Я еще ни съ кѣмъ про свою вину не говорила, и съ вами — никогда. Я бы и сейчасъ, навѣрно, не сказала, но вотъ, ночь такая... (она подыскивала слово, но такъ ничего и не добавила) и вы все знаете, и ваша простота... я дивлюсь вашей простотѣ, Алексѣй Павловичъ! Вы, какъ будто, совсѣмъ не боитесь дурнымъ прослыть и сказать ничего не боитесь, оттого и вамъ довѣриться не страшно... Я не каяться вамъ въ моей любви собираюсь, и какъ въ этомъ каяться? Сверкнула молнія, и мой домъ загорѣлся. Но я все-таки виновата, я очень виновата, мнѣ казалось, чѣмъ пожаръ сильнѣе, тѣмъ я, значитъ, какъ человѣкъ, больше... и предѣловъ не стало никакихъ. Думала: вотъ это и будетъ моей женской славой... но пришла не слава, нѣтъ-нѣтъ, не слава...

Голосъ ея оборвался.

— Знаю, это я — погубила Добрынина... — въ волненіи и съ мучительнымъ усилиемъ призналась Марія Федоровна.

— Вы?

— Да. Я ему свою безмѣрность за святыню выдала и своей волѣ подчинила. Тогда я ничего не соображала, а теперь поняла: я ли, тѣ ли въ Кремлѣ — не все ли равно... его душа... одна и та же душа — на свое порабощеніе соглашалась... Теперь вы все знаете. Я къ вамъ, какъ къ совѣсти людской, всеобщей и непорочной, съ моей виною обращаюсь...

Въ темныхъ блестѣвшихъ глазахъ, въ горячемъ шопотѣ, въ трепетномъ волненіи — было то крайнее напряженіе душевныхъ силъ, которое мы часто принимаемъ за экзальтацию. Бѣдная моя «чужая невѣста»! Даже теперь и не «чужая»... Я смотрѣла на ея лицо, на руки въ знакомыхъ сѣрыхъ перчаткахъ и поняла, что она — «ничья», навсегда и бесповоротно (ужъ, конечно, не моя!), и въ этомъ вся ея единственность и вся притягательная для меня сила. Если бы я могъ хоть на мигъ допустить, что она можетъ стать «чьей то», какъ тѣ добрыя женскія существа, которые всегда томятся о томъ, какъ бы прильнуть-приникнуть къ кому то и съ восхищеніемъ отъ себя отказываются, я, навѣрно, отъ нея тутъ же бы отступилъ. Самъ того не сознавая, я Марія Федоровну лишь въ предѣльной чистотѣ принять хотѣла, торжествоъ въ становленіи личнаго единства предвосхищалъ, отъ нея безмолвно его требовалъ. Такъ вотъ откуда безсознательное мое: «романа не надо...» и жестокое: «не для корыстной лирики я въ Москву пріѣхалъ!» Вотъ почему ея отчужденность меня не отчуждала, а влекла! Я въ Марію Федоровну восторженно повѣрилъ, всему разочарованію въ себѣ, всѣмъ перетлѣвшимъ отношеніямъ къ людямъ, даже постылому русскому народу ее одну противопоставилъ. Въ этомъ былъ весь смыслъ моихъ къ ней отноше-

ній. Но что мнѣ было отвѣтить? Сказать: «Богъ про-
стить?» или: «Вамъ, Марія Федоровна, я не судья?...»
Развѣ этихъ, до пустоты добродушныхъ, словъ она за-
служивала? И развѣ это было въ моей душѣ?

На меня нашла чудесная ясность разумѣнія, прони-
кавшая куда то въ самую глубину происшедшаго. Я по-
нималъ, что грѣхъ Маріи Федоровны (я сознавалъ отчет-
ливо: «грѣхъ») отъ слѣпоты неопытнаго человѣческаго
существа, принявшагося жить съ энтузіазомъ и не со-
владавшаго съ самимъ малымъ, — со своимъ жизнера-
достнымъ и пылкимъ себялюбіемъ. Въ этомъ и былъ весь
грѣхъ. Совѣсть моя не судила, но гдѣ-то, въ глубинѣ со-
знанія, за предѣлами совѣсти, невѣдомая мнѣ душевная
сила, не ужасаясь, не отвращаясь, и даже не прощая, ут-
верждала, что грѣхъ исчезъ, потому что случившееся пре-
образилось въ благо. Если бы кто нибудь мнѣ сказалъ,
что въ ту минуту я прикоснулся къ тайнѣ милосердія, что
эта сверхъестественная увѣренность въ преображеніи не-
благого въ благое, согрѣшившаго въ несогрѣшившаго —
и есть отпущеніе грѣха, я бы, вѣроятно, просто этому
чрезвычайно удивился.

— Изъ вашего прошлого, изъ вины вашей, только
новое, очень хорошее возникнетъ — вы уже и сейчас
не прежняя. Я помню васъ, когда на Надежинскую хо-
дилъ. Я очень не любилъ къ вамъ ходить, но вы сейчасъ
другая. А если другая, и все хорошо будетъ, вѣдь это
значить, что все прощено. Я знаю, я увѣренъ, что это
правда...

Марія Федоровна слушала, опустивъ голову.

— И невозможно, чтобы это съ вами одной. Навѣр-
но, не съ одной, но только обѣ этомъ вы, можетъ быть,
никогда, никогда не узнаете, — и это ничего, что не уз-
наете, лишь бы вы въ это повѣрили. Вы же вѣрили, ко-
гда съ мальчикомъ говорили?

— Да, вѣрила, — едва внятно проговорила она.

И тутъ, въ подтвержденіе моей правды, я заговорилъ о Немъ, о томъ, что всѣ дѣла и слова Его порукой: не-вѣроятное можетъ осуществляться. Я впервые назвалъ Его по имени, торопясь и путая немного, припомнилъ чудеса, слова Его и обѣщанія..., а потомъ само собой вышло, что я заговорилъ о ночи Воскресенія.

— Вы помните? Никто не вѣрилъ, никто не могъ по-вѣрить, всѣ растерялись: стражи, ученики, женщины... Небывалая, невозможная очевидность! Пустая могила, брошенный саванъ...

— И ангель — помните? — тихо прервала Марія Федоровна.

— Да, помню — и ученики..., а подъ утро встрѣча съ Маріей Магдалиной.

— Какъ странны, почти жестоки, сказанныя ей слова!

— Нѣтъ-нѣтъ, они не жестоки... — взволнованно заговорилъ я. — Они лишь знакъ того, что все между ними отнынѣ по новому, по небывалому. Ей, ей первой, въ ту ночь вся тайна откровенія: что воскресъ, что ученики отнынѣ Его братья, и она сама не прежняя, не та, что женски-безпомощно Его оплакивала, а другая, новая, которую она сама въ себѣ еще не знаетъ...

— Равная апостоламъ? — сразу поняла Марія Федоровна.

— Да, потому тутъ же и порученіе: «иди и скажи...» и она пошла и возвѣстила.

— А на другой день, помните, встрѣчу на дорогѣ?

— Ахъ да, когда день склонялся къ вечеру....

Такъ дополняя и осторожно перебивая другъ друга, мы припомнили и далѣе всѣ явленія Его послѣ Воскресенія.

Мы говорили шопотомъ, съ тѣмъ увлеченіемъ, когда забыто время. Уже ни Марія Федоровна, ни я не думали, много ли, мало ли мы въ пути. Мы жгли наши огарки, а

когда сожгли всѣ, продолжали говорить въ синемъ сумракѣ разсвѣта.

Что было у насъ въ душахъ?

Простой человѣческой радости, беззаботной, легкой и самоувѣренной, не было. Ощущеніе окружающей злобной, слѣпо-ожесточенной стихіи ни на мгновеніе насъ не покидало. Но было свѣтлое удивленіе другъ другу, тому, что души созвучны, согласны, точно стройно, на два голоса, всю ночь мы поемъ обѣ одномъ и томъ же. И когда утро высвѣтило наше грязное купѣ, а за окномъ мы уже различали телеграфные столбы, тонкостволыя березы, туманъ надъ болотами — мы словно созвучія этого испугались и смущенно замолчали.

Смутилъ насъ и неистовый стукъ въ концѣ коридора. Это кондукторъ будиль агитаторовъ, предупреждая, что имъ сейчасъ вылѣзть.

Дѣйствительно, скоро поѣздъ замедлилъ ходъ. Замелькали крыши строеній, большія березы въ вороньихъ гнѣздахъ, унылые, весеннія дороги поселка... Агитаторы высыпали въ коридоръ и, топая, перекликаясь и кряхтя, потащили къ выходу какую то тяжеляю кладь.

«Пропаганду привезли», рѣшилъ я.

Мы увидѣли ихъ гурьбой на платформѣ подъ самыи нашимъ окномъ, какъ только подѣхали къ станціи.

Въ растегнутыхъ курткахъ, въ солдатскихъ шинеляхъ, кто въ сбитой на затылокъ кепкѣ, всклокоченные, неумытые, съ бѣлыми, отекшими отъ сна лицами — они озабоченно топтались вокругъ сваленныхъ въ кучу тюковъ и о чѣмъ то совѣщались.

Станція была небольшая, съ дряннымъ вокзаломъ. Недавнимъ пожаромъ ему обуглило бокъ, а незастекленные окна были крестъ-на-крестъ забиты досками.

Въ виду ранняго часа все спало мертвымъ сномъ, и стационарное начальство на платформу даже не показалось.

По жестамъ, выражавшимъ крайнее неудовольствіе,

и долетѣвшимъ до насъ возгласамъ, можно было заключить, что обѣщанныхъ подводъ за ними не выслали, и имъ придется теперь самимъ разыскивать въ поселкѣ лошадей. Они угрюмо оглядѣлись по сторонамъ, закурили и, оставивъ тюки мокнуть подъ дождемъ, повалили въ вокзалъ. Паровозъ затрубилъ тревожно-протяжно, точно оповѣщая всю округу, что привезъ на праздникъ гостей недобрыхъ, и мы отѣхали.

За тусклымъ стекломъ окна, надъ пустыми черными полями плыло сѣреое небо — никому ненужный сейчасъ просторъ, волновавшій насъ, русскихъ, когда то отъ преизбытка силь, отъ богатства желаній... Теперь я глядѣлъ на мутный горизонтъ, на разбѣгающуюся во всѣ стороны землю и не находилъ въ нихъ прелести. Не то сама земля закрыла отъ насъ, революціонныхъ поколѣній, свой чистый ликъ, не то я утерялъ способность созерцанья, но только между мной и землей была отчужденность. Она была точь въ точь такая же, какую я испытывалъ теперь ко всему родному: къ своимъ согражданамъ, которые теперь казались инородцами, къ Петербургу, изъ которого мнѣ хотѣлось бѣжать, къ родному языку, отъ которого часто отвращался слухъ, такъ обезобразили его мягкую пѣвучесть грубыя и невѣрныя словосочетанья. Какъ преодолѣть этотъ разрывъ? И надо ли? Что думаетъ Марія Федоровна? Я вспомнилъ о ней и отъ думъ очнулся.

Марія Федоровна спала. Лежала, положивъ голову на свернутый пледъ, какъ тогда, въ заутреню, лицомъ къ стѣнѣ. Руки устало вытянулись вдоль тѣла, конецъ распустившейся черной косы соскользнулъ на плечо.

Я поднялъ упавшія шпильки и осторожно задернулъ занавѣску.

Вся бѣдная пасхальная радость моя была сейчасъ въ томъ, что она проснется, опять заговорить со мной, и что мы въ Петербургѣ не разстанемся... А если разстанемся? Какой нерасторжимостью мы связаны? Никакой. Не по-

тому ли она ни словомъ о петербургскихъ своихъ пла-
нахъ не обмолвилась и лишь просила отвезти ее къ род-
ственникамъ? Но чѣмъ больше я тревожился, тѣмъ боль-
ше волновало меня само присутствіе Маріи Федоровны.
Оно и мучило меня, и утѣшало: то пугало разставаньемъ,
то оживляло радостью, что еще не разстались.

Нѣтъ, разставанья быть не можетъ! Эта ночь нась
связала. Марія Федоровна мнѣ ближе, чѣмъ когда либо,
гораздо ближе, чѣмъ еще вчера, въ Москвѣ, и она тоже
про мое тайное теперь что то знаетъ...

Я постоялъ надъ спящей, съ глубокой вѣрой думая
о ней. Потомъ забился въ уголъ и пытался задремать.

Въ тишинѣ, мирѣ, въ чуткой дремѣ мы ѿхали до Лко-
бани. И тутъ празднику пришелъ конецъ.

На платформѣ поѣздѣ ожидала большая толпа экс-
курсантовъ-школьниковъ. Они ввалились со значками,
съ красными флагами, съ пайками въ кузовкахъ — шум-
ные, непосѣдливые, возбужденные. Съ крикомъ-гикомъ
заполнили всѣ мѣста, проходы, выходы и, лишь только
tronулись, затянули голосисто, заглушая шумъ поѣзда,
ужъ запѣтый бунтарскій гимнъ.

Такъ, въ давкѣ, въ гвалтѣ, съ революціонными пѣс-
нями, мы и прибыли въ нашу Галилею.

ГЛАВА XX.

Дома меня ждала бѣда. Въ мое отсутствіе погорѣль Рыжиковъ. Заливая Рыжикова, пожарные проникли и въ мою квартиру, все перепортили, а главное, — погорѣльцевъ домовый комитетъ вселилъ ко мнѣ явочнымъ порядкомъ.

Квартира была неузнаваема. Изъ кухни валилъ чадъ, по всему коридору развѣсили дѣтское мокрое бѣлье, а въ столовой, несмотря на пасхальный столъ, рыжиковская жена со свояченицей купали въ корытѣ ребенка. Въ кабинетѣ (его мнѣ оставили) сундуки и шкапы оказались почти пусты, за то на письменномъ столѣ лежали копіи протокола о вселеніи и опись имущества принятаго вселяемыми.

Я поднялъ шумъ, грозилъ уголовнымъ розыскомъ, но Рыжиковы клялись-божились, что, вѣхавъ, сами диву дались, кто могъ такъ все уворовать. Я бросился съ заявлениемъ въ комитетъ, но Петръ Ивановичъ, во хмелю по случаю Пасхи, съ яичнымъ желткомъ на усахъ, сначала полѣзъ христосоваться, а потомъ рассказалъ, съ непонятнымъ удовольствіемъ (совсѣмъ какъ солдатъ во время обыска у Ловчинахъ обѣ открытомъ въ печкѣ заговорѣ), что народу, добровольцевъ всякихъ, вслѣдъ за пожарными набилось въ мою квартиру сила, и всѣ въ голосъ кричали, что «квартиронаниматель какъ есть, сейчасъ весь погоритъ, и надо спасать его имущество безъ промедленія».

— Да тутъ всѣ — къ шкапамъ! къ сундукамъ! — рассказывалъ Петръ Ивановичъ. — Тяжелое время. Алексѣй Палычъ: покуда сидиши на имуществѣ — твое, какъ всталъ — чужое.

Къ ограбленію прибавилось увольненіе со службы (оно послѣдовало въ первый же служебный день), и тутъ нужда впервые зловѣще приблизилась ко мнѣ.

Увольненія, конечно, ожидать мнѣ слѣдовало. Моя нерасторопность продержала правленіе въ состояніи такого нервнаго напряженія, что у Кузовлева вновь открылась зажившая культа, да и всѣ сочли задержку признакомъ столь грознѣмъ, что нѣкоторые наши главари поспѣшно вернули мандаты и разсѣялись по деревнямъ. Встрѣтили меня со злобой нескрываемой, отняли бумаги и уволили, не угрожая худшимъ лишь потому, что я слишкомъ много могъ узнать за московскіе переговоры.

Наконецъ, отъ Сережи я узналъ новость самую неблагопріятную: Софья покинула Петербургъ. Взяла первое попавшееся назначеніе по инспекціи дѣтскихъ домовъ Пріуралья и уѣхала съ поспѣшностью необычайной. Передъ отѣзdomъ, поздно вечеромъ, почти ночью, позвонила Сережѣ по телефону и очень взволнованнымъ голосомъ просила мнѣ передать, что уѣзжаетъ и въ Петербургъ больше не вернется. Сережа хотѣлъ, было, разспросить о назначеніи, но она повѣсила трубку. Мы съ нимъ догадались сразу: не могло быть, чтобы для 1осифа Эдуардовича, въ такое раздолье, свѣтъ клиномъ на Сонѣ сошелся. Вѣроятно, не сошелся...

Такъ послѣ Москвы мнѣ и открылась жизнь невѣрная, жуткая, бѣдная, вся сѣпленная изъ случайностей. Это состояніе меня и мучило, и пугало, усугубляясь тревогой о Маріи Федоровнѣ.

Съ ней мы не разстались, но судьба разметала нась въ самые дальніе концы города. Я отвезъ ее на Васильевскій Островъ (на Надеждинской давно уже все разграби-

ли) къ ея дальнимъ родственникамъ, но семья была большая, сбитая съ ногъ болѣзнями, смертями, арестами, полнымъ, до тла, разореніемъ и ждала лишь случая прорваться черезъ границу. Марія Федоровна была тамъ явно въ тягость. Наши свиданья были рѣдки, всегда на людяхъ, и терзали меня очевидностью, что она въ такой же бѣдности, какъ и я. По ея порученію, я бросился къ Пасхалову, но онъ выбылъ въ провинцію на художественную экспертизу какой то разгромленной усадьбы. Оставалась помошь старыхъ связей. Утѣшительного и тутъ ничего не было. Шкарева и слѣдъ простиъ. Передавали слухъ, что онъ недавно переѣхалъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ Д. отли-чается въ кинематографическихъ съемкахъ. Исчезли и братья Ермолаевы; семьи погибшихъ — Линева, Рукавищ-никова, Паульсенъ — всѣ попрятались кто куда, чтобы пропасть безслѣдно изъ виду и памяти властей. Вообще нась встрѣтила въ Петербургѣ пустота, не неустройство, не развалъ организаціи, а именно пустота; даже безтолко-вая «Помощь», выдававшая невѣрныя справки, стала неуловимой: вѣроятно, свернулась за отсутствіемъ средствъ. Все это рассказала намъ Анна Ивановна, предупреждая объ опасности настойчивыхъ поисковъ старыхъ слѣдовъ. Словомъ, мы съ Маріей Федоровной очутились въ несчастыи, въ бѣдности, въ непріятной людской зависимости.

Я никогда не думалъ, что бѣдность можетъ обусловливать жизнь очень напряженную, дѣятельную, въ кото-рую человѣкъ вкладываетъ всѣ свои силы безраздѣльно; что въ ней самое тягостное не нехватки, а страхъ передъ ними, чувство беззащитности, сиротства и повышенное ощущеніе въ себѣ физической жизни — одно изъ самыхъ мучительныхъ состояній, если оно возникаетъ не отъ жизнерадостности, а отъ тревоги за свое существованіе.

Мы съ Маріей Федоровной часто теперь озабоченно говорили о мелочахъ, о которыхъ въ Москвѣ никогда не говорили. Случалось мнѣ ее не заставать, — родственни-

ки усылали по комиссіоннымъ порученіямъ; случалось видѣть, какъ она, измученная, возвращалась послѣ бесполезныхъ поисковъ. Да, мы были въ ту весну не общественные дѣятели и не предпріимчивые враги власти, а просто обнищавшіе русскіе люди. Но, можетъ быть, именно въ простотѣ, съ которой мы это несчастье приняли, безъ пышныхъ словъ о тѣлѣнности всего земного, и заключалась вся его умудряющая сила.

Я днями метался, отыскивая работу, совалъ рекомендательные письма (мнѣ Сережа тутъ помогъ), упрашивалъ, на всѣ неудобства соглашался, но, хотя видимо-невидимо новыхъ учрежденій открылось, всюду нужна была проекція вліятельныхъ людей. А пока приходилось послѣднія, даже необходимыя, вещи къ Швайцеру носить. Бѣгалъ я и къ надежнымъ спекулянтамъ. Случалось и окажію ловить.

Какъ то разъ я услыхалъ, что Рыжиковы хотятъ купить дѣтскую коляску. Я тотчасъ вымѣнялъ ее у Сережиной жены на свою бѣличью венгерку и къ вечеру уже имѣ коляску прикатилъ — нехорошо, конечно, сдѣлалъ, потому что обнаружилъ, что очень нуждаюсь и даль поводъ долго и противно со мною торговаться. Но тогда было такъ: только бы случай не упустить.

Никогда человѣкъ не ощущаетъ свою выгоду, свою добычу съ такою страстью, какъ въ бѣдности. Онъ пріобрѣтаетъ навыкъ ее отыскивать, дѣлается нервно-чуткимъ, какъ гончая. Вообще человѣкъ въ бѣдности всегда въ тревогѣ, въ безсонницахъ, въ томлениі, въ безтолковой дѣловитости: такъ всякая букашка — пойманная — трепещетъ отъ страха и страсти освобожденія.

Измѣнилось наше настроеніе внезапно, въ концѣ мая. Помогла фонаревская Дарья.

Она служила у Персиковъ, новыхъ жильцовъ, что вѣхали въ фонаревскую квартиру.

Семья была пріѣзжая, съ польской границы, боль-

шая, сытая, довольная положениемъ вещей, съ покровителемъ-дядюшкой въ самомъ правительствѣ. Весь нашъ домъ забыть не могъ, что вещи съ вокзала привезли на казенныхъ подводахъ, а сами прибыли на придворной линейкѣ, на одной изъ тѣхъ, что возили при царѣ дворцовую челядь.

Даша на дворѣ не разъ увлекала меня куда нибудь въ сторону и сплетничала о чужомъ добрѣ, и восхищаясь имъ, и возмущаясь.

— Продовольствія у нихъ, продовольствія — страсть! Только заикнусь: «Кофій весь». «На, кофій!» — «Маслице у насъ къ концу». «На, масло!» — Сильные люди, ой, сильные, Алексѣй Палычъ...

— Вамъ, Даша трудно? — спросилъ я ее однажды. Даша только рукой махнула.

— Трудно? Трудно? Да я послѣ Александры-то Петровны прямо голодомъ сидѣла. Куда мнѣ дѣваться? Конечно, трудно. Люди тяжелые, чужие... Наша то молодая изъ русскихъ взята, такъ и ее нѣтъ-нѣтъ прорвѣть. Вчерась какъ вскинется, какъ раскричится... Зачѣмъ смыли ребеночка ейнаго въ районѣ Исаакомъ, въ дядю ихнаго, записать! Ужъ и мнѣ жалко ее стало. Говорю ей: «Наталья Николаевна, голубушка, не плачьте! Ну, для нихъ пусть Исаакъ, а вы его тайкомъ хоть въ папочку вашего — Николаемъ — покрестите».

Вотъ этой то благополучной семье и отвели по ордеру дачу въ Павловскѣ, большую, удобную, изъ тѣхъ, что строили для себя домовитые петербургскіе купцы. Несмотря на то, что туда разсчитывали набиться всей кучей, съ деверями, со свекровью, оставалось свободное помѣщеніе во флигелѣ, и это новыхъ хозяевъ тревожило.

— Прямо задаромъ жить пустятъ. Только говорятъ, чтобы неподглядчики какіе... — объясняла Дарья, — я имъ про васъ и сказала.

— Спасибо, Даша, да вѣдь мнѣ работу искать надо,

и я не одинъ... одна моя знакомая... она очень больна была зимой, я ее не оставлю.

Дарья задумалась.

— Что же, можно и дамочку, — простодушно сказала она. — Никишу внизъ, а васъ обоихъ надъ прачечной.

На утро явился ко мнѣ глава семьи — старшій Персикъ, Моисей, разбитной молодой человѣкъ, гладко выстриженный, съ черными усиками, хорошо одѣтый, въ добротномъ драпѣ, въ свѣжей кепочкѣ, въ галстукѣ — пестро-красной бабочкѣ — и безъ всякаго замѣшательства повторилъ предложенія Даши, но добавилъ, — комнаты наши, разумѣется, безъ пользованія садомъ; намекнуль на связь, на дядю, сказалъ, что завѣдуется націонализацией какой-то фабрики и торопливо удалился.

Марія Федоровна приняла мой планъ, какъ освобожденіе. Жить у родственниковъ, послѣ сокращенія пайка, становилось невыносимо, бѣдствовать можно было всюду — и мы, распродавъ, что осталось, переѣхали въ первыхъ числахъ іюня, въ дни стремительно нахлынувшаго лѣта, въ самую-то зелень, въ цветы, нѣгу, въ птичій щебетъ...

Поселились мы надъ прачечной, во флигелѣ, прижатомъ въ уголъ просторнаго двора, у самыхъ воротъ: двѣ бѣдныя комнаты, бывшія кучерскія, со склоненными потолками, со скрипучими половицами и затекшими сажей желѣзными печками (этой зимой, видимо, кто то пришлый здѣсь уже ютился), съ невывѣтревшимся, вѣдчивымъ запахомъ кожи и прѣлаго сукна. Но зато окна выходили не на дворъ, а въ сосѣдній, большой и необычайно тѣнистый садъ. Деревья были такъ густы, что у насъ всегда стоялъ зеленый сумракъ, и лишь въ ясный полдень появлялись на стѣнахъ солнечные блики. Въ дожди-ливни къ намъ быстро поднимался туманъ, и даже въ зной пахло мокрой зеленью.

Въ этой зеленой темнотѣ мы и жили.

Я полюбиль эти комнаты съ первого вечера, когда, послѣ всѣхъ хлопотъ переѣзда, неустройства, переговоровъ съ ворчливой, скупой старой Персикъ, разставшись съ Маріей Федоровной, я, наконецъ, остался одинъ.

Я вошелъ къ себѣ, въ прохладную полутьму, такую тихую, что слышно было, какъ жужжать комары. Въ окно глядѣла ночь, — въ зеленоватыхъ сумеркахъ оцѣпенійшій вечеръ, — надъ тонкими листьями кленовъ стояла мутная луна, внизу стволы деревьевъ опливались туманъ. Я подумалъ: «Марія Федоровна со мной...» и мысль свою дочувствовалъ: «мы связаны неразлучно». Это сознаніе, что мы «связаны», не давало мнѣ покоя съ той минуты, когда мы вышли изъ вагона на жаркую, грязную Павловскую платформу. Для чего «связаны»? Для взаимной помощи? Для добрыхъ отношеній? Не можетъ этого быть, чтобы для этого! Марія Федоровна сказала матери Розенкирхъ, что хочетъ жить по новому, но новаго, какъ будто, ничего въ жизни нашей не было. «Да и откуда быть ему, живя со мной!» виновато подумалъ я. Героическое прошлое отлетѣло отъ меня, настоящее, какъ у всѣхъ, было жалко и ничтожно. Правда, и у Маріи Федоровны оно было то же, какъ у всѣхъ, безрадостно и обыденно. Однако, (это я помню твердо) — никогда, за все сближеніе съ ней — никогда, она не казалась мнѣ столь необыкновенной, какъ именно въ эти негероические дни. Необыкновенна была ея всегда ровная безропотность, тихая терпѣливость и затаенное воодушевленіе, о которомъ я догадывался лишь потому, что оно мнѣ передавалось, влекло, тревожило, будило, оживляя самую способность крѣпко и безусловно желать. Общеніе съ Маріей Федоровной было въ ту весну для меня не усладой и совсѣмъ не успокоеніемъ, а волненіемъ, тревогой и плѣнительной трудностью ес, непонятную, вынести.

Большой для меня тайной было ея отношеніе ко мнѣ. Если моя любовь безответна (навѣрно, безответна!), по-

чему мы вмѣстѣ? Добрѣмъ, удобнымъ другомъ я быть не хочу, я съ этой судьбишкой не примирюсь, не сжинусь никогда (никогда!), даже въ такое безвременье, когда люди другъ съ другомъ отъ отчаянія, какъ давленыя ягоды, слипаются. Неложная вѣра въ Марію Федоровну мнѣ подсказывала, что она никогда бы меня для житейскихъ неудачъ не использовала, какъ съ вещью бы не поступила, если бы мою любовь и разгадала. А если разгадала и все же поѣхать со мною согласилась?

Въ тотъ вечеръ я впервые послѣ Москвы о себѣ и о своемъ подумалъ, о томъ, что я отъ безответственности, какъ отъ недуга, убожества, смерти отвращаюсь. И все же тайна осталась тайной и тѣмъ глубже, что я отвѣта ждалъ небывалаго: не благодарно-благородныхъ чувствъ и ужъ, конечно, не женскаго отвѣтнаго птичьяго щебета (въ Маріи Федоровнѣ и немыслимаго), а чего то совсѣмъ иного — плѣнительно-прекраснаго соотношенія нашихъ двухъ судебъ.

Эту требовательность возрастила расцвѣтающая во мнѣ религіозность. Она незамѣтно преобразовывала саму природу моего сознанія, а тяжелое материальное положеніе, которому особую остроту придавало постоянное беспокойство о Маріи Федоровнѣ, этому преображению благопріятствовало. Изо дня въ день, отъ бѣды къ бѣдѣ оно пріучало меня переживать все по неизвѣданному. Я убѣждался, что существованіе мое хрупко, а способы самозащиты ничтожны, и лишь скрыто-сцѣпленныя случайности его спасаютъ и хранятъ. Роль случая я узналъ на войнѣ, но теперь я прикасался къ самой тайнѣ его возникновенія.

Не утаю: я началъ иногда осторожно молиться, то есть, молитвъ я по прежнему не читалъ и въ церковь не ходилъ, а вечеромъ или ночью, проснувшись, я говорилъ Богу о томъ, что меня устрашаетъ: о материальной без-

выходности, о безработицѣ, объ отвращеніи къ русскому народу и еще — о Маріи Федоровнѣ, о безответности...

Навѣрно, пребываніе въ Павловскѣ было бы просто чредой житейски-трудныхъ дней, если бы не переворотъ, который со мной въ то лѣто произошелъ. Обстоятельства складывались такъ, чтобы вывести меня изъ круга личныхъ переживаній, всегда бѣдныхъ, какъ бы возвышенны они ни были, и научить осмысленному общенію съ людьми. Но общеніе это было иное, чѣмъ въ университѣтѣ, въ отрядѣ, въ подпольѣ. Тамъ я попадалъ въ волну людскую и безсмысленно, безропотно средѣ подчинялся; теперь я отдавалъ себѣ отчетъ, — кто и почему меня отвращаетъ и влечетъ. Перейти отъ упрощенности личнаго удѣла къ сложности общенародной судьбы было мнѣ трудно, повѣдѣать сейчасъ объ этомъ еще труднѣе.

Черезъ недѣлю послѣ нашего переѣзда въ Павловскъ, Сережа нашелъ мнѣ работу.

Въ особнякъ, на Галерную, свозили реквизированыя библіотеки, нагнали туда разборщиковъ, и нась, интеллигентовъ, скопилось возлѣ этого книжнаго добра че-ловѣкъ десять.

Затѣй завѣдывали рабочіе типографіи Главнаго Штаба, но на дѣлѣ въ домѣ цариль-княжилъ Евграфъ Егоровичъ Шпилька, немолодой партійный человѣкъ изъ зем-скихъ статистиковъ.

На лицѣ его, некрасивомъ, бородатомъ и рябомъ, маской застыло выраженіе торжества, и, казалось, никакое злодѣйство, свое ли, власти ли, не измѣнить этого застывшаго въ побѣдный часъ удовлетворенія. Работалъ онъ съ фанатическимъ надсадомъ, по отношенію къ намъ былъ взыскателенъ, подозрителенъ и грубъ, но добивал-ся, чего хотѣлъ: мы исполняли его приказанія безропот-но.

Выйдутъ ли у Шпильки «Книжные Закрома» (это наименование придумалъ Шпилька и имъ восхищался) — не выйдутъ, намъ было все равно. Мы топтались вокругъ ящиковъ, совсѣмъ какъ кладбищенскіе воры, которые, разрывая могилы, ошариваются трупы. Смущали насть, правда, двѣнадцать ящиковъ бѣднаги Н. Его книги, зачитанныя, живыя, испещренныя его помѣтками, казалось, пахнуть его кровью... Но противъ службы мы все-таки не бунтовали, мы были добросовѣстны. Не потому ли — къ мѣсту и не къ мѣсту — мы увѣряли другъ друга, что участковыя библіотеки новшество полезное и — «совсѣмъ по-американски»?

Зато, когда послѣ службы и переѣзда въ раскаленныхъ, какъ печка, вагонахъ, я попадалъ въ обвечерѣвшій паркъ и, присѣвъ гдѣ-нибудь на перепуты въ зеленой тиши, глядѣлъ на лужайки, на липы, на пруды, — я начиналъ тосковать о самомъ скромномъ, самомъ маломъ удѣлѣ: жить въ трудѣ, бѣдности, безвѣстности, но по совѣсти, по самымъ безхитростнымъ законамъ нравственности, ну, хоть такъ, какъ можетъ жить въ Россіи любой сапожникъ.

Свидѣтельствую, — и это для всѣхъ грядущихъ поколѣній! — безпощадное принужденіе государственной власти ко грѣху — растлѣніе самой природы человѣческаго общества. Въ любой уголовщинѣ есть щель въ мірѣ добра: покаяніе, искупленіе, прощеніе... У насть всѣ щели оказывались законопаченными, и совѣсть, обмирая отъ ужаса, безысходно принуждаемая къ беззаконію, тлѣла во злѣ, пока не испепелялась, или не находила въ себѣ мужества безпредѣльного терпѣнія. И мы жили въ противовѣстственномъ состояніи: покорялись злу, раздирая душу сознаніемъ того, что творимъ.

Это страданіе еще крѣпче связало меня съ Маріей Федоровной. Она тоже узнала въ то лѣто, что значитъ плененіе совѣсти. Ея случайными мучителями стали Персики.

Они жили возлѣ насъ жизнью необыкновенной. Среди неустройства устроились, въ обнищаніи богатѣли, въ без- силіи входили въ силу. Въ чужой дачѣ расположились без- церемонно, но предусмотрительно. Перерыли чердаки и кладовыя, вытащили гамаки, дорогую садовую мебель; зато качели, стеклянные шары и карликіовъ отослали въ мѣстную коллегію по просвѣщенію; въ погребѣ отрыли вина и тутъ же, съ услугливостью друзей власти, заявили о находкѣ въ совѣтъ, но при сдачѣ погреба едва осталась и половина вина: наканунѣ вечеромъ Персики вывезли его въ Петербургъ для подпольной продажи.

Семья жила сплоченно и дѣловито. Ежедневно всѣ ъздили въ городъ по разнымъ дѣламъ и службамъ, а вечеромъ возвращались, какъ муравы въ кучу, и всегда они что-то привозили, отвозили, взвѣшивали и развѣшивали. Служили всѣ: Моисей былъ подъ рукой у дяди, Лазарь и Наумъ — по интенданству, младшихъ — Абрама и Яшу — братья гоняли съ порученіями въ городъ, а то подъ вечеръ на велосипедахъ съ таинственными узлами въ Царскіе. Даже старая Герсикъ, тяжелая усатая женщина, ежедневно, еле живая отъ усталости, пріѣзжала со службы и весь вечеръ лежала на балконѣ, безъ кофты, выставивъ въ вечернюю прохладу свои огромныя босыя ноги и, обмакиваясь сложенной въеромъ «Правдой». Исключеніе составляла Наталья, жена Моисея, у которой младенца записали Исаакомъ.

Это была тонкая, красивая и, повидимому, нервно- больная молодая женщина, почти дѣвочка. Она нигдѣ не служила и никуда не ъздила. Въ мѣстномъ отдѣлѣ по регистраціи она значилась «грудью кормящей», хотя къ этому занятію отношенія не имѣла. Вставала она къ полудню, любила бродить по саду полураздѣтая, съ распущенными волосами, замотанная въ яркія цыганскія шали, либо лежала часами въ гамакѣ, закинувъ руки за голову, жалобно что-то напѣвая. Иногда спускалась къ пруду купаться и

пропадала такъ долго, что Даша бѣгала глядѣть «не то-питься ли вздумала?» Наталья возвращалась съ мокрыми волосами и съ огромными охапками полевыхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ плела никому не нужныя гирлянды и тутъ же швыряла ихъ за заборъ сосѣдней заколоченной дачи. Даша увѣряла, что «она какъ бы сама не въ себѣ», опредѣляя этимъ то впечатлѣніе, которое производиль на всѣхъ быст-рый взглядъ ея злыхъ зеленыхъ глазъ, развинченная, слег-ка подпрыгивающая походка, странная привычка ходить всегда раздѣтой и бездѣльно-одинокій образъ жизни, ко-торый нормальному человѣку не вынести. Ребенка она не любила, мужа тоже. Семьей явно гнушалась, въ дѣлѣ ея не вникала. Отъ времени до времени, ошалѣвъ отъ однообразія жизни, она устраивала столь отвратительныя сцены, съ истерикой, съ обмороками, что Моисей, всегда сдержанній, дѣловито-разсчетливый, терялъ самооблада-ніе и съ растеряннымъ видомъ мчался въ Петербургъ. Оттуда онъ привозилъ женѣ обновки, подарки, угощенье, все, что могъ раздобыть, соря деньгами, у подпольныхъ перекупщиковъ, а въ ближайшее воскресеніе созывалъ гостей.

Собирались они къ полудню: пѣвички, матросы, ак-теры, красные командиры, музыканты оркестра, сослу-живицы-рабочіе (покровители и подчиненные) — крикли-вая ватага, жадная до развлеченій и столь хозяевамъ ма-лознакомая, что, проводивъ гостей, старая Персикъ съ Дарьей кидались къ буфету, къ шкапамъ — смотрѣть, все ли цѣло.

На этихъ собраніяхъ царила Наталья. Она станови-лась буйно-веселой, крикливой, кокетничала, пѣла пѣс-ни подъ гитару, плясала полуодѣтая что-то босоного-безпомощное, — и наконецъ, набѣсившись вволю, осла-бѣвъ отъ надрыва, засыпала гдѣ-либо приткнувшись, а на утро начинала вновь свою жизнь краденаго ребенка въ цыганскомъ таборѣ.

Источникомъ благодеяствія Персиковъ были не однѣ связи. Моисей отправлялъ шерсть съ фабрики въ вязальную государственную мастерскую, которой завѣдывала старая Персикъ. Наумъ и Лазарь принимали (или браковали) въ интендантскихъ складахъ связанныя въ материинской мастерской вещи, а Яша и Абрамъ размѣщали по комиссіонерамъ все, что удавалось недовѣсить, списать въ бракъ и попросту припрятать матери и старшимъ братьямъ. Попадало кое-что и на дачу, тюками, прямо съ фабрики. Старуха и сама вязала и давала работу «на красныхъ бойцовъ» (такъ она выражалась) — Дарьѣ, въ надежные знакомыя семьи, даже бабамъ, что караулили въ то лѣто велиокняжескій дворецъ.

Все это узналось лишь позднѣе, а поначалу мы видѣли лишь суетливую жизнь и усилие наладить на мѣстѣ производство солдатскихъ фуфаекъ.

Провѣдавъ о нашемъ положеніи, Персикъ подосла-
ла Дарью:

— Если мадамъ нужно, работа найдется.

Помню то утро, когда я увидалъ Марію Федоровну съ узломъ въ рукахъ. Она шла по двору въ поношенномъ черномъ платьѣ, въ кружевной косынкѣ, въ старыхъ желтыхъ туфелькахъ.. тонкая, легкая, слабая, бѣдная, показавшаяся мнѣ особенно трогательно-бѣдной, быть можетъ, отъ неуклюжей своей ноши.

Я побѣжалъ ей навстрѣчу, хотѣль взять узель.

— Шерсть, по-моему, краденая, — твердо сказала она, но узла не дала. — Не надо, Алексѣй Павловичъ, я сама... — волнуясь и краснѣя, проговорила она.

Дома она ушла къ себѣ, и мы не видались до вечера.

Ни она, ни я не говорили впослѣдствіи, что мы испытывали, но оба тогда чувствовали: каждый помнить о томъ, что дѣлаетъ.

И все-таки, надо сказать правду: библіотека и фуфай-

ки нась выручали, нась спасали отъ голода, тревогъ, бессонницъ, отъ ужасанья, что настигаетъ безысходность.

Въ эти-то дни и возникло у меня новое общеніе съ людьми. Зимой я къ людямъ липъ, ихъ домогался, много бы далъ, чтобы Сережина семья меня въ сочельникъ одного не оставила, а теперь я искалъ единомыслія, стремился кому-нибудь, душѣ созвучному, уподобиться и себѣ кого-то уподобить. Можетъ быть, это была простая потребность найти отраженіе во внѣшнемъ мірѣ моихъ отношеній къ Маріи Федоровнѣ. Словно въ отвѣтъ на нее, возникла моя дружба съ Юріемъ Розенкирхомъ.

Онъ жилъ, вѣрнѣе, скрывался съ матерью у чухонь-колонистовъ подъ Царскимъ, ютился у мѣстнаго пастора, которому его дѣдъ, обрусьвши шведъ, когда-то въ юности помогъ. Сейчасъ онъ пристроилъ Юрія къ колонистамъ, по подложному документу, въ батраки, а мать зачислилъ служанкой пастората. Объ этомъ нась уже давно освѣдомила Анна Ивановна.

Какъ-то утромъ въ воскресенье подъѣхала къ нашей дачѣ старая запыленная бричка, и съ козель соскочилъ молодой рыжебородый мужикъ, въ слинявшей рубахѣ, въ огромныхъ разбитыхъ сапогахъ, — Юрій Розенкирхъ... Кто бы узналъ его!

Онъ передалъ просьбу матери пріѣхать въ колонію и предложилъ отвезти нась на пасторской бричкѣ.

Помню нашъ путь царскосельскимъ паркомъ, тѣнистымъ и пустыннымъ, поутру еще совсѣмъ мокрымъ отъ росы; потомъ жаркое, яркое шоссе, поля въ обѣ стороны и васильки въ жидкой, слабосильной ржи... Помню пыльный, жаркій поселокъ, въ то воскресенье безлюдный, словно вымершій (всѣхъ мужчинъ и женщинъ угнали въ Царское на какіе-то перевыборы); маленький огородъ; заросшій орѣшникомъ тѣнистый его уголъ, съ валкими самодѣльными скамейками, съ досчатымъ кривымъ столомъ — и два высокихъ подсолнечника посреди грядокъ,

наивно-удивленно глядѣвши въ нашу сторону; пасторскій домикъ въ глубинѣ двора и самого пастора, бѣлаго, какъ лунь, высокаго, слегка сгорбленааго, бритаго, въ чесучовомъ пиджакѣ, въ громадной соломенной шляпѣ, съ осыпавшимися отъ вѣхости краями.

Обѣдалъ онъ вмѣстѣ съ нами, на валкихъ скамеекахъ подъ орѣшникомъ, и сначала былъ угрюмо-молчаливъ и лишь къ концу обѣда разговорился на свѣтъ ломаномъ русскомъ языке. Конечно, мы говорили все объ одномъ, о чѣмъ шептались тогда по всѣмъ угламъ: о власти, голодѣ и проливаемой крови...

— Вы видѣли поля? Жидко, низко, мало, плохо... Земля родить не хочетъ. Люди заболѣли злой и земля больна. Она, какъ люди... — съ поучительной, по привычкѣ, интонацией говорилъ пасторъ, кивая на свои убогія, плѣшивыя грядки. — А прихожу я въ дома, — вездѣ, какъ покойникъ. Всѣ жить не любятъ. Когда люди другъ друга обижаютъ, значитъ, жить не любятъ. И всѣ беспокоятся, даже кому жить хорошо. У насъ въ колоніи войной разбогатѣли — большія деньги за реквизицію имѣли платили, и никто не жаловался. А сейчасъ — споры, ссоры, шумъ... Придуть ко мнѣ старики — говорятъ: «мы, господинъ пасторъ, жить устали». Злое время, охъ, злое время!

— Теперь всѣ бѣгутъ заграницу. Можетъ быть, и хорошо уѣхать, чтобы не мучиться больше, — сказалъ я.

— Что вы, Алексѣй Павловичъ, говорите! — горячо даже запальчиво, прервалъ Юрий. — Если соль будетъ испаряться, — все сгнѣтъ!

— Кто же «соль»? — встрепенулась Марія Федоровна.

— Всякій русскій, если сознаетъ, что отъ того, какъ онъ эти годы проживеть, все зависитъ. У нѣкоторыхъ есть это сознаніе, — съ глубокимъ убѣжденіемъ проговорилъ онъ,

— Такъ думаютъ сейчасъ многіе, я въ Москвѣ слышала... Юрій правду говоритьъ, — вмѣшалась Марія Францевна. — Такъ и учать: «явите себя родной землѣ...»

— Молодой человѣкъ имѣть фантазію быть благороднымъ викингомъ, — добродушно усмѣхнулся пасторъ.

— Да, у Юрія высокія мечты... — ласково глядя на сына, сказала Марія Францевна.

— Мечты?.. О чёмъ?.. — удивился я.

Юрій нахмурился, не отозвался, явно досадовалъ на мать, на пастора, что они намекнули на что-то для него завѣтное.

Но слова Розенкирха запали мнѣ въ душу, да и самъ онъ: его мужицкій обликъ, самоувѣренная манера говорить, даже досада, которой онъ прикрывалъ какую-то тайну, — все меня заинтересовало. Послѣ обѣда онъ собрался идти купать хозяйственныхъ лошадей. Я увязался съ нимъ.

Въ малой рѣчкѣ, тихо журчащей среди красныхъ глинистыхъ береговъ, стоя на камняхъ, мы долго купали двухъ густогривыхъ, низкорослыхъ полукровокъ, а потомъ, снявъ недоуздки и отпустивъ въ траву на шоссейные канавы, сѣли ихъ стеречь въ тѣнь придорожныхъ кустовъ. И вдругъ разговорились съ той простотой и внезапной заинтересованностью другъ другомъ, которыми иногда начинается дружба.

— Вамъ должно быть Юрій Николаевичъ, не легко въ работникахъ? — спросилъ я.

Розенкирхъ удивился.

— Мнѣ? Что же изъ того, что нелегко? Сейчасъ все нелегко и всѣмъ нелегко. А знаете, что я думаю? Мы всѣ, ясно, кто только можетъ физически работать, должны идти въ батраки, чернорабочіе, носильщики, грузчики... Посмотрите на мои руки (онъ протянулъ мнѣ мозолистыя ладони), — видите? Но лучше скотъ, навозъ, вокзалы,

барки, — что хотите, только не быть помощниками власти.

— А я, вотъ, служу въ одной районной библіотекѣ... — краснѣя за свою судьбу, перебилъ я, — туда свозятъ книги изъ разграбленныхъ квартиръ, и есть даже библіотеки разстрѣянныхъ... но всѣ обольщаются, что «для народа».

— А... я это «для народа» — этого новаго бога — еще зимой разглядѣль. Я все это отлично знаю, — участливо глядя на меня, воскликнулъ Юрий. — Скажите, вы вѣрите въ южное дѣло? Вообще, вѣрите вы въ успѣхъ национального движения?

Я отрицательно покачалъ головой.

— А вы?

Онъ на мгновеніе задумался.

— Нѣть, больше не вѣрю, — твердо сказалъ онъ.

— Надо что-то другое, совсѣмъ другое.

— Вы сказали за обѣдомъ, что многие тоже хотятъ другого. Я васъ не поняль, — оживился я, — но очень бы хотѣль понять.

Розенкирхъ испытующе посмотрѣль на меня, совсѣмъ какъ Настасья Прокофьевна, прежде чѣмъ повѣдать мнѣ свой разладъ съ мужемъ, и, такъ же, какъ она, вдругъ мнѣ повѣривъ, заговорилъ искренно и просто.

— Я еще въ Москвѣ сталъ думать про это, а теперь убѣжденъ. Знаете что? Если всѣ наши «жалованныя грамоты» и «бархатныя книги» не чепуха, и дѣло не въ титулахъ, гербахъ, «Боже, царя храни» и «дворянскихъ гнѣздахъ», а въ томъ, чтобы внести въ народную жизнь безукоризненную честность, мужество, трудолюбие, вѣрность слову, другу, женщинѣ... всему, чему учили насы матери, — вѣдь это онѣ обычно рассказываютъ намъ о подвигахъ, о предкахъ, — вотъ, если аристократія — аристократія, а не блистательная пустота, то она бессмертна. Она можетъ менять свой обликъ, можетъ физически

погибнуть, какъ сословіе, какъ класъ, но духъ ея возвращается въ народной стихіи, въ новыхъ людяхъ, въ новыхъ формахъ, изъ тѣхъ же самыхъ низовъ, которые сейчасъ насть истребляютъ... Нѣть, вы подождите! Вы выслушайте! — съ воодушевленіемъ воскликнулъ онъ, уловивъ недоумѣній мой взглядъ. — Надо самую идею аристократизма открыть народу, сдѣлать ее общедоступной, плѣнительной, вожделѣнной. Имъ она сейчасъ запретна. Атаманъ, вожакъ, комиссаръ — это они еще занимаютъ, но избранничество нравственнаго авторитета, сочетаніе власти съ нравственнымъ достоинствомъ — нѣть, этимъ они должны еще очароваться.

— Но, вѣдь это одни слова... — скептически претянула я.

— Нѣть, не слова! — горячо прервалъ мѣня Розенкирхъ. — Для этогоничего особеннаго и не надо, просто — жить, а это сейчасъ самое трудное: просто — жить, работать, но на всякомъ шагу, въ словѣ и дѣлѣ бороться за то, во что мы вѣримъ!

— Ваша мать сказала, что въ Москвѣ она про это слышала?

— Да отъ одной игумены. Её потомъ разстрѣляли. Она и говорила: «явить себя родной землѣ...» совѣтоваля людемъ объединяться, съединяться общаніями честности, дружбы, взаимопомощи, нравственныхъ правилъ... называла это «Путемъ Синайскимъ». Она написала завѣщеніе — оно въ Москвѣ ходило по рукамъ. Мы идемъ по ёя слѣду...

— Вы говорите «мы» — значитъ, вы не одиѣ? Я же смѣю спрашивать: можетъ быть, это тайна?

— Поименно, конечно, тайна, — сказалъ Юрій — но мы не скрываемъ идеи, когда находимъ это нужнымъ. Здѣсь, въ округѣ, насытъ человѣкъ пятнадцать. Есть женщины. Онѣ служатъ поломойками, прислугой, уборщицами въ приютахъ. Наше званіе отъ всѣхъ скрыто. Мы «яв-

ляемъ» наше дѣло, а паспорта подложны. Вотъ и вся «мечта»... улыбаясь слабой и грустной улыбкой, закончить онъ.

— Минѣ пора... — вдругъ встревожился онъ, глянувъ на солнце, — хозяинъ сейчасъ вернется.

Вскочилъ, подобралъ недоуздки и, грузно и некрасиво подбрасывая ноги, въ явно-чужихъ сапогахъ, побѣжалъ ловить коней.

Чужіе кони... чужіе сапоги... чужой паспортъ... и та неуклюжесть, которую пріобрѣтаетъ тѣло отъ неослабнаго и непомѣрного для него труда... «Что же это? Новое фантазерство или новая гражданская общественность?» недоумѣвалъ я.

Мы возвращались по шоссе. Шли рядомъ по размытому щебню, по пылью полнымъ рытвинамъ. За нами, фыркая и дуя намъ въ спины, пылили кони.

— Хотите, Алексѣй Павловичъ, будемъ встрѣчаться? — спросилъ Юрий.

— Хочу, — просто отвѣтилъ я.

Розенкирхъ сказалъ, что хозяинъ зачастую посыпаетъ его въ городъ, къ чухнамъ, вымѣнивать кое-какія овощи на вещи, и тогда онъ зайдетъ ко мнѣ на службу.

— Мы съ мамой васъ не разъ вспоминали. Помните нашу встрѣчу на Дворянской, зимой, на кухнѣ? Вы собиралисьѣхать въ Москву...

— Да, помню, — въ смущеніи проговорилъ я.

Розенкирхъ опять сочувственно поглядѣлъ на меня.

— Идите все прямо-прямо по этой тропинкѣ, — ободряюще сказалъ онъ, — вы выйдете къ пасторскому дому. А мнѣ — дальше. Мой хозяинъ вонъ тамъ, видите, крыша возлѣ той березы?

Въ тотъ день мы вернулись домой подъ вечеръ, на

закатъ. (Насъ опять отвезъ Юрій). Пасторъ и Марія Францевна простились съ Маріей Федоровной такъ ласково, какъ будто въ мое отсутствіе между ними тремя было что то сказано, что людей сближаетъ и роднитъ. И по отношенію ко мнѣ я уловилъ, когда прощались, ту благожелательность, съ которой старики глядятъ на молодежь, ее въ душѣ за что то одобряя.

Дорогой я впечатлѣніямъ своимъ удивлялся: весь день казался мнѣ необычайнымъ. Отъ любви ли моей, которую я впервые на людяхъ по новому ощутилъ, отъ людей ли, которые о любви моей догадывались, оттого ли, что въ пасторскомъ садикѣ во мнѣ ожило давно забытое чувство людскаго нравственнаго единенія — не знаю, но когда мы, сокращая путь, объѣзжали Павловскій вокзалъ, и за его лягушечьимъ прудомъ загремѣлъ оркестръ, и со всѣхъ сторонъ спѣшилъ по дорожкамъ на музыку народъ — невиданно разношерстная толпа; а тутъ же у вокзала звонилъ-заливался во всѣ звонки кинематографъ, зазывая зрителей на демонстрацію трактора, и по лужку отъ дворца, по извилистой парковой аллѣ гнали стадо мычащихъ коровъ... — я подумалъ, что и во мнѣ и во вѣ все измѣнилось до неузнаваемости, и что сегодняшній день, быть можетъ, новый поворотъ на моемъ пути.

Этотъ день заключился грубой неожиданностью.

У крыльца нашей дачи стояла, словно загнанная верховая, вся бѣлая отъ пыли мотоциклетка. Дарья рассказала, что кто-то въ обѣдъ прискакалъ изъ Петербурга предупредить, чтобы ночью ждали обыска. Персики метались, какъ въ огнѣ. Моисей съ Абрамомъ шмыгали по саду и, хоронясь за елками, рыли землю возлѣ курятника. Яша, блѣдный, съ круглыми отъ испуга глазами, таскалъ изъ дома тюки и залѣзъ съ ними въ ледникъ, — очевидно, ихъ тамъ пряталъ. Наума и Лазаря угнали на первомъ попавшемся поѣздѣ въ городъ. Дарья со страху собрала всѣ связанныя фуфайки — свои и Маріи Фе-

доровны — крючки и клубки, и наказала Никишъ выкинуть все добро въ овражекъсосѣдней дачи, въ самую крапиву; потомъ она затеплила лампадку и унесла къ себѣ въ людскую укачивать младенца Исаака, который, всѣми забытый въ дѣтской, истерически визжалъ и плакалъ. Стая Персикъ засѣла на вышкѣ съ полевымъ биноклемъ...

Одна Наталья недвижно, какъ мертвецъ, лежала въ гамакѣ, закутавшись съ головой въ пледъ, а когда стемнѣло, пришла къ намъ во флигель проситься къ Дарьѣ на ночевку.

Я столкнулся съ ней въ сѣняхъ. Увидавъ меня, она бросилась мнѣ навстрѣчу.

— Даша сказала, что вы недавно изъ Москвы... и дама тоже..., чтобы вамъ все сказать, что вамъ можно..., чтобы я все сказала... — пугливо оглядываясь по сторонамъ и отъ волненія едва находя слова, проговорила она. — Вы, можетъ быть, знаете что нибудь про папу. Николай Валеріановичъ Холоновъ... генераль Холоновъ, его захватили въ Казатинѣ, когда наступали гайдамаки... повезли въ Москву, весь штабъ, всѣхъ взяли... Можетъ быть, вы слышали? вы знаете?

— Надо поговорить... вы разскажите все подробно завтра, сейчасъ трудно. Хотите, я какъ нибудь къ вамъ въ садъ зайду? — стараясь говорить спокойно, но взволнованный мыслью о предстоящей ночи, сказалъ я.

— Хочу, хочу! — тихо воскликнула Наталья. — Но зачѣмъ — вамъ? Я сама приду... когда буду одна, когда можно... — и глянувъ по сторонамъ, она привстала на цыпочки, и шепнула мнѣ зловѣще на ухо: — ихъ сегодня арестуютъ...

ГЛАВА XXI.

Никто Персиковъ не тронулъ, никто въ ту ночь не явился. На утро сыновья привезли изъ города дядю. Запершись съ семьей въ столовой, онъ, говорятъ, угрожающе кричалъ и топалъ, но потомъ почему то сразу стихъ и даже остался обѣдать. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Послѣ памятнаго воскресенія мы видались съ Юріемъ довольно часто. Иногда онъ забѣгалъ ко мнѣ на службу, мы отправлялись на Царскосельскій вокзалъ, и намъ случалось подолгу ждать поѣзда, то въ прохладѣ сквозняковъ, въ уныломъ, пустомъ багажномъ отдѣленіи (никому и въ голову не приходило сдавать что либо въ багажъ), то на платформѣ, проскользнувъ до времени въ самый ея конецъ, къ сбитымъ въ кучу багажнымъ тачкамъ.

Съ Юріемъ мнѣ было легко и интересно. Онъ таилъ въ душѣ «свое» (напоминая мнѣ этимъ Марію Федоровну), ревниво его въ себѣ оберегалъ, и отъ этого оживала всякая съ нимъ встрѣча, всякая, даже краткая, съ нимъ бесѣда. Нравилось мнѣ его нерусское лицо, правдивые голубые глаза, рѣзкая убѣжденность въ словѣ, даже его неказистый батрачій обликъ. Юрій не былъ наряженъ мужикомъ, не притворялся (до притворства ли было), а имъ постепенно становился, противопоставляя, однако, выпавшей на его долю соціальной худости свою нравственно крѣпкую волю; она-то и составляла всю его силу, а для меня — всю его привлекательность. По сравненію съ на-

мі въ «Закромахъ», безобидно-послужными Шпилькиной затьѣ, Юрій точно ужъ и не былъ больше нашимъ соотечественникомъ.

Въ краткія наши встрѣчи мы читали расклеенные на улицахъ газеты, а погомъ шепотомъ обмѣнивались мнѣніями; иногда, чтобы уйти отъ дѣйствительности, разсказывали другъ другу про войну, про студенческіе годы, припоминали то, что еще не забыли изъ бѣдныхъ, полуисчезнувшихъ ужѣ, университетскихъ нашихъ знаний. Это общеніе непримѣтно связывало насъ, точно чья то рука скрѣпляла отъ души къ душѣ протянутыя нити. Но — странно (именно «странно», и это я подчеркиваю), хотія менѣ фантастическая вѣрность самому себѣ и восхіщала, подражать Юрію мнѣ не хотѣлось. Меня преслѣдовала невязчивая мысль, о которой я даже съ Марией Федоровной заговорить не рѣшался...

Была она у менѣ давно, зародилась еще въ подпольѣ; началось съ того, что всякий разъ, когда окружающіе спорили о томъ, какъ все измѣнится, обновится, вѣрнется, стоитъ власти пасть, когда они обсуждали самые самоотверженные патріотические планы — я къ нимъ прислушивался, старался понять и принять, вдохновевшись, но душа молчала. Я точно про что то важное зналъ и не могъ его никому выскажать, но ощущалъ, что слабѣетъ моя былая привязанность къ народу, землѣ и быту, и яловилъ себя на мысли — послѣ Москвы постоянно — что хочу перемѣны отъ ужаса, состраданія отъ жалости къ моей странѣ, но что въ спасеніе ея больше не вѣрю.

Поваленный дубъ распиливаютъ на бревна, доски, стружки, дѣлаютъ изъ нихъ множество полезнѣйшихъ вещей, но свою лѣсную жизнь онъ уже окончилъ. Вещи — вѣщи: ихъ продаютъ, ими обладаютъ, или пользуются. Мгновеніями я съ жуткой ясностью понимаю, что моя страна ниспала въ порядокъ материальный, порядокъ вещей... Выволить ли какая-нибудь сила ее изъ кровавой

ямы — не вызволить, завладѣютъ ли ею жадные иностранны, или какой нибудь Навузарданъ засядеть въ Кремлѣ — свобода національного, государственного бытія нами уже утеряна. Царство погибло — Израиль остался... И для того, чтобы сохранить живую русскую душу — не нужно ли было уйти изъ страны совсѣмъ или отъ нея спрятаться въ потайной уголѣ вѣт-государственного существованія? И не рабья ли доля, давняя, древняя — удѣлъ несчастнаго моего народа?

Вотъ, обѣ этомъ я и не рѣшался сказать Маріи Федоровнѣ. Мнѣ казалось, я огорчу безнадежностью чистое въ ней и сильное чувство родины. Когда я рассказалъ ей про Юрія, я не встрѣтилъ ни восхищенія, ни отповѣди, и эта молчаливость меня озадачила. Я вообще очень боялся, что я ее чѣмъ либо могу отъ себя оттолкнуть.

Павловскіе дни сближали насъ тѣмъ незамѣтнымъ сближеніемъ, когда судьбы начинаютъ другъ отъ друга зависѣть, переплетаться. Среди тревогъ и бѣдствій того лѣта открылось мнѣ въ любви моей новое. Можетъ быть, оно естественно возникло изъ опасенія за жизнь Маріи Федоровны, потому что физическое недомоганіе послѣ Москвы ее не покидало; но мнѣ казалось, — я ощущаю теперь всю ее неизвѣданнымъ еще тонкимъ воспріятіемъ, чувствую самый трепетъ, самое дыханіе въ ней жизни. Я не зналъ, что въ любви это бываетъ.

Я ее всегда, при встрѣчахъ, необычайно ярко, — какъ озареніе, — ощущалъ. Еще въ Москвѣ замѣтилъ, что обликъ ея мнѣ всегда новъ, и что я не просто ее вижу, но радостно всякий разъ узнаю. Эта постоянная радость узнаванія придавала ея вѣшности особое значеніе; все въ ней было, какъ будто, вѣтъ моей эстетической оцѣнки, а между тѣмъ одною красотою и было преисполнено. Марія Федоровна волновала мнѣ душу своею вѣшностью уже потому, что это было ея лицо, ея глаза, волосы, руки... И не только вѣшность, но и все вокругъ

нея: платья, книги, мелочи, даже изношенные калошки, что стояли часто за дверью у лѣстницы, — все было превыше всякаго изящества лишь потому, что они ей принадлежали. Я любилъ въ ней все съ удивительной полнотой чувства, съ мучительной нѣжностью. Не знаю, какъ это произошло (совсѣмъ произошло незамѣтно): когда я думалъ теперь о Богѣ, я вспоминалъ о ней; когда былъ съ ней, — вспоминалъ о Богѣ, точно тутъ и тамъ вѣра замыкала насъ въ единый, свѣтлый кругъ.

Съ Софьей было иначе. Софья ничего во мнѣ не измѣнила. Она лишь что то къ моей жизни прибавила. Послѣ женитьбы я какъ будто разбогатѣлъ, но по существу остался тѣмъ же. Марія Федоровна меня собою измѣняла. Я себя не узнавалъ, не хотѣлъ оставаться прежнимъ, куда то рвался, былъ въ постоянномъ душевномъ движении, волненіи, перемѣнахъ, какъ море въ зыбь. Бывали дни, когда я изнемогалъ отъ духовнаго напряженія, пугался въ недоумѣніяхъ.

Мы съ Маріей Федоровной бывали вмѣстѣ недолго. Я возвращался поздно, а расходились мы рано. Но это ничего. Я зналъ, помнилъ, — и среди работы, и на стоянкахъ трамваевъ, и томясь въ поѣздѣ, — мы увидимся. И все-же, думаю, обояніе ея облика было для меня въ томъ, что черезъ него, сквозь него дано мнѣ было познавать ея душевный міръ.

Марія Федоровна жила, по тому времени, совсѣмъ обыкновенно и ужъ, конечно, тяжелѣе и бѣднѣе, чѣмъ любая баба-караулка изъ приходившихъ къ намъ на дворь за работой къ старухѣ Персикѣ. Но ни ожесточенія на судьбу въ ней не было, ни обиженності, ни той неестественно-восхищенной настроенности, которую я видѣлъ у Юрия. Не было въ ней и отчаянности людей, которые стремились въ храмы, пріуготовляясь къ смерти и предѣльнымъ бѣдствіямъ. Именно безропотность меня и поражала. Я чуялъ, что это не мужественная несокрушимость

характера, а что то совсѣмъ иное. Неспроста, всякий разъ, бывая въ Павловскѣ, пасторъ заходитъ къ ней и пододгу о чёмъ то бесѣдуетъ; и неспроста, до поздней ночи, виднѣется полоска свѣта подъ дверью ея комнаты, слышится щелестъ то страницъ, то платья въ томъ углу, где на стоялъ, я знаю, лежать книга съ крестомъ на переплетѣ и темный образокъ Богоматери..

Послѣ пасхальной ночи мы съ ней долго о самомъ завѣтномъ не говорили. Она не то, что не любила говорить о Немъ, но, вѣроятно, избѣгала, потому что очень любила. Мы берегли Его въ себѣ, боялись пустыхъ словъ и отъ любви къ Нему молчали...

Въ день какого то правительственного юбилея Шпилька отпустилъ служащихъ въ полдень. Я примчался въ Павловскъ и уговорилъ Марию Федоровну пойти гулять.

День былъ жаркій, юльскій. Паркъ мѣлъ въ солнѣ, въ легкомъ шелестѣ листвы...

Никогда еще печаль великоиниженескаго гнѣда не была столь печальной, какъ въ годы его опустошенія. Не забыть мнѣ запущенныхъ аллей, взбаломученныхъ купальемъ и стиркой, дремлющихъ прудовъ, тонкой грани вампѣльныхъ статуй, съ мудрымъ терпѣніемъ взирающихъ, казалось, на грязныя газетныя бумажки, окурки и всякую нечистоту у своихъ подножій. На просторѣ придворцового лужка залегли мѣстныя «жертвы», и сырая яма, заваленная кучей красныхъ тряпокъ и гнѣющихъ вѣнковъ, свидѣтельствовала обѣ ущедшихъ. По парку шныряли охальныя пріютскія дѣти, за ними плелись испуганные, оборванные учительницы. Дворцовые цвѣтники пусты, возлѣ Розового Павильона пасутся коровы...

Мы обогнули дворецъ и прошли лугами прямо въ лѣсъ. Бывая вмѣстѣ, мы свободно говорили обо всемъ, но всегда возвращались (помимо нашей воли) къ страшному «сегодня». Забвѣнію оно не подчинялось и не могъ

ло подчиниться: нерасторжимое съ нимъ душевное томлениe нась не покидало. А нынче особено: послѣдніе дни мы все вспоминали Ловчина. Въ газетѣ промелькнула его фамилія въ предстоящемъ процессѣ — такіе процессы всегда заключались гекатомбай... Можно ли надѣяться на связи Настасьи Прокофьевны? Ея мольбамъ, вѣдь, и тогда не внимали...

Марія Федоровна устала, и мы присѣли на старые пни, среди глухой полянки, поросшей густымъ высоkimъ папортикомъ. Легкіе кружевные листья колыхались и чуть слышно шуршали вокругъ нась. Тихимъ шелестомъ шелестѣлъ лѣсъ. Отъ густой листвы въ лѣсу стоялъ зеленоватый свѣтъ и пахло теплой влажностью.

«Вотъ бы сейчасъ все и сказать...» подумалъ я и оглянулся по сторонамъ.

— Я давно хотѣлъ сказать вамъ... — почти шопотомъ заговорилъ я. — У меня одна мысль... и не теперь она возникла, а давно — и сперва туманно. Я и самъ въ нее иногда не вѣрю и сказать никому не рѣшаюсь... Юрій ошибается: онъ думаетъ, что страна возродится, а я чувствую, — не знаю, откуда это чувство, даже почти увѣренность, — что она погибла... Не строй погибъ, а страна, русская нація,. Въ исторіи случалось, что погибали большія, сильныя царства, а народъ переходилъ въ чужія руки. Какая мука обреченность! Я никогда не думалъ, что гибель начинается вотъ этой смертной тоской...

«Господи, почему такъ трудно обѣ этомъ!»

Марія Федоровна удивленно глядѣла на меня. Лицо ея было спокойно, и лишь блескъ темныхъ глазъ выдавалъ волненіе.

— Вы не одинъ обѣ этомъ... Я не понимаю, почему мы оба такъ долго молчали, — торопливо заговорила Марія Федоровна, — Я тоже не могла съ патріотическихъ путей сойти. И какъ сойти? Это такъ естественно — бороться за родину. Я позже васъ увидала, что вытузіазмъ

ничего не спасетъ — никакой, — ни моральный, какъ у Юрія, ни тотъ... религіозный, который теперь разгораетъся. Юрій не видить, что онъ вовсе уже не патріотъ, а місіонеръ... и путь «синайскій» не то, совсѣмъ не то, что Юрій думаетъ. Это же не нравственное оздоровленіе нації, потрясенной революціей, а блужданіе народа, которому ничего, кромѣ вѣры и ідей не осталось... Непостижимо, почему такъ, но это судъ Божій, чтобы русская душа жила отнынѣ только вѣрой...

— Да, у насъ ничего больше не осталось, — сказа-
заль я, чувствуя, какъ полнующая жалость къ себѣ, къ
Марії Федоровнѣ, ко всей моей странѣ заливаетъ мнѣ
душу. — Они дѣлять мертвую страну, точно добычу.
Быть можетъ, мы, русскіе, одни, во всемъ мірѣ одни, зна-
емъ теперь, чѣмъ нація расплачивается за всенародное
беззаконіе... Для этого, можетъ быть, и весь ужасъ, —
чтобы свидѣтельствовать объ этомъ. И еще, еще для че-
го то.... да, еще... — и это самое главное! Я не разъ ужъ
думалъ и давно хотѣлъ сказать вамъ, — чтобы какое то
небывалое людское объединеніе государству противопо-
ставить, чтобы его выстрадать... Нашихъ мученій ни од-
но государственное устройство уже не стойтъ. А родина
стоитъ ли? Когда то отъ обольщенія родиной погибъ цѣ-
лый народъ. И передъ нами то же, какъ во дни Тиверія:
опять страшный выборъ между родиной и Богомъ сдѣ-
лать надо...

Послѣ долгаго молчанія я говорилъ горячо и съ ув-
леченіемъ.

— Вы — вѣрно про выборъ, — съ живостью пере-
била Марія Федоровна, — но это сдѣлалъ всякий, кто
внѣшне покорился, а въ душѣ надъ властью судъ свой
произнесъ. Можетъ быть, на большее и нѣтъ силь, а что-
бы только — судъ... Посмотрите, какая благодать сей-
часъ въ лѣсу! — продолжала она, глядя на обступившіе

нась папортники, на низко склонившіяся надъ ея головою вѣтки. — А вѣдь это все уже чужое, не мое... не наше и точно, дѣйствительно, не наше, не существует, какъ прежде. И такая безпріютность на своей землѣ! А люди... Вѣдь только единодушіе дѣлаетъ человѣка человѣку роднымъ, а не кровь, не языкъ. Богъ съ ней, съ единокровностью! Мы устали отъ этой мнимой близости...

— Къ этому выводу мы еще на войнѣ пришли, мы его предвосхищали! — вспомнилъ я. — Въ шестнадцатомъ году я лежалъ въ лазаретѣ, въ палатѣ нась двѣнадцать человѣкъ было, были, среди нась, и ампутированные. Мы, раненые, говорили иногда цѣлыми ночами, что родина къ намъ погибелью обернулась и не къ намъ однимъ — ко всѣмъ народамъ, и что сила національного единства служить уже теперь безнравственнымъ, безчеловѣчнымъ цѣлямъ. Но если выборъ сдѣланъ, и родиной, какъ вы говорите, не соблазняться, что же остается?

— Такъ трудно говорить обѣ этомъ. Надо говорить о себѣ, только черезъ себя и понятно... то есть, понять другому можно, — чуть путаясь отъ смущенія, проговорила Марія Федоровна. — Мнѣ не хочется скрытности съ вами, и я скажу, я хочу сказать... — тихо прибавила она. — Я такъ хочу, чтобы что то новое, благое, умное началось... чтобы Богъ новую душу людямъ послалъ. Безъ этого все напрасно! Вы вѣрно сказали, — жить по старому невозможно. Наше старое было лицемѣрно, и все потому, что мы съ Нимъ, какъ съ мертвымъ, жили... Изучали, спорили, книги о Немъ печатали — ахъ, сколько книгъ! — и почитали, очень почитали, какъ съ самыми почетными мертвѣцомъ обходились, почетнѣе не было... а съ Живымъ не жили. Не забыли мы Его (нѣтъ, мы памятливы!), но охладѣли... разлюбили. А безъ любви всѣ живое непремѣнно со временемъ логическимъ понятіемъ обернется и въ разумѣ могилу себѣ найдетъ. Помните, въ Москвѣ вы сказали, что къ Нему страшно приблизить-

ся? Да, къ живому, не какъ къ мертвому... Все мелкое, ложное, какъ солома, въ насъ сгорѣть сперва должно, и только тогда мы ощутимъ то, чего по настоящему не ощущали... что Богъ — святы. Въ насъ заглохло самое чувство Бога, мы перестали ощущать Его присутствіе... Вѣдь все опять должно пробудиться, какъ встарь, какъ на зарѣ религій. Но обѣ этомъ — не будемъ, не надо больше говорить, вы сами все, вѣдь, это знаете...

Она говорила не восторженно, не пылко — съ тихой простотой, съ довѣрчивостью, какъ о чёмъ то завѣтномъ, необычайно ясномъ. Въ ея словахъ былъ отзвукъ того, чѣмъ я теперь жилъ, мои вздоханія возвращались мнѣ осмысленными и пережитыми. Такъ вотъ оно — общеніе вѣры, ея единство и наша странная нерасторжимость! — Слова прозвучали, можетъ быть, для самой Маріи Федоровны невѣдомо, какъ призывъ быть вмѣстѣ. Вѣра моя въ Марію Федоровну всегда меня влекла къ этому «вмѣстѣ». Вѣрой я стремился къ Богу, вѣрой отвращался отъ народа, вѣрой любилъ Марію Федоровну, понималъ всѣ события, воспринималъ всѣ впечатлѣнія. И сейчасъ я глядѣлъ на Марію Федоровну, на ея темные глаза, на черное платье, на ярко-синіе цветы въ ея рукахъ, сорванные когда мы шли сюда лугами, и я ею любовался. Ея пламенная вѣра мнѣ передавалась. Казалось, что общаго между моей любовью, Богомъ и синими цветами? А между тѣмъ связь была — неуловимая, но неоспоримая, такая, какъ въ вѣщихъ сновидѣніяхъ.

Кругомъ шумѣла листва. Шевелились папоротники. Было зелено, тепло и солнечно. Но не лѣсную красоту я чувствовалъ, а сокровенную лѣсную жизнь: перепутанныя вѣтки, перевитые корни, то тутъ, то тамъ беспомощные малые кусты подъ сѣнью высокихъ братьевъ, мягкий мохъ, бережно укрывшій сѣть корней, — и надѣль всѣмъ беззаботно-свободный, теплый вѣтеръ... Какъ хороша и проста была эта сложность всеединства!

Опять мнѣ вспомнились Ловчины (вѣроятно потому, что мы о нихъ дорогой говорили) — отчаяніе ихъ разставанья, трясущіяся руки и подергивающееся лицо Настасіи Прокофьевны надъ мѣшками съ тюремной передачей...

— Пойдемте отсюда, идутъ... — шопотомъ проговорила Марія Федоровна.

Въ отдаленіи слышалось потрескиванье сучьевъ, голоса. Насъ спугнули, точно птицъ. Тогда такъ было: одно приближеніе людей вызывало тревогу, душа мгновенно настораживалась, чуя безошибочно, что люди самое опасное, злое и безчеловѣчное, что только есть сейчасть на свѣтѣ.

ГЛАВА XXII.

О Натальиномъ отцѣ мы ничего не узнали. И кто бы могъ узнать, чтосталось съ затерявшимся въ самый разгарь демобилизациі штабомъ Х... дивизіи, когда уже не существовало ни генераловъ, ни штабовъ! Натальѣ было утѣшенніемъ искать отца, рассказывать о немъ, и она стала приходить къ намъ.

Въ прошломъ у нея было много бѣдствій, но въ тѣ дни страданіямъ мѣры не было, и никого — и нась — совсѣмъ не ужасало, что шестнадцатилѣтнюю дѣвочку арестовали гдѣ то у тетки въ усадьбѣ подъ Могилевымъ, куда то повезли, привезли, держали полгода въ тюрьмѣ, случайно выпустили, къ кому то вселили, потомъ выселили; что она скиталась нищей по незнакомому городу, пока случайно не подобрала ее на вокзалѣ летучая балетная труппа. Дальше бѣда уже прикидывалась удачей: кое какъ разученный вальсъ «Капризъ» — босоногое круженіе въ легкой туникѣ, сметанной изъ тюлевой оконной занавѣски. Танцы... танцы... танцы... отъ станціи къ станціи среди стрѣльбы, холеры, обысковъ и массовыхъ казней. Потомъ опять бѣда: развалъ труппы, ужасъ покинутости и опять удача — молниеносный бракъ съ Персикомъ въ самую канонаду наступающихъ бандъ, въ дыму начавшихся во всѣхъ концахъ города пожаровъ, и въ погромѣ — бѣгство въ Полѣсье, въ лоно бѣдственно-бѣдной, до ужаса ей чуждой семьи.

Наталья очень скоро въ нась повѣрила, а повѣривъ,

довѣрилась и безудержно-неистощимо говорила о прошломъ; не могла наговориться. Отъ насть не скрыла, что какъ только Моисей станеть богачемъ («большимъ-большимъ богачемъ!») она заставитъ его бѣжать за границу.

— Онъ меня боится... Онъ говоритъ: «я для тебя шахерь-махерь дѣлаю...» и пусть, пусть дѣлаетъ! — съ хищнымъ удовольствиемъ шептала она. — У насть золото въ паркѣ зарыто, я знаю гдѣ. Я сама съ Моисеемъ закапывать ходила, фонарикомъ свѣтила... Они дѣлаютъ со мною, что хотятъ, но я, я ихъ вотъ какъ держу! — И Наталья сжала руку въ маленькій, твердый кулакъ. — Если сказать, гдѣ зарыто, тогда всѣхъ, всѣхъ, и мамашу — моментально! — Въ ея глазахъ было то лживо-невинное, почти ласковое выражение, которое бываетъ у сумасшедшихъ и преступниковъ. — Вотъ и мальчикъ тоже... — успокоившись, продолжала она. — Я его не люблю. Я только Петиныхъ дѣтей и любила бы... Пети-юнкера. Петю убили въ первомъ же бою на войнѣ, какъ только въ офицеры его произвели. Мы съ нимъ были влюблены «во вѣки вѣковъ»... это и папа зналъ: «во вѣки вѣковъ...» Наталья жалобно заломила дѣтскія маленькія руки. — Петя святой... онъ за родину умеръ, онъ не можетъ сердиться, онъ же понимаетъ... тогда иначе какъ за Моисея нельзя было, совсѣмъ невозможно... такое безвыходное положеніе!

Наталья особенно привязалась къ Маріи Федоровнѣ, съ безогляднымъ довѣріемъ, съ восхищеніемъ дѣвочки старшой сестрой. Наталью я не то, что жалѣль, а внимательно, съ живой заинтересованностью вникалъ въ ея судьбу. Я понималъ, что ея ненависть къ Персикамъ лишь отъ безсилія имъ сопротивляться, и выслушивалъ ея мучительно-правдивые разсказы, узнавая въ ней знакомое, свое — общую намъ всѣмъ судьбу: въ безсиліи — ненавидѣть.

Она приходила поздно вечеромъ, когда Персики уже спали. Закутавшись въ шаль поверхъ огненно-красного халата, въ серебряныхъ бальныхъ башмачкахъ, Богъ знаетъ съ чьей чужой ноги ей Моисеемъ перекупленныхъ, бѣжала по двору, прячась отъ луны въ черныхъ тѣняхъ сарая.

Наталья не разъединяла, а связывала нась съ Маріей Федоровной. Она была первымъ общимъ усиліемъ о комъ то вмѣстѣ заботиться, вмѣстѣ кому-то сочувствовать.

Наталья и Юрій были тогда единственные — виѣ Марії Федоровны — милыя мнѣ людскія связи. Наталья привлекала дѣтской слабостью, Юрій — мужествомъ. Самъ того не замѣчая, я втягивался въ кружокъ его единомышленниковъ. Виѣшимъ поводомъ послужила моя квартира.

Какъ тогда и подобало выходящимъ къ власти людямъ, Рыжиковъ прослѣдоваль, со всѣмъ семействомъ, по безплатной ставкѣ на Кавказъ. Моя квартира опустѣла. Я зналъ, что Юрій съ «синайцами» (такъ они себя имѣновали) упłyваютъ по воскресеньямъ на яликахъ на Среднюю Невку въ пустынныи затонъ возлѣ сгорѣвшей фабрики. Здѣсь, прикрываясь видимостью рыбной ловли, они проводили свои заѣданья, но скоро въ затонъ на грянули мальчишки - купальщики изъ районнаго клуба. Имъ хотѣлось собираться по квартирамъ. Я ихъ и выручилъ.

Не понимаю, какъ я на это рѣшился въ тѣ ужасные дни, но пустиль безъ всякой тревоги, думаю потому пустить, что зналъ, — заговорщиками они не были, политической борьбой не интересовались; Розенкирхъ не разъ повторялъ, что «югъ», по ихъ убѣжденію, сейчасъ только «вредъ» и «безполезность», а что патріотизмъ долженъ замкнуться въ формы еще не виданныя — въ безгражданственный семейно-сосѣдскій или артельный бытъ. Они считали просто пагубой убѣжденіе, что виѣ политической борьбы нѣть спасенья, хотѣли новому строю про-

тивопоставить «Синай» — торжествующую силу нравственно упорядоченной воли. Собиралось у меня всего человѣкъ шесть-семь — не больше. Они проскальзывали по одиночкѣ, и очень ловко, мимо зоркаго нашего Яши. Юрій познакомилъ ихъ со мной, какъ съ хозяиномъ квартиры, но я сразу понялъ: я для нихъ пріемлемый, можетъ быть, желанный кандидатъ. Видѣлся я съ ними не разъ, правда, не подолгу, до или послѣ засѣданій.

Это были все молчаливые, сурово-строгіе молодые люди, до того замкнуто-угрюмые, что съ ними было необычайно трудно разговаривать. Скупость на слово и важная сосредоточенность были у всѣхъ. Общительный Юрій составлялъ исключеніе, да онъ, кажется, и не числился въ главныхъ.

Самый «главный» былъ высокій, широкоплечій, могу́чій человѣкъ, не русской — съверной «варяжской» складки. На сильной красной шеѣ сидѣла щетинистая бѣлокурая голова, сумрачное лицо въ рыжеватой волосатости давно небритыхъ щекъ и торчкомъ разросшихся усовъ, съ кустиками густыхъ бровей надъ зоркими блестящими голубыми глазами, напоминало морду сильной, сердитой и очень умной собаки. Онъ былъ одѣтъ необыкновенно дурно, въ грязной солдатской гимнастеркѣ, въ чудовищныхъ сапогахъ. Видъ у него былъ рѣшительный, самоувѣренный и властный. Да онъ и самъ сознавалъ, что признанъ главаремъ; и не могъ онъ имъ не стать за умѣнье вызывать въ душахъ чувство дѣльной и пріятной подвластности. Когда онъ входилъ, всѣ вскакивали, когда говорилъ, — мгновенно затихали. Юрій отзывался о немъ съ восхищеніемъ.

— Замѣчательный человѣкъ! Все имъ однимъ и задумано и осуществлено! Товарищъ одного изъ нась по корпусу... Я сначала не вѣриль, но мнѣ весной, послѣ Москвы, сказали: подите и посмотрите». Я пошелъ и сей-

часть же рѣшился. У него воли на всѣхъ хватитъ. Онъ сей-часть кузнецъ подъ Колпинскимъ, но помимо этого еще и сапожникъ, и печникъ, и слесарь — всему обучился. Онъ говорить, что ремесла нашему дѣлу основа, потому что черезъ нихъ текучесть во всѣ стороны, въ самую народную гущу. Ремесленникъ, вѣдь, всюду нуженъ, подвиженъ и самостоятеленъ, даже и теперь онъ въ относительной свободѣ. Еще онъ учить, что лучше всего такъ: чѣмъ одарять, то и братъ. Только если злая воля, то уговариваться о платѣ. Онъ учить, что надо людей непремѣнно «удивлять». «Удивленіе, говоритъ онъ, «печать на душу» и огромная сила, располагающая къ воздействию. А удивлять надо безъ проповѣди. Довольно проповѣдей и евангельскихъ цитать! Сейчасть ничѣмъ такъ человѣка не удивить, какъ явной для него пользой, но непремѣнно онъ долженъ почувствовать, что проявлено безкорыстіе. Онъ учить еще, чтобы ходить съ мѣста на мѣсто, мѣнять губерніи, деревни, города, кварталы, квартиры... какъ бы трудно ни было. «Надо ходить по землѣ» только этимъ силу ученія въ себѣ и сохранимъ. И чтобы, несмотря ни на что, свою линію гнуть — подчиняться злу, но никогда внутренно не покоряться. Потому мы и не заговорщики, и не монахи, а что то совсѣмъ другое, новое...

Я къ нимъ съ большимъ интересомъ приглядывался. Мнѣ нравились огнеупорная ихъ воля и требовательная къ себѣ жестокость. Въ нихъ, угрюмыхъ и нѣмотствующихъ, отражалась привычка натруждать всѣ свои силы, физическія и душевныя, до крайности, себя безпощадно приневоливать, и старанье свою деклассированность превращать въ подвигъ. Чѣмъ то они мнѣ напоминали солдатъ въ боевые дни, когда въ подсознаніи смерть, а во всемъ существѣ пылаетъ жизнь.

Такъ вотъ какіе люди у меня собирались.

Теперь я вообще людей видѣлъ яснѣе, чѣмъ когда либо и быстро всеопредѣляющую черту улавливалъ. Я

сразу усмотрѣлъ, что всѣ они подражали какому то выдуманному ими типу нового русского гражданина, и каждый себя и другихъ расцѣнивалъ по мѣрѣ приближенія копіи къ оригиналу. Что за сила, когда душа себя вообразить и къ себѣ воображенной устремится! Въ нихъ эта сила и чувствовалась.

Встрѣчи съ ними были поначалу не часты, потомъ стали чаще: кто то не попадъ на поѣздъ и заночевалъ, потомъ Юрій съ моимъ ключемъ сталъ захаживать на перепуты съ Выборгской. Для меня самого непримѣтно случилось — не ставъ единомышленникомъ, я превратился въ соучастника. Я имъ помогалъ охотно, добросердечно, очень желаль, чтобы они преуспѣли, и вѣру въ себя не потеряли. Мнѣ казалось, что въ спасительной вѣрѣ все и заключалось и безъ нея имъ не устоять. «Явить себя родной землѣ»... Но русской «земли» уже не было, «являть себя» было нечemu. «Земля» стала территоріей. Ее можно было устраивать теперь, какъ угодно: хорошо, даже превосходно, по новѣйшей хозяйственной системѣ, дурно, то есть разорить до тла, — національную трагедію это ничуть не мѣняло. Я никакъ не могъ побѣдить въ себѣ увѣренности, что «синайскіе» патріоты, подобно «шкаревцамъ», трудятся безкорыстно, но и вполнѣ бесполезно. Единственный смыслъ ихъ усилій, мнѣ казалось, заключался только въ томъ, что они, цѣпляясь другъ за друга, преодолѣвали, каждый въ своей личной судьбѣ, національную русскую погибель.

Это судорожное цѣплянье другъ за друга, то идейное, какъ у «синайцевъ», то просто семейное (а иногда сосѣдское) понемногу возникало теперь повсюду.

Къ сослуживцамъ въ «Закромахъ» я приглядывался и удивлялся, какъ они своими домашними дѣлами были заняты. Раньше многіе изъ нихъ — я слышалъ, да и сами они хвастались — бушевали въ земствахъ, демонстративно въ оставку подавали, мятежныя статьи печатали —

много потрудились, чтобы революция пришла, а теперь точно все это съ ними никогда и не случалось — отъ народа къ семьямъ ушли безвозвратно.

На службѣ только и разговору было у нась, въ столовкѣ, у ящиковъ и на стоянкѣ трамвайной, что о семействахъ. Мой сосѣдъ по библиотечнымъ шкапамъ, — приятный повѣренный Овшинъ — въ пятомъ году въ собранияхъ (всѣ это хорошо помнили), въ Петербургѣ, рѣчи держаль, а теперь намъ надоѣль хлопотами о женѣ и тещѣ: приходиль съ портфелемъ, съ мѣшками и наволочками набитыми продуктами на вымѣнъ, тайкомъ отъ Шпильки развѣшивалъ, размѣривалъ все добро подъ лѣстницей, считаль-высчитывалъ, у всѣхъ что то клянчиль, хлопоталь безъ устали.

Инструкторъ нашъ — гласный городской Думы Чепетовъ, тотъ самый Чепетовъ, что за правду пострадалъ, — за систему автоматическихъ вентиляторовъ въ городскихъ больницахъ — оскорбилъ когда-то дѣйствіемъ начальство и подъ судъ попалъ, теперь безропотно подписывалъ постановленія центрального гигієническаго школьнаго комитета, узаконявшія самое антисанитарное безобразіе.

— Кушать надо, — объясняль онъ, — самъ шесть за столъ садимся.

— Еще бы! Это понятно, Андрей Андреевичъ! Это же такъ понятно... — разноголосо поддерживали мы его.

Никто никого не упрекаль, не стыдилъ, не высмѣивалъ. Всѣмъ въ жизни русской дѣлать по своему, по любимому, уже было нечего.

Случалось, что кто нибудь изъ семьи въ перерывѣ на службу заходиль, и робко шептались люди по угламъ: иногда мужъ съ женой, или съ матерью, или съ кѣмъ изъ близкихъ... Забѣгали за отцомъ дѣти изъ школы и шли вмѣстѣ домой, точно боялись, что одному ему не дойти. Вызывали иногда къ телефону кого-нибудь изъ родныхъ

безъ особаго дѣла, а такъ, чтобы пустякомъ житейскимъ обрадовать или сказать, что все благополучно, или спросить, все ли у нихъ хорошо...

Да, сцѣплялись люди, и не то что въ возвышенной, единомысленной любви пребывали, а въ сцѣплениіи, въ теплотѣ, другъ друга грѣющеї. Помогали, другъ друга питали, прятали, кускомъ дѣлились... Доброта была большая въ этихъ семейныхъ становищахъ. Такая доброта у людей пробуждается въ бѣдствіяхъ великихъ — въ плѣну, тюрьмѣ, въ болѣзняхъ, во всякой погибели. Одинъ другому помощникъ и питатель, польза, удобство и пріятность. Ничего человѣку такъ не по силамъ, какъ сознаніе, что никто тобою не обезпокоенъ. О любви онъ и не мечтаетъ, а чтобы кто то «обезпокоенъ мною быль»...

Жили гнѣздами, защищались стайками, какъ живутъ и дѣйствуютъ птицы, рыбы, малые, несильные звѣрьки; и держались крѣпко и купно этой наипростѣйшей силой сцѣпленія.

Я спросилъ Чепетова:

— Любовь большая, единомысленная вѣсъ семьей вашей связываетъ?

Онъ даже не понялъ, пожалъ плечами.

— Эхъ, не до анализа теперь намъ всѣмъ, Алексѣй Павловичъ!

Я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: любовь это? не любовь? Прошлой осенью я по такой именно теплотѣ и томился, безъ нея просто погибалъ, но томился и погибалъ потому, что кромѣ физической жизни, во мнѣ ничего уже тогда не оставалось. Эта попечительная теплота, охраняющая доброта, нужны человѣку, когда онъ безпомощенъ, малъ, хиль и голъ или въ невыносимомъ одиночествѣ, то есть, жизнью побѣжденъ, ей безусловно сдался. Когда все упраздняется, вотъ это остается. Сцѣпленіе. Чувствительность атома къ атому. Чтобы человѣкъ человѣка не выдалъ смерти... Предѣлъ наималѣйшій.

Грустная любовь, бѣдой и немощью рождаемая, но силы большой, конечно.

Я принуждалъ себя ею восхищаться и почему то не восхищался, — хвалилъ, поощрялъ, готовъ быль самъ помогать (досталъ-таки Овшину черезъ Персиковъ необходимыя ему фуфайки!), уступалъ и услуживалъ со-служивцамъ, какъ могъ, замѣнялъ ихъ въ работѣ, я быль добрый... Все это казалось мнѣ малымъ и легкимъ дѣломъ, но душа тосковала объ иномъ, скучала въ этомъ тепломъ, грѣющемъ добрѣ и съ нимъ не примирялась... Это было не то, «То» было съ Маріей Федоровной. Оно хотѣло найти себя въ моихъ отношеніяхъ съ Юриемъ, съ Наташой, даже съ тѣми, кто стоялъ за Юриемъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы «Синай» устоялъ, и люди жили такъ отважно, какъ намѣревались. Въ ихъ дѣло я не вѣрилъ, но ими любовался. И наконецъ — и тутъ уже безоговорочно! — «то» была моя таинственная жизнь съ Нимъ... Не забыть мнѣ павловскихъ ночей, когда я впервые позналъ молитвенное надѣ жизнью торжество!

Все это было иное, чѣмъ доброта семейныхъ гнѣздъ, возрастало изъ другого корня. Даже «любовью» называть эту благодать я почему-то уклонялся. Но мнѣ хотѣлось, чтобы людскія отношенія ее напоминали; чтобы была та же живая тонкость воспріятія и волнующая значительность одной жизни для другой, проницательное вниманіе ко всей судьбѣ, постоянное ощущеніе новизны и радость взаимности... Я вспоминаль мать, отца, Володю, Соню первыхъ лѣтъ... Тамъ когда-то мерцалъ вотъ этотъ же самый чудесный свѣтъ. Теперь я видѣлъ его опять и понималъ, что именно его вижу.

Да, съ Маріей Федоровной было «безусловно», точно я ее въ концѣ коричневой книжки вычиталъ, точно мы съ ней для какого то невѣдомаго дѣла остались на землѣ, какъ тѣ, что тогда въ печали-радости на Елеонѣ... Для ка-

кого дѣла? Могли ли мы обѣ этомъ думать среди всѣхъ мелочей, суеты и поступковъ, подсказанныхъ одной необходимости!

Марія Федоровна мучилась по своему, — работой, безработицей, очередями, притѣснительными учетами дачниковъ. Она брала первый попавшійся заработокъ, соглашалась на любыя условія: штопала и чинила Персикамъ бѣлье (послѣ обыска вязанье прекратили), обучала французскому языку жену мѣстнаго аптекаря, замѣняла рожавшую бабу-караулку, зачислилась, послѣ большихъ хлопотъ, въ дворцовую комиссию по разбору великокняжескаго архива... И дѣлала все это съ рѣшимостью, съ той тихой силой самообладанья, которая мучила меня уже тѣмъ, что, я зналъ, она въ полномъ несоответствіи съ ея физической слабостью.

Отдохновеніемъ для нея были поѣздки къ Маріи Францевнѣ. Съ колоніей вообще установилась у нея живая связь. Пасторъ Шоттенъ неизмѣнно заѣзжалъ къ намъ на дачу, когда ему случалось бывать по дѣламъ общинѣ, и просиживалъ у Маріи Федоровны подолгу, ожидая знакомыхъ колонистовъ-попутчиковъ. Марія Федоровна любила эти встрѣчи (онѣ бывали обычно днемъ, въ мое отсутствіе) и отзывалась о своемъ гостѣ съ радостнымъ недоумѣніемъ:

— Странный, странный старикъ --- и сумрачный, и свѣтлый...

Она разсказывала о его сѣтованияхъ по поводу колоніи, которая начала разлагаться, о не дающихъ покоя горькихъ думахъ, о письмахъ изъ родной Швеціи, полученныхъ съ какой то необыкновенно-счастливой оказіей, о духовной растерянности, въ которой тамъ многіе его друзья пребывали.

«Мы съ нашей вѣрой всѣмъ надоѣли», — повторяла Марія Федоровна слова письма: — «мы людей только утомляемъ... скука приходитъ, когда душа чего то про-

сить и не получаетъ. Святыя слова въ нашихъ устахъ для современниковъ сонъ и нетерпѣніе. И о чёмъ говорить съ нами послѣ войны! Вотъ, до чего мы нашу вѣру довели...»

Эти мысли и Марію Федоровну очень волновали. Мы ничего не знали, почти забыли думать о томъ, что было не «здѣсь» и не «мы» — и, тѣснимые, почти вытѣсняемые изъ жизни, замыкались въ своемъ углу. А между тѣмъ въ насъ уже была та глубокая серьезность вѣры, которая ищетъ во всемъ смысла и дѣлъ.

Но какъ трудно было принимать любое, судьбою предуказанное, дѣло! Какъ быль я растерянъ, какъ горячился, умоляя Марію Федоровну одуматься, когда она мнѣ сказала, что пасторъ Шоттенъ наладилъ нѣсколько пунктовъ черезъ Павловскъ-Псковъ до Эстонской границы для переправы бѣглецовъ, и что она хочетъ помочь павловскому пункту!

— Это самое малое и для меня самое простое. Я въ Павловскѣ неотлучно. Надо, чтобы кто нибудь быль неотлучно и могъ выдавать справки и оповѣщать, — уговаривала она меня. — Это все, что я могу, а могу я сейчасъ очень мало...

Я началъ восклицать и ужасаться, но Марія Федоровна убѣждала меня съ той осторожной ласковостью, съ которой теперь иногда со мною говорила.

— Я, вѣдь, тоже боюсь за васъ, когда у васъ собранія... Это опаснѣе, чѣмъ кажется, но, я знаю, иначе вы не можете.

Съ этого дня моя жертва и началась.

Марія Федоровна уходила рано утромъ, почти на зарѣ или въ сумерки, куда-то въ конецъ Садовой. Если она исчезала поутру, я путалъ на службѣ книги и карточки и, едва дождавшись конца, мчался въ Павловскъ. Если она уходила вечеромъ, я сидѣлъ въ оцѣпенѣніи въ углу на сундукѣ, пока она не возвращалась. И когда внизу вздыхала на блокѣ дверь, и слышались вверхъ по лѣст-

ницѣ легкіе шаги, я встрѣчалъ ее со сладкой болью превратившагося въ радость мученья. Всякій разъ она для меня какъ бы умирала и воскресала. Вѣроятно, мука эта была нужна намъ обоимъ.

Такъ дожили мы до половины августа.

Въ тотъ годъ осень запоздала. Въ Преображенѣе еще купались, на травѣ у прудовъ валялись на припекѣ голыя тѣла. Ночи были, какъ въ юлѣ, — теплые, даже душные, съ легкимъ струеніемъ тумана, приносившимъ въ комнаты пріятную свѣжесть и сладко-горькій запахъ дыма далекихъ торфяныхъ пожаровъ. Оркестръ все еще игралъ въ привокзальномъ цвѣтнике, оглушая измученную холерой и голодомъ округу гремучимъ рокотаньемъ патетическихъ увертюрныхъ финаловъ. Ясный мѣсяцъ подымался надъ Персиковой дачей и оплывалъ крышу до самаго флагштока...

Въ такой вечеръ все и случилось.

Это было въ субботу. Я возвращался позднѣе обычновеннаго. Въ Павловскѣ вокзалъ сіялъ уже огнями и играла музыка. Я торопился-летѣлъ домой по пыльному шоссе въ обходъ дворца — тутъ было ближе. Мнѣ предстояло въ тотъ же вечеръ вернуться въ городъ. Юрій просилъ пустить его нынче ночевать съ Николаемъ Робертовичемъ, чтобы завтра имъ поспѣть на утренній Ладожскій пароходъ.

Въ аллѣ, возлѣ нашей дачи, было темно. У воротъ стояла бричка. Фыркала лошадь. Слышались тихіе голоса. Я узналъ голосъ Маріи Федоровны. Она провожала пастора.

Они мнѣ очень обрадовались.

— Мы такъ нетерпѣливы были. Я сидѣлъ, неѣхалъ, мы все ждали и на часы смотрѣли... — громкимъ шопотомъ, по привычкѣ, усвоенной тогда всѣми, глянувъ по сторонамъ, проговорилъ Шоттенъ.

— Я очень волновалась! — не скрывая ни что обра-

довалась, ни что тревожилась, тихо воскликнула Марія Федоровна. — Марія Францевна приглашаетъ насъ съ вами завтра въ колонію, — поспѣшно прибавила она.

— Я не могу, у меня дѣло завтра въ городѣ... у меня и сейчасъ...

— Ну, тогда рано утромъ я пріѣду, а вечеромъ я вамъ вашу невѣсту назадъ привезу, И никакого беспокойства, пожалуйста, имѣть вамъ не надо, — вмѣшался Шоттенъ.

Было темно, и никто не могъ бы замѣтить моего смушенія. Лица Маріи Федоровны я не видѣлъ, но мнѣ кажется, она смущилась тоже.

— Я не невѣста Алексѣя Павловича, — тихо и просто послѣ паузы проговорила она.

— Ахъ, надо, чтобы люди берегли другъ друга, никто не берегетъ, никто не берегетъ... — невпопадъ бормоталъ старикъ, влѣзая въ бричку.

Онъ отыскалъ кнутъ и задергалъ вожжами.

— Доброй ночи... Доброй ночи...

Старая, подслѣповатая лошадь не то пугалась темноты, не то горбатого мостика и стояла на мѣстѣ. Я взялъ ее подъ уздцы, провелъ до самой улицы. Здѣсь близъ пруда было чуть свѣтлѣе. Въ дачахъ кое-гдѣ блестѣли огни, а надъ чьимъ-то садомъ изъ темныхъ листьевъ уже выскользнула сверкающей край луны.

Когда я вернулся, Марія Федоровны у воротъ не было.

Я побѣжалъ къ себѣ, собралъ все нужное для ночевки, захватилъ ключи, табаку, хлѣба, кожаную куртку и постучался къ Маріи Федоровнѣ — проститься.

Когда вошелъ, она затворяла окно. Въ комнатѣ стоялъ голубовато-лунный сумракъ, гдѣ то сіяющей, но въ комнату еще не просіявшей луны, и горѣла на столѣ восковая церковная свѣча. Я сказалъ Маріи Федоровнѣ, почему спѣшу.

— Это необходимо? — спросила она.

— Да, необходимо.

— Но вы говорили: «безполезно?»

— По моему, «безполезно», но для нихъ новый смыслъ жизни, прямо спасенье. Я вернусь утромъ, васъ я уже не застану.

— Нѣть, застанете. Вы когда вернетесь?

— Они єдутъ въ девять, я успѣю лишь на десятичасовой.

— Я не уѣду, пока вы не вернетесь...

Она стояла возлѣ окна, опершись рукой о край стола, темноволосая, темноглазая, въ черномъ платьѣ, съ синимъ пледомъ, накинутымъ на плечи.

— Я не уѣду... — тихо повторила она, — я сказала сейчасъ Шоттену, что я не ваша невѣста. Да, я не невѣста ваша, Алексѣй Павловичъ... Я и сама не знаю, кто я вамъ, и вы — мнѣ. Все это по другому и о другомъ... Я даже и опредѣлить не могу, что между мной и вами... Можетъ быть, то, что вы знаете о самомъ важномъ, какъ и я знаю, и еще... да, еще... вы, вы хотите, чтобы я жила только этимъ самымъ важнымъ, какъ и я хочу, чтобы вы только имъ и жили. Оттого и близость, оттого о васъ и моя тревога...

Она говорила взволнованно, съ задушевной простотой, какъ тогда въ лѣсу. Ея слова во мнѣ что то безвозвратно мѣняли. Въ этомъ, вѣроятно, и сила задушевныхъ, непрекаемо-правдивыхъ словъ, что они что то мѣняютъ. Но только послѣ я понялъ, что во мнѣ въ ту минуту измѣнилось.

Если бы можно было объяснить, почему человѣкъ иногда дѣйствуетъ съ бездумной внезапностью, которая оказывается единственно вѣрной и мгновенію созвучной! Такъ было въ ту минуту. Я подошелъ и осторожно взялъ ее за руки. Она подняла на меня глаза. Въ нихъ не было ни ласки, ни удивленья — глубокая благоговѣйная серьезность.

— Я васъ люблю давно, Марія Федоровна... — довѣрчиво открывая ей свою тайну, проговорилъ я. — Не моя вы

невѣста, — ничья... Когда я угадалъ это, можетъ быть, именно оттого что угадаль, все и возникло... — и я съ нѣжностью, съ тонкой чувственной ощутимостью ея близости, ея чудесной чистоты, впервые за все наше сближеніе, поцѣловалъ ей руки.

Вдали вагонно-монотонно прогремѣлъ-просвисталъ курьерскій поѣздъ. Я опомнился. Мы простились. Мы разстались. Я сбѣжалъ по лѣстницѣ, по скрипучимъ ступенямъ. Марія Федоровна стояла на площадкѣ и держала въ рукѣ горящую свѣчу. Годъ тому назадъ она вотъ точно такъ же, въ зловѣщей темени, свѣтила мнѣ свѣчей...

ГЛАВА XXIII.

Давно, такъ давно, что и не запомню, не было такъ ясно у меня на душѣ, какъ въ тотъ вечеръ. Бываютъ ми- нуты, когда личныя переживанія торжествуютъ надъ любо- бой дѣйствительностью. Такъ было и со мной.

Слова Маріи Федоровны измѣнили во мнѣ самое чув- ство жизни. Еще такъ недавно замкнутая въ безотвѣт- ности любовь моя ощущала вдругъ свободу, легкость, удвоенное, распространенное бытіе. Я существовалъ те- перь не только въ себѣ и для себя, но и въ Маріи Федо- ровнѣ и для нея.

Я не досадовалъ на «синайцевъ», что изъ-за нихъ пришлось уѣхать. Моя услуга была той же любовью къ Маріи Федоровнѣ, лишь обернувшейся къ людямъ добро- желательствомъ; когда въ Петербургѣ на вокзалѣ я встрѣ- тилъ Юрія и Николая Робертовича и повелъ ихъ къ себѣ, меня не покидало чувство естественно-легкой и любвеобильной доброты.

Весь вечеръ я о нихъ заботился, хлопоталъ, устро- илъ имъ ночлегъ въ своей комнатѣ, а самъ перебрался съ тюфякомъ въ коридоръ. Я готовъ былъ на самое без- разсудное гостепріимство и мало того, въ тотъ вечеръ интересы, планы, разговоры моихъ гостей казались мнѣ столь же значительными, какъ вѣроятно имъ самимъ.

Мы сытно и долго ужинали. Николай Робертовичъ привезъ изъ деревни цѣлый мѣшокъ всякаго добра. Мы затянули наглухо драпировки, чтобы сосѣди не увидали,

что я не одинъ, и на столѣ всего много. (Все тогда бывало втихомолку).

За ужиномъ гости съ увлеченіемъ говорили о «своихъ», о «своемъ». Николай Робертовичъ не многословно, но убѣдительно защищалъ свой планъ — разсѣять организацію по Маріинской системѣ и съѣхаться весной подъ Рыбинскомъ. Онъ доказывалъ, что Юрій и онъ должны поскорѣй перебраться глубже въ провинцію, потому что широкое распространеніе «синайской» идеи главная цѣль организаціи. Николай Робертовичъ обладалъ сенкантскимъ напоромъ, силой медленнаго натиска на единомышленниковъ, и склонный къ преувеличеніямъ Юрій къ концу вечера, разумѣется, согласился.

Споровъ между ними было мало, потому что о самомъ важномъ собесѣдники судили одинаково. Оба считали свою дѣятельность мудрой и полезной для народа, а власть — непрочной, преступно-неопытной, вредоносной (спорили лишь о степени), не сомнѣваясь, что, рожденная стихіей, она столь же правомочна, какъ всякое, формально законное революціонное Учредительное Собрание. Народу власть «своя», она проникнута его страстями, чаяніями и представленіями о соціальномъ благѣ и, если вожди не сумѣли найти новыхъ неслыханныхъ еще государственныхъ и соціальныхъ формуль, а взяли соціалистическія, западныя, то содержаніе ихъ все равно неповторимо-русское. Народу надо помочь устроить свое отчество по-своему, по желанному. Тутъ «синайцы» утверждали одну и ту же реальность вмѣстѣ со всѣмъ многомиліоннымъ русскимъ скопищемъ и готовы были великодушно приняться за моральное воспитаніе побѣдителей: роль воспитателей они считали только себѣ по силамъ.

Съ народомъ ихъ роднило грубо, глубоко, душою и тѣломъ незабвенно пережитый опытъ — долгая война. Война не только фронтъ, тылъ, эвакуаціи... но и суровое принужденіе, равенство въ бѣдѣ, государственный паекъ,

терпѣніе, рискъ, починъ и отвѣтственность начальниковъ и еще — и это главное! — сознаніе мои человѣческаго единаго волеустремленія, хоть бы и по приказу, хоть бы и автоматически воспринятое понужденіе.

Въ мирное время этотъ духъ войны уловимъ въ понятіяхъ полковой чести, въ военныхъ традиціяхъ, въ воинскомъ уставѣ, въ казарменномъ быту, въ принципіальной безучастности къ политической борьбѣ въ странѣ, въ вооруженной защите существующей власти. Во время войны онъ разгорается пожаромъ, и національная жизнь страны сосредоточивается въ обществѣ людей особо организованныхъ, особо управляемыхъ, отъ которыхъ тогда и зависитъ вся судьба родины.

Николай Робертовичъ и Юрій что-то усвоили, чего я не успѣлъ воспринять за короткое пребываніе на фронтѣ. Длительное участіе въ войнѣ даромъ не проходитъ; практическая дѣятельность будетъ потомъ слѣдствіемъ пережитаго опыта: если люди должны сообща и силой достигнуть какой нибудь цѣли, они ее достигнутъ всего успѣшнѣе, организуясь на началахъ іерархіи, принужденія и покорности.

Признавъ власть, «синайцы» перешли на мирный путь служенія новому отечеству, но продолжали хранить военный духъ. Я замѣчалъ, что они любили сознавать себя военными и вѣрили, что такъ или иначе должны спасать родину. Какой суповой романтикой вѣяло отъ «Синая»! Какъ мечтали о возрожденной Россіи! Даже нынче, уставные, сонные (было уже поздно) они съ удовольствіемъ стали вспоминать свое боевое прошлое.

Я сидѣлъ въ углу на сундукѣ, чистилъ сапоги и молча слушалъ; промолчалъ бы весь вечеръ, имъ близкій и имъ далекій, если бы Николай Робертовичъ не удивилъ меня вопросомъ:

— Почему вы не съ нами? Мнѣ давно хотѣлось васъ

спросить. Мы обсуждали вашу кандидатуру, вась бы мы единогласно провели.

— Да, почему? Почему? — подхватилъ Юрій. — Вы нашъ другъ и отзывчивость ваша... интересъ къ нашему дѣлу, а между тѣмъ въ вась какая то уклончивость.

Я опустилъ щетку и надѣтый на руку сапогъ, недовѣрчивая, какъ точнѣе и мягче выразить мое къ нимъ отношеніе.

— Я не вѣрю... — просто сказалъ я.

— Въ успѣхъ не вѣрите?

— Нѣтъ, успѣхъ, можетъ быть, и будетъ — тутъ о другомъ. Если русская судьба и не то, что вы думаете, и дѣло ваше не такъ сложится, какъ ожидаете, все же вы лучшее сейчасъ даете, какъ лучшее и войнѣ отдали — и это хорошо: чтобы лучшее отдавать. Спасибо за довѣріе ваше, но только не удивляйтесь, что я не съ вами. Дороги своей я еще не вижу, живу, какъ всѣ, изо дня въ день, но къ вамъ пойти не могу...

— Почему, почему же? — настаивалъ Юрій.

— Укажите хоть причину, не безъ причины же вашъ отказъ? — наставительно прибавилъ Николай Робертовичъ.

— Съ Россіей что то ужасное произошло, ужаснѣе, чѣмъ кажется, — вотъ почему... — тихо сказалъ я.

Николай Робертовичъ и Юрій переглянулись.

— Революції нації не уничтожаютъ — гибнетъ только режимъ, — самоувѣренно проговорилъ Николай Робертовичъ.

— Да, такъ было, такъ бывало, но съ нами очень страшное случилось. Я не хочу быть голословнымъ, а сейчасъ мое все голословно... — взволнованно заговорилъ я. — За вась — история. Что я могу противопоставить вашей убѣжденнности! Да и не надо вамъ моей не доказуемой правды.

— Нѣть, Алексѣй Павловичъ, мы обо всемъ сегодня

откровенно, по дружески, говоримъ! — горячо воскликнулъ Юрий.

— Я не вѣрю, что ваше дѣло національному возрожденію послужить, — продолжалъ я. — Вдохнуть душу въ бездыханное тѣло — это не въ нашихъ силахъ. Вы можете праведно и полезно «Синаемъ» вашимъ просуществовать, но судьбу страны это не измѣнить. Никакого не будетъ ни нового строя, ни новой жизни.. Съ вымороочнымъ наслѣдствомъ дѣлай въ странѣ, что хочешь!

Я остановился, подыскивая слова для почти неуловимой правды. «Не поймутъ... навѣрно не поймутъ», подумалъ я. И тутъ же вспомнилъ, что отвѣтствененъ не только за то, что сказалъ, но и за то, что думалъ, но сказать не захотѣлъ.

— Вотъ именно потому, что такъ съ Россіей случилось, — горячо продолжалъ я, — намъ, «остатку» націи, и предстоитъ, быть можетъ, выстрадать какое-то новое, небывалое объединеніе людей. Мы за эти годы такія тайны человѣческой души узнали, что наши страданія не даромъ! Придетъ... повѣрьте, гдѣ-то въ мірѣ можетъ открыться совсѣмъ иной смыслъ людскихъ взаимоотношеній. Сейчасъ и представить трудно, какой народъ этого достоинъ. Но это ничего. Только бы сознать! Только бы стремиться...

Они меня не поняли.

Лица не выражали ни возмущенія, ни удивленія, — были серьезны, даже сумрачны.

— Рѣчь идетъ, насколько я уловилъ, о проектѣ «общества» съ религіозной подкладкой, — разсудительно началъ Николай Робертовичъ, — но неясность у васъ абсолютная и руководящій принципъ вы не опредѣляете. Туманъ какой-то...

— Надо быть реалистомъ, Алексѣй Павловичъ, — перебилъ Юрий. — Вы о чѣмъ-то несущественномъ и, про-

стите, очень воспаленно... а мы о томъ, что есть. Съ отвленностями пора покончить.

— У нась спора быть не можетъ, и не надо между нами спора, я же говориль: у меня недоказанное... — тихо сказалъ я и вновь принялся за сапоги.

Мы легли спать поздно, гости мои сейчасъ же крѣпко заснули. А я не спалъ, сидѣль на полу, на тюфякѣ, куриль и думаль-передумывалъ о сказанномъ и о томъ, почему меня не поняли. Можетъ быть, все мое невѣрно? А если эта непонятность только свидѣтельство о правдѣ? Если судъ и мѣра правды — она сама?

Утро выдалось тихое и пасмурное.

Николай Робертовичъ и Юрій спали, какъ убитые. Чтобы ихъ не будить, я осторожно пробрался въ кухню, поставилъ самоваръ, наварилъ въ дорогу картофелью — все очень заботливо устроилъ.

Съ самаго пробужденія во мнѣ была ровная, тихая душевная крѣость, можетъ быть, потому, что вспоминалась павловская радость. Можетъ быть, не только потому. Впервые я не чувствовалъ сегодня невыносимаго угнетенія души, въ тѣ дни томившаго нась всѣхъ.

Знаете ли вы, что такое злоба? Не злоба разсвирѣпѣвшаго сердца, а та, что пропитываетъ всю жизнь: слова, жесты, помыслы и встрѣчи... Это какъ запахъ гари въ лѣсной пожарѣ: дымомъ пахнетъ воздухъ, вещи, кожа, волосы... Кто не знаетъ тѣхъ русскихъ дней, тотъ никогда этого не пойметъ. Злоба извращаетъ самый инстинктъ общенія, дѣлаетъ его безмысленнымъ и бесполезнымъ. Такое существованіе не жизнь, а какое-то оцепенѣніе. Оно хуже народнаго бѣдствія: войны, голода, землетрясенія... Бѣда бѣдой и обернется — великимъ общикимъ горемъ, отъ нея націи не гибнутъ. Здѣсь же мука противоестественного существованія, — безысходная агонія. Человѣкъ теряетъ не жизнь и не радость жизни, а

самую волю жить. Я говорю о злой дѣйствительности, которую пережилъ самъ и постепенно сталъ преодолѣвать, но преодолѣть никогда не могъ.

Въ то утро ко мнѣ вернулось невѣроятное, казалось, навсегда заглохшее, чувство жизни. Я почувствовалъ, что мнѣ хочется жить, и только страшно утерять вотъ эту силу, преодолѣвающую гнетъ. Не могъ я тогда понять, что уже прикоснулся къ подлинной свободѣ духа — къ неуязвимой и неодолимой силѣ...

Я проводилъ моихъ друзей съ облегченiemъ, въ не-терпѣливомъ ожиданіи оставаться поскорѣе одному. Они уѣхали бодрые, очень довольные ночлегомъ, только тревожились, что проспали и могутъ опоздать на пристань.

Мнѣ хотѣлось скорѣй вернуться въ Павловскъ, въ мое малое, бѣдное гнѣздо.

Вмѣсто возвращенія, пришло совсѣмъ иное...

Налетѣла бѣда внезапно, съ яростью мишеня, какъ молнія, которая можетъ обуглить или убить на мѣстѣ... Въ ту минуту, когда я уже собрался уходить, кто-то вдругъ заколотилъ въ дверь, и я увидѣлъ на порогѣ блѣдную, какъ смерть, задыхающуюся Наталью...

— Нашу дачу оцѣпили... васъ ищутъ, за вами поѣхали... Бѣгите, сейчасъ же бѣгите! — изступленно лепетала она, съ ужасомъ оглядываясь на дверь.

Я оцѣпенѣлъ.

— Марія Федоровна?!

— Вы, вы, одинъ вы... Она жилица, Моисей сказалъ: «жилица»... Одного васть!.. Что же вы стоите?!. Уходите, сейчасъ же уходите!.. — истерически-негодующее закричала она.

Въ ея зеленыхъ глазахъ, въ искаженномъ лицѣ было выраженіе отчаянной властной рѣшительности. Этой боль-

ной, слабой дѣвочкѣ я повиновался, убѣжалъ, ничего не взявъ съ собой, не закрывъ квартиры... Послѣднее, что помню: Наталья на площадкѣ лѣстницы маленьными, безсильными руками сilitся повернуть въ замкѣ неподатливый мой ключъ... и ея захлебывающейся, злобный, рыдающей шопотъ:

— Уходите, уходите... говорять вамъ — уходите...

Я выскользнула изъ дома — и за уголъ. Пробѣжалъ проходнымъ дворомъ, — переулкомъ — улицей — опять переулкомъ, прямо къ Невѣ, — и устремился черезъ мостъ на Выборгскую.... Бѣжалъ, куда глаза глядятъ. Шель-шелъ-шелъ... то пугаясь, что явно спѣшу, то, что замедляю шагъ. Выскакивалъ на бойкіе трамвайные проспекты и тутъ же спохватывалъ и сворачивалъ въ пустынныя улицы. Куда шелъ? Въ такія минуты уже ничего не знаешь, сознаніе суживается до инстинкта, и человѣкъ дѣйствуетъ какъ будто повинуясь невѣдомой волѣ, ни цѣли, ни послѣдовательности дѣйствій которой онъ не знаетъ. Дома — дома — дома... и бесконечные выщербленные тротуары. Имъ нѣгъ и не можетъ быть конца. Вотъ уже и не дома, а деревянныя домишкі... пустыри... дачи, кое-гдѣ уже кусты-деревья... Вотъ мягкая пыль подъ ногами и канавы въ обѣ стороны, опять кусты, опять дачи... а еще дальше, за поворотомъ — вода!

«Господи... гдѣ я?.. Крестовскій Островъ... вонъ Стрѣлка...», съ трудомъ сообразилъ я.

Итти впередъ было некуда, можно только повернуть назадъ и пробраться обходомъ на Васильевскій. Тѣло ныло отъ усталости, отяжелѣли ноги, въ ушахъ и въ груди стучало. Я глянула по сторонамъ: направо пустой складъ, за нимъ рядъ дачъ; налево — скелетъ разобраннаго на дрова, до печныхъ кладокъ, строенія.

Я перепрыгнула канаву, перевалился черезъ невысокую каменную стѣну и соскочилъ въ траву.

Пустырь... Груды кирпичнаго щебня, соръ, высокая

жухлая трава. Я обѣжалъ развалину и кинулся въ заросьль кустовъ...

Въ изнеможеніи лежалъ я среди битаго кирпича и лопуховъ, въ зловоніи гдѣ-то по близости гніющей помойной ямы, возлѣ покрытаго лишаями орѣшника, больными буро-пятнистыми листьями накрывавшаго мнѣ голову. Прислушивался, не идутъ ли, неѣдутъ ли, не ищутъ ли меня. Вдали, вѣрно, съ лодокъ, со вzmорья, доносилось крикливое, многоголосое пѣніе, со стороны Новой Деревни— свистки... Послышались, было, голоса, но мирно стихли, удаляясь.

Я скрывать не хочу: все время, пока бѣжалъ, я имѣ Его повторялъ..., а здѣсь, въ пустырѣ, стать молиться — просилъ помочь умереть, если меня схватятъ. И о Маріи Федоровнѣ горячо просилъ и говорилъ еще, что не хочу усыновленія меня черной совѣтской отчизной...

Сколько времени я такъ пролежалъ, не знаю, но этихъ часовъ не забуду никогда! Я перечувствовалъ здѣсь всю мою русскую судьбу — и не разумомъ, а такъ, какъ переживаешь болѣзнь, любовь, утрату или смерть...

Я все отечеству отдалъ, что оно отъ меня постепенно отнимало: молодость, здоровье, скромное семейное счастье, радость университета, пыль патріотической жертвенности, гражданскую доблѣсть... Не было дарованного, котораго я бы не отдалъ, или, отдавая, торговался. Утраты эти связей съ отечествомъ не разрывали. Я быль очень несчастенъ, но оставался русскимъ человѣкомъ. Но уже прошлой зимой стала сознавать — и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе, — что перестаю чувствовать свое отечество, — не-понятную, какъ бракъ, таинственную любовь-единство съ моимъ народомъ. И причиной тому — не нищета, не одиночество, не обѣднѣніе умственное, не мои несчастья, — это были такія жгучія, но такія человѣческія бѣды, — а только темный духъ всенароднаго русскаго беззаконія, тотъ новый духъ, который мнѣ надо было признать сво-

имъ, роднымъ, священнымъ, — несвятое объявить святыней... Долго и медленно разрушалась-гнила моя кровная связь съ народомъ. Теперь — ждала меня жизнь или смерть, было уже все равно. Свободной волей я отчуждалъ себя отъ отечества, хотѣль въ странѣ своей — и въ жизни, и въ смерти — оставаться чужакомъ. Но если Россія погибла, а темнаго совѣтскаго усыновленія я не принимаю, то какой невѣдомой страны тогда я гражданинъ, кому теперь собрать и общникъ?

И что дѣлать сейчасъ? Какъ спастись? Пробраться въ Павловскъ? Я погублю Марію Федоровну. Бѣжать въ колонію? Но причиной всему, навѣрно, «синайцы», и туда изъ-за Юрія опаснѣе, чѣмъ куда-либо. Можетъ быть, они уже схвачены? Можетъ быть, Юрія съ Николаемъ Робертовичемъ задержали на пристани? Сережа? Малинина? Пельтиевъ? Я перебралъ знакомыхъ — врядъ ли они меня къ себѣ и пустили бы. Оставалась одна Анна Ивановна, просто и безъ упрековъ спасающая всѣхъ, но она была связана съ братомъ. А вдругъ Подъяческая все-му виной? Но я тотчасъ же сказалъ себѣ — не можетъ быть: Шкаревъ въ провинціи съ весны, отъ его подполья ничего уже не осталось. Это соображеніе и спасло меня.

Въ глубокія сумерки, когда Крестовскій Островъ потонулъ въ темнотѣ и кое-гдѣ зажелтѣли огни, я пробрался на Малую Дворянскую и, убѣдившись, что штора въ окнѣ опущена (этотъ знакъ придумала недавно Анна Ивановна для безопасности), измученный и голодный, съ трудомъ передвигая ноги отъ головокруженья, я въ тотъ страшный вечеръ постучался къ Шкаревымъ...

Какъ звѣрь, спасающійся отъ собакъ и пули, я жиль теперь дико, тяжко, въ отчаянной и одинокой тревогѣ. Власти были въ поискахъ предпріимчивы. Моя квартира, неповинные сосѣди (бѣдняга Арабскій!), Павловскъ, «За-

крома», даже Кузовлевский притонъ — все было обшарено, всѣ передопрошены, взяты на прицѣлъ, даже Пельтяевъ былъ вызванъ для показаній, и лишь его убийственный обо мнѣ отзывъ, засвидѣтельствованный всей коллѣгіей «Летучаго Университета», помогъ ему выпутаться изъ служебной непріятности. Я сталъ добычей и зналъ съ достовѣрностью, что, если меня не укроетъ случай, то всюду, — въ любомъ домѣ и на любой улицѣ — найдутся русскіе люди, которые меня выдадутъ, и другіе русскіе люди, которые поведутъ, приведутъ, убьютъ; и сдѣлаютъ это безжалостно, дико, съ большимъ удовлетвореніемъ, съ менѣшой необходимости, чѣмъ любая баба рѣжетъ курицу.

Я не ошибся, Анна Ивановна меня спасла: укрыла у себя, потомъ стала переправлять изъ дома въ домъ, кормила, бѣгала по городу, справляясь у освѣдомленныхъ людей о дѣйствіяхъ власти; узнала, что «синайцевъ» не тронули, а преслѣдуютъ меня одного, по какому-то очень опасному дѣлу.

Обнаружилась ли хитрость моя съ Софьей Александровной, оговорилъ ли кто-нибудь меня на допросахъ, промелькнула ли фамилія въ захваченныхъ подпольныхъ спискахъ — такъ навсегда это и осталось неизвѣстнымъ, но только изъ мелкаго просвѣтительного работника я превратился въ одного изъ главарей сѣверной областной организации, — врага опаснаго и ловкаго, неуловимостью явившаго свое коварство. Благодаря Аннѣ Ивановнѣ, меня скрывали люди иногда совсѣмъ незнакомые, иногда полузнакомые. Я скитался изъ дома въ домъ, изъ конца въ конецъ города, жилъ впроголодь, спалъ не раздѣваясь, обычно былъ для всѣхъ тяготой, навязанной жертвой, долгомъ непосильного человѣколюбія, и чувствовалъ, что каждый благодѣтель спѣшить спихнуть меня другому, какъ музикъ сплавляетъ прибитаго къ берегу утопленника. Недѣли двѣ я не зналъ, что творилось въ Павловскѣ. Полов-

женіе стало до того опасно, что свиданіе съ Маріей Федоровной было бы преступнымъ легкомысліемъ. «Синайцы», черезъ колонію освѣдомленные объ обыскѣ, благоразумно не искали встрѣчъ со мной. Опытная Анна Ивановна умоляла ни съ кѣмъ не сноситься и никого не оповѣщать.

— Вы умерли, понимаете, вы больше не существуете,
— наставительно повторяла она.

Незабываемые, страшные дни... Холодъ, голодъ и одиночество, меня повсюду ищутъ. Внѣшнія обстоятельства указывали на безвыходность положенія. Я тосковалъ, унывалъ, бывалъ очень малодушенъ. Но странно, иногда находила на меня опять увѣренность въ неприкосновенности, въ безусловной неуязвимости, и чувство непонятнаго могущества надъ моими преслѣдователями.

И вотъ, какъ-то разъ къ вечеру, въ даль Измайловскихъ ротъ, гдѣ меня пріютилъ великодушный учитель музыки (дальній родственникъ Шкаревыхъ), прибѣжала взволнованная Анна Ивановна. Къ ней только что приходилъ Юрій съ «чухонскимъ пасторомъ» (такъ называла она Шоттена), — узнать, не слыхала ли она обо мнѣ. Вѣстямы они очень обрадовались, но спасенія въ удачѣ моей не видѣли и убѣждали, даже умоляли отъ имени Маріи Федоровны, чтобы я согласился немедленно перейти границу. Въ Павловскѣ обыскѣ имѣлъ тяжелыя послѣдствія. Перепуганные Персики попросили Марію Федоровну выѣхать, а такъ какъ выѣхать было некуда, то ей пришлось просить пріюта у дворцовой сторожихи, которую она недавно замѣняла на работѣ. Сейчасъ Марія Федоровна живетъ въ сторожкѣ, у Розового Павильона. Въ сторожкѣ холодно и сыро. Наталья Николаевна ежедневно ее навѣщаетъ и тайкомъ носить пищу. Если я останусь, или попытаюсь скрываться въ провинціи, я безполезно погублю себя, можетъ быть, и не одного себя. Рѣшать надо немедленно, завтра въ ночь меня переправлять

съ очередной группой бѣглецовъ черезъ Павловскій пунктъ въ Эстонію. Къ полудню пасторъ доставитъ Аннѣ Ивановнѣ подложныя удостовѣренія, а также справки и кое-какія деньги.

Я мучился до самаго утра, не могъ себя увѣрить, что надо покинуть Марію Федоровну въ нищетѣ, въ одиночествѣ. Правда, меня убѣждали бѣжать по ея просьбѣ, но что же будетъ съ ней, когда она останется одна?

«Увезутъ въ колонію... И Наташа тоже не оставитъ... На это, вѣрно, и намекали, когда на побѣгѣ настаивали? Господи! И все изъ-за меня...», терзался я. Вспоминались грязь, вонь, крикъ ребягъ въ сторожихиномъ жильѣ, куда однажды я зашелъ по порученію Маріи Федоровны. «Остаться? Уѣхать въ провинцію и узнавать о ней, — можетъ быть, изрѣдка даже встрѣчаться? Или вмѣстѣ уѣхать? Почему не «вмѣстѣ»? Надо увидать ее и уговорить, чтобы «вмѣстѣ»...», растерянно разсуждалъ я. Но смутное чутье подсказывало, что уговаривать не придется, что попеченія мои о Маріи Федоровнѣ жалки, и лишь мой побѣгъ вѣрное для нея благо. Очевидная бѣда требовала, какъ будто, не побѣга, и мнѣ казалось, что побѣгъ выдуманъ, навязанъ «синайцами», Шоттеномъ, а сами они заняты лишь своею безопасностью. Я вдругъ преисполнился непріязнью, подозрѣніями и досадой къ моимъ благожелателямъ.

Такъ томилась-двоилась всю ночь моя несчастная душа.

На разсвѣтѣ я вскочилъ и поглядѣлъ въ окно. Осень ненастная, злая, вѣтреная. Туманное холодное утро и дождь — тонкая сѣрая сѣтка. Вѣтеръ воетъ въ трубѣ и шевелитъ въ печи выюшки. Комната пуста, сыра, темна. Въ ней только и вещей, что рваный, мочалой набитый диванъ, стулья да саліній пыльный коврикъ, который мнѣ принесъ мой добрый хозяинъ — за неимѣніемъ одѣяла покрыть ноги. Въ углахъ паутина, на полу окурки...

Что же дальше? Изъ дома въ домъ, изъ города въ городъ, однокое подпольно-подложное существованіе, поиски работы, каторга принудительного скучиванія людей безъ чувства русской общности?

Незамѣтно неизъяснимое ощущеніе своей судьбы, любовь къ Маріи Федоровнѣ и отчужденность отъ русской жизни — слились въ рѣшеніе твердое и свободно-покорное, какъ моя вѣра — бѣжать!...

Я нашелъ у Анны Ивановны все обѣщанное (изъ предосторожности она потребовала, чтобы Шоттенъ ушелъ, меня не дожидаясь), — главное, указанія, какъ выѣхать изъ Петербурга, съ какимъ поѣздомъ, — и желѣзнодорожный билетъ, и планъ, какъ пройти съ вокзала, минуя дворецъ, глубокимъ обходомъ къ Розовому павильону. Было сказано: «васъ встрѣтять на дорогѣ».

«Послѣдняя встрѣча...», понялъ я — опять, какъ ночью, чувство «судьбы», неотвратимаго свершенія, которое и хотѣлось, и надо пережить, именно потому, что оно сознавалось неотвратимымъ, вновь охватило меня.

Отъ Анны Ивановны я вышелъ, когда едва смеркалось. Послѣднее, что помню: въ окнѣ, сквозь сѣрую дождевую муть, ея лицо — бѣлое пятно, прильнувшее къ стеклу. Сколько разъ безмолвно, грустно и безотвѣтно глядѣла она вотъ такъ вслѣдъ спасеннымъ ею людямъ!

За эти дни впервые я шелъ по городу не поздно, а въ сумерки, достаточно еще свѣтлая, чтобы даже издали меня могли узнать. Только бѣглецы и преступники знаютъ по-настоящему благо темноты, безлюдья, потаеннаго угла. Я выбиралъ окольный путь (черезъ Николаевскую и Звенигородскую) и дорогой волновался, что приду не во-время.

Вокзаль былъ еще не освѣщенъ. У кассъ на сквознякѣ винтами вились огромные хвосты. Стоялъ гвалтъ, была невообразимая толчея, обычная передъ отправкой поѣзда дальняго слѣдованія. Толпа валила вверхъ по лѣст-

ницѣ съ мѣшками, узлами, котомками, ребятами... Наверху, въ галлереѣ, гудѣла, напирая тѣль и багажа на контрольную заставу.

На дачную платформу я прошелъ безпрепятственно, вмѣшался въ давку осаждающихъ вагоны пассажировъ, и черезъ четверть часа мы тронулись.

Не много помню я такъ незабываемо. Хотя мои дѣйствія были почти безсознательны, хотя въ душѣ былъ полный хаосъ, во мнѣ осталось до сихъ поръ ощущеніе такой чуждости всему, точно кругомъ не живая дѣйствительность, а кинематографическое ея подобіе; помню сдавленную волненіемъ и страхомъ мою трепетную вѣру, и еще — ожиданіе павловской встрѣчи. При мысли о ней въ душѣ была одна лишь боль. Я сознавалъ, что разстаемся мы въ дни свѣтлой близости, наканунѣ какихъ-то новыхъ отношеній, которыя предображались мнѣ въ вѣчеръ послѣдней встрѣчи...

Когда мы приѣхали, уже стемнѣло, но очертанія еще не сливались. Шелъ дождь. Толпа пассажировъ за при-вокзальнымъ лужкомъ разсѣялась по улицамъ. Я пошелъ со всѣми, потомъ вернулся боковой дорожкой и проскользнулъ въ паркъ.

Кругомъ все плавало въ туманѣ. Подъ ногами была грязь, отсвѣчивали лужи. Со всѣхъ сторонъ падали мокрые листья...

Я бѣжалъ, озираясь по сторонамъ, — никого... Прислушивался — шумъ вѣтра, осенній, злой, листопадный.

«Сейчасъ увидимся... сейчасъ увидимся».

Я забылъ, что передо мною побѣгъ, и что прохожу здѣсь въ послѣдній разъ. Во внѣ и во мнѣ было одно смятеніе.

За «Хижиной дяди Тома», въ аллеѣ, еще темнѣе. Черные намокшіе стволы шпалерами уходяты въ даль, впереди мрачная глубь парка, волнуются въ сумракѣ черные кусты, мечутся-шумятъ на вѣтру деревья — лѣсная рать, ко-

торой суждено сегодня ночью укрыть меня. Вездѣ пустота и глуши. И кому надобность въ этотъ часъ, въ эту муть!

Вотъ въ заросли кустовъ — башня... Отсюда, скано, вправо и вверхъ по холму обратно въ направленіи «Розового павильона», уже безъ дороги, напрямикъ. Я бѣжалъ, останавливался, опять ускорялъ шагъ, задыхался отъ сердцебіенія, отъ физической слабости. Малый верхній прудъ... Надъ нимъ склонились плакучія березы, темная гладь усыпана листьями. Здѣсь, на просторѣ, чуть свѣтлѣе, но туманъ надъ землею гуще, и воздухъ пронизанъ пахучей, осенней сыростью. Я спѣшу по глухой дорожкѣ вдоль пруда... Листьевъ здѣсь навалило, какъ нигдѣ: подъ ногами шелестящій коверъ. Ахъ, если бы они не такъ шуршали!

Въ этой глуши мы и встрѣтились...

Она ждала меня на скамейкѣ у самаго пруда. Увидала и выбѣжала на дорожку. Я узналъ ее мгновенно; ни туманъ, ни темнѣющій сумракъ не могли бы сдѣлать ее для меня неузнаваемой. Я бросился къ ней. Ея руки легли на мои плечи...

Я ее обнялъ и глядѣль, не могъ наглядѣться — на нее, на заблестѣвшіе отъ слезъ глаза.

— Марія Федоровна!..

— Не надо отчества...

Мы стояли на дорожкѣ, во мглѣ дождя, въ круженіи листьевъ.

— Уйдемъ отсюда, — встревоженно проговорила Марія Федоровна, — сторожа изъ питомника уже прошли и не вернутся, но лучше уйдемъ... «Тамъ» васъ ждутъ, когда совсѣмъ стемнѣеть... такъ условились... такъ сказали...

Она увела меня отъ пруда въ гущу деревьевъ, въ сырую мглу. Мы шли безъ дороги, стараясь ступать осторожно, чтобы не трещали сучья, иногда останавливались, прислушивались... Мы рассказали другъ другу, что слу-чилось съ нами за эти дни, на что рѣшаемся, говорили

съ тихой довѣрчивостью, чувствуя, что новой выстраданной близости предѣла нѣть, и не можетъ быть. Я узналь, что Марія Федоровна будетъ жить у пастора; что Розенкирхи переѣзжаютъ въ Ладогу вслѣдъ за Николаемъ Робертовичемъ; что со мной она бѣжать не можетъ: мнѣ предстоитъ очень трудный переходъ болотами подъ Ямбургомъ и бѣгство этой дорогой мыслимо лишь въ санный путь.

— Но мы не разстанемся? Вы пріѣдетѣ? Вы не оставите меня? — все повторяль я.

— Не оставлю... но многое не въ нашей волѣ.

— Если не въ нашей волѣ, значитъ, можетъ быть, сегодня — «навсегда»?..

— Да, можетъ быть... Но обѣщаю другъ другу: что бы ни случилось, какъ бы ни жили — всегда для общей нашей любви, какъ «вмѣстѣ»... Вы обѣщаете? Вы согласны? Вы знаете, о чѣмъ я говорю?

— Я знаю... — загораясь отвѣтнымъ воодушевленіемъ, перебиль я, — и чтобы для Него принять все, и разлуку нашу «навсегда». Вы обѣ этомъ думали? Вы къ этому меня подготовить хотѣли?

Марія Федоровна на мигъ задумалась, точно не рѣшалась, или не могла вымолвить отвѣтъ, и наклонила голову.

— Да, и разлуку навсегда...

Я почуяль, тонкимъ вѣдѣніемъ угадалъ, что всѣ дни она думала обѣ этомъ вѣчномъ обѣщаніи. И тутъ, щадя меня и себя, нашу человѣческую слабость, которая хотѣла быть силой, она заговорила о другомъ, о самомъ нужномъ, простомъ, житейскомъ: какъ мнѣ жить, какъ разыскать Федора Федоровича, написать ему, какъ достать на первое время денегъ; дала мнѣ списокъ адресовъ своихъ друзей, торопилась, очень тревожилась, все ли припомнила, все ли посовѣтовала...

Отъ усталости, волненія, отъ изнеможенія душевна-

го, я все слышалъ, какъ сквозь сонъ. Явь сейчасъ была для меня лишь она одна — эта повязанная темнымъ платкомъ женщина, въ забрызганныхъ грязью калошахъ, прячущая въ рукава озябшія руки. И еще явь — съ минуты на минуту густѣющая, со всѣхъ сторонъ наплывающая тьма, шорохъ дождя и колыханье мокрыхъ вѣтокъ... Темнота означала, что близятся послѣднія минуты.

Мы шли лѣсомъ, потомъ опушкой обогнули лугъ и очутились въ темнотѣ узкой запущенной дорожки. Блеснули въ туманѣ мутные огни: мы приблизились къ жилью, къ дачамъ. Я узналъ глухой конецъ Садовой, ту длинную, всегда грязную улицу, что огибаетъ паркъ отъ самой станціи. По одну сторону тянутся дачи, по другую — стѣной деревьевъ и кустовъ подступаетъ паркъ. Тутъ, въ темнотѣ, легко проскользнуть въ любую дачу.

Марія Федоровна остановилась.

— Пришли.. — шопотомъ сказала она.

Противъ насъ, по ту сторону улицы, въ глубинѣ палисадника, виднѣлась дача. Въ одномъ окнѣ былъ свѣтъ.

— Васъ ждутъ... зажгли лампу, такъ условились, не надо стучать, калитка и дверь отперты... я не войду, мнѣ сказали, чтобы вы одинъ... Васъ ждетъ Шоттенъ... Я ночью у Даши... — тревожно озираясь, быстро проговорила Марія Федоровна.

— Мнѣ пора? — безсмысленно спросилъ я, завѣдомо зная, что надо итти.

Я машинально снялъ фуражку и растерянно посмотрѣлъ на Марію Федоровну.

— Пора, Алеша...

Я очнулся, съ необычайной ясностью вдругъ понялъ, что сейчасъ должно произойти. Фуражка выпала у меня изъ рукъ... Я наклонился къ Маріи Федоровнѣ и взялъ ее за голову. Чуть отсвѣчивая въ темнотѣ, глядѣли на меня ея глаза. Впервые я назвалъ ее такъ, какъ она хотѣла, съ

нѣжностью, едва слышно повторилъ ея имя. Я чувствовалъ ея дыханье, теплоту тѣла, пламя жизни въ ней, грѣющій пухъ косынки подъ моими руками... Несмотря на горе, отъ которого разрывалось сердце, я ощутилъ, съ силой еще неизвѣданной, благодать нашей близости, торжественную радость, нерасторжимость нашего единства... Въ смутно-свѣтломъ сознаніи Божьяго вѣнчанья, въ порывѣ великой любви моей, я перекрестилъ Марию Федоровну и поцѣловалъ ея живыя и отвѣтныя уста...

ГЛАВА XXIV.

Снѣгъ и тишина... снѣгъ и тишина.. и сегодня, и вчера, и завтра...

Я живу въ лѣсу, въ снѣгу, словно лежу въ чистой, бѣлой постели. Иногда мнѣ кажется, что я заснуль, и густой лѣсъ, жарко-натопленная дачка, чухонскій лепетъ Айны и Эрика — моихъ хозяевъ — бубенцы, пѣтухъ подъ окномъ, собачій лай... что все отнимется, исчезнетъ... Но когда я сознаю, что не исчезнетъ, что Эрикъ и завтра утромъ опять поѣдетъ на станцію, Айна будетъ стучать утюгами и хлопать дверью, а рыжій пушистый Вурти, похожій издали на скачущую по снѣгу дамскую муфту, — усердно лаять вслѣдъ дровнямъ, которыхъ тянутся черезъ озеро со спичечной фабрики — меня охватываетъ чувство воли, яви, новизны и изумленія. Я очень слабъ, и мои израненные за переходъ ноги еще не зажили. Докторъ Лассила проѣздомъ на амбулаторный пріемъ навѣщаетъ меня и сумрачно качаетъ головой, дѣлая перевязки. Я постарѣлъ. У меня стали сѣдѣть волосы, и очень ослабѣло зрѣніе. Лассила говорить — отъ истощенія, отъ долгой голодовки, отъ нервнаго переутомленія. Даже въ валенкахъ я съ трудомъ передвигаюсь и долженъ опираться на палку. Но я пытаюсь работать — расчищаю снѣгъ вокругъ дачи, перечинилъ хозяевамъ разсѣвшуюся мебелишку, выкрасилъ перила внутренней лѣстницы... Правда, все я дѣлаю очень медленно — и съ такимъ тру-

домъ! — но работа даетъ мнѣ удовлетвореніе: я отно-
шусь къ ней съ большимъ усердіемъ.

Дачка наша очень маленькая. Внизу, въ двухъ тѣс-
ныхъ, жаркихъ комнатахъ живутъ хозяева, тамъ же со-
бака, кошка съ котятами; куры въ чуланѣ, въ сѣняхъ —
ежъ въ корзинкѣ. Много блохъ, но въ нихъ повиненъ
одинъ мѣховой Вурти.

Я живу наверху, надъ кухней, въ одной изъ двухъ
комнатъ, самой маленькой. Въ углу желѣзная, круглая
печка. Я топлю ее самъ. Когда топлю, — тепло, а прогорятъ
древа, — опять холодно. Тогда я надѣваю Эрикину мед-
вѣжью куртку (ее принесла Айна, меня жалѣя) и натя-
гиваю новую мѣховую шапку.

Комната обставлена бѣдно: желѣзная кровать, ко-
модъ, два стула, круглый, валкій столъ, умывальникъ съ
испорченнымъ краномъ — но это пустяки: изъ двухъ ма-
ленькихъ окошекъ, на треть забитыхъ жесткимъ сѣрымъ
мохомъ, льется зимній свѣтъ и видно озеро — бѣлая по-
ляна... Иногда морозово-розово свѣтить солнце на кро-
вать, на подушку, прямо мнѣ въ лицо. Вечеромъ, когда
печка гудитъ отъ пламени, на столѣ горитъ лампа, а въ ок-
нахъ ночная синева — мнѣ кажется, что это сонъ: меня
привезли изъ гимназического интерната домой на Рождест-
во, въ Ипполитово, вотъ-вотъ позовутъ внизъ ужинать,
заиграютъ на рояли, или ворвется съ коньками осыпан-
ный снѣгомъ Володя...

Я много сплю, могу спать теперь часами и въ любое
время, Ѳмъ много и жадно, ловлю себя на этой жадности.
Дивлюсь всякому лишнему куску, вещи, всякой преизбы-
точности. Вижу, что у хозяевъ есть все необходимое, и
это мнѣ кажется уже полнымъ довольствиемъ.

Хозяева относятся ко мнѣ хорошо. Можетъ быть, доб-
рое ихъ отношеніе въ память того фантастически щедраго
петербургскаго виноторговца, у которого Эрикъ служилъ
дворникомъ, оберегая въ этомъ лѣсу его три безобразныя

дачи-ящики. Такъ какъ владѣлецъ пропалъ безъ вѣсти, да-
чами никто еще не завладѣлъ, а въ дворницкой завалилась
крыша, — Эрикъ переселился въ одну изъ нихъ, въ самую
маленькую. Впрочемъ, можетъ быть, въ основѣ заботли-
ваго отношенія просто финскія марки. Я плачу исправно,
потому что деньги у меня пока есть: мнѣ ихъ прислали
Федоръ Федоровичъ.

Я денегъ у него не просилъ (просилъ только прислать
газеты), а изъ Ревеля телеграфировалъ о переходѣ грани-
цы, потомъ изъ Гельсингфорса написалъ, какъ это со мной
случилось; про все, что могло его интересовать, конечно,
тоже написалъ... Онъ откликнулся. Письмо его было пріят-
но-благородно, онъ писалъ пространно и очень красиво,
больше все о томъ, что испытывалъ, читая меня; но черезъ
гельсингфорскій банкъ прилетѣлъ ко мнѣ чекъ — невидан-
ное для меня, нищаго, богатство. Кажется, Федоръ Федоро-
вичъ не удивлялся, что я одинъ, даже, какъ будто, при-
вѣтствовалъ: повидимому, я подтверждалъ правильность
его собственного поведенія. «Теперь вы поймете, почему
мы уѣхали, а ожиданіе было безцѣльно», писалъ онъ.

Деньгамъ я очень обрадовался: это выводило изъ без-
выходнаго положенія (съ больными ногами куда дѣвать-
ся!), но переписки у насть съ Федоромъ Федоровичемъ не
вышло. Послѣ пространнаго письма онъ отвѣтилъ кратко,
ссылаясь на отѣздъ: всѣмъ домомъ лэди Макъ Ли ёдетъ
на зиму въ Италію, прежде всего въ Верону. (Понятно, по-
чему въ Верону!). О Россіи поучаль вскользь: надо, чтобы
человѣкъ жилъ въ созвучіи со средой, единственное благо
родины — безпрепятственное развитіе своей личности, надо
себя чувствовать гдѣ-то «своимъ», тѣмъ хуже для стра-
ны, если общаго съ ней не стало. Тутъ же умно о Лом-
бардіи, о съверной итальянской архитектурѣ, о Палладіо...
и просьба выслать дорогое художественное изданіе Ка-
левалы.

Человѣчнѣе была приписка Янсенъ, въ водянистыхъ

подтекахъ. Она писала, что «очень плачетъ» (извѣстно, о комъ...), что стала хворать, что Федору Федоровичу всѣ такъ рады, такъ рады, какъ будто самъ король Георгъ въ гости пріѣхаль... самые умные, знаменитые люди Эдинбурга его друзьями стали, пріѣзжаютъ съ нимъ разговаривать, а лэди Макъ Ли, и братья, и кузины — всѣ его обожаютъ, «къ нему молятся» (такъ перевела она нѣмецкое *anbeten*). Замокъ большой и очень красивый, а если въ домѣ всѣмъ грустно, то потому, что въ достойной семье трауръ по убитому на войнѣ родственникѣ...

Я отвѣтилъ съ добрымъ чувствомъ, благодарно, можетъ быть, слишкомъ просто, не скрывая, что къ нимъ влекусь... О причинѣ влеченія не говорилъ, конечно. Развѣ она не подразумѣвалась?

Странно! Первое время я былъ не въ силахъ думать о пережитомъ. Есть въ человѣческомъ существѣ предѣлъ самой способности памятованія. О прошломъ вспоминать было невозможно, и во снѣ мнѣ ничего не снилось. Только ночью иногда я вскакивалъ, прислушивался... а потомъ, сообразивъ, гдѣ я, вновь валился на подушки. Многое могло ожить въ моей памяти со строками Федора Федоровича — цѣлая полоса! — но, повторяю, вспоминать я не могъ. Прочитавъ письма, поспѣшно на нихъ отвѣтивъ, погружался въ забытье.

Это состояніе нашло на меня не сразу. Въ карантинѣ, подъ Нарвой, его еще не было. Тамъ, въ баракахъ, въ кучѣ ошалѣлыхъ, одичавшихъ людей, была еще нервная возбужденность, болтливость сумасшедшихъ, метанье, болѣзненный подъемъ — былъ и я, какъ всѣ. Къ тому же болѣли израненныя ноги, сдѣлался жаръ, и я попалъ въ лазаретъ. Понемногу обошлось, меня привезли въ Ревель, случайные сердобольные спутники посадили на пароходъ. Я перебрался въ Финляндію — на этомъ настаивалъ Шоттенъ. Онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ своему старому пріятелю, гельсингфорскому

нотаріусу Гармоніусу, тотъ препроводилъ меня, по моей просьбѣ, въ глушь, въ тишину, — къ Эрику. Здѣсь постепенно я и впалъ въ это странное безпамятство.

Душевное состояніе мое было поначалу дѣтски-просто, малѣйшая отвлеченность утомляла. Докторъ мнѣ привезъ Зудермана, но я чтенія избѣгалъ, да и чужая, литературно выдуманная жизнь меня тяготила. Пожалуй, хотѣлось музыки, — не концертной, не оркестровой (она бы напоминала то, къ чему прикасаться памятью было невозможно), а пѣнія: чтобы чей-нибудь голосъ просто и сердечно пѣлъ пѣсню, какъ поютъ на покосахъ, на рѣчкѣ... Казалось, мое «я» отдыхаетъ отъ самого себя послѣ года отчаянной самозащиты.

Когда раны немного зажили, я началъ ходить въ лѣсъ. Иду медленно, прихрамывая, лѣсной дорожкой, что ведетъ въ самую-то гущу елокъ, въ сугробы, въ дышащую льдомъ чащу. Брожу въ разное время: яснымъ утромъ, когда снѣгъ въ тѣни голубой, а на солнцѣ серебрится; въ полдень, когда на озерѣ заливаются бубенцы, и по его пропстору, пыля снѣгомъ, мчатся со станціи порожніе возы. Но больше всего я любилъ сгустившіяся до темноты сумерки... Никогда ихъ не пропускалъ; выходилъ на дорогу: пустота, тишина, наплывающая темнота, въ темноту бѣгущая дорога въ обѣ стороны, у калитки заросль кустовъ, освѣщенное окно...

Я хожу, смотрю, слушаю. Все вижу, все слышу и какъ-то по-новому «знаю». Ощущеніе жизни мнѣ сейчасъ дороже всѣхъ представленій, всѣхъ идей о жизни, точно въ душѣ пробуждается какое-то невѣдомое и неизвѣданное познаваніе, совсѣмъ непохожее на логическое мышленіе. Я что-то знаю и узнаю о дѣйствительности тонко, безразсудно, какъ бы безъ понятій, но знаю, что все именно такъ и есть.

Отъединеннымъ отъ другихъ людей я чувствую себя не потому, что во мнѣ какая-то сложность или возвышен-

ность, а потому что мнѣ никому не объяснить вотъ этого страннаго познанія.

Я знаю, что все живое можетъ измѣняться ко благу, преображаться, стремиться къ своему исполненію. Это не мысль, не чувство, не воображеніе, а точно всѣ эти силы вмѣстѣ — особая душевная способность озарять надеждой явленія. И эта правда очевидна точь въ точь такъ же, какъ холодъ подъ утро въ комнатѣ или боль перевязокъ. Если я самъ измѣнился до глубины, если для меня все измѣнило свой смыслъ, значитъ, такая перемѣна возможна со всякимъ человѣкомъ, со всѣмъ въ мірѣ живымъ, и мое снѣжное единеніе и окружающіе люди не случайность, но таять въ себѣ тоже какую-то надежду...

Я пришлый, убѣжавшій отъ своего народа, человѣкъ. Но чужой и пришлый, я свидѣтельствую о неизбѣжномъ и очень важномъ. Если «свое» — стыдъ и стонъ, душа устремится къ чужому, тоже если нравственно-разумнаго общенія надо искать уже во-внѣ, — націи конецъ. Да, я здѣсь чужой, но чуждость эта не угнетаетъ. Въ ней нѣтъ той словесной, безсовѣстной близости, которая меня такъ измучила. Именно потому чуждость и влечетъ, что она обнадеживаетъ, увѣряетъ, обѣщаетъ, что я останусь человѣкомъ, и если и здѣсь никто ничѣмъ со мною не подѣлится, никому все же погибели души моей не надо. Я люблю слушать непонятный финскій говоръ, люблю своеобразный финскій обликъ: вислоухія шапки, трубки-носогрѣйки, полосатые шарфы, деревянную скульптуру неподвижныхъ лицъ... Не избѣгаю встрѣчъ съ людьми ни дома, когда къ хозяевамъ заходятъ сосѣди-мужики, ни на дорогѣ, ни въ лѣсу, радуюсь, когда узнаю, что встрѣчный — чужой; мнѣ хочется съ нимъ поздороваться, посидѣть, поговорить — я такъ цѣню теперь даже милые пустяки людскаго, мирнаго общенія. Самое стремленіе это — залогъ, что чужое съ моимъ соединимо, и надежда моя о вѣрномъ... Кто знаетъ! Быть можетъ, наступаютъ

времена Лоэнгринова очарованья... Влеченье всегда загадочно. Объ этомъ твердить отъ вѣка тайна брака. Не «свой» — чужой творить новое, крѣпчайшее единство и чувство чуждости, дали, новизны и тайны, стремлениe ихъ преодолѣть, побѣдить, надъ ними восторжествовать — условіе всякой животворной эротики. Но когда и въ какихъ людяхъ загорится это влеченіе къ чужому и неизвѣстному съ силой, которая способна творить новую общую жизнь?

Въ періодъ выздоровленія я жилъ изо дня въ день... изо дня въ день... Дни плыли бѣлые, тихіе: такъ падаютъ снѣжныя хлопья. Безтревожность о своемъ, о личномъ была бы непонятна, даже ненормальна, если бы не упованье, которое владѣло мною всецѣло. Оно у меня было воистину безпредѣльно. Лишь теперь я понимаю, что пламенная надежда — скрытое въ человѣкѣ могущество. Вѣроятно, потому я безсознательно эту силу въ себѣ, какъ святыню, и оберегалъ, все опасался, чтобы не мечта, а именно надежда во мнѣ жила, чтобы не обмануться, не обольститься иллюзіей, даже въ повседневности, чтобы не было ничего безсодержательного, пустого: ни слова, ни дѣла... Никогда еще я не былъ такимъ реалистомъ, какъ во дни надежды. Хотѣль, чтобы все было настоящимъ, полноцѣннымъ, и во мнѣ и для меня. Очень требовательнымъ къ себѣ сталъ, до суровости, до отвращенія ко всякому подобію настоящаго. Это на работѣ прежле всего сказалось.

Когда я окрѣпъ настолько, что могъ ходить безъ палки и гулять безъ утомленія, я сталъ искать заработка. Положеніе было трудное. Чужому кто поможетъ! Хозяева только переглянулись, когда я имъ про это сказалъ. Недоумѣніемъ ихъ все бы и кончилось, да тутъ Эрику случилось уѣхать по дѣламъ въ Выборгъ. Въ его отсутствіе я работу отлично справилъ и по извозу, и по дому. Хозяева очень благодарили, черезъ нѣсколькоъ дней о

чемъ-то за моей спиной пошептались, а потомъ Эрикъ нагналъ меня въ сѣняхъ. Изъ его лопотанья я понялъ, что у лавочника Адама Кохо, того, что у станціи торгуетъ бакалеей, приказчика ночью въ больницу свезли, и Кохо сегодня всѣхъ возчиковъ обѣгалъ — замѣнить приказчика просилъ. Никто не пошелъ: мѣсто временное, невыгодное. Я понялъ, что мѣсто предлагаютъ мнѣ; согласился, и на утро меня повезли на станцію. Съ этого и началось...

Работа была всегда случайная, и жить приходилось по-прежнему, у Эрика. Недѣли двѣ я торговалъ въ лавкѣ, потомъ записался въ снѣговую артель (ее спѣшно набрали желѣзнодорожное начальство для очистки заносовъ), потомъ Лассила меня къ ленсману пристроилъ, уроки французского языка дѣтямъ давать, и я ъездилъ за двѣ станціи отъ насъ ранымъ рано, еще въ темноту, въ освѣщенныхъ по-ночному и жарко натопленныхъ поѣздахъ.

Все я дѣлалъ охотно, усердно, добросовѣстно, съ посильной неутомимостью. Каждое дѣло казалось мнѣ важнымъ, живымъ, личнымъ. Зарабатывалъ я мало: не безъ того, конечно, было, чтобы люди моимъ тяжелымъ положеніемъ не пользовались.

Хозяева рѣшили сразу, что я не прежній постоялецъ: никакой работой не гнушаюсь, и моя плата имъ не прежняя, а суточная, съ вычетами — невыгодная. Не то, что дурно они ко мнѣ относились стали, а незамѣтно появилась у нихъ безцеремонная непринужденность, даже чуть панибратство: ужъ не такъ они о покоѣ моемъ заботились, и за ъдой теперь я самъ на кухню ходилъ. Такъ незамѣтно на другія рельсы отношенія наши и съѣхали. Наша одинаковая трудовая жизнь все мѣняла. Очень важно, когда люди ощутять, что у нихъ одна доля. Съ этого многое начинается...

Они любили разспрашивать о прошломъ. Развѣ могли они понять, что меня нельзя ни о чѣмъ разспра-

шивать! Не только они, но въ лавкѣ, поѣздѣ, аптекѣ, на почтѣ — всѣ съ первыхъ словъ, изъ любопытства, вѣжливости, жалости — и кто знаетъ! — можетъ быть, и злорадства. Особенно любили слушать про «ужасы», и я старался припомнить все, что могъ, про голодъ, тюрьмы и жестокіе декреты...

Когда мнѣ доводилось разговариться съ кѣмъ-нибудь о политикѣ или о мелкихъ мѣстныхъ нуждахъ (въ этой теперь заглохшой дачной мѣстности многіе говорили по-русски), я охотно обо всемъ разсуждалъ, но о своемъ, душевномъ, о русскомъ, ни съ кѣмъ никогда не говорилъ... Тутъ я молчалъ, какъ убитый. Никому я тоже не говорилъ, не могъ сказать, что жду Марію, жду неутомимо...

О ней нѣтъ вѣстей. Правда, Шоттенъ сказалъ (это были его послѣднія слова): «можетъ быть, извѣстій не будетъ долго». И я ждалъ всю зиму до Рождества, и всѣ праздники ждалъ, каждый день, со свѣтлымъ терпѣніемъ, съ великой надеждой. А все-таки...

Послѣ праздниковъ я сталъ писать нотаріусу въ Гельсингфорсъ, приставалъ, запрашивалъ, нѣтъ ли писемъ отъ Шоттена. Потомъ телефонировалъ въ Х-скій карантинный пунктъ, завѣдомо зная, что Х-скій карантинъ обслуживается не эстонскую, а финскую границу. И въ Ревель написалъ, стараясь отыскать то лицо, которое, я зналъ, имѣло сношенія съ нарвской переправой.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще приходили сомнѣнья, растерянность, душевная смутность. Правда, потомъ надежда возвращалась — чудесная свѣжесть духовнаго пространства, свобода, легкость и дѣтская вѣра, не требующая доказательствъ.

Ревель, между тѣмъ, не отзывался. Вѣжливый нотаріусъ пересталъ отвѣчать на письма. Въ карантинѣ я тоже, видимо, надоѣлъ, и мнѣ больше не выдавали справокъ о новоприбывшихъ. Наступилъ конецъ января.

И вотъ, я сталъ упрекать себя за то, что уѣхалъ. Есть

положенія, когда чужая воля, даже добрая, не доводъ, и когда любви дается верховное право рѣшенья. Я слишкомъ легко согласился. Надо было испытать подпольный путь, хоть попробовать устроиться въ провинціи на нелегальномъ положеніи. Я начиналъ безпощадно обличать себя. Встревоженная сомнѣніемъ совѣсть извращала истину событий. «Всѣ сроки миновали... А если терпѣніе мое безсмысленно и малодушно, если надо вернуться въ Ревель и оттуда дѣйствовать?..» Эти мысли не давали покоя.

Послѣ праздниковъ я потерялъ урокъ у ленсмана. Деньги были на исходѣ. Хозяева безжалостно-расчетливо давали понять, что даромъ держать они меня не могутъ. Лассила, къ которому я бросился за совѣтомъ, гдѣ бы занять немного денегъ на поѣздку въ Ревель, только побагровѣлъ, задышалъ глубоко и рѣдко и что-то невразумительно пробормоталъ. Съ тѣхъ поръ, пролетая на санкахъ мимо меня, пѣшаго на краю дороги, онъ притворялся, что задумался и никого не видитъ.

Что дѣлать? Къ кому обратиться?

Съ той минуты, когда я, цѣпляясь въ темнотѣ за мокрые кусты, побѣжалъ къ полуосвѣщенной дачѣ, Марія всегда была со мною. Но теперь наступили дни, когда нашу нераздѣльность я сознавалъ такъ живо и мучительно, что, казалось — жить дольше въ разлукѣ нельзя, надо дѣйствовать, во имя моей надежды надо что-то предпринять. Въ растерянности и смятѣніи, не зная, какъ совладать съ собою, я не то что Богу ее отдавалъ, — ахъ, нѣтъ, дарованного я бы ни за что и Богу не отдалъ! — но я умолялъ спасти Марію, я убѣждалъ, я настаивалъ, я требовалъ... Я говорилъ, что она мое спасеніе, и справедливость, самая простая человѣческая справедливость, — чтобы ей спасти. Я не представлялъ себѣ, что душа въ безпомощности, въ тѣснотѣ, безвыходности житейскихъ затрудненій съ такой силой можетъ устремляться къ непосильно-желанному! Случалось мнѣ обра-

щаться съ мольбою не только къ небу въ неутомимой моей вѣрѣ, но съ наивнымъ дерзновеніемъ, какъ дитя, склонное къ выдумкѣ, я умолялъ солнце, снѣгъ, деревья, голубей у булочной, взъерошенныхъ лошадей на станціонной площади, обитателей нашихъ сѣней — всѣхъ умолялъ помочь, если что-либо въ тайнѣ нашихъ человѣческихъ свершений они могутъ... Я не раздумывалъ, могутъ они или не могутъ, я хотѣлъ, чтобы они могли, чтобы въ своей отдаленности отъ насть, чуждости нашему естеству, по-своему, по собственнымъ возможностямъ, они бы помогли. Тутъ всякий хлопочекъ снѣга что-то значилъ, или я хотѣлъ, чтобы въ немъ, неодушевленномъ, открылась благая одушевленность. Я Марію Богу и міру поручалъ, къ заступленію призывалъ, круговой порукой спасенія свя-заться хотѣлъ...

Была ли это просто экстатическая напряженность души, коренилось ли это въ сокровенной религіозной истинѣ о вещномъ мірѣ — развѣ я зналъ, развѣ я обѣ этомъ думалъ?

Тревога моя разгоралась все сильнѣе, какъ на вѣтру — костеръ.

Теперь я уже раза по два на дню на почту бѣгалъ, все спрашивалъ: нѣтъ ли письма? нѣтъ ли письма? Наконецъ, послалъ тревожную телеграмму въ Ревель. Дней черезъ пять пришелъ отвѣтъ, краткій, невразумительный. Минѣ давали понять, что запрашивать бесполезно: эстонская переправа закрыта еще мѣсяцъ тому назадъ «вслѣдствіе весьма неблагопріятныхъ обстоятельствъ». Какихъ обстоятельствъ? Это была уже не неудача, а несчастье. «Неблагопріятныя обстоятельства» могли свидѣтельствовать лишь о томъ, что съ шоттеновской организаціей не-благополучно...

Рѣдко бѣда приходитъ одна. Когда я, усталый и полу-больной, дотащился въ тотъ день до почты (минѣ нездѣровилось съ утра) и, замирая отъ волненія, дочитывалъ

письмо, тутъ же въ почтовомъ отдѣлени, въ углу на лав-кѣ, меня поманилъ чиновникъ къ окошечку, велѣлъ рас-писаться въ толстой какой-то книгѣ и вручилъ повѣстку.

Заголовокъ и штемпеля В...скаго полицейскаго управ-ленія — нѣсколько словъ: мнѣ нужно явиться къ началь-нику В...ской полиціи и представить свои бумаги.

Что случилось? Почему бумаги понадобились? Я со-поставилъ отказъ ленсмана въ урокахъ съ вызовомъ въ полицію — и ужаснулся... Сомнѣнья не было — предсто-яла непріятность, не то изъ-за бумагъ, не то по сообра-женіямъ полицейскаго самоуправства.

Бываютъ въ жизни такія безспорныя несчастья, что никакое религіозное осмысливанье снять съ плечъ тяже-сти ихъ не можетъ. Я брель домой по лѣсу, засунувъ руки въ карманы, нахлобучивъ шапку. Густо падаль снѣгъ, мел-кій, мягкий, заметая по маковки придорожная низенькая елки. Въ душѣ была пустота — не смятенье, не отчаянье, не умное сопротивленіе бѣдѣ, а именно та пустота, когда человѣкъ теряетъ душевныя силы, не можетъ, не знаетъ, какъ дѣйствовать. Вѣроятно, соотвѣтствовало это физи-ческому состоянію. Мое недомоганіе усилилось. Знобило, голова пылала, болѣло горло. Если бы люди знали, какъ благостна иногда болѣзнь!

Въ домѣ нашемъ — тишина. Эрикъ уѣхалъ въ куз-ницу, на ту сторону озера, — вернется лишь къ ужину. Айна кроить на кухнѣ. Озябшій, вволю набѣгавшійся Вур-ти уснуль подъ лѣстницей и, въ энакъ привѣтствія, чуть пошевелилъ хвостомъ.

Я легъ не раздѣваясь, накрылся пледомъ и мѣховой курткой. Айна растопила печку и принесла горячаго мо-лока.

Лежу въ полуснѣ. Въ ушахъ шумъ, въ головѣ пута-ница... Заставляю себя думать, силюсь разсуждать, про-сто понять мое ужасное положеніе, но мысли гаснутъ и, прежде чѣмъ я успѣваю ихъ связать, онѣ уже исчезли.

Опять вынуждены вынуждены вьются нелёгкие клоочки воспоминаний... Мещанский Барановичи — наш госпиталь. Хочу найти выход, мечусь, ищу, спешу... Но палатам ныть конца. Не только впереди, но и позади меня, въ обѣ стороны, ныть! во всѣ стороны мучительно длинные ряды постелей... Это ужъ не госпиталь, а какая-то невиданная гигантская больница, — цѣлый городъ, набитый койками. Ихъ тысячи... тысячи... И всюду больные — больные — больные... Стоить удушающая, удручающая жара людского скопища, стелется жаркий, желтый туманъ. Горячій паръ влагой осьдаетъ на лбу, на волосахъ, пропитываетъ одежду. Сердце молоткомъ стучитъ въ груди и замираетъ. За шумомъ въ ушахъ едва уловимое «пиччикато» далекаго оркестра...

Я въ забытьи, въ полуобреду — и очень усталъ, мнѣ трудно поднять вѣки.

Скрипнула дверь, кто-то вошелъ... Старуха! Господи, она и есть — Карповна! И какъ тепло закутана... въ чемъ-то лисьемъ, тепломъ. Вошла — и прямо къ кровати, на табуретку. Скрестила руки, молча смотритъ на меня.

«Что ей надо? Да что же ей надо?.. У ней на кухнѣ темно, а у меня лампа...», съ трудомъ соображаю я. «Не было лампы... керосина у ней не было, потому и лампы не было...»

— Возьмите лампу! — кричу я.

Она отрицательно качаетъ головой.

— Пожалуйста, возьмите... — умоляюще повторяю я. Она не двигается.

— Я вамъ отнесу, я вамъ отдамъ ее!

Я вскакиваю, сажусь на постели, оглядываю комнату — никого...

«Старухи не было... это бредъ», соображаю я.

Мягко и ровно разливается ламповый свѣтъ, въ печи дрова давно уже прогорѣли, изъ четырехугольной красной пасты струится тепло. Дверь плотно затворена. Подъ окномъ неистовый собачий лай и бубенцы...

«Эрикъ отъ кузнеца вернулся... Сейчасъ ужинъ, сейчасъ часовъ восемь... Но почему внизу голоса... много голосовъ? Вурти лаетъ уже въ съняхъ... Шарканье ногъ, хлопанье дверями... Что случилось? Мое имя... Меня? Господи, что это? Кто это?!.. И вдругъ — восклицанье, такое явственное, такое звонкое!.. И легкіе шаги быстро вверхъ по лѣстницѣ...

Я вскакиваю, хочу кинуться навстѣчу — все шатается и плыветъ передъ глазами, сердце замерло и дыханье остановилось. Ощущеніе горячаго блистательнаго свѣта! Изъ глубины сердца, поднимаясь все выше и выше, разливается во мнѣ свѣтомъ блещущая, легкая волна... Она наплываетъ, накрываетъ меня съ головой — и безъ со-противленія, безъ ужаса передъ неизвѣданнымъ, въ не-вообразимо-блаженной радости, я тону, я погибаю въ этомъ странномъ, чудномъ свѣтѣ и на мгновеніе теряю сознанье...

Марія Федоровна стоитъ на порогѣ вся въ снѣгу, въ сіяющихъ снѣжныхъ искрахъ.....

ГЛАВА XXV.

Моя болѣзнь, бурная, но краткая (черезъ три дня я уже былъ совсѣмъ здоровъ), мгновенно низвела восторгъ нашей встрѣчи до самаго обыкновеннаго, житейскаго дѣла — до хлопотливыхъ заботъ Маріи Федоровны обо мнѣ. Суeta, переговоры, бѣготня по лѣстницѣ, пріѣздъ Лас-силы (за нимъ Марія Федоровна послала Эрика), лихорадочная путаница моихъ разспросовъ, душъ негосильная, почти мучительная, радость, — вотъ все, что я помню объ этой ночи. Но и въ этой сумятицѣ я успѣлъ понять, что Марія Федоровна перешла финляндскую границу не одна, а вмѣстѣ съ Шоттеномъ, что эстонская организація стала распадаться вскорѣ послѣ моего отъѣзда, погибла окончательно на Рождествѣ, когда попались бѣглецы съ подложными пропусками; Шоттен спасло отъ неминуемой гибели былое его шведское подданство, заступленіе одного изъ консуловъ, а въ сущности — то, что соучастіе осталось недоказаннымъ. Узналь я, что грозный вызовъ въ Выборгъ имѣлъ цѣлью лишь облегчить встрѣчу съ Маріей Федоровной. Не получая отвѣта отъ Гармоніуса, Шоттенъ запросилъ полицію, которая, отъ большой добросовѣстности, желая удостовѣриться въ правильности выданной справки, вызывала меня въ Выборгъ. Тамъ я узналь бы о поводѣ причиненнаго беспокойства и получилъ бы пропускъ въ карантинъ. Однако, Марія Федоровна моего пріѣзда не дождалась и, зная адресъ, выпросила разрѣшеніе у мѣстной власти покинуть карантинъ досрочно. Съ трудомъ

удалось ей найти на станции возницу къ намъ на озеро: было темно, поздно, очень снѣжно, и везти четыре километра лѣсомъ никто сперва не соглашался. Вотъ почему встрѣча наша была такой чудесной неожиданностью. Но именно неожиданность и моя болѣнь сразу создали небывалую простоту общенія, которую знаетъ лишь давняя близость, а также нежеланіе ни скрывать отъ людей, ни подчеркивать всю необыкновенность нашихъ отношеній. Хозяева пошептались-пошептались и, что-то смекнувъ, принялись проворно выносить изъ соседней комнаты сложенную тамъ рухлядь и втаскивать все нужное Маріи Федоровнѣ для ночлега.

Я проснулся поздно. Былъ тихій день, одинъ изъ тѣхъ тишинышихъ, что наступаетъ вслѣдъ за метелью. Въ комнатѣ было бѣло отъ навалившаго на подоконники снѣга, и пахло свѣжестью. Первое, что я увидѣлъ, — пріоткрыту дверь и Марію Федоровну, повязанную бѣлымъ платкомъ, въ ярко-красномъ клѣтчатомъ Айниномъ передникѣ. Въ соседней комнатѣ она подметала поль. За ея спиной топилась печка, бросая розовый отсвѣтъ на метлу и платье.

Еще ночью я замѣтилъ, что Марія Федоровна измѣнилась. Внѣшне была моложавѣе, крѣпче физически, чѣмъ въ павловскіе дни; новымъ были — несвойственная ей мягкость, почти материнская ласковость, съ которой она ночью говорила со мной, и та простота и увѣренность, съ которой разговаривала съ хозяевами, съ Лассила.

Упокойительная тишина обступала дачу. Вдали мягко и монотонно жужжала кофейная мельница, вблизи равномерно шелестѣла метла...

Такъ вотъ оно дѣтское счастье укрѣности, мирнаго отдохновенія!

— Ты не спиши?

Марія Федоровна присѣла на край постели.

— Я ночью испугалъ тебя?

— Я сперва, правда, очень испугалась, но докторъ сказалъ... Тебѣ лучше?

— Минѣ хорошо сейчасъ... Подъ утро я крѣпко заснуль. Ты меня о чѣмъ-то спрашиваешь, а я, помнишь, ужъ и не отвѣчаю, не могу отвѣтить... Но не будемъ о болѣзни, не надо обѣ этомъ... Я ночью на тебя смотрѣла, — приподы-
маясь на локтѣ, чтобы лучше ее видѣть, продолжалъ я,
— вѣ тебѣ что-то, чего я не знаю.

— Ты не знаешь многаго, Алеша, — тихо сказала она. — Эти мѣсяцы были очень трудные, очень... И тебя не было, но это еще не все...

— Тебѣ и материально, бѣдной, было трудно?

— И это тоже. Хуже всего было, когда тебя искали, а я вѣ сторожкѣ жила, и вѣ колоніи было трудно, а по-
томъ Наташа съ мужемъ отъ семьи уѣхала — на фабрикѣ поселились и меня взяли, я Исаака нянчила... — и Марія Федоровна, вспомнивъ что-то смѣшное, съ улыбкой по-
качала головой, — это было, пожалуй, самое трудное.

— А что Наташа?

— Какая чистая, какая свѣтлая дѣвочка! Вѣ ней такъ много неизжитой еще любви, и жертвовать собой она умѣеть. Кто могъ это думать! Мы разстались, но мы встрѣтимся, дали другъ другу слово, чтобы постараться встрѣтиться. Она имѣеть вліяніе на Моисея, думаю, —
уговорить его... Но разскажи сперва о себѣ все, все раз-
скажи.

— Я ждалъ тебя, — взволнованно заговорилъ я, —
такъ странно... зналъ, вѣрилъ непоколебимо, что ты при-
ѣдешь, а нѣтъ-нѣтъ и сомнѣваюсь.

— Наши души слабы, Алеша, и такъ не готовы еще для
жизни, которая начинается.

— Это вѣрно, вѣрно ты сказала: «начинается». Минѣ

кажется, что только сейчасъ настоящеъ для меня нача-
лось, и я только здѣсь, на чужбинѣ, самъ собою впервые
сталъ... становлюсь.

— На чужбинѣ? — переспросила Марія Федоровна.

— Да, на чужбинѣ. Это неправда, что чужого нѣтъ,
и гдѣ мнѣ хорошо, тамъ и отчество. (Я вспомнилъ пись-
мо Федора Федоровича). Можетъ быть, за всю жизнь впервые
я себя русскимъ только здѣсь ощущилъ, потому и
чужое такъ чутко чувствую. Не знаю, какъ тебѣ это объ-
яснить... Я не то, что къ чужому отъ себя уйти хочу, но
душа къ нему повернута, всему открыта. Я знаю, что чу-
жихъ я сужу по-русски, и если ихъ полюблю, такъ тоже
по-своему...

— Ты это только здѣсь понялъ? — задумчиво про-
говорила Марія Федоровна.

— Я тамъ понималъ одно: свое — зло и грѣхъ, и по-
тому свое уже не свое, но и не чужое, а ничто!

— Тамъ остались люди съ такою же душою, какъ
твоя, — сказала Марія Федоровна. — Мы съ Наташой и
съ Шоттеномъ среди такихъ людей бывали. Они знаютъ,
что новое для всѣхъ настѣ началось...

— Что? Что началось? Ты все про что-то новое го-
воришь, — взволнованно перебилъ я.

— Объединеніе, текучее, невидимое и неуловимое
для власти, для всякой отнынѣ государственной власти,
тамъ ли, здѣсь ли... Русскую святыню мы въ полной сво-
бодѣ спасти и хранить должны, Алеша, вѣдь это все, что
у насъ осталось...

— А «синайцы» вѣрили, что всю страну спасутъ...

— вспомнилъ я.

— Имъ съ этой мечтой не разстаться, они погибнуть
за нее готовы. Они терпятъ сейчасъ большую нужду, и
преслѣдованія начались. Имъ очень трудно. Юрій писаль,
и Марія Францевна пріѣзжала, рассказывала. Юрій всег-
да вспоминалъ тебя, и знаешь, что онъ говорилъ? «Мнѣ

было съ нимъ почему-то всегда себя стыдно, — онъ такой — онъ все простить». И правда, твоя молчаливость... твоя задумчивая кротость... А вотъ, Настасья Прокофьевна съ мечтой своей разсталась... — печально проговорила Марія Федоровна и опустила глаза.

Я сразу понялъ про Константина Андреевича.

— Ихъ было двадцать восемь, — тихо, не подымая рѣчи, говорила Марія Федоровна, — былъ судъ... К какой судь! Просто приговорили... Въ первыхъ числахъ ноября. Вывезли на полигонъ... кто-то изъ конвойныхъ рассказалъ... Съ Константиномъ Андреевичемъ съ особой жестокостью... не съ первого залпа...

— А Настасья Прокофьевна?

— Ушла въ лѣса, къ себѣ, за Волгу, въ скитъ, должно быть... Надя писала. Послѣ нашего отъѣзда она къ Ловчинымъ иногда навѣдывалась. Сначала думали, что Настасья Прокофьевна не выживетъ. Нѣть, выжила. Думали: ну, ничего, можетъ быть, съ утратой примирилась, но не примирилась... И развѣ такая примирится! Какъ-то рано утромъ исчезла. Сосѣдка-телефонистка возвращалась съ дежурства, у воротъ встрѣтила, сперва ее и не узнала. Старуха деревенская: тулупъ, клюка, мѣшокъ за плечами... Окликнула ее, а Настасья Прокофьевна не велѣла никому сказывать, что встрѣтились. «Ухожу отъ всѣхъ въ лѣса дальниe...» Только и сказала. Такъ мнѣ Надя Обручева написала. Помнишь, какъ мы у нихъ жили? Они были такъ добры ко мнѣ!

— И ко мнѣ тоже... Когда я къ нимъ съ вокзала пришелъ, — какъ родного, приняли, помогли, обласкали...

И мы стали припоминать все доброе, что только могли припомнить: великолѣпные поступки, суждения, привычки, мелочи... Мы окружали ихъ память благоговѣніемъ, говорили какъ о праведникахъ. Не потому ли отозвались мы горячо на чужое страданье, что другъ другу въ то утро такъ радовались?

Бѣлое озеро за окномъ, бѣлое надъ нимъ, ровное небо, синѣжные лѣса, убѣгающіе въ свѣтлую дали, зеленая вѣтка, прильнувшая къ стеклу... Чудесная чистота зими! Она напоминала о счастлии чистоты совѣсти, о жизни безъ принужденія ко грѣху, безъ вымученного на грѣхъ согласія, о жизни, свободной отъ власти зла, спасенной отъ «напрасной смерти». Вѣроятно, думали мы объ однѣмъ, потому что, когда глаза наши встрѣтились, — мы вновь поняли, что «вмѣстѣ» и что спасены для невѣдомой намъ, очень, быть можетъ, трудной, но свѣтлой и новой жизни. Мы молча, крѣпко обнялись и поцѣловали другъ другу руки...

— Въ тебѣ, Марія, какая-то увѣренность, точно ты чѣмъ-то овладѣла, чѣмъ-то сильна...

— Сила въ насъ одна, Алеша, — просто проговорила Марія Федоровна, — только я вѣрю теперь вѣрой новой... Это ты и почувствовалъ. Я не думала, не знала, что такая вѣра бываетъ. Это не одна увѣренность, что Богъ есть. Теперь я знаю, что вѣра открываетъ тайный смыслъ жизни, и онъ — во всемъ и во мнѣ тоже.

— Итакъ, будто, это откровеніе тебѣ одной! — перебилъ я, вспомнивъ свою отъ всего отъединенность, значенія которой я до сихъ поръ не зналъ. — Иногда книжку такъ читаешь: чужое твоимъ дѣлается, и самъ потомъ не прежній.

— Шоттенъ часто говорить: «Жизнь человѣка — Священное Писаніе». Знаешь, Алеша, мы нашли необыкновенаго человѣка, — вдругъ съ живостью проговорила Марія Федоровна.

— Пастора?

— Шоттенъ не пасторъ больше.

— Какъ больше не пасторъ? — и я отъ удивленья даже поднялся съ подушекъ.

— Онъ не хочетъ, не можетъ больше учительствовать. Война его религіозный покой смутила, а русскій ужасъ совѣтъ его отнялъ. Шоттенъ не то что себя въ чемъ-то винитъ, нѣтъ, онъ себя не винить, но отъ себя иного отнынѣ требуетъ — свидѣтельства не словами, а жизнью. Онъ не можетъ примириться съ судьбой нашей вѣры — и правда! Подумай, двѣ тысячи лѣтъ богослуженій, проповѣдей, обличеній, таинствъ, пѣснопѣній, «добрая дѣла»... Двѣ тысячи лѣтъ! И все по старому, все по старому... точно «оттуда» никто не приходилъ и «Вѣсти» не было. Шоттенъ всю жизнь былъ пасторомъ, въ одной нашей колоніи, въ Россіи, десять лѣтъ, и какъ добросовѣстно трудился! Какъ усердно! до послѣднихъ дней... И никого не осталось, никого! Нѣсколько стариковъ и старухъ, и то, кажется, по привычкѣ къ воскресной проповѣди.

— Но почему? Почему? — воскликнулъ я смутясь, что этими вопросомъ не мучился.

— Потому что въ Него вѣрять, но Его не любять. Его чтутъ, поклоненіемъ окружаютъ, — тихо, съ убѣжденіемъ заговорила она. — О Немъ спорять, Его изучаютъ, каждое Его слово ученые толкуютъ, и все люди о Немъ говорятъ-говорятъ и пишутъ-пишутъ... а жизнь по прежнему, такъ ужасна, такъ темна....

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Если бы любили, тогда не только поклонялись бы Ему въ храмахъ, изучали въ библіотекахъ, спорили о Немъ въ аудиторіяхъ, но и жили съ Нимъ въ единствѣ жизни, какъ Онъ заповѣдалъ...

— Мы не одни съ тобой обѣ этомъ... — тихо проговорила Марія Федоровна. — Шоттенъ слышалъ, что сейчасъ въ разныхъ концахъ міра возникаетъ среди вѣрующихъ томленіе о живой близости съ Нимъ, о жизни новой, по вѣрѣ, — о Его Царствѣ... Но, чтобы признать и

познать Еgo Царемъ, нужна вѣра новая, такая вѣра, когда чувство Бога неотъемлемо, уже нераздѣлимо съ самой ощущимостью жизни.

— Ты вѣруешь такою вѣрой?

— Да, Алеша, вѣрую...

Этотъ день былъ самымъ безтревожно-легкимъ, несмотря на долгія, волнующія бесѣды.

Что мнѣ вообще сказать о дальнѣйшихъ финскихъ дняхъ? Я называю ихъ днями «тайнъ» — иначе мнѣ не опредѣлить движеній души, которая вошли въ мою жизнь съ прѣздомъ Маріи Федоровны. Какъ тогда, послѣ Москвы, она опять душу встревожила, пробудила волю къ дѣйствію, къ познанію, къ разлитію себя во внѣ, и живая память о прошломъ, и взволнованное чувство жизни. И опять мнѣ было и трудно, и отрадно.

Сначала мы ждали Шоттена, но онъ проѣхалъ изъ карантина прямо въ Гельсингфорсъ, чтобы отыскать вліятельныхъ лицъ, которые помогли бы въ хлопотахъ о нашихъ шведскихъ визахъ. Нашъ отѣздъ въ Швецію рѣшился самъ собою, съ той неизбѣжностью, когда рѣшеніе единственно-желанное оказывается и единственно-возможнымъ. Шоттенъ расчитывалъ, благодаря друзьямъ, издать тамъ книжку «Великій Исходъ», — свою исповѣдь, которую тайно писалъ еще въ Россіи; въ Швеціи же надѣялся онъ найти для нась всѣхъ на первое время работу и пристанище.

Наше материальное положеніе было шатко. Мой заработокъ былъ такъ ничтоженъ, такъ случаенъ! Мы понимали, что наше будущее неизвѣстно, какъ неизвѣстно рыбачьему паруснику, что его ждетъ въ открытомъ морѣ.

Федоръ Федоровичъ, узнавъ о прѣздѣ сестры, отозвался поспѣшно, прислалъ денегъ (хотя упомянулъ, что взялъ ихъ для нея въ долгъ), приглашалъ, уговаривалъ,

настаивалъ, чтобы она тотчасъ жеѣхала въ Италію, въ семью безгранично преданной ему лэди Макъ-Ли. Въ этомъ онъ видѣлъ единственный способъ помочь сестрѣ материально и надѣялся, что она благоразумно имъ воспользуется. Сквозь строки письма проступало, однако, искусно спрятанное прежнее разочарованіе и горечь неправимыхъ отношеній; тутъ же въ *post scriptum* нѣсколько мягкихъ покровительственно-холодныхъ словъ обо мнѣ.

Марія Федоровна отвѣтила ему съ сердечной теплотой: благодарила, умоляла о встрѣчѣ по возвращенію его въ Англію, но приглашеніе и попеченіе о себѣ отклонила.

«Мою судьбу рѣшили испытанія послѣднихъ лѣтъ, — писала она. — Въ патріотизмѣ своемъ я не раскаиваюсь. Въ русскомъ разгромѣ я обрѣла сознаніе новаго, вѣнтионального гражданства. Я не знаю ближайшаго моего будущаго, знаю одно: какъ бы оно ни сложилось, это будетъ служеніе Грядущему Царю. Всякій, кто Ему вѣренъ, т. е. служить вѣрой и любовью, все равно, среди какого народа и на путяхъ какой церкви, — мнѣ соотечественникъ и братъ. Надо было погибнуть такъ горестно, какъ мы погибли, чтобы ожило опять въ памяти, въ предѣльной глубинѣ нашей древней вѣры, обѣтованіе о подлинномъ святомъ отечествѣ, о священной основѣ всѣхъ людскихъ объединеній».

Изъ Италіи послѣдовалъ отвѣтъ — длинная цѣпь разсужденій о «безсиліи религіознаго энтузіазма, безыдейно-эмоціонально настроенной воли, о раскольничѣй психологии»... Письмо походило на тончайшую паутину, сѣрой нѣжностью опутывающую строки Маріи Федоровны.

Прочитавъ его и перечитавъ, она грустно задумалась, сложила письмо и бросила въ огонь.

— Разсужденіями правды не скрыть. Прежней любовью Федя меня разлюбилъ, а новой никогда не полюбитъ... — съ болью сказала она.

— Онъ тобой гордился, ты была его «славой и че-

стью», ему этого не позабыть, — вспомнивъ безоблачную нашу дружбу съ Володей, пояснилъ я.

— Что же, онъ правъ... — задумчиво сказала она. — Всякая любовь безъ любованья, безъ славы — какое для сердца томлени! Вмѣсто восхищенія — прощеніе, терпѣніе, милость... Христу, навѣрно, хотѣлось тоже любить «своихъ» съ ликующей радостью, и это настало, когда пришли дѣянья. Конечно, любовь все простить, но повѣрь мнѣ, Алеша, она любить любить въ ликованіи... Федя хочетъ, чтобы я стала прежней, той, которую онъ по образу и по подобію своему создать желалъ, и онъ въ отчаяніи, что никогда меня такою не увидитъ.

Я слушалъ Марію Федоровну и недоумѣвала: то, что она говорила о любви прославленной, о тайнѣ «спожвалы», я, будто, давнымъ давно уже слыхаляръ, когда то знать, чуялъ, что она бываетъ, и чаялъ, что такой ее познаю. Теперь нерѣдко случалось: Марія Федоровна что то важное, лишь мною забытое, мнѣ напоминала. Не знаю, отчего это происходило, отъ любви ли, или отъ крѣпкой, адамантовой вѣры нашей, къ одному познанію ведущей.

Прежней любви, которую вновь и вновь чувствовать въ себѣ хочется, потому что чувство это — улада, теперь, какъ будто, и не было. Она перестала быть новой, вѣнчнай, слилась съ душой такъ, какъ слита жизнь съ дыханіемъ, которое мы потому и не замѣчаемъ, что безъ него нѣть жизни.

Къ Шоттену я тоже относился теперь по иному: не такъ, какъ въ Павловскѣ — безлико, безпамятно, со скользящимъ невниманіемъ. Теперь онъ меня интересовалъ, волновалъ, я любилъ говорить о немъ. «У меня нѣть сомнѣнья», писалъ мнѣ Шоттенъ, «въ васъ и въ ней (въ Маріи Федоровнѣ) одно пламя и, вѣрите, я вамъ слуга и братъ». Я понималъ, что хочу нашего сближенія не только потому, что онъ въ меня вѣритъ, но и потому, что онъ насытъ своей вѣрой воодушевляеть. Писалъ онъ часто. Ино-

гда короткія дѣловыя письма, иногда длинныя, задушевные, преисполненные вдумчивой заботой, живой заинтересованностью, точно каждый изъ насъ единственный неоцѣнимо-нужный ему человѣкъ. Онъ убѣждалъ, упрашивалъ меня использовать досугъ и написать воспоминанія (они и послужили черновикомъ этихъ записей), присыпалъ намъ книги ,журналы, газеты; писалъ о себѣ откровенно, не скрывая, что отнынѣ покинутъ многими друзьями, предчувствуя новыя испытанія и все же не сомнѣваясь въ общей нашей правдѣ. Впослѣдствіи я понялъ, что внимательная, сердечная сосредоточенность человѣка на душѣ и судьбѣ другого, умная и ласковая взглядчивость, — зерно, изъ которого выростаетъ подлинное общеніе любви.

Въ этотъ годъ зима была не лютая, но долгая. Въ началѣ марта лѣса стояли еще зимніе: глухіе, суровые, сугробные... Лишь къ концу мѣсяца подули мягкіе, влажные вѣтры со взморья, по весеннему заиграло солнце и началася разгромъ зимы. Тишины не было больше. Всюду журчало, капало, струилось; снѣгъ потемнѣлъ, осѣли сугробы, на размякшей, черной дорогѣ блестѣли рогатыя, зеркально-голубыя лужи. Въ домѣ стало свѣжо и солнечно, но еще грязнѣе въ сѣняхъ и на лѣстницахъ отъ мокрыхъ сапогъ. Айна развѣсила на крылечкѣ свои блошиныя половики, колотила ихъ съ хозяйственнымъ остервенѣніемъ; Эрикъ выкатилъ на дворъ телѣгу, долго кряхтѣлъ надъ ней, прилаживая недостающія гайки, потомъ махнулъ рукой и поѣхалъ въ кооперативъ за новой осью. Фабричнымъ возвышкамъ путь теперь лежалъ берегомъ, въ обѣзѣдѣ, ми-нуя насъ, и на почту приходилось ходить по водѣ и грязи.

Отѣзда мы ждали съ недѣли на недѣлю: хлопоты съ визами затягивались. Шведы медлили, требовали рекомендаций и гарантій. Шоттену приходилось отыскивать почтенныхъ лицъ, на гарантіи согласныхъ, но ихъ то долго онъ и не могъ найти. И все же мы были увѣрены, что уѣдемъ. Въ нашемъ приготовленіи къ новой жизни была

рѣшимость, которую ничто поколебать не можетъ. Мы знали, что придется трудиться, искать посильного, а можетъ быть, и непосильного заработка, безъ возможности избрать профессію, и — кто знаетъ! — временами не имѣть его вовсе...

Но странно; материальная сторона не то, что нась не интересовала, — нѣть, намъ приходилось обсуждать ее, заботиться даже о житейскихъ мелочахъ, а души она не волновала. Главное было въ нась и между нами. Особой духовной восхищенности, небесности или болтливой религіозной суеты вокругъ своихъ душъ тоже не было. Какъ Айна заботливо трясла половики, а Эрикъ чинилъ телѣгу, мы просто и серьезно принимали повседневность нашего беспомощно-безгражданственного существованія. Только Его при этомъ мы никогда не забывали. Говорили о Немъ рѣдко, но всегда съ трепетомъ любви; о Немъ не спорили, Его не обсуждали, боялись, какъ и прежде, словъ, ихъ тяжести, ихъ несовершенства. Но порою, глубокой ночью или въ разсвѣтно-свѣтлѣющій часъ, когда надъ озеромъ начинала розовѣть даль, мы будили другъ друга, чтобы въ тишинѣ, сознавая великое наше русское одиночество въ огромномъ равнодушномъ мірѣ, вновь пережить — и теперь уже вмѣстѣ — тѣ далекія минуты, когда, бывало, по ночамъ я слышалъ за стѣной шелестъ, то страницъ, то платья въ углу передъ образомъ Богоматери...

Визы пришли въ половинѣ мая. Ихъ привезъ Эрикъ съ почты вмѣстѣ съ пакетомъ великолѣпныхъ огородныхъ сѣмянъ, которыхъ мы выписали въ подарокъ хозяевамъ. Шоттенъ писалъ, что медлить нельзя: надо воспользоваться льготными билетами на пароходъ, который отходить черезъ два дня. Сборы были не сложны. Развѣ трудно увязать жалкія пожитки!

Разставались мы съ нашимъ лѣснымъ заточеніемъ съ грустью. Съ нимъ было связано то памятное, что не за-

быть вовѣкъ. А не забыть человѣку, когда ему открылось самое важное, опредѣлившее всю его судьбу.

Здѣсь я созналъ ясно, что предстоитъ жить съ душою русской въ нерусскомъ мірѣ, бездомнымъ среди домовитости, бѣднымъ труженикомъ, нигдѣ нежеланнымъ пришельцемъ, и съ душою, изъ которой уже исчезло живое ощущеніе своей земли... Зато, благодаря утратѣ, мнѣ открылся смыслъ отечества, — мудрый опытъ: какое благо жить людямъ вмѣстѣ. Въ человѣкѣ глубокая потребность обогащаться переживаниями окружающихъ. Нашему «я» тѣсно въ предѣлахъ личной жизни. Горе отечеству, если оно не даетъ человѣку свободы роста, или если отъ общенія съ соотечественниками онъ дикаетъ, истощается, не приобрѣтаетъ доблестей, а теряетъ совѣсть, не возвышается духомъ, а вянетъ въ похотяхъ! Тогда могучая сила воздѣйствія превращается въ пагубу.

«Когда увидите мерзость запустѣнія на святомъ мѣстѣ... да бѣгутъ въ горы...»

Мои «горы» — иное объединеніе, иная совмѣстность. Я не мѣняю землю на землю, народъ на народъ. Я не могу перестать быть русскимъ, тутъ нѣтъ ни измѣны, ни замѣны, ни подмѣны. Но отечество для меня не идолъ сердца. Мнѣ открылось новое человѣческое «вмѣстѣ» — всегда живой, всегда личный, вольный и святой союзъ любви — и отечественная гражданская русская общность уже не предѣль моихъ желаній...

Мы уѣзжали утромъ въ ясный день. Солнце взошло, но еще стоялъ въ лѣсу легкій туманъ, и по ночному пахло сыростью, когда поутру я отворилъ окно. Марія Федоровна уже проснулась. Мы спѣшили на утренній курьерскій поѣздъ, чтобы попасть въ Гельсингфорсѣ прямо на пароходъ.

Въ послѣдній разъ слышалъ я знакомые звуки нашей дачи: пѣтуха, собачій лай, трескъ плиты, скрипъ половицъ, лѣловитое покрикиванье Айны на мужа, запрягаю-

щаго лошадь. Два раза она прибѣгала нась торопить:ѣхать прямой дорогой нельзя — дорогу чинять, а кружной вотъ-вотъ опоздаемъ.

Когда таратайка стояла уже у воротъ и хмурый нашъ хозяинъ заботливо укладывалъ въ нее вещи, а Марія Федоровна прощалась съ разчувствовавшейся, сморкающейся Айной, — я вернулся, однимъ духомъ бѣжалъ по лѣстницѣ, хотѣлъ еще разъ взглянуть на бѣдный уголъ, гдѣ мы жили.

Жалкія, рваныя занавѣски на окнахъ, щербатый поль, слянившіе отъ сырости, сѣрые обои, двери безъ замковъ, бѣдная мебелишка... Сколько такихъ убогихъ клѣтушекъ, ржавыхъ умывальниковъ, грязныхъ занавѣсокъ, чужихъ матрацовъ и одѣялъ у нась впереди? Можетъ быть, отънынѣ такъ всю жизнь? Можетъ быть, иного и не будетъ? Но если будетъ въ нась то, что было здѣсь, ничего не страшно, даже если и хуже этого, если и совсѣмъ худо...

Эти мысли — одно мгновеніе. Я уже бѣжалъ къ воротамъ. Меня ждали.

Айна опять замигала бѣлыми рѣсницами.

— Прощайте, Айна, — торопливо проговорилъ я. — Я такъ вамъ благодаренъ и Эрику тоже, за все, за все... Намъ было у васъ такъ хорошо!

Она неловко сунула мнѣ руку.

— Частливъ путь... частливъ путь... — повторяла она, и почтительно кланялась, отступая къ калиткѣ.

Эрикъ натянулъ вожжи, и маленький рыжій конь, фыркая и развѣвава гравиву, помчался по узкой лѣсной дорогѣ.

Солнце стояло уже высоко, мягкимъ серебристымъ свѣтомъ освѣщало лѣсъ; играло на стволахъ, на изумрудныхъ мхахъ, на весенней хвоѣ, вспыхивало росою въ придорожныхъ травинкахъ. Цвѣли подснѣжники, всюду разсыпаны были ихъ бѣлые, нѣжныя звѣзды. Переливаясь, волнами, шумѣль въ вѣтвяхъ вѣтеръ.

Я взглянуль на Марію Федоровну. Она молча глядѣла вдаль, чутъ щурясь отъ солнца.

— Ты помнишь, прошлымъ лѣтомъ мы сидѣли въ паркѣ? Былъ такой чудесный жаркій день. Ты помниншь? — спросилъ я.

— Помню.

— Ты говорила, что все кругомъ — чужое, и намъ было и пусто, и страшно... А теперь? Тебѣ не страшно, Марія? Впереди, вѣдь, одна неизвѣстность...

Она взглянула на меня съ ясной улыбкой:

— Ты же знаешь, Алеша... мы оба знаемъ, что «въ тѣни крылья» ничто не страшно.

20 V 1932.

